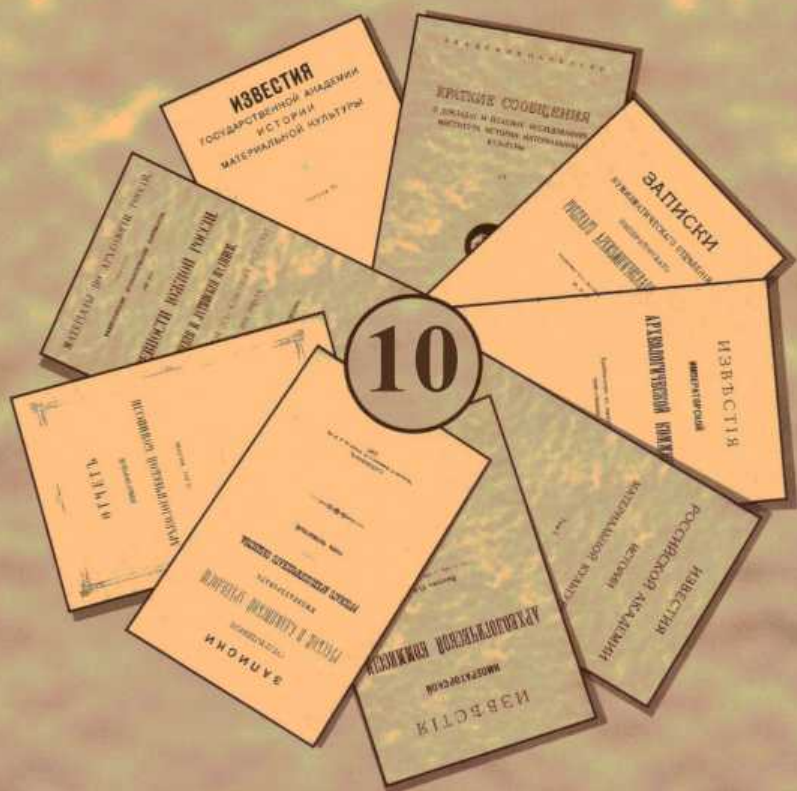

ЗАПИСКИ ИИМК ДАХ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

N 10

St. Petersburg

2014

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 10

С.-Петербург

2014

БКБ 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2014.
№ 10. 208 с.

ISSN 2310-6557

ISBN 978-5-86007-781-2

Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg: «DMITRY BULANIN»,
2014. N 10. 208 p.

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (ответственный редактор), В. А. Алёшкин, С. В. Белецкий,
Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель отв. редактора)

Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vish-
nyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor)

Рецензенты: доктор исторических наук Ю. Е. Березкин, кандидат исторических наук С. А. Кулаков

Editorial referees: Doctor of Historical Sciences Yu. E. Berezkin, Candidate of Historical Sciences S. A. Kulakov

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стёганцева

Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva

В № 10 «Записок ИИМК РАН» представлены научные работы, отражающие новейшие открытия и исследования в области археологии и древней истории. В статье В. В. Питулько и Е. Ю. Павловой рассмотрены новые свидетельства расселения человека в Сибирской Арктике в финальном плейстоцене. В. Б. Бахшалиев, Т. И. Ахундов, А. Д. Резепкин, В. А. Трифонов, Д. Абдуллоев, Р. В. Стоянов и А. Эрим-Оздоган впервые вводят в научный оборот новые материалы из памятников Закавказья, Северного Кавказа, Средней Азии и Пропонтиды разных эпох – от энеолита до средневековья. К. Н. Степанова с помощью трасологического метода изучила терочные плитки позднепалеолитической стоянки Чулатово 2. В статье Е. Ю. Захаровой показано значение и роль Костёнковской экспедиции ЛОИА АН СССР в становлении археологии в Воронежском университете. Л. Б. Кирчо систематизировала данные о стратиграфии Ак-депе – одного из ключевых поселений эпохи энеолита-бронзы в Южном Туркменистане. М. Т. Кашуба рассмотрела проблему воинских захоронений в среде оседлого населения на примере погребений с копьями культуры Шолдэнешт на Среднем Днестре. Уникальной находке бронзового котла в Пенджикенте (древний Согд) посвящена работа В. И. Распоповой. В разделе «Хроника» приводится информация о расширенных заседаниях Ученого совета Института, посвященных памяти крупных отечественных исследователей – А. М. Беленицкого и И. Г. Шургая. Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музейщикам, студентам исторических факультетов вузов.

The 10th issue of the «Transactions of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences» contains scholarly works reflecting the newest discoveries and studies in archaeology and ancient history. The paper by V. V. Pitulko and E. Yu. Pavlova presents new evidence of human settlement in the Siberian Arctic region during the Final Pleistocene. V. B. Bakhshaliev, T. I. Akhundov, A. D. Rezepkin, V. A. Trifonov, D. Abdulloev, R. V. Stoyanov and A. Erim-Ozdogan publish new materials from the Trans-Caucasus, North Caucasus, Central Asia, and Black Sea region dating from different periods – from the Eneolithic through the Middle Ages. K. N. Stepanova conducted a use-wear study of grinding slabs from the Late Paleolithic site of Chulatovo 2. The paper by E. Yu. Zakharova is devoted to the role the Kostenki Paleolithic Expedition played in the formation of archaeology in Voronezh State University. L. B. Kircho analyzes the available evidence on the stratigraphy of Ak-depe – one of the key Eneolithic and Bronze Age sites in South Turkmenistan. M. T. Kashuba considers the problem of warriors' graves among sedentary people, as exemplified by the burials with spears of the Şoldāneşti culture in the Middle Dniester region. The paper by V. I. Raspopova is devoted to a unique bronze cauldron found in Penjikent (ancient Sogd). The section of «Chronicles» informs about the extended sessions of the Institute Academic Board dedicated to the memory of A. M. Belenitsky and I. G. Shurgaya. The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

ISSN 2310-6557

ISBN 978-5-86007-781-2

© Институт истории материальной культуры РАН, 2014

© Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2014

© Авторы статей, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>В. В. Питулько, Е. Ю. Павлова.</i> Местонахождения Урез-22 и Озеро Никита: новые свидетельства расселения человека в Сибирской Арктике в финальном плейстоцене	7
<i>К. Н. Степанова.</i> Терочные плитки стоянки Чулатово 2.....	35
<i>Е. Ю. Захарова.</i> Костёнковская палеолитическая экспедиция ЛОИИМК АН СССР и становление археологии на историко-филологическом факультете Воронежского государственного университета (конец 1940-х–1950-е гг.)	49
<i>В. Б. Бахшалиев.</i> Исследование поселения Ашагы Дашарк в контексте изучения куро-аракской культуры	58
<i>Т. И. Ахундов.</i> Алхантепе – поселение начала бронзового века в Азербайджане	78
<i>А. Д. Резепкин.</i> Поселение Новосвободненское на Северо-Западном Кавказе	93
<i>В. А. Трифонов.</i> Дольмен Джубга на Черноморском побережье Кавказа	104
<i>Л. Б. Кирчо.</i> Стратиграфия и относительная хронология поселения эпохи энеолита–бронзы Ак-депе в Ашхабаде (по материалам раскопок А. А. Марущенко и наблюдений и разработок А. А. Ляпина)	132
<i>М. Т. Кашуба.</i> Погребения с копьями культуры Шолдэнешть Среднеднестровского региона (записка о воинских захоронениях в «зонах оседлости»)	147
<i>Р. В. Стоянов, А. Ерим-Оздоган.</i> Коллекция черно- и краснофигурной керамики из раскопок поселения Менекше Чатай в Пропонтиде.....	166
<i>В. И. Распопова.</i> Бронзовый котел из Пенджикента	180
<i>Д. Абдуллоев.</i> Археологические исследования мечети Машад-Ата в Туркменистане	189

ХРОНИКА

<i>В. А. Алёкишин.</i> Расширенное заседание Ученого совета и Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, посвященное 110-летию со дня рождения А. М. Беленицкого (1904–1993) – крупнейшего исследователя в области средневековой археологии Центральной Азии	199
<i>В. А. Горончаровский, С. В. Кашаев.</i> Расширенное заседание Ученого совета и Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное памяти И. Г. Шургая (1934–1982).....	203
Список сокращений.....	205
Список авторов статей, опубликованных в «Записках ИИМК РАН», № 10	207

CONTENTS

RESEARCH PAPERS

<i>V. V. Pitulko, E. Yu. Pavlova.</i> Urez-22 and Lake Nikita sites: new evidence of human dispersal in Siberian Arctic in Terminal Pleistocene.....	7
<i>K. N. Stepanova.</i> Grinding slabs from Chulatovo 2.....	35
<i>E. Yu. Zakharova.</i> Kostenki Paleolithic Expedition of the Leningrad Branch of the Institute for the History of Material Culture of the Academy of Sciences of the USSR and the establishment of archaeology at the History and Philology Department of the Voronezh State University (late 1940 ^{es} –1950 ^{es}).....	49
<i>V. B. Bakhshaliev.</i> Settlement of Ashagy Dashark in the context of the study of the Kura-Araxes culture.....	58
<i>T. I. Akhundov.</i> Alkhantepe – an Early Bronze Age settlement in Azerbaijan	78
<i>A. D. Rezepkin.</i> Novosvobodnaya settlement in the Northwestern Caucasus	93
<i>V. A. Trifonov.</i> Dzhugba dolmen on the Caucasian Black Sea shore.....	104
<i>L. B. Kircho.</i> Stratigraphy and relative chronology of the Eneolithic–Bronze Age settlement of Ak-depe in Ashgabat (based on the materials from A. A. Marushchenko’s excavations, as well as A. A. Lyapin’s observations and considerations).....	132
<i>M. T. Kashuba.</i> Şoldâneşti culture burials with spears in the Middle Dniester region (note of warriors’ graves in the «zones of sedentary settlement»)	147
<i>R. V. Stoyanov, A. Erim-Ozdogzn.</i> Collection of black-figured and red-figured pottery from the excavations of the Menekse Çataği settlement in Propontis	166
<i>V. I. Raspopova.</i> Bronze cauldron from Penjikent.....	180
<i>D. Abdulloev.</i> Archaeological investigations of the Mashad-Ata Mosque in Turkmenistan	189

CHRONICLE

<i>V. A. Alekshin.</i> Extended session of the Academic Board and Department of Archaeology of Central Asia and Caucasus, dedicated to the 110 th birth anniversary of Alexander Markovich Belenitsky (1904–1993) – the leading expert in the field of Medieval archaeology of Central Asia.....	199
<i>V. A. Goroncharovsky, S. V. Kashaev.</i> Extended session of the Academic Board and Department of the History of Classical Culture of IHMC RAS dedicated to the memory of I. G. Shurgaya (1934–1982)	203
List of abbreviations.....	205
List of authors.....	207

СТАТЬИ

МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ УРЕЗ-22 И ОЗЕРО НИКИТА: НОВЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА РАССЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В СИБИРСКОЙ АРКТИКЕ В ФИНАЛЬНОМ ПЛЕЙСТОЦЕНЕ

В. В. ПИТУЛЬКО, Е. Ю. ПАВЛОВА

Ключевые слова: *Сибирская Арктика, палеолит, мамонт, охота, микропластинки.*

Keywords: *Siberian Arctic, Paleolithic, mammoth, hunting, microblades.*

Западная часть Яно-Индибирской низменности, где в последние годы открыто несколько новых археологических памятников палеолитического возраста, весьма перспективна для продолжения поисков таких объектов. В этом отношении важным является обилие остатков плейстоценовой фауны, тысячелетиями служившей субстратом для расселения человека, в том числе и в арктической области Сибири. Так в ближайшей окрестности п-ва Широкостан в последние десятилетия было открыто, преимущественно в долине р. Максунуоха, несколько трупов ископаемых животных, в основном мамонтов. Всего таких находок девять, включая Санга-Юряхского мамонта, исследованного еще в начале прошлого века (Воллосович 1909). Они имеют разный геологический возраст (Лазарев 2008). В основном это находки каргинского времени, но есть и сарганские – например, Юкагирский мамонт (Боескоров и др. 2007). В их число входит и Максунуохский мамонт, извлеченный в 2002 г. непосредственно на археологическом местонахождении Озеро Никита (Лазарев, Репин 2003). Столь значительная концентрация находок ископаемых трупов плейстоценовых животных, вероятнее всего, связана не с какой-то прошлой или настоящей особенностью района или спецификой тафономических условий, а только лишь с неуклонным мониторингом местности, совершаемым местными жителями при поисках и добыче бивней мамонтов.

В ходе подобных мероприятий были встречены свидетельства прошлой деятельности человека в северо-западной части Яно-Индибирской низменности. Как правило, они обнаруживаются вблизи массовых скоплений костных остатков мамонтов. В принципе каждое такое скопление само по себе, независимо от

признаков присутствия человека в виде артефактов, следов огня и т. п., может быть свидетельством его прошлой деятельности (Питулько и др. 2013а; 2013б).

Своевременно полученные сведения позволили организовать разведку двух подобных объектов – местонахождений Озеро Никита (NKL) и Урез-22 (MKR/U22). Оба объекта располагаются в долине р. Максунуоха (рис. 1) – небольшого водотока, впадающего в море Лаптевых, в Селляхскую губу, в 15 км к С от пос. Юкагир. Первичное посещение местонахождения NKL было предпринято в 2011 г. (Питулько 2012), однако работы по его изучению удалось осуществить только в 2013 г. (Питулько 2014).¹ На местонахождении MKR/U22 в 2012 г. побывала группа палеонтологов (Fisher et al. 2013), в результате чего удалось установить координаты точки и подтвердить ранее полученную нами информацию о наличии там археологического материала.

Местонахождение Урез-22 (MKR/UR22) расположено в верховьях ручья Бульчут-Юрюете, небольшого левого притока р. Максунуоха, впадающего в нее примерно в 7 км от местонахождения (рис. 1). Координаты местонахождения 71°42'44,5" с. ш. 141°12'48,4" в. д. На исследованном участке ручей течет с ЮЗ на СВ.

Район местонахождения Урез-22 представляет собой плоскую водораздельную поверхность, покрытую бедной растительностью, обычной для открытых пространств арктической тундры. Абсолютные высотные отметки данной поверхности лежат в интервале 50–60 м. В этот уровень врезаны котловины термокарстовых озер – как существующих, так и спущенных (аласов), а также довольно густая овражно-долинная сеть, активно развивающаяся и в настоящее время вследствие деградации многолетней мерзлоты и проявления термоденудационных и термоэрозионных процессов.

Местонахождение Урез-22 приурочено к левому борту руч. Бульчут-Юрюете (рис. 2), где на протяжении ряда лет местными жителями велись поиски бивней. Узкая оврагоподобная долина ручья характеризуется асимметричным V-образным поперечным профилем с крутым правым берегом и относительно пологим левым. Асимметрия долины задана южной экспозицией левого борта ручья на данном участке. В результате деятельности, связанной с поисками бивня, в основании склона появились следы размывов различной степени давности.

Относительно пологий склон под углом 15,5° поднимается от тальвега к водораздельной поверхности на расстояние 300 м. На поперечном профиле склона на расстоянии 28 м и на относительном превышении от тальвега 8 м (абсолютная

¹ Исследования в долине р. Максунуоха были проведены в августе 2013 г. в рамках очередного этапа исследовательского проекта «Жохов-2000». Начиная с 2000 г. эти работы поддерживаются научно-исследовательским неправительственным фондом Rock Foundation (Нью-Йорк, США), программой фундаментальных исследований Президиума РАН № 33 (проект 1.11), Российским фондом фундаментальных исследований (проект РФФИ-офи-м № 13-06-12044). Программа поисковых работ 2013 г. была осуществлена исключительно благодаря поддержке, оказанной г-ном Ф. Паульсеном (Frederik Paulsen). Специальная благодарность Rock Foundation за поддержку, оказанную при выполнении программы ¹⁴C датирования образцов, отобранных из разрезов на местонахождениях Урез-22 и Озеро Никита. Авторы признательны И. Горохову (пос. Юкагир), И. Слепцову (пос. Казачье) и Д. Фишеру (Университет штата Мичиган, США) за предоставление первоначальных сведений о факте находок археологического материала в районе изученных нами объектов. В процессе обработки результатов существенную помощь авторам оказали А. Н. Тихонов (ЗИН РАН, Санкт-Петербург, определение фаунистических материалов), Н. А. Цветкова и А. О. Машезерская (прорисовка археологических предметов), В. Я. Стёганцева (обработка иллюстраций). Отдельная благодарность участникам полевых работ – Л. В. Круглову, П. И. Пульманену, С. О. Ремизову, К. П. Филоненко.

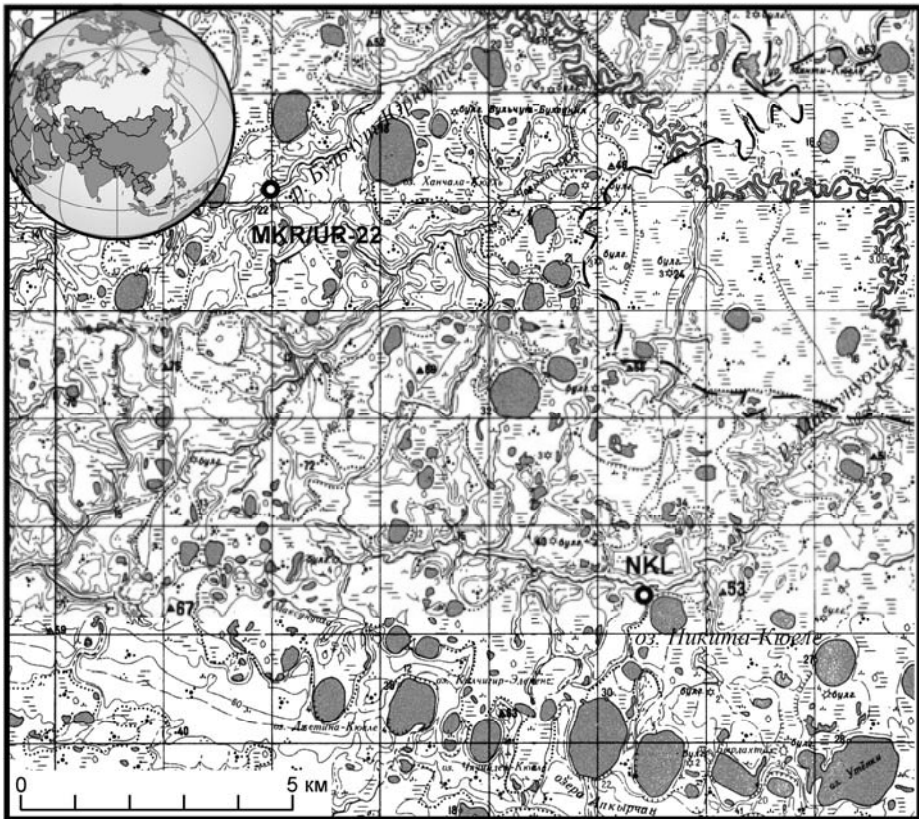

Рис. 1. Карта расположения местонахождений Урез-22 (MKR/UR-22) и Озеро Никита (NKL), пунктирной линией обозначена реконструируемая береговая линия озерного палеоводоёма
 Fig. 1. Map showing the location of Urez-22 (MKR/UR-22) and Lake Nikita (NKL) sites, the dotted line marks the reconstructed coast line of the paleolake

высота 30 м) отмечается слабо выраженный выпуклый перегиб, ограничивающий субгоризонтальную узкую ступень шириной 10–12 м. Вторая, заметно более узкая ступень (5–6 м) отмечается на расстоянии 42 м и на относительном превышении над тальвегом 11,5 м (абсолютная высота 33 м). Далее склон повышается к водораздельной поверхности, и на расстоянии 70 м на относительной высоте 17 м от тальвега (абсолютная высота 38,5 м) отмечается плавный выпуклый перегиб склона, после которого склон выполаживается. Морфология склона определяется строением разреза, изменениями литологии и криологических характеристик отложений. Склон задернован, на нем четко читается байджараховый мезорельеф, обусловленный полигональной сетью повторно-жильных льдов (ПЖЛ), ограничивающих грунтовые столбы (байджарахи). Азимуты простираения сети ПЖЛ: 65° СВ и 15° ЮЗ. Ширина ПЖЛ – 2–4 м, ширина полигонов между ними – 6–7 м.

Техногенные размывы имеют различную площадь и глубину заложения (рис. 2), однако в каждом случае речь определенно идет об удалении размывом

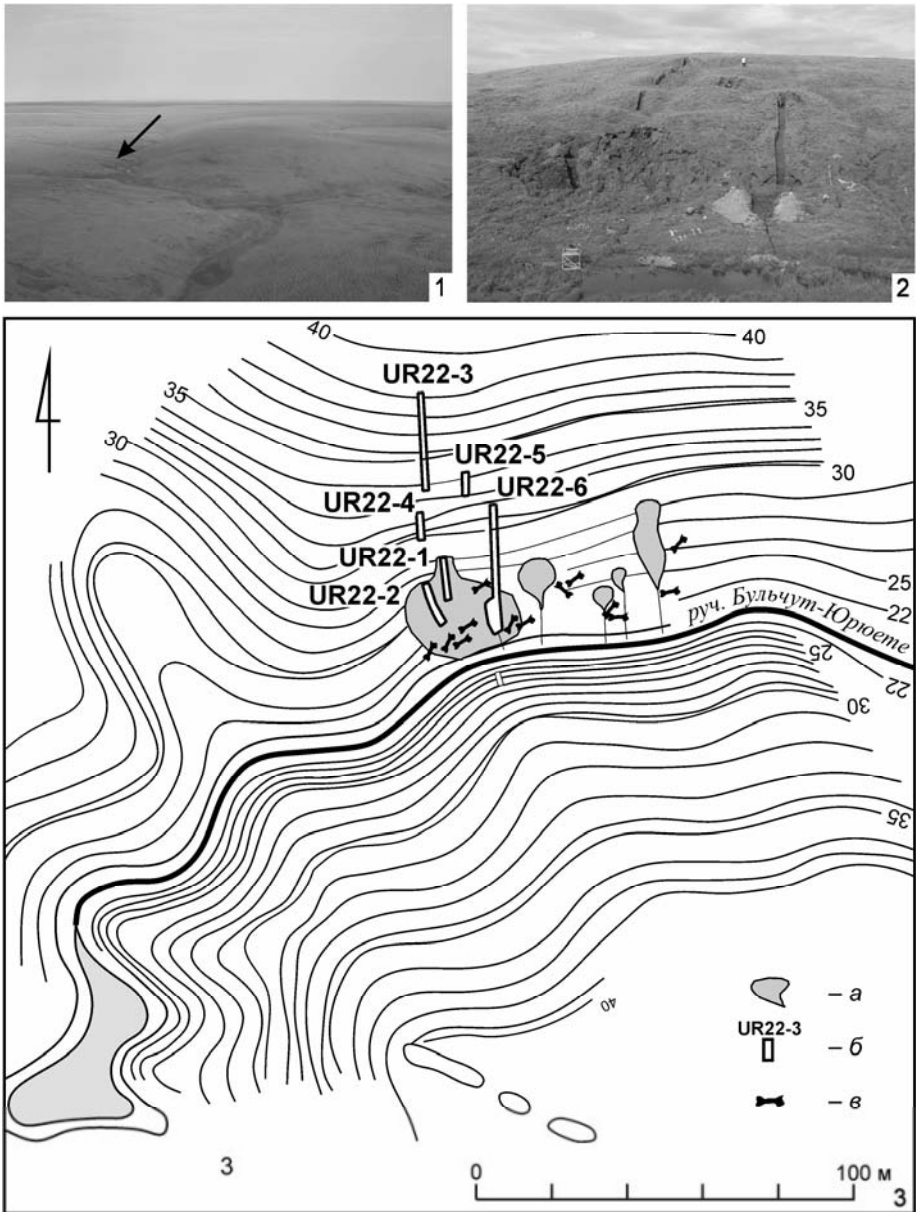

Рис. 2. Местонахождение Урез-22 (MKR/UR-22): 1 – вид с 3 с борта вертолета; 2 – расчистки на левом берегу ручья Бульчут-Юрюете; 3 – план местонахождения (а – размывы, сделанные бивнедобытчиками; б – расчистка и ее номер; в – фаунистические остатки)

Fig. 2. Urez-22 (MKR/UR-22): 1 – view from the west (from helicopter); 2 – test-cleanings on the left bank of the Bul'chug-Yuryuete brook; 3 – plan of the locality (a – wash-outs made by ivoryseekers; б – test-cleaning and its number; в – faunal remains)

первых сотен кубических метров многолетнемерзлых отложений, содержавших костные остатки мамонтов и, видимо, артефакты. Часть размылов задернована, другие имеют оплывшие борта и бровки. Днище оврага и склон усеяны обломками костей мамонтов и шепками бивня, брошенными бивнеискателями как ненужный хлам. На высоте 2–3 м от уреза ручья на протяжении 57 м берега наблюдаются высыпки костей мамонта, выброшенных из размылов. Они образуют шесть концентраций.

По склону водораздельной поверхности, образующей левый борт ручья, на дневной поверхности также встречаются небольшие целые кости мамонтов и обломки крупных костей. По фронту положение этих находок соответствует протяженности области размылов в основании левого борта оврага, а по вертикали они не выходят за пределы горизонтали 33 м (рис. 2). Данные наблюдения были использованы при закладке расчисток. Приуроченность размылов к основанию склона говорит о том, что бивни мамонтов и их костные остатки извлекались бивнеискателями из вторичных концентраций, сформировавшихся в результате длительного действия солифлюкционных и гравитационных процессов, а оригинальный источник материала, если он еще существует в настоящее время, находится выше по склону.

При первичном осмотре участка нами были собраны и систематизированы фаунистические остатки, найденные на поверхности и в приповерхностном залежании в области старых размылов. Встречены остатки почти исключительно мамонтов (табл. 1). Фрагменты диафиза бедренной кости волка (?) и проксимальный обломок лучевой кости северного оленя отличаются от других костей по типу сохранности и, возможно, к комплексу находок плейстоценового возраста не относятся (оба вида обитают на данной территории и в настоящее время).

Т а б л и ц а 1

Состав коллекции из местонахождения Урез-22. Сборы 2013 г.

Наименование	Кол-во
Каменный материал (кварцит)	42
В том числе:	
фрагменты микропластинок	7
осколок плитки тонкозернистого материала с двусторонней ретушью одного из краев	1
Отщепы	34
Фаунистические остатки (кость)	213
В том числе:	
мамонт (из них 17 экз. целых, включая большие берцовые кости без эпифизов)	211
северный олень	1
волк (?)	1
Всего находок	255

Всего учтено около 200 крупных фрагментов и целых костей, среди которых необходимо отметить присутствие заметного количества фрагментов бивней, ребер, фрагментов длинных и плоских костей, с одной стороны, и крайне малое количество позвонков (только фрагменты), костей стопы и единичные фрагменты черепа – с другой. Для коллекции характерна высокая степень фрагментации

большинства длинных и плоских костей. Наблюдается определенная стандартизация размера крупных обломков (30–40 см), что отмечается в значительной серии находок.

Наиболее сохранившимися являются большие берцовые кости мамонтов, из которых 10 частично поддаются промерам (табл. 2), а еще одна относительно крупная кость представлена дистальным обломком. На основании их учета по сторонам тела животного и по несовпадению размерных классов костей можно заключить, что в доступной для изучения выборке представлено не менее 11 животных, среди которых имелись единичные крупные звери. Большинство, однако, принадлежит средним и мелким особям, об этом же говорят и брошенные обломки и щепки бивней – это, преимущественно, относительно прямые бивни некрупных животных, скорее всего, самок.

Очень немногочисленный археологический материал и концентрации мелких фрагментов костей мамонтов были выявлены в основании склона и в отложениях днища оврага в присклоновой области. При расчистке таких шлейфов материала встречаются отщепы кварцита хорошего качества. Это крайне малочисленные находки, представленные отщепами/чешуйками размером 10 мм и менее, вместе с которыми залегают мелкие фрагменты костей, костная крошка, фрагменты современных растений и их корни, что вполне типично для оползневой массы.

В результате промывки на 2 мм сите объемных проб грунта (в общей сложности около 3 м³) было получено около 30 предметов. Из расчисток происходят еще 12 предметов (табл. 1). Помимо мелких отщепов встречены обломки микропластинок с трапециевидным сечением (рис. 3). Они изготовлены из сырья хорошего качества (кварцитоподобный тонкозернистый материал зеленоватого или желтого цвета). Можно утверждать, что сырье происходит из удаленного коренного источника, где оно представлено в форме плитчатых отдельностей, а не гальки (рис. 3, 16). В отложениях ближайшей окрестности местонахождения Урез-22 каменное сырье отсутствует в любой возможной форме.

Микропластинки (рис. 3, 1–6) представлены проксимальными, медиальными и дистальными фрагментами, все имеют трапециевидное сечение, очень тонкие (1 мм) и узкие (около 2 мм), прямые в профиль, и, очевидно, были довольно короткими (~ 30 мм). Вероятно, они получены в микропризматической отжимной технике, хотя утверждать это с уверенностью невозможно. По размерным характеристикам и морфологии индустрия напоминает несколько более молодой материал из Жоховской стоянки (Питулько и др. 2012). Признаков торцово-клиновидного расщепления здесь не имеется. Отщепы/чешуйки (рис. 3, 7–15) все малого размера, как правило, 10 мм и менее, редко больше, тонкие, короткие, более всего похожи на продукт модификации ядрищ и/или приострения рабочих краев орудий. Многие из них фрагментированы. Единственный относительно крупный предмет из камня (рис. 3, 16) представляет собой осколок плитки кварцита, на которой двусторонней ретушью было оформлено ребро или лезвие. Ни форму, ни назначение предмета определить невозможно.

Эта небольшая, но интересная коллекция получена, к сожалению, из вторичных или даже «третичных» концентраций материала, последовательно перемещавшегося от оригинального источника вниз по склону, где он оказался включен в делювиально-пролювиальные отложения днища оврага вместе с костными остатками мамонтов. Эту коллекцию дополняют 149 мелких отщепов, собран-

ных в разные годы И. Гороховым и Д. Фишером в старых желобах стока, оставшихся после размыва основания склона добытчиками бивня. Состав коллекции указывает на стабильное использование того же вида сырья и, кроме того, позволяет заметить, что все отщепы имеют на дорсальной поверхности следы двух и более снятий. Такие мелкие, тонкие чешуйки, часто имеющие неправильные вытянутые очертания, могли быть получены при модификации каких-то уже сформированных вторичной обработкой предметов/изделий.

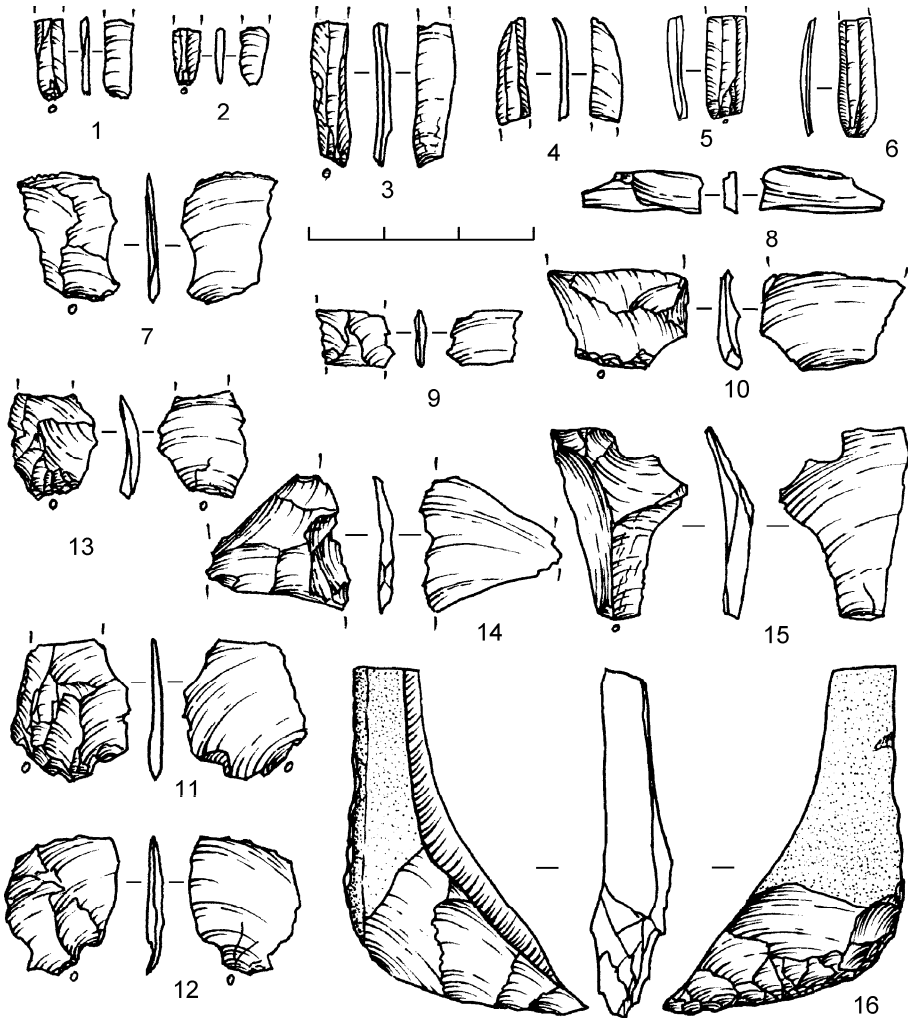

Рис. 3. Местонахождение Урез-22 (МКР/УР-22): 1–6 – фрагменты микропластинок; 7–15 – мелкие отщепы и чешуйки, полученные в результате модификации орудий и/или подправки ядрищ; 16 – обломок плитки с начатой двусторонней обработкой
 Fig. 3. Urez-22 (MKR/UR-22): 1–6 – microblade fragments; 7–15 – small and tiny flakes resulting from tool modification and core rejuvenation; 16 – fragment of a plaque with signs of initial bifacial working

Промеры (мм) больших берцовых костей мамонтов из местонахождения Урез-22

(1 – общая длина кости с эпифизами; 2 – длина кости без эпифизов; 3 – ширина медиальной части; 4 – передне-задний диаметр медиальной части; 5 – ширина проксимального эпифиза; 6 – передне-задний диаметр проксимальной части по шву эпифиза; 7 – ширина дистального эпифиза; 8 – передне-задний диаметр дистальной части по шву эпифиза)

Образец	1	2	3	4	5	6	7	8	Сторона	Примечание
UR22-M1	–	540	97	87	204	153/101	146	122	левая	без эпифизов, реконструируемая длина 600 мм
UR22-M2	–	412	94	80	–	–	138	122	левая	без эпифизов, верхняя часть обломана
UR22-M3	–	428	74	68	143	127/73	112	107	левая	без эпифизов
UR22-M4	–	400	71	61	144	116/67	111	95	левая	без эпифизов
UR22-M5	–	480	93	89	176	157/98	151	115	левая	без эпифизов
UR22-M6	–	(363)	82	73	148	113/80	–	–	левая	без эпифизов, нижняя часть обломана
UR22-M7	610	500	97	85	202	182/119	170	133	правая	целая, с приросшими эпифизами
UR22-M8	(567)	500	98	86	200	155/108	156	117	правая	с верхним эпифизом
UR22-M9	–	(402)	~ 89	~ 71	~ 163	104/91	–	–	правая	плохой сохранности, сильно выветренная, без эпифизов, нижняя часть обломана
UR22-M10	–	261	51	42	101	81/72	75	79	правая	без эпифизов, маленький мамонт
UR22-M11	–	–	–	–	–	–	–	–	левая	дистальный обломок

Радиоуглеродные датировки местонахождения Урез-22 (МКР/U22)

№ п/п	Образец	Место отбора	Условия отбора	Материал	Фракция	Возраст	Индекс лаборатории
1	UR22-IS	Зона размывов	подъемный материал	стержневидная заготовка из бивня мамонта	коллаген	12420 ± 50	Beta-362950 (датировка AMS ¹⁴ C)
2	UR22-2/40	Расчистка 2, низ разреза	24,9 м	торф	растительные остатки	28500 +1000/-800	Ле-10107
3	UR22-5/42	Расчистка 5	32,9 м	торф	растительные остатки	>27000	Ле-10108
4	UR22-3С/8а	Расчистка 3С, верхняя часть разреза	34,65 м	торф	растительные остатки	31800 +1900/-1500	Ле-10109
5	UR-22 6/4	Расчистка (ловушка на кровле ПЖЛ)	30,9 м	фрагмент верхней челюсти мамонта (стенка пазухи бивня)	коллаген	11700 ± 160	Ле-10189

С целью поиска первоначальной концентрации материала и изучения геологии отложений на левом борту оврага была поставлена серия из пяти расчисток (рис. 4), которыми пройдено в общей сложности 15,5 м разреза по вертикали. Все они были неоднократно зачищены до мерзлых, залегающих *in situ* отложений. Расчистками вскрыты каргинские отложения основного тела водораздельной поверхности и вложенные в них отложения термокарстовых образований более молодого возраста.

На основании полевых наблюдений, оценки взаимоотношений элементов современного рельефа, оценки взаимоотношений элементов разреза, вскрытых расчистками (рис. 4), и имеющихся результатов датирования (табл. 3) может быть реконструирована постдепозиционная история археологического материала, найденного в пункте MKR/U22, и предложена оценка его возраста.

Четвертичные отложения, слагающие разрез местонахождения UR22, представляют собой следующую последовательность (рис. 4, 5).

Пачка I – отложения, слагающие водораздельную поверхность, – ледовый комплекс. Они вскрыты в расчистках UR22-3 и UR22-5 и представлены сингенетично промерзшими песчанистыми алевритами и глинистыми алевритами с тонкими корешками растений в прижизненном положении. В пачке развита полигональная сеть мощных (шириной 2–4 м) сингенетичных ПЖЛ первой генерации, ограничивающих грунтовые столбы шириной 6–7 м. Полигональная сеть четко прослеживается в мезорельефе. В верхней части пачки развиты ПЖЛ второй генерации шириной 15–30 см, образующие наложенную сеть мелких полигонов, не выраженных в рельефе. В верхней части пачки отмечаются мало-мощные горизонты с морозобойными трещинами и мелкими жилками. Видимая вскрытая мощность пачки I – 7 м. Радиоуглеродное датирование верхней части отложений показало возраст > 27000 ^{14}C л. н. (Je-10108) и $31800 + 1900/-1500$ ^{14}C л. н. (Je-10109). Возраст пачки I – поздний плейстоцен.

Пачка II – нижний горизонт отложений аласного комплекса, представленный таберальными образованиями – осадками протаявшего ледового комплекса, вскрыт в нижней части расчисток UR22-2, UR22-6. Он сложен пылеватыми алевритами с линзами органики и характеризуется массивной и атакситовой криотекстурой. Видимая мощность вскрытых отложений пачки II составляет около 1,5 м. Радиоуглеродная датировка линзы торфа с контакта таберальных образований и вышележащих озерно-болотных отложений показала возраст $28500 + 1000/-800$ ^{14}C л. н. (Je-10107). Возраст пачки II – конец позднего плейстоцена.

Пачка III – верхний горизонт отложений аласного комплекса вскрыт расчистками UR22-4 и UR22-6. Верхняя часть аласного комплекса представлена озерно-болотными отложениями, мощность которых составляет около 7 м. Эти осадки образованы высокольдистыми пылеватыми существенно обогащенными органикой алевритами с прослойками растительного детрита, линзами торфа, веточками и корешками кустарниковой растительности. Для различных прослоев этих отложений характерна сетчато-шлировая, шлировая и массивная криотекстура. Характерной особенностью осадков является присутствие горизонтальных прослоев озерного льда мощностью 0,3–0,5 м, маркирующих существование мелководного озерно-болотного термокарстового водоема. Отложения содержат рассеянные костные остатки мамонтов. Для фрагмента верхней челюсти

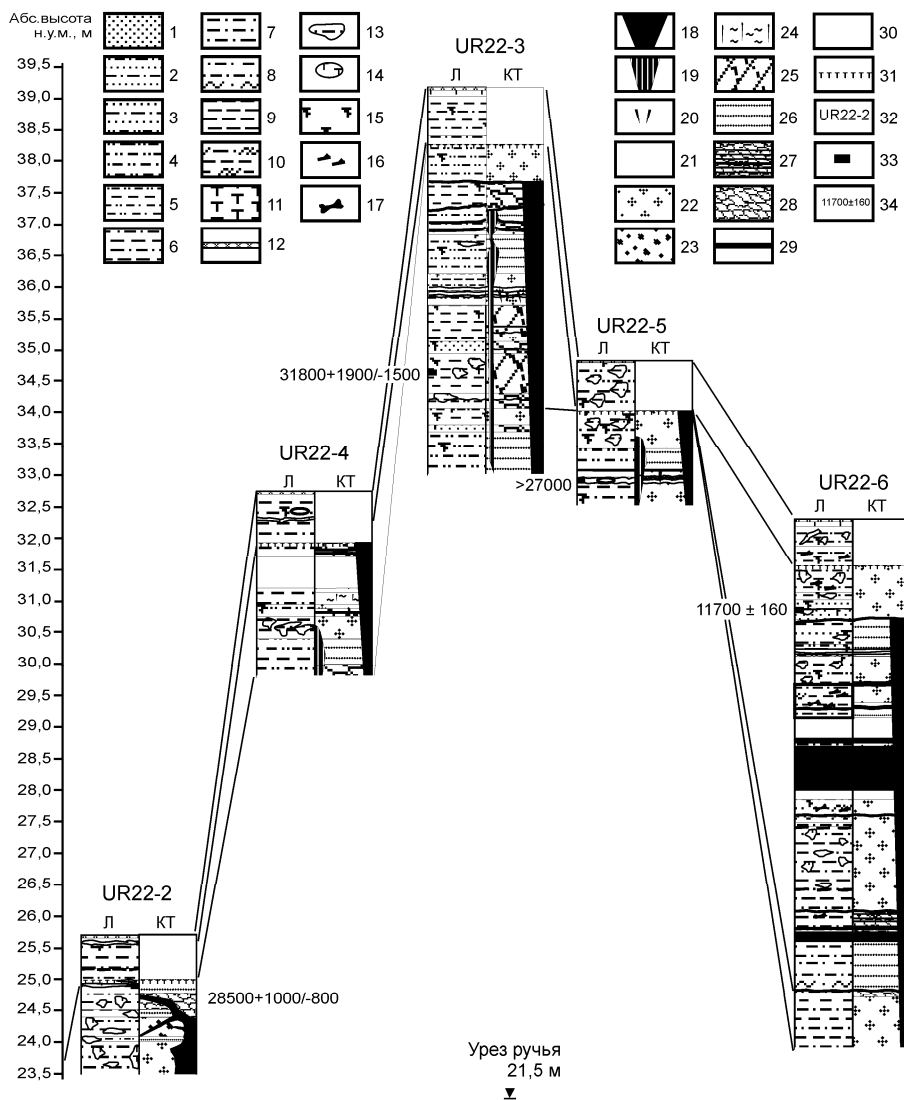

Рис. 4. Местонахождение Урез-22 (MKR/UR-22), сводная схема литостратиграфических колонок расчисток. Литология (Л): 1 – тонкозернистый песок; 2 – тонкозернистый песок с алевритом; 3 – тонкозернистый песок с прослойками песчано-глинистого алеврита; 4 – песчаный алеврит; 5 – глинисто-песчаный алеврит; 6 – песчано-глинистый алеврит; 7 – алеврит; 8 – алеврит с прослойками органики; 9 – глинистый (пылеватый) алеврит; 10 – глинистый органогенный алеврит; 11 – торф; 12 – почвенно-растительный слой; 13 – линза алеврита; 14 – линза торфа; 15 – тонкие корешки в прижизненном положении; 16 – веточки; 17 – фаунистические остатки. Криотекстуры (КТ): 18 – ПЖЛ первой генерации; 19 – ПЖЛ второй генерации; 20 – мелкие жилки льда; 21 – озерный лед; 22 – массивная; 23 – порфиридная; 24 – неполнослоистая неполношпиривая; 25 – неполносетчатая неполношпиривая; 26 – слоистая шпиривая; 27 – сетчато-слоистая шпиривая; 28 – сетчатая шпиривая; 29 – отдельный шпир льда. Прочие: 30 – СТС; 31 – граница (подошва) СТС; 32 – номер расчистки; 33 – положение образца, датированного по ^{14}C ; 34 – значение ^{14}C датировки (индекс датировки – табл. 3)

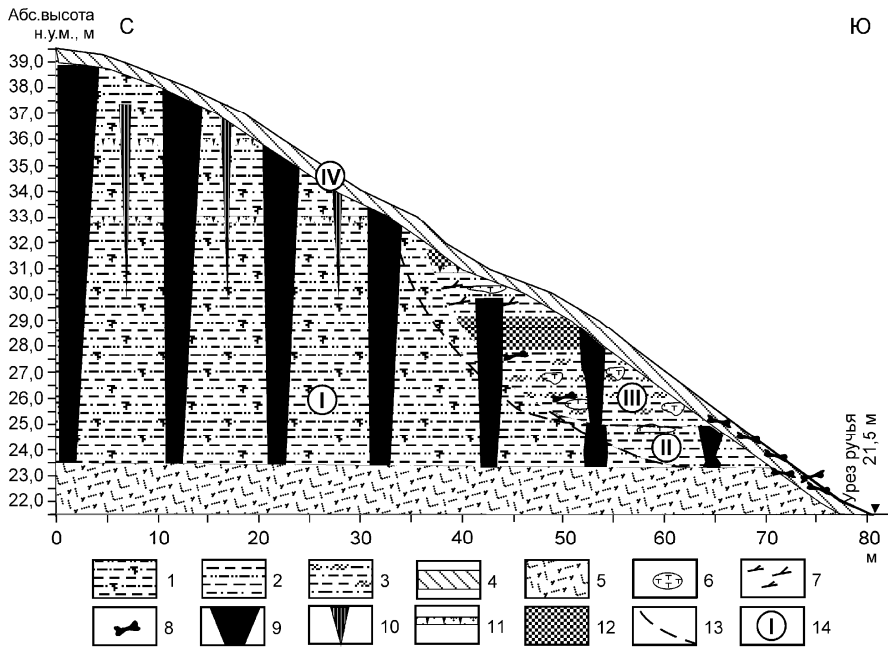

Рис. 5. Реконструированный поперечный геологический профиль левого берега ручья Бульчут-Юрюете в местонахождении Урез-22 (MKR/UR-22): 1 – отложения ледового комплекса, представленные сингенетично промерзшими песчанистыми алевритами и глинистыми алевритами с тонкими корешками растений в прижизненном положении; 2 – таберальные образования – осадки протаявшего ледового комплекса, представленные пылеватыми алевритами с линзами органики; 3 – озерно-болотные отложения, представленные высокольдистыми пылеватыми существенно обогащенными органикой алевритами с прослойками растительного детрита, линзами торфа, веточками и корешками кустарниковой растительности; 4 – солифлюкционные отложения, представленные пятнистыми глинистыми и песчаными алевритами с линзами алевритов и торфа; 5 – неэкспортированная часть разреза; 6 – линзы торфа; 7 – ветки и корни кустарников; 8 – фаунистические остатки; 9 – ПЖЛ первой генерации; 10 – ПЖЛ второй генерации; 11 – горизонт с мелкими жилками льда; 12 – озерный лед; 13 – реконструированное положение дна озерного водоема; 14 – номер пачки

Fig. 5. Reconstructed transverse section of the left bank of the Bul'chut-Yuryuete brook at the Urez-22 (MKR/UR-22) site: 1 – sediments of ice complex, represented by contemporaneously frozen sandy silts and clayey silts with thin roots in original position; 2 – taberal formations – sediments of the thawed ice complex, represented by powdery silts with organic lenses; 3 – lacustrine-paludal deposits, represented by powdery silts with high contents of ice and organics, intercalated with vegetable detritus, and containing also peat lenses, twigs and shrub roots; 4 – solifluction deposits, represented by mottled sandy and clayey silts with peat lenses; 5 – unexposed part of the section; 6 – peat lenses; 7 – twigs and shrub roots; 8 – faunal remains; 9 – first generation ice wedges; 10 – second generation ice wedges; 11 – horizon with thin ice veins; 12 – lake ice; 13 – reconstructed position of the lake bottom; 14 – bed number

Fig. 4. Geological structure of Urez-22 (MKR/UR-22). Lithology (L): 1 – fine-grained sand; 2 – fine-grained sand with silt; 3 – fine-grained sand with clayey-sandy silt bands; 4 – sandy silt; 5 – clayey-sandy silt; 6 – sandy-clayey silt; 7 – silt; 8 – silt with organic bands; 9 – clayey (powdery) silt; 10 – clayey silt with high content of organic matter; 11 – peat; 12 – soil and vegetation cover; 13 – silt lens; 14 – peat lens; 15 – thin roots in original (lifetime) position; 16 – twigs; 17 – faunal remains. Cryogenic structures (CS): 18 – first generation ice wedges; 19 – second generation semi ice wedges; 20 – thin ice veins; 21 – lake ice; 22 – massive; 23 – porphyritic; 24 – semi-laminated semi-schlieren; 25 – semi-reticulate semi-schlieren; 26 – laminated schlieren; 27 – reticulate-laminated schlieren; 28 – reticulate schlieren; 29 – single ice schlier. Other: 30 – seasonally-thawing layer; 31 – bottom of the seasonally-thawing layer; 32 – test-cleaning number; 33 – position of ¹⁴C sample; 34 – age of ¹⁴C sample

мамонта (стенка пазухи бивня) из расчистки UR22-6 (абсолютная отметка 30,9 м) получена радиоуглеродная датировка 11700 ± 160 ^{14}C л. н. (Ле-10189). Приуроченность этих остатков к отложениям пачки III говорит о том, что изначально отложенный на водораздельной поверхности материал вследствие развития термокарстовых процессов оказался включен в отложения термокарстового озерно-болотного водоема. Возраст пачки III – конец позднего плейстоцена – начало голоцена.

Пачка IV – склоновые отложения. Они вскрыты повсеместно в верхних частях расчисток и представляют собой солифлюкционные отложения, представленные пятнистыми глинистыми и песчаными алевритами с линзами алевритов и торфа. В пачке содержатся рассеянные костные остатки, образующие шлейфы у подножья склона. Возраст пачки IV – голоцен.

Формирование отложений пачки I проходило во второй половине позднего плейстоцена в довольно суровых, но стабильных условиях водораздельной поверхности, о чем свидетельствует развитие мощных ПЖЛ первой генерации. Формирование ПЖЛ второй генерации было вызвано усилением похолодания в сарганском криохроне. На отдельных этапах суровость условий приводила к формированию горизонтов с мелкими морозобойными трещинами и мелкими жилками. На основании имеющихся датировок костных остатков мамонтов можно полагать, что возраст эпизода человеческой деятельности составляет около 12500 л. н. (табл. 3).

Развитие термокарстовых процессов на рубеже плейстоцена в начале голоцена привело к активному разрушению мощной многолетнемерзлой толщи (пачка I), протаиванию отложений ледового комплекса – формированию горизонта таберированных отложений (пачка II) и образованию термокарстового озерно-болотного водоема, в котловину которого были перезахоронены костные остатки мамонтов и следы человеческой деятельности в виде каменных артефактов (пачка III). Последующее формирование гидросети, заложение русла ручья Бульчут-Юрюете вызвало спуск озера, обеспечило дренаж территории и стабилизацию в развитии термокарстовых процессов. Перезахороненный антропогенный материал, оказавшийся в пределах сезонно-талого слоя, постепенно перемещался вниз по склону с образованием вторичных концентраций в ловушках на узлах полигонов. Многократное повторение этого процесса привело к концентрации материала у основания склона, в отложениях пачки IV.

Таким образом, можно заключить, что оригинальное положение горизонта с находками не может быть установлено, поскольку сам горизонт прекратил свое существование в финальном плейстоцене на раннем этапе преобразования многолетнемерзлых отложений термическими процессами, после 11700 л. н. В голоцене формировались отложения, в которые был включен уже переотложенный археологический материал.

Несмотря на невозможность определения первоначального положения культурного слоя, возраст и облик археологического материала понятны, и в этом смысле изученное местонахождение Урез-22 представляется весьма важным источником информации о расселении человека в Сибирской Арктике и особенностях его культуры. На основании датировок костных остатков мамонта можно заключить, что, вероятнее всего, комплекс сформировался в интервале 12420 ± 50 (Beta-362950) – 11700 ± 160 (Ле-10189) ^{14}C л. н. На данный момент это наиболее

северный из известных памятников эпохи палеолита, однако гораздо важнее то, что в его материалах впервые для Сибирской Арктики документировано распространение микропластинчатой индустрии доголоценового возраста.

Местонахождение Озеро Никита (NKL) находится в 400 м к СЗ от северного берега оз. Никита на правом берегу р. Максунуоха (рис. 1). Географические координаты местонахождения 71°34'56,5" с. ш. и 141°37'03,5" в. д. (Питулько и др. 2013б).

Река Максунуоха в верхнем течении сильно меандрирует, имеет узкую, относительно глубокую долину с V-образным поперечным профилем, что указывает на наличие водоупорного горизонта и на быстрый врез, совершившийся в течение короткого времени. Это тихая речка со слабым течением и канавообразным руслом. В вершинах меандр часто имеются ложбины, образованные короткими временными водотоками, в естественных обнажениях бортов которых вскрываются аллювиальные отложения, выдержанные по уровню залегания. Такая ложбина разделяет местонахождение Озеро Никита на северный и южный участки (рис. 6).

Еще в конце 1990-х гг. стало известно о находке относительно полного скелета мамонта в верховьях р. Максунуохи в районе оз. Никита. В 2002 г. была проведена экспедиция для его извлечения, попутно было отмечено, что в месте находки у берегового склона имеются и другие, довольно многочисленные костные остатки мамонтов, бизона и лошади. Относительно мамонтов было отмечено, что костные остатки принадлежат не менее чем 5 особям (Лазарев, Репин 2003). Максунуохский мамонт, судя по опубликованным данным, был извлечен из южного участка местонахождения.

Впоследствии местонахождение сильно пострадало в результате деятельности по добыванию бивня, оно в значительной степени уничтожено размывами, сделанными на нем местными жителями (в основном в 2011–2013 гг.). Вблизи размывов как на северном, так и на южном участках на поверхности во множестве встречаются костные остатки мамонтов и других животных (табл. 4). Это специфически организованная выборка, в которой почти отсутствуют кости стопы мамонта, чрезвычайно мало ребер, преобладают крупные (длинные и плоские) кости и их фрагменты, довольно много щепок бивня. Таким образом, выборка имеет признаки предварительной сортировки, напоминающие те, что были выявлены при работе с костными остатками мамонтов из Янского «кладбища» УММ (Basilyan et al. 2011).

Т а б л и ц а 4

**Местонахождение Озеро Никита (NKL),
состав коллекции фаунистических остатков, сборы 2013 г.**

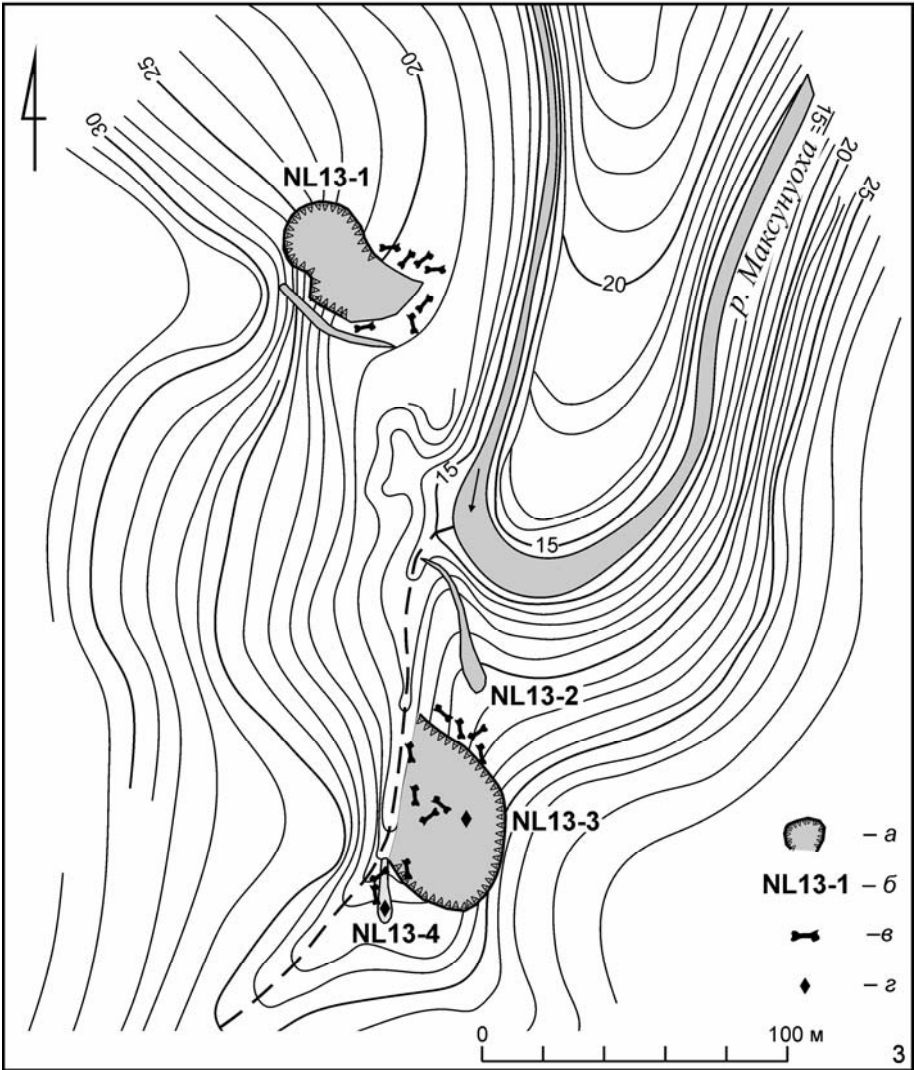
Вид	Количество костей	Количество особей
Бурый медведь	1	1
Волк	5	≥1
Росомаха	1	1
Мамонт	133 (включая искусственные отщепы бивня)	≥10
Бизон	1	1
Лошадь	3	≥1
Северный олень	5	≥1
Птицы	1	1

1

2

3

Следы прошлого антропогенного воздействия на костные остатки мамонтов вполне выразительны. Повреждения на ребрах, по крайней мере частично, связаны с охотой и/или разделкой животных, а одно из ребер имеет сохранившийся в нем фрагмент каменного орудия. Прочие скелетные элементы также имеют многократно повторяющиеся следы повреждений. Характерной формой повреждения тазовых костей является ударное разрушение зоны вертлужных впадин, зафиксированное в регионе и на других объектах палеолитического возраста, в частности, на местонахождении Буор-Хая и Янском «кладбище мамонтов» (Питулько 2014; Pitulko et al. 2014). Нижние челюсти мамонтов также имеют стандартные повреждения – они были с какой-то целью вскрыты с нижней стороны, в результате чего зубы в коллекции представлены единичными экземплярами (впрочем, часть их могла быть вывезена бивнейскаателями в качестве сувениров, что практикуется довольно широко). Однако, судя по сохранности сломов, челюсти были вскрыты до извлечения на поверхность в ходе поисков бивней.

На основании учета наиболее многочисленных костей по сторонам тела, в данном случае тазовых, можно предположить, что в южной и северной зонах местонахождения представлено не менее семи животных различного размера, в основном некрупных. Вблизи размывов в обеих зонах встречены также бедренные кости крупных мамонтов. По размеру они не могут соответствовать ни одной из имеющихся в коллекции тазовых костей, и на этом основании можно предполагать, что число особей в выборке составляет не менее 10. С учетом Максунуохского мамонта, извлеченного Лазаревым (Лазарев 2008), и отмеченных тогда же остатков не менее чем пяти мамонтов, можно предполагать, что в целом в выборке представлены кости 16 животных. Дополнительно в 2011 г. нами наблюдались костные остатки не менее трех особей (Питулько 2012). Подсчеты, особенно последние, могут частично дублировать друг друга, но могут быть и неполными. Тем не менее речь может идти об остатках примерно 20 мамонтов, найденных на местонахождении в период с 2002 по 2013 г.

Признаки искусственной сортировки костных остатков мамонтов, а также определенная избирательность промысла (были добыты преимущественно некрупные животные, вероятно, самки, судя по встреченным обломкам некрупных, относительно прямых бивней), прямые свидетельства охоты на мамонта и утилизации добычи позволяют уверенно говорить о существенном антропогенном вкладе в формирование комплекса. Об этом же свидетельствуют костные остатки хищников, редко встречающиеся в естественных условиях. В фаунистическом комплексе местонахождения NKL они представлены тремя видами (табл. 4), а их радиоуглеродный возраст практически идентичен.

Для местонахождения Озеро Никита (NKL) получен ряд радиоуглеродных датировок, позволяющих оценить возраст вмещающих отложений, фаунистических остатков и археологического материала (табл. 5). Лишь одна из них, полу-

Рис. 6. Местонахождение Озеро Никита (NKL): 1 – вид на ЮВ на размыв NL13-1; 2 – вид с СЗ на размывы NL13-2, NL13-3, NL13-4; 3 – план местонахождения (а – размывы, сделанные бивнедобытчиками; б – номер изученного размыва; в – фаунистические остатки; г – место находки каменного артефакта)

Fig. 6. Lake Nikita site: 1 – wash-out NL13-1, view from NW; 2 – wash-outs NL13-2, NL13-3, NL13-4, view from NW; 3 – plan of the locality (a – wash-outs made by ivoryseekers; б – wash-out number; в – faunal remains; г – stone artifact findspot)

Радиоуглеродные датировки местонахождения Озеро Никита (NKL) по работам 2011 и 2013 гг.

№ п/п	Образец	Место отбора	Условия отбора	Материал	Фракция	Датировка	Индекс лаборатории
1	NL2011	Озеро Никита, р. Муксунуоха, 2011 г.	<i>in situ</i> , из стенки размыва	череп россомахи	коллаген	12050 ± 50	Beta-309157 (датировка AMS ¹⁴ C)
2	NL 13/91	Озеро Никита, 2013 г.	подземный материал	плечевая кость волка	коллаген	11840 ± 50	Beta-362943 (датировка AMS ¹⁴ C)
3	NL 13/22	Озеро Никита, 2013 г.	подземный материал	лучевая кость бурого медведя	коллаген	11880 ± 50	Beta-362942
4	BS11-371-2	Озеро Никита, р. Муксунуоха	подземный материал	тазовая кость северного оленя	коллаген	11870 ± 110	Ле-9501
5	NL13/14	Озеро Никита	подземный материал	лучевая кость северного оленя	коллаген	320 ± 80	Ле-10188
6	NL2011	Озеро Никита, р. Муксунуоха, 2011 г.	<i>in situ</i> , из стенки размыва	зуб мамонта	коллаген	11960 ± 140	Ле-9493
7	NL13/23	Озеро Никита, 2013 г.	подземный материал	ребро мамонта с пробойной	коллаген	11920 ± 50	Beta-362945 (датировка AMS ¹⁴ C)
8	NL13/18(24)	Озеро Никита, 2013 г.	подземный материал	стержневидная заготовка из бивня мамонта	коллаген	19600 ± 80	Beta-362944 (датировка AMS ¹⁴ C)
9	NL13-1/1	Расчистка NL13-1, горизонт остатков хвоей, корней и веток кустарниковых	22,6 м	корни кустарниковых	древесина	11820 ± 60	Ле-10121
10	NL13-1/2	Расчистка NL13-1, горизонт древесных веток	23,56 м	древесные ветки	древесина	11160 ± 40	Ле-10122
11	NL13-1/3	Расчистка NL13-1, верхний горизонт древесных веток	24,5 м	крупный ствол ивы, диаметр – 22 см	древесина	9590 ± 60	Ле-10123
12	NL13-1/4	Расчистка NL13-1, верхний горизонт древесных веток	25 м	обломки древесины	древесина	9400 ± 40	Ле-10124
13	BS11-371-1	Озеро Никита, р. Муксунуоха, <i>in situ</i> , из кожного размыва	22,5 м, расчистка	древесный ствол	древесина	9930 ± 50	Ле-9500

ченная по лучевой кости северного оленя, при сходном с основной массой находок типе сохранности, оказалась существенно более молодой, что лишним раз подтверждает высокий риск получить неадекватную датировку при использовании материала, собранного не *in situ*, в особенности, если речь идет об остатках животного, населяющего регион и поныне.

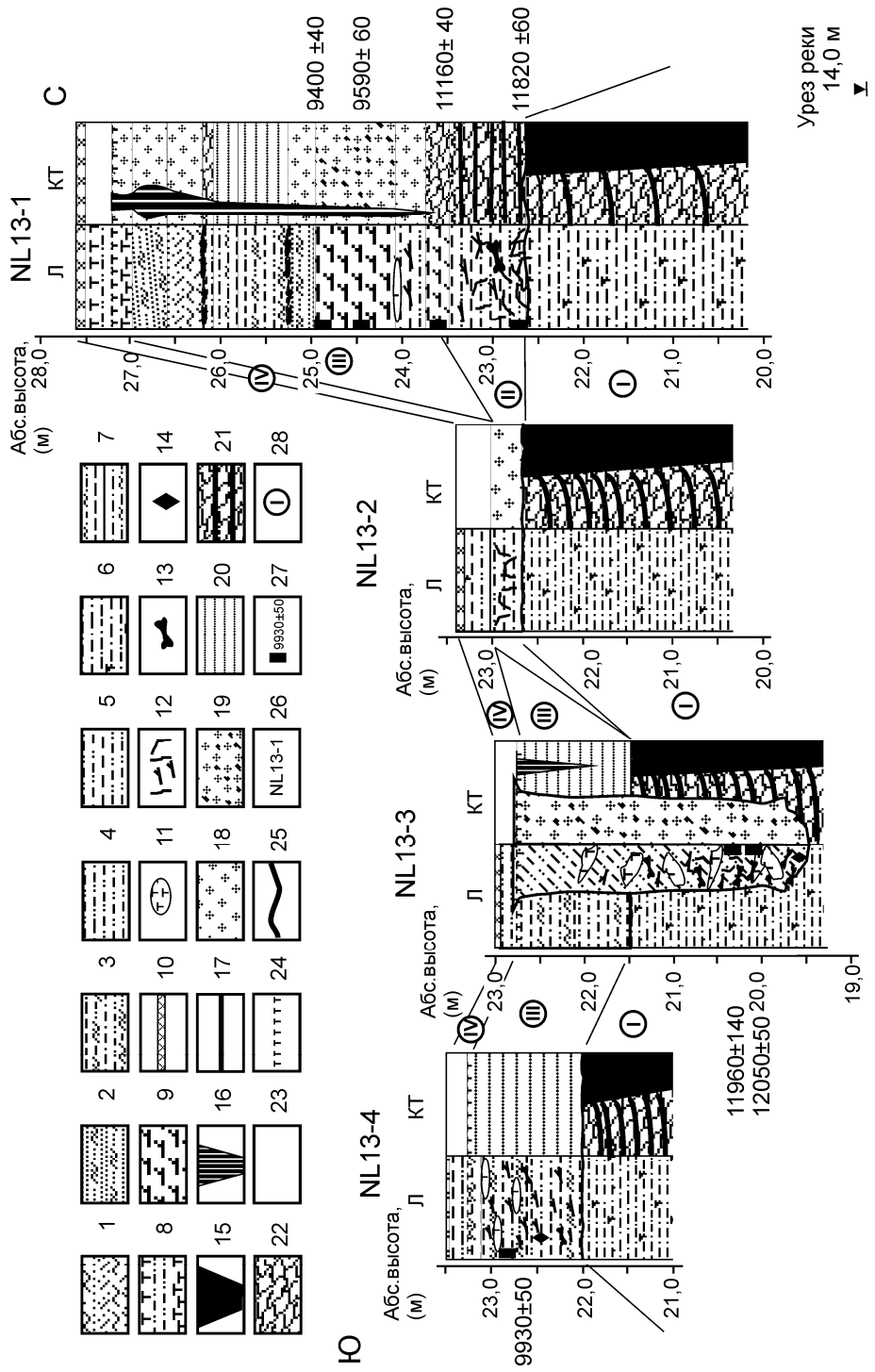
В то же время человеком использовались и отличающиеся по возрасту остатки мамонтов, на что указывает возраст стержневидной заготовки из бивня. Он составил 19600 ± 80 ^{14}C л. н. (Beta-362944). Можно предположить, что человеком был использован материал, поступивший из верхней части отложений, в которые врезалась р. Максунуоха на ранней стадии формирования.

Особенно важной для понимания возраста объекта является датировка ребра мамонта с пробоиной, оставленной каменным орудием, фрагмент которого сохранился внутри кости. Данное стечение обстоятельств позволяет датировать этот эпизод человеческой деятельности фактически впрямую – 11920 ± 50 ^{14}C л. н. (Beta-362945). В целом, время человеческой активности вблизи местонахождения NKL на основании приведенных датировок может быть ограничено интервалом 12050 ± 50 ^{14}C л. н. (Beta-309157) – 11840 ± 50 ^{14}C л. н. (Beta-362943), т. е. занимает всего около 200 лет.

В южной части местонахождения (рис. 6) размывами оказались удачно вскрыты, во-первых, отложения, в которые вложена пачка аллювиальных осадков, вмещающих костные остатки мамонтов и артефакты (размыв NL13-2), а во-вторых, сами эти осадки (стенки размывов NL13-3 и NL13-4). В этих стенках были *in situ* зафиксированы культурные остатки – ребро мамонта с частично сохранившимися мягкими тканями, с нарезками и следами скобления, и каменные остря. Попытка увеличить коллекцию за счет промывки материала на сите оказалась безрезультатна. На местонахождении NKL полностью отсутствуют какие-либо следы производства или модификации орудий, здесь были встречены только законченные изделия.

Изучение четвертичных отложений в размывах, сделанных бивнедобытчиками на южном и северном участках (рис. 6, 7), позволило составить описание сводного геологического разреза местонахождения Озеро Никита. Описание дается снизу вверх.

Пачка I – отложения ледового комплекса, представленные сингенетично промерзшей толщей высокольдистых палево-серых пылеватых алевритов, содержащих тонкие корешки травянистых растений в прижизненном положении. Толща пробита сингенетичным ПЖЛ первой генерации с образованием сети грунтовых полигонов. Лед серого цвета, содержит пузырьки воздуха диаметром 1–2 мм и включения алеврита в виде комочков диаметром 2–3 мм, вытянутые в вертикальные цепочки, образующие вертикально-полосчатую текстуру. Ширина ПЖЛ в верхней части составляет 3–3,5 м, ширина грунтовых столбов (полигонов) – 5 м. Криогенная текстура отложений поясковая волнисто-шлировая и сетчато-шлировая. Пояски мощностью 1–2 см на контакте с ПЖЛ круто (до 90°) задираются вверх, в центральной части грунтового столба лежат горизонтально, расстояние между поясками 8–10 см. Контакт с вышележащим слоем четкий, неровный, термический. Отложения пачки I наблюдаются в нижней части всех изученных размывов. Видимая мощность пачки I около 2,5 м. Возраст отложений пачки I – поздний плейстоцен.

Пачка II – горизонт озерных осадков вскрыт в размывах NL13/1 и NL13/2. Отложения представлены высокольдистыми ритмично-слоистыми глинисто-песчаными и глинистыми алевритами палево-серого цвета с отдельными рассеянными веточками кустарниковых, стеблями и корнями хвощей. Ритмичная слоистость проявляется в слоисто-сетчатой криотекстуре отложений. В них наблюдаются прослой мощностью 15–25 см, характеризующиеся редко-сетчатой криотекстурой, при вытаивании которой образуются мелко-плитчатые глинистые отдельности и разделяющие их субгоризонтальные шлиры льда мощностью 0,5–1 см. В нижней части горизонта (размыв NL13/1) отмечается невыдержанный по простиранию прослой мощностью 4–5 см, образованный несколько повышенной концентрацией веток и корней кустарниковых и корней хвоща, для которого получена радиоуглеродная датировка 11820 ± 60 ^{14}C л. н. (Je-10121) (табл. 5; рис. 7). Для кровли озерных осадков из маломощного прослоя древесных веток получена радиоуглеродная датировка 11160 ± 40 ^{14}C л. н. (Je-10122). Контакт с вышележащим горизонтом неровный, четкий. Мощность пачки II около 1,0 м в размыве NL13/1 и около 0,4 м в размыве NL13/2. Возраст отложений пачки II – конец позднего плейстоцена–начало голоцена.

Пачка III – комплекс аллювиальных отложений, имеющий цикличное строение, вскрыт в размывах NL13/1, NL13/3 и NL13/4. Первый аллювиальный цикл в нижней части представлен в размыве NL13/1 прирусловой фацией завала мощностью 0,7–0,8 м, состоящей из древесных веток, обломков стволов и корней, с линзами рыхлого торфа хорошей сохранности с заполнителем в виде тонкозернистого песка палево-серого цвета. Выше фации завала залегают отложения

Рис. 7. Корреляция четвертичных отложений, изученных по размывам, сделанным бивнедобытчиками на правом берегу р. Максунуоха в местонахождении Озеро Никита (NKL). Литология (Л): 1 – перекрестно-слоистая толща переслаивания прослоек тонкозернистого песка, прослоек алеврита, прослоек растительного детрита; 2 – тонко-, мелкозернистый песок с прослойками растительного детрита; 3 – толща переслаивания прослоек песчаного алеврита, прослоек глинистого алеврита, прослоек растительного детрита; 4 – песчаный алеврит; 5 – глинисто-песчаный и песчано-глинистый алеврит; 6 – алеврит с корешками в прижизненном положении; 7 – толща переслаивания прослоек глинистого алеврита, прослоек глины, прослоек растительного детрита; 8 – толща переслаивания прослоек песчаного алеврита и оторфованных прослоек; 9 – древесные остатки; 10 – почвенно-растительный слой; 11 – линза торфа; 12 – остатки хвощей, ветки, веточки и корни кустарниковых; 13 – фаунистические остатки; 14 – каменное орудие. Криотекстуры (КТ): 15 – ПЖЛ первой генерации; 16 – ПЖЛ второй генерации; 17 – шпир льда; 18 – массивная; 19 гнездовая массивная; 20 – слоистая шпировая; 21 – сетчато-слоистая шпировая; 22 – сетчатая шпировая. Прочие: 23 – СТС; 24 – граница (подошва) СТС; 25 – размыв (термоконтакт); 26 – номер изученного размыва; 27 – положение образца, датированного по ^{14}C и значение ^{14}C датировки (индекс датировки – табл. 5); 28 – номер пачки

Fig. 7. Correlation of the Quaternary deposits studied in the wash-outs made by ivoryseekers on the right bank of the Maksunuokha river, at the Lake Nikita (NKL) site. Lithology (L): 1 – cross-laminated bed of intercalated fine-grained sands, silts, and vegetable detritus; 2 – fine-grained sand with intercalations of vegetable detritus; 3 – intercalated bed of sandy silt, clayey silt, and vegetable detritus; 4 – sandy silt; 5 – clayey-sandy and sandy-clayey silt; 6 – silt with thin roots in original (lifetime) position; 7 – intercalated bed of clayey silts, clays, and vegetable detritus; 8 – intercalated bed of sandy silts and peaty layers; 9 – ligneous remains; 10 – soil and vegetation cover; 11 – peat lens; 12 – remains of horsetail (*Equisetum*), branches, twigs, shrub roots; 13 – faunal remains; 14 – stone tool. Cryogenic structures (CS): 15 – first generation ice wedges; 16 – second generation ice wedges; 17 – ice schlier; 18 – massive; 19 – nested massive; 20 – laminated schlieren; 21 – reticulate-laminated schlieren; 22 – reticulate schlieren. Other: 23 – seasonally-thawing layer; 24 – bottom of the seasonally-thawing layer; 25 – erosion level; 26 – wash-out number; 27 – position of ^{14}C sample and its age; 28 – bed number

прирусловой фации аллювия мощностью 0,3 м, представленные горизонтально-волнисто-слоистым, тонко- мелкозернистым песком с тонкими прослойками тонко перемытого растительного детрита и прослоем перемытых травянистых остатков мощностью 5–8 см в кровле слоя. Первый аллювиальный цикл завершают осадки пойменной фации аллювия, мощность которых составляет около 1,0 м. Они представляют собой горизонтально-волнисто-слоистую толщу переслаивания прослоек песчаных алевритов рыже-палевого цвета мощностью 7–10 мм, прослоек глинистого алеврита серого цвета мощностью 5–10 мм, прослоек перемытого растительного детрита мощностью 5–30 мм, которая сменяется горизонтально-волнисто-слоистой толщей переслаивания прослоек пылевато-глинистых алевритов серого цвета мощностью 1,5–5 см, прослоек глин рыжевато-желтого цвета мощностью 0,5–1 см, тончайших прослоек перемытого растительного детрита бурого цвета мощностью до 1 мм.

В основании второго аллювиального цикла лежат осадки русловой фации, представленные перекрестно-волнисто-слоистой толщей переслаивания прослоек тонко-, мелкозернистого песка палевого цвета мощностью 0,5–1,5 см, прослоек алеврита серого цвета мощностью 0,4–1,0 см, прослоек растительного детрита мощностью 0,4–1,0 см. Мощность руслового аллювия 0,4 м. Выше залегают отложения прирусловой фации мощностью 0,6 м, состоящие из волнисто-слоистой толщи переслаивания прослоек тонко-мелкозернистого песка палево-зеленовато-серого цвета с тонкими (2–3 мм) прослойками перемытого растительного детрита. Завершают цикл осадки пойменной фации, представленные горизонтально-слоистой толщей переслаивания прослоек песчаного алеврита палево-серого цвета и оторфованных прослоек органики бурого цвета, мощность которой составляет 0,5 м. Снизу вверх мощность прослоек песчаного алеврита уменьшается от 0,3–1,5 см (в нижней части) до 0,1–0,3 см (в верхних 35 см слоя), а мощность торфяных прослоек остается постоянной – 0,3–0,5 см.

Криогенная текстура отложений пачки III разнообразна: от массивной в песках до среднеслоисто-микрошпировой в толщах переслаивания. В пачке III развиты эпигенетичные ПЖЛ шириной 16–35 см и разбивающие отложения на полигоны шириной 6 м. Пачка III имеет непостоянную мощность. На северном участке ее мощность составляет 3,5 м, на южном – 1,2–1,3 м. В отложениях пачки III встречаются отдельные рассеянные кости плейстоценовой фауны и редкие каменные артефакты. Для средней и верхней частей фации завала первого аллювиального цикла в расчистке NL13-1 северного участка по древесине получены радиоуглеродные датировки 9590 ± 60 ^{14}C л. н. (Je-10123) и 9400 ± 40 ^{14}C л. н. (Je-10124) соответственно. Датировка древесины из соответствующих отложений на южном участке – 9930 ± 50 ^{14}C л. н. (Je-9500) (табл. 5; рис. 7). Возраст отложений пачки III – ранний–поздний голоцен.

Пачка IV – комплекс позднеголоценовых-современных осадков, представленный торфяно-болотными отложениями, развитыми в прирвовочной части аллювиальных террас (размыв NL13/1), солифлюкционными отложениями склонов (размывы NL13/2 и NL13/4), отложениями, заполняющими полости термоколодцев (размыв NL13/3). Мощность отложений от 0,3–0,6 м для солифлюкционных и торфяно-болотных отложений до 3,5 м для отложений термоколодцев. Радиоуглеродные AMS-датировки по найденным *in situ* черепу росوماхи и зубу мамонта, перезахороненным в отложения термоколодца в районе размыва

NL13/3, показали возраст 12050 ± 50 ^{14}C л. н. (Beta-309157) и 11960 ± 140 ^{14}C л. н. (Ле-9493), соответственно.

Результаты изучения геологического строения местонахождения Озеро Никита и радиоуглеродное датирование отложений позволили реконструировать последовательность палеогеографических событий, произошедших в районе верхнего течения современной р. Максунуоха в конце позднего плейстоцена–голоцене. В конце позднего плейстоцена окружающие пространства были заняты обширной равниной, на которой в суровых условиях сартанского криохрона шло формирование отложений ледового комплекса с мощными повторно-жильными льдами (пачка I). Около 12000 л. н. произошло существенное изменение природных условий, которое привело к прекращению накопления ледового комплекса (Каплина 2009) и активному развитию термокарста. В это время образовался обширный озерный водоем, залив которого располагался на исследованной территории, о чем свидетельствуют осадки пачки II, датируемые в интервале 11820–11160 л. н. Начало первого этапа спуска этого водоема может быть датировано временем после 11160 л. н., когда была заложена долина р. Максунуоха и началось формирование аллювиальных осадков первого цикла (пачка III), датированного около 10000 л. н. На протяжении довольно длительного времени положение береговой линии древнего озерного водоема (рис. 1) оставалось довольно стабильным, что привело к развитию долины реки, размыву отложений в бортовых частях долины и формированию пачки III аллювиальных отложений в верхнем течении р. Максунуоха. Окончательный спуск палеоозера произошел много позднее 9400 л. н., вероятно, в среднем–позднем голоцене и был катастрофическим. Данному событию соответствовал резкий врез реки, вследствие чего оказались вскрыты озерные осадки пачки II и отложения ледового комплекса (пачка I). К этому времени относится образование ложбины временного водотока в вершине меандра в районе местонахождения Озеро Никита, формирование термоколодцев и заполнение их более древними осадками, поступающими с бортов. С этими осадками связаны радиоуглеродные датировки 12050 ± 50 ^{14}C л. н. (Beta-309157) и 11960 ± 140 ^{14}C л. н. (Ле-9493). На современном этапе происходит формирование маломощных солифлюкционных отложений на склонах долины, маломощных торфяно-болотных отложений на плоских водоразделах, пойменных речных осадков.

Как было показано выше, согласно результатам радиоуглеродного датирования фаунистических остатков, связанных с человеческой деятельностью, эпизод пребывания древнего человека в районе местонахождения Озеро Никита относится к интервалу 12050–11840 л. н. Реконструкция последовательности палеогеографических событий, основанная на полученных геологических данных, позволяет заключить, что в это время люди жили на берегу палеоозера. Впоследствии свидетельства жизнедеятельности людей (костные остатки мамонта, волка, россомахи, северного оленя и пр., а также немногочисленные каменные артефакты) были перемыты рекой и переотложены в аллювиальные отложения. Затем вследствие активного развития термоэрозионных процессов часть из них оказалась вмещена в отложения термоколодцев.

Костные остатки, собранные нами вблизи размывов, вероятно, отражают их изначальный состав (за исключением бивней). Кости были брошены бивнеискателями на месте, ибо не представляют коммерческого интереса. В таком случае

отмеченные признаки предварительной сортировки костного материала являются свидетельством прошлой человеческой деятельности. Местонахождение Озеро Никита не является ни «стоянкой» (что бы мы ни понимали под этим термином), ни местом забоя животных. Более всего оно похоже на Янское «кладбище» мамонтов: и по составу костных остатков, и по малочисленности артефактов, особенно каменных (Basilyan et al. 2011). В таком случае стоянку, если она существует, следует искать где-то неподалеку.

Археологический материал на местонахождении Озеро Никита представлен единичными находками (рис. 8). В дополнение к полученным в 2011 г. вещам (рис. 8, 3–6), в 2013 г. найдено два каменных предмета (рис. 8, 2, 7) и стержневидная с трапециевидным поперечным сечением заготовка из бивня мамонта (рис. 8, 1).

Симметричное каплевидное острие NL13-4/4 (рис. 8, 7) изготовлено из серо-желтого тонкозернистого кварцита на массивном отщепе двусторонней плоской ретушью, захватывающей значительную часть плоских поверхностей. Орудие имеет небольшой скол (вылом) в основании, кончик обломлен. Профиль прямой. Полная реконструируемая длина 68 мм, наибольшая ширина 42 мм, толщина в средней части 3 мм (несколько уменьшается к острию и несколько возрастает к основанию, что еще раз указывает на то, что в качестве заготовки был использован отщеп, площадка которого совпадает с основанием острия, на одной из плоскостей которого виден фрагмент вентральной поверхности заготовки, не затронутый вторичной обработкой).

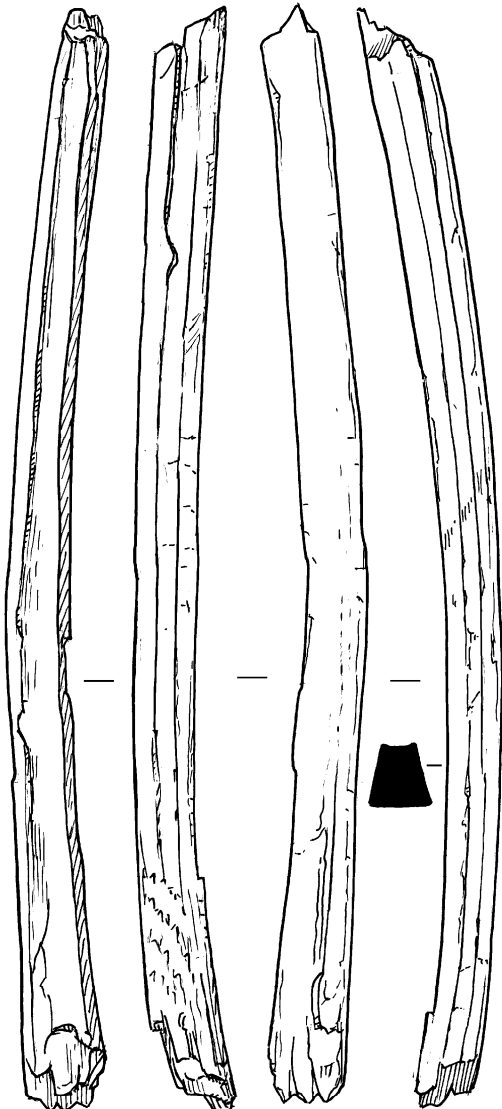
Другой предмет, найденный в ходе работ 2013 г., – небольшое острие NL13-3/5 (рис. 8, 2), представляющее собой в плане асимметричный ромб. Оно изготовлено на относительно массивном отщепе тонкозернистого сероватого кварцита. Морфология поверхностей заготовки читается отчетливо – виден остаток ударного бугорка, не до конца снятого при оформлении основания. Изделие практически прямое в профиль, двусторонняя вторичная обработка затрагивает только края. Основание острое. Полная длина 38 мм, максимальная ширина 33 мм, толщина 2 мм (в основании чуть больше).

Попытка увеличить коллекцию за счет промывки оказалась безуспешной, что говорит о чрезвычайно малом присутствии археологического материала на памятнике. В подъемном материале представлены ребра и иные кости, на которых имеются интересные для изучения следы, возможно, являющиеся следами охоты на этих животных и разделки их туш. Эти образцы взяты в коллекцию, так же как заготовка острия из бивня мамонта (рис. 8, 1).

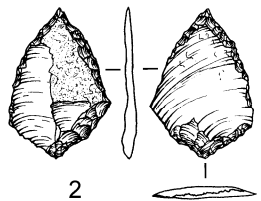
Таким образом, в 2013 г. удалось провести первичные работы на двух новых памятниках палеолита Сибирской Арктики. Теперь в дополнение к двум памятникам каргинского возраста – Янской стоянке (Pitulko et al. 2013) и местонахождению Буор-Хая (Pitulko et al. 2014) – можно указать не менее пяти памятников конца плейстоцена, включая Илин-Сылахское «кладбище» мамонтов (Питулько и др. 2013а), Берелёх, Аччагый-Аллаиху (Питулько 2011), и новооткрытые Урез-22 и Озеро Никита.

Рис. 8. Местонахождение Озеро Никита (NKL): 1 – стержневидная заготовка из бивня мамонта; 2, 3, 5–7 – острия на отщепах (острия Чиндадн); 4 – обломок (1, 2, 7 – из работ 2013 г., прочие – из работ 2011 г.)

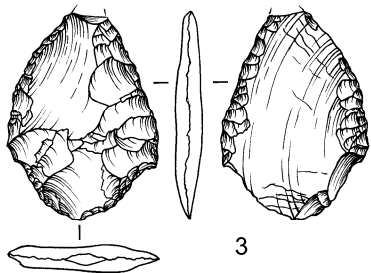
Fig. 8. Lake Nikita site: 1 – half-finished rod-like object of mammoth tusk; 2, 3, 5–7 – points on flakes (Chindadn points); 4 – fragment (1, 2, 7 – works of 2013; the other – works of 2011)

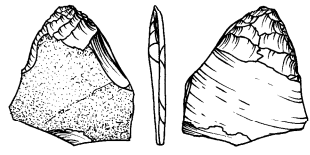
1

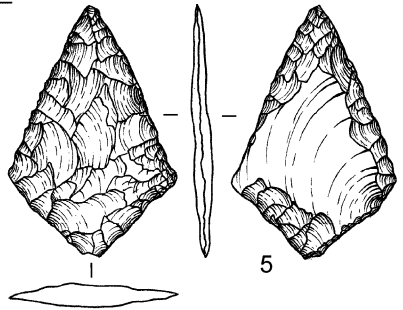
2

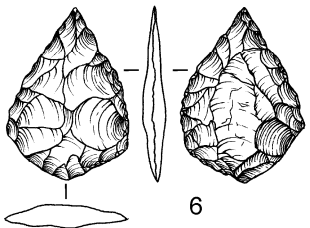
3

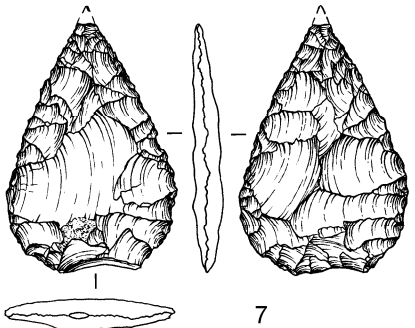
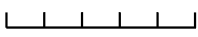
4

5

6

7

Установлено, что все эти объекты связаны в той или иной степени с массовыми скоплениями костных остатков мамонтов (Питулько и др. 2013а), причем в ряде случаев можно говорить об охоте на этих животных. Для местонахождения Озеро Никита это доказываются прямыми свидетельствами в виде специфических повреждений костей, в том числе имеется фрагмент ребра с пробоиной, оставленной каменным орудием, и обломком этого орудия в кости. Эта находка расширяет список имеющихся немногочисленных свидетельств охоты древнего человека на мамонтов (Nikolskiy, Pitulko 2013). Примечательно, что этому времени соответствует момент формирования «северного пояса» распространения мамонтов, возникающего в послеледниковое время на северо-востоке Азии под воздействием климатических изменений (Pitulko, Nikolskiy 2012).

Изученные местонахождения подтверждают ранее высказанную мысль о том, что вещественные следы пребывания человека на объектах, сформировавшихся при его участии, могут быть численно невыразительны, даже эфемерны (Питулько 2011). Это связано, с одной стороны, с доступностью каменного сырья в период формирования комплексов, а с другой – с тафономией объектов, которая может не способствовать длительному сохранению предметов из недолговечных материалов. Весьма интересно, что во всех финально-плейстоценовых комплексах, открытых на севере Яно-Индибирской низменности, заметно стремление древнего человека к использованию каменного сырья наилучшего доступного качества, пригодного, в том числе, для производства микропластинок.

В ходе поисковых работ среди прочего удалось обнаружить первый достоверный плейстоценовый объект с микропластинчатой индустрией (Урез-22). Ранее подобные памятники для данной территории не были известны. Второй объект, Озеро Никита, благодаря своеобразию каменных орудий может быть легко идентифицирован в культурном отношении. Это полный хронологический и культурный «дубликат» Берелёхской стоянки, что говорит о достаточно широком распространении культуры этого типа на северо-востоке Азии. Орудия, находимые в Берелёхе и на озере Никита, имеют аналогию в Новом Свете, где подобные изделия известны как остря Чиндадн. Видимо, в этом же ряду могут рассматриваться и материалы Аччагый-Аллаиховского «кладбища» мамонтов (Питулько 2011). Эти предметы на данный момент являются единственным зримым свидетельством связи культуры каменного века северо-востока Азии и Нового Света. В памятниках Аляски фаунистические остатки в связи с региональными особенностями тафономических процессов представлены слабо, однако на северо-востоке Азии связь наконечников/острий Чиндадн с фаунистическими комплексами, содержащими остатки мамонтов, несомненна.

В отношении местонахождений Урез-22 и Озеро Никита следует подчеркнуть, что эти объекты очень близки во времени и пространстве (их разделяет около 40 км). Возраст местонахождения Урез-22 МКР/U22 оценивается ~ 12400–11700 л. н., а эпизод пребывания древнего человека на местонахождении Озеро Никита имел место ~ 12050–11840 л. н. В то же время каменная индустрия этих памятников, насколько можно судить, различна: если Урез-22 характеризуется выразительной и, несомненно, развитой микропластинчатой индустрией (рис. 3), то Озеро Никита столь же отчетливо демонстрирует индустрию неполных бифасов на отщепках (рис. 8). Возможно, они альтернативны друг другу, но, быть может, и нет.

В Берелёхском комплексе имеются как острия Чиндадн, так и единичные «микропластинки», в большинстве своем мелкие трехгранные чешуйки, но одна из пластинок, безусловно, настоящая, с трапециевидным сечением и довольно прямая в профиль (Pitulko 2011). К сожалению, доказательств связи между этими изделиями (остриями Чиндадн и микропластинками) пока не имеется.

Интересной общей чертой ряда памятников, изученных на севере Яно-Индигорской низменности – Илин-Сыалахского «кладбища мамонтов», Берелёхской стоянки, местонахождения Озеро Никита, является присутствие в археологическом материале изделий из бивней животных, живших задолго до времени формирования этих объектов. Так, для Илин-Сыалаха датировка единственного найденного артефакта из бивня показала запредельный возраст > 43500 (Beta-309154). Она резко отличается от времени формирования костища (12200–12500 л. н.) и, несомненно, свидетельствует об использовании человеком бивней мамонтов, несовременных ему и происходящих из отложений (Питулько и др. 2013а).

В то же время для Берелёха (Pitulko 2011) и Озера Никита (см. выше) имеются даты сартанского возраста (~ 19000 л. н.), также полученные прямым датированием артефактов. Это даты для стержня из бивня мамонта, найденного в свое время в Берелёхе Н. К. Верещагиным (Верещагин 1977), и для описанной здесь заготовки подобного острия (рис. 8, 1). Вопрос о степени населенности арктического предела Сибири в последнюю ледниковую эпоху пока остается открытым. Датировки мамонтов этого возраста являются большой редкостью (Sher et al. 2005), однако прямые даты по артефактам, относящиеся к этому времени, все же не следует пока рассматривать в контексте особенностей расселения человека, поскольку в обоих случаях в сопровождающем материале полностью отсутствует хронологический сигнал, относящийся к сартану. Скорее можно говорить об использовании человеком несовременных ему материалов. Сама по себе повторяемость события тем не менее интересна.

Полученные материалы подтверждают перспективность поисков палеолита на Яно-Индигорской низменности.

Литература и источники

- Боесков и др. 2007 – Боесков Г. Г., Тихонов А. Н., Сузуки Н. Юкагирский мамонт. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 252 с.
- Верещагин 1977 – Верещагин Н. К. Берелёхское «кладбище» мамонтов // Труды ЗИН. 1977. Т. 72. С. 5–50.
- Воллосович 1909 – Воллосович К. А. Раскопки Санга-Юряхского мамонта в 1908 г. // Известия Императорской Академии Наук. Серия 6. 1909. Т. 3. С. 437–515.
- Каплина 2009 – Каплина Т. Н. Аласные комплексы Северной Якутии // Криосфера Земли. 2009. Т. 13, вып. 4. С. 3–17.
- Лазарев 2008 – Лазарев П. А. Крупные млекопитающие антропогена Якутии. Новосибирск: Наука, 2008. 160 с.
- Лазарев, Репин 2003 – Лазарев П. А., Репин В. Е. Предварительные итоги экспедиции по раскопкам 2002 г. Максунухского шерстистого мамонта *Mammuthus Primigenius* Blum // Прикладная экология Севера: опыт проведенных исследований, современное состояние и перспективы. Якутск: Изд-во СО РАН, 2003. С. 275–283.
- Питулько 2011 – Питулько В. В. Археологическая составляющая Берелёхского комплекса // ЗИИМК. 2011. № 6. С. 85–103.

Питулько 2012 – *Питулько В. В.* Отчет о разведках Яно-Индибирской (Восточно-Сибирской) экспедиции ИИМК РАН в 2011 г. Санкт-Петербург, 2012 // НОА ИА РАН.

Питулько 2014 – *Питулько В. В.* Отчет о разведках Яно-Индибирской (Восточно-Якутской) экспедиции ИИМК РАН в 2013 г. Санкт-Петербург, 2014 // НОА ИА РАН.

Питулько и др. 2013а – *Питулько В. В., Басилян А. Э., Павлова Е. Ю.* Массовые скопления костных остатков мамонтов с признаками деятельности древнего человека (р. Илин-Сылах, север Яно-Индибирской низменности) // *ЗИИМК*. 2013. № 8. С. 34–52.

Питулько и др. 2013б – *Питулько В. В., Басилян А. Э., Павлова Е. Ю.* Новые «кладбища» мамонтов с признаками деятельности древнего человека на севере Яно-Индибирской низменности // *Матишов Г. Г.* (ред.). VIII Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода: «Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований». Ростов-на-Дону, 10–15 июня 2013 г. Ростов н/Д: Изд-во Южного НЦ РАН, 2013. С. 518–521.

Basilyan et al. 2011 – *Basilyan A. E., Anisimov M. A., Nikolskiy P. A., Pitulko V. V.* Woolly mammoth mass accumulation next to the Paleolithic Yana RHS site, Arctic Siberia: its geology, age, and relation to past human activity // *JAS*. 2011. Vol. 38. P. 2461–2474.

Fisher et al. 2013 – *Fisher D. C., Gorbunov S., Buigues B., Tikhonov A. N.* Reconnaissance of Paleontological and Archaeological Sites in Northern Yakutia // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2013. № 8 (2). С. 264–265.

Nikolskiy, Pitulko 2013 – *Nikolskiy P. A., Pitulko V. V.* Evidence from the Yana Palaeolithic site, Arctic Siberia, yields clues to the riddle of mammoth hunting // *JAS*. 2013. Vol. 40. P. 4189–4197.

Pitulko 2011 – *Pitulko V. V.* The Berelekh Quest: A Review of Forty Years of Research in the Mammoth Graveyard in Northeast Siberia // *Geoarchaeology*. 2011. Vol. 26. P. 5–32.

Pitulko et al. 2013 – *Pitulko V., Nikolskiy P., Basilyan A., Pavlova E.* Human habitation in the Arctic Western Beringia prior the LGM // *Graf K. E., Ketron C. V., Waters M. R.* (eds.). *Paleoamerican Odyssey*. College Station: Texas A&M University Press, 2013. P. 13–44.

Pitulko et al. 2014 – *Pitulko V., Yakshina I., Strauss J., Schirrmeister L., Kuznetsova T., Nikolskiy P., Pavlova E.* A MIS 3 Kill-Butchery Mammoth Site on Buor-Khaya Peninsula, Eastern Laptev Sea, Russian Arctic // VIth International Conference on Mammoths and their Relatives. Thessaloniki, Greece, May 5th–12th, 2014: Abstracts. Thessaloniki, 2014. P. 158–159 (*Scientific Annals of the School of Geology, Aristotle University of Thessaloniki*. Vol. 102).

Pitulko, Nikolskiy 2012 – *Pitulko V. V., Nikolskiy P. A.* Extinction of woolly mammoth in Northeastern Asia and the archaeological record // *World Archaeology*. 2012. Vol. 44. P. 21–42.

Sher et al. 2005 – *Sher A. V., Kuzmina S. A., Kuznetsova T. V., Sulerzhitsky L. D.* New insights into the Weichselian environment and climate of the East Siberian Arctic, derived from fossil insects, plants and mammals // *Quaternary Science Reviews*. 2005. Vol. 24. P. 533–69.

Literature and archive sources

Боескоров и др. 2007 – *Boeskorov G. G., Tikhonov A. N., Suzuki N.* Yukagirskiy mamont (*The Yukaghir mammoth*). St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2007. 252 p.

Верещагин 1977 – *Vereschagin N. K.* Berele'hsкое «kladbisch'e» mamontov (*Berelekh mammoth «graveyard»*) // *Proceedings of Zoological Institute*. 1977. Vol. 72. P. 5–50.

Воллосович 1909 – *Vollosovich K. A.* Raskopki Sanga-Yuryahskogo mamonta v 1908 g. (*Excavations of the Sanga-Yuryakh mammoth in 1908*) // *Transactions of the Imperial Academy of Sciences. Series 6*. 1909. Vol. 3. P. 437–515.

Каплина 2009 – *Kaplina T. N.* Alasny'e komplekсы Severnoy Yakutii (*Alassy complexes of North Yakutia*) // *Kriosfera Zemli (Cryosphere of the Earth)*. 2009. Vol. 13, issue 4. P. 3–17.

Лазарев 2008 – *Lazarev P. A.* Krupny'e mlekopitayusch'ie antropogena Yakutii (*Big mammals of the Anthropogene of Yakutia*). Novosibirsk: Nauka, 2008. 160 p.

Лазарев, Репин 2003 – *Lazarev P. A., Repin V. E.* Predvaritel'ny'e itogi e'kspedicii po raskopkam 2002 g. Maksunuohskogo sherstistogo mamonta *Mammuthus Primigenius Blum* (*Preliminary results of the 2002 expedition devoted to the excavations of the Maksunuokha woolly mammoth Mammuthus Primigenius Blum*) // *Prikladnaya e'kologiya Severa: opyt provedenny'h issledovaniy, sovremennoe sostoyanie i perspektivy' (Applied ecology of the North: experience gained during the previous research, current status and future perspectives)*. Yakutsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2003. P. 275–283.

Питулько 2011 – *Pitulko V. V.* Arheologicheskaya sostavlyayusch'aya Berele'hsкого комплекса (*Archaeological constituent of the Berelekh complex*) // *Transactions of IHMC RAS*. 2011. No. 6. P. 85–103.

Питулько 2012 – *Pitulko V. V. Otchet o razvedkah Yano-Indigirskoy (Vostochno-Sibirskoy) e'kspedicii IIMK RAN v 2011 g.* Sankt-Peterburg, 2012 [*Field report of the reconnaissance works conducted by the Yana-Indigirka (East Siberian) Expedition of IHMC RAS in 2011. St. Petersburg, 2012*] // Archive of the Institute of Archaeology RAS.

Питулько 2014 – *Pitulko V. V. Otchet o razvedkah Yano-Indigirskoy (Vostochno-Yakutskoy) e'kspedicii IIMK RAN v 2013 g.* Sankt-Peterburg, 2014 [*Field report of the reconnaissance works conducted by the Yana-Indigirka (East Siberian) Expedition of IHMC RAS in 2013. St. Petersburg, 2014*] // Archive of the Institute of Archaeology RAS.

Питулько и др. 2013a – *Pitulko V. V., Basilyan A. E., Pavlova E. Yu. Massovy'e skopleniya kostny'h ostatkov mamontov s priznakami deyatel'nosti drevnego cheloveka (r. Ilin-Sy'alakh, sever Yano-Indigirskoy nizmennosti)* [*Mass accumulations of mammoth bones with traces of human activity (Ilin-Sy'alakh river, north of the Yana-Indigirka depression)*] // Transactions of IHMC RAS. 2013. No. 8. P. 34–52.

Питулько и др. 2013b – *Pitulko V. V., Basilyan A. E., Pavlova E. Yu. Novy'e «kladbishch'a» mamontov s priznakami deyatel'nosti drevnego cheloveka na severe Yano-Indigirskoy nizmennosti (New mammoth «graveyards» with signs of human activity in the north of the Yana-Indigirka depression)* // Matishov G. G. (ed.). VIII All-Russia Quaternary conference «Fundamental problems of the Quarter: results and main directions of the future research». Rostov-upon-Don, June 10–15 of 2013. Rostov-upon-Don: Southern Scientific Centre of the Russian Academy of sciences, 2013. P. 518–521.

Basilyan et al. 2011 – *Basilyan A. E., Anisimov M. A., Nikolskiy P. A., Pitulko V. V. Woolly mammoth mass accumulation next to the Paleolithic Yana RHS site, Arctic Siberia: its geology, age, and relation to past human activity* // JAS. 2011. Vol. 38. P. 2461–2474.

Fisher et al. 2013 – *Fisher D. C., Gorbunov S., Buigues B., Tikhonov A. N. Reconnaissance of Paleontological and Archaeological Sites in Northern Yakutia* // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 8 (2). С. 264–265.

Nikolskiy, Pitulko 2013 – *Nikolskiy P. A., Pitulko V. V. Evidence from the Yana Palaeolithic site, Arctic Siberia, yields clues to the riddle of mammoth hunting* // JAS. 2013. Vol. 40. P. 4189–4197.

Pitulko 2011 – *Pitulko V. V. The Berelekh Quest: A Review of Forty Years of Research in the Mammoth Graveyard in Northeast Siberia* // Geoarchaeology. 2011. Vol. 26. P. 5–32.

Pitulko et al. 2013 – *Pitulko V., Nikolskiy P., Basilyan A., Pavlova E. Human habitation in the Arctic Western Beringia prior the LGM* // Graf K. E., Ketron C. V., Waters M. R. (eds.). *Paleoamerican Odyssey*. College Station: Texas A&M University Press, 2013. P. 13–44.

Pitulko et al. 2014 – *Pitulko V., Yakshina I., Strauss J., Schirrmeister L., Kuznetsova T., Nikolskiy P., Pavlova E. A MIS 3 Kill-Butchery Mammoth Site on Buor-Khaya Peninsula, Eastern Laptev Sea, Russian Arctic* // VIth International Conference on Mammoths and their Relatives. Thessaloniki, Greece, May 5th–12th, 2014: Abstracts. Thessaloniki, 2014. P. 158–159 (Scientific Annals of the School of Geology. Aristotle University of Thessaloniki. Vol. 102).

Pitulko, Nikolskiy 2012 – *Pitulko V. V., Nikolskiy P. A. Extinction of woolly mammoth in Northeastern Asia and the archaeological record* // World Archaeology. 2012. Vol. 44. P. 21–42.

Sher et al. 2005 – *Sher A. V., Kuzmina S. A., Kuznetsova T. V., Sulerzhitsky L. D. New insights into the Weichselian environment and climate of the East Siberian Arctic, derived from fossil insects, plants and mammals* // Quaternary Science Reviews. 2005. Vol. 24. P. 533–69.

UREZ-22 AND LAKE NIKITA SITES: NEW EVIDENCE OF HUMAN DISPERSAL IN SIBERIAN ARCTIC IN TERMINAL PLEISTOCENE

V. V. Pitulko, E. Yu. Pavlova

Several new archaeological sites dated to the Paleolithic have been discovered recently in the western part of the Yana-Indigirka depression. All these localities are associated with accumulations of mammoth bone remains. The paper deals with the materials of two newly discovered sites, which for the time being are the northernmost traces of human presence in the Arctic regions at the end of the Pleistocene. The

MKR/U22 site can be dated to ca. 12400–11700 kya. The microblade industry of this site is the first pre-Holocene industry of the kind reported for the Siberian Arctic. The NKL site is dated to ca. 12050–11840 kya. This locality represents a full chronological and cultural counterpart of the Berelekh site, which points to a wide distribution of this culture in North-East Asia. Some tools from Berelekh and Lake Nikita have parallels in the New World among the so called Chindadn points. For the time being they are the only perceivable indication of cultural contacts between North-East Asia and North-West North America. The materials of MKR/U22 and NKL demonstrate the presence of Paleolithic sites in the Yana-Indigirka depression and promise good perspectives for the future explorations.

ТЕРОЧНЫЕ ПЛИТКИ СТОЯНКИ ЧУЛАТОВО 2¹

К. Н. СТЕПАНОВА

Ключевые слова: *верхний палеолит, Средняя Десна, орудия из зернистых пород камня, терочные плитки, куранты, ацетатные слепки, обрабатываемый материал, следы использования, эталон, большие увеличения, микрофотография.*

Keywords: *Upper Paleolithic, Middle Desna, tools made of granular rocks, grinding slabs, grinders acetate casts, worked material, use-wear traces, reference collection, high-power magnification, microphotograph.*

Терочные плитки и «куранты», происходящие из раскопок верхнепалеолитической стоянки Чулатово 2 на Средней Десне, представляют особый интерес сразу в нескольких отношениях. Во-первых, они были определены автором раскопок как орудия для растирания зерен и корней диких растений (Воеводский 1952: 122) и впоследствии рассматривались в контексте проблемы существования «усложненного собирательства» в палеолите (Рогачёв 1973). Если удастся доказать, что плитки и «куранты» Чулатово 2 действительно имели отношение к переработке продуктов собирательства, то и сама идея А. Н. Рогачёва о сложных формах хозяйственной деятельности в верхнем палеолите получит подтверждение на новом методическом уровне. В этой связи важно, что терочные камни Чулатово 2 перспективны для функционального определения трасологическим методом, так как сырьё для них происходит из близкорасположенных коренных выходов и следы использования человеком не смешаны со следами окатывания. Во-вторых, орудия представляют собой редкий для верхнего палеолита случай совместного обнаружения предположительно нижних и верхних терочных камней в рамках одного комплекса в количестве достаточном, чтобы говорить о систематическом их употреблении на стоянке: автором раскопок указывается, что таких орудий было обнаружено 22 (Воеводский 1952: 122). Для сравнения, в материалах 2-го слоя западносибирской верхнепалеолитической стоянки Уй II (Васильев 1996: 125) орудийный набор «ступа–терочник» только один; в слое 3Б днестровской стоянки Косоуцы выразительная плитка была обнаружена без дополняющих ее терочников (наблюдения автора, сделанные при знакомстве с коллекцией в Национальном музее истории Молдовы); со стоянок Костёнковско-Борщёвского района происходят многочисленные песты-терочники, но, за исключением материалов Костёнок 4, лишь единицы из них входят в состав целостного орудийного набора (Рогачёв 1973: 133–134).

Чулатово 2 (Рабочий ров) – это стоянка позднего этапа верхнего палеолита, расположенная на правом берегу Десны, между с. Чулатово и с. Дробышево Новгород-Северского р-на Украины. Открыта она была в 1935 г. И. Г. Пидопличко и И. З. Галичем, проводившим первые раскопки в 1936 г. Затем полевые

¹ Работа выполнена благодаря поддержке программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» 2012–2104 гг., руководитель проекта С. А. Васильев.

исследования велись М. В. Воеводским в 1937 и 1938 гг. (Воеводский 1952: 101–102). В настоящее время коллекция хранится в фондах НИИ и Музея антропологии при МГУ им. М. В. Ломоносова.

За три года раскопок было вскрыто более 1000 м² культурного слоя на трех мысах между отвилками оврага Рабочий ров, в результате территория памятника считается исследованной полностью. Археологический материал представлен тремя большими скоплениями, связанными с кострищами и ямками. Обнаружены остатки двух сооружений, одно из них которых признано остатками жилища. На стоянке зафиксировано семь кострищ в виде расплывчатых пятен размерами от 1 до 5 м², некоторые связаны с приочажными пекарными ямками. Характер кострищ свидетельствует об их недолговременности и некоторой разновременности: часть из них перекрыта местами изготовления орудий. Помимо пекарных ямок выделяются также ямки-хранилища для бивневых пластин, они чаще расположены близ мест изготовления орудий. Кремневое сырье бралось из коренных меловых отложений в непосредственной близости от стоянки, где осуществлялся весь производственный цикл. В рамках одних и тех же «производственных комплексов» велась обработка камня и кости (Там же: 101–108). Детальный планиграфический анализ материалов стоянки, проведенный Н. Б. Леоновой, позволил выявить наличие производственной специфики для каждого из трех больших скоплений (Леонова 1976: 11). Одно из скоплений, самое насыщенное материалом, в состав которого входят остатки предполагаемого жилища и наибольшее число ямок и зольных линз, связано в основном с изготовлением каменных орудий. Два других скопления связаны с первичным раскалыванием кремня и обработкой кости (Там же: 10–12).

Кремневую индустрию памятника характеризуют присутствие большого количества первичных продуктов расщепления, однообразие и относительная бедность орудийного набора (рис. 1): орудия составляют 3,9 % от общего числа находок. Среди орудий преобладают боковые резцы на усеченных пластинах и концевые скребки на пластинах. Нуклеусы в основном на плитчатом сырье (рис. 1, 32), но есть и желвачные ядрища (Воеводский 1952: 108–118). По характеру индустрии М. В. Воеводский относил Чулатово 2 к группе стоянок «средне- и позднемедленского времени» (Там же: 114), что по современным представлениям соответствует позднему этапу верхнего палеолита, помещающемуся в рамках приблизительно от 20 до 10 тыс. л. н. Также, по его мнению, резцы и скребки Чулатово 2 сближают стоянку с памятниками конца верхнего палеолита Дона и Днепра – Борщёво 2, Тимоновской, Бугорком, Гонцами, Кирилловской (Там же). З. А. Абрамова видела в кремневых материалах Чулатово 2 и Юдиново «несомненное родство», которое могло выражаться в том, что стоянка Чулатово 2 была летним лагерем обитателей Юдиново, где они запасались качественным кремнем (Абрамова 1997: 84–86). Геологическое время существования стоянки В. И. Громов определил на основании полученных при раскопках данных как «одну из стадий (возможно не раннюю) вюрма» (Громов 1948: 131). Эта датировка, конечно, нуждается в уточнении, но специальных работ по определению возраста Чулатово 2 пока не проводилось.

На фоне других памятников верхнего палеолита Чулатово 2 выделяется наличием таких своеобразных орудий, как плитки и камни-«куранты» со следами истирания одной из поверхностей (рис. 2). М. В. Воеводский (1952: 122) делил

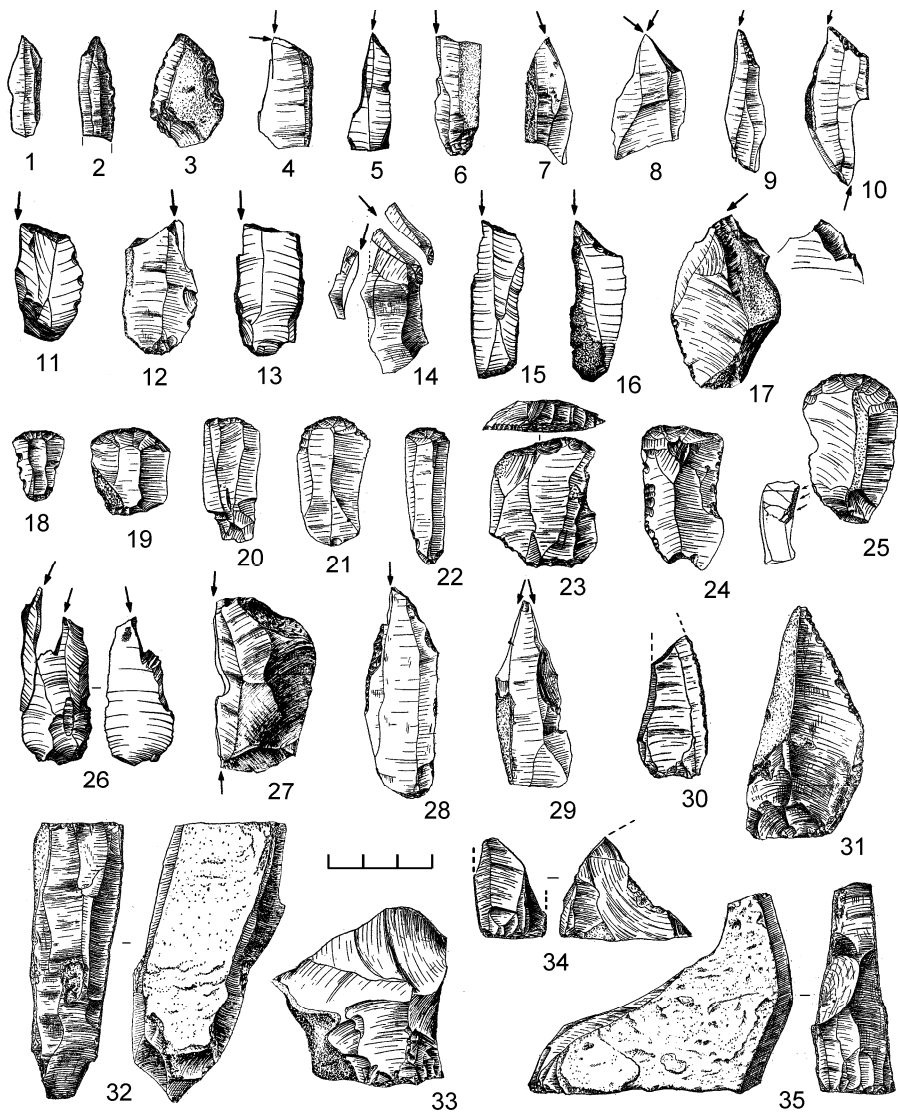

Рис. 1. Чулатово 2 (Рабочий ров), кремневые изделия: 1-3 – острия; 4-17, 26-29 – резцы; 18-25 – концевые скребки; 30-31 – пластины с ретушью; 33-35 – нуклеидные скребки; 32 – нуклеус (по Воеводский 1952)

Fig. 1. Chulatovo 2 (Rabochiy rov), flint artifacts: 1-3 – points; 4-17, 26-29 – burins; 18-25 – end-scrapers; 30-31 – retouched blades; 33-35 – core-like scrapers; 32 – core (after Voevodsky 1952)

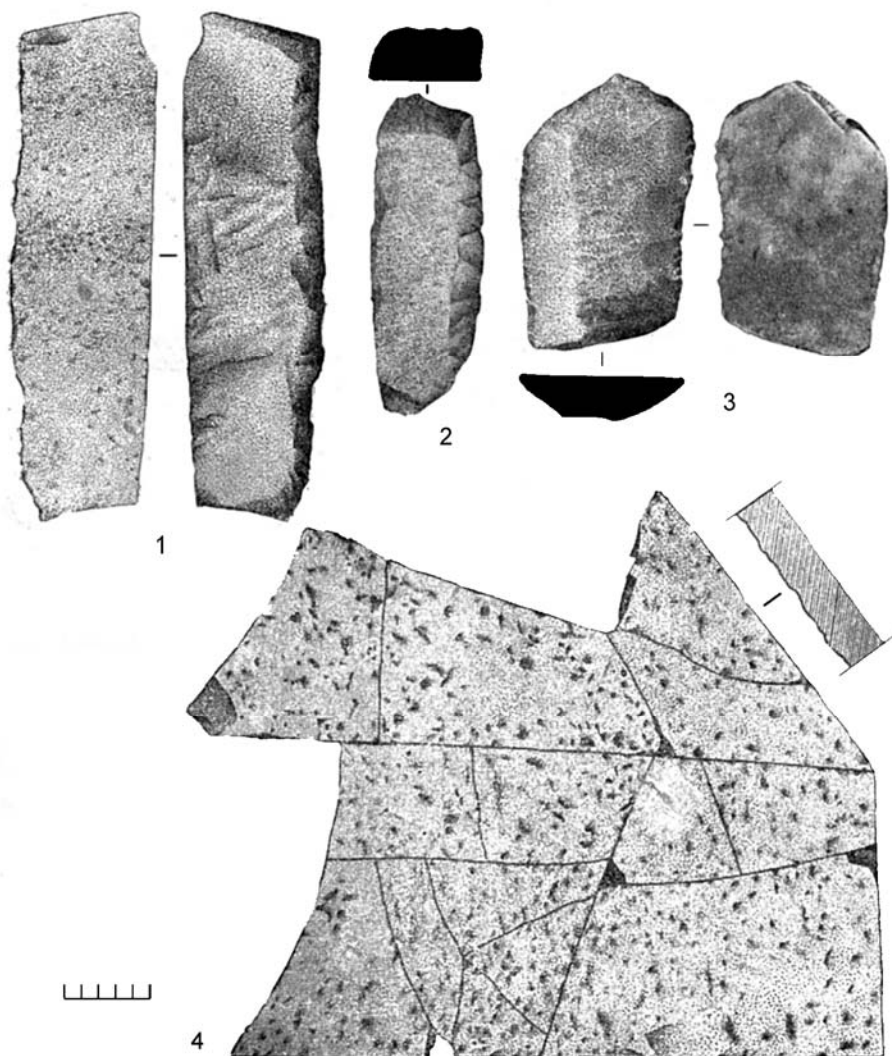

Рис. 2. Чулатово 2 (Рабочий ров), песчанниковые плитки и «куранты»: 1–3 – «куранты»; 4 – воссозданная в обломках «нижняя плита» (по Воеводский 1952, с изменениями)
 Fig. 2. Chulatovo 2 (Rabochiy rov), sandstone slabs and «pestles»: 1–3 – «pestles»; 4 – «lower slab», reconstruction (after Voevodsky 1952 with modifications)

терочные камни на верхние (10 ед.) – своего рода куранты и нижние – большего размера, найденные в осколках (реконструируются из обломков 12 ед.). Сырьем для этих орудий были плитчатый бучагский песчаник и кварцит, месторождения которых имеются в обнажениях оврага Рабочий ров. Кварцит линзами залегает в бучагских песках, подстилающих четвертичные отложения разреза. По замечанию М. В. Воеводского, сырье удобно для изготовления терочных камней, поскольку верхняя сторона плиток очень ровная и в то же время шерохова-

тая (Там же). Важно, что благодаря происхождению плиток из коренных месторождений на них отсутствуют следы окатанности. В других индустриях сырьем для орудий такого рода, как правило, становятся окатанные отделимости породы, что накладывает ограничения на их функциональное определение трасологическим методом. При анализе орудий из галек, валунов и плиток нужно не только соотносить износ с эталоном, но и вычленять окатанность и естественные повреждения поверхности из комплекса анализируемых следов. В случае же с коллекцией терочных камней Чулатово 2 есть возможность непосредственно сравнивать износ с исходной, не участвовавшей в работе поверхностью и с эталонами. Полученные определения позволят проверить предположение М. В. Воеводского о том, что плитки и «куранты» использовали на памятнике для растирания пищевых продуктов: семян диких растений и съедобных корней. Рассмотрим признаки, на основании которых М. В. Воеводский определил чулатовские плитки как терочные орудия для обработки растительной пищи (Там же: 122–124).

«Верхние» камни отличаются небольшой величиной (средняя толщина – 2,7 см, длина – 19,5 см, ширина – 7,9 см). Шесть экземпляров несут признаки обработки, имевшей целью придание им формы, удобной для удержания в руке. По периметру и в некоторых случаях на стороне, обратной по отношению к истертой, нанесены сколы. Рабочая терочная часть плиток ровная, сохраняет естественную песчанистую корку, следы потертости от работы располагаются на выпуклых участках, лучше выражены на краях. «Нижние» плитки значительно больше по площади поверхностей (но поскольку они найдены в обломках, об абсолютных размерах судить сложно), более тонкие, без обработки по краям, потертость слабая, захватывает выпуклые места, концентрируется в средней части. М. В. Воеводский указывает, что эти орудия не могли служить шлифовальниками, так как очевидно, что во время работы терлись друг о друга широкие поверхности, между которыми растирался мягкий материал, и не заметно мелких царапин, которые получаются при шлифовке каменных орудий (Там же: 124). Не найдено на стоянке и шлифованных предметов. В расположении плиток на площади стоянки не наблюдалось выраженной закономерности. Большинство их найдено близ кострищ и скоплений костей, но некоторые лежали изолированно на пустых участках (Там же: 125). В статье Н. Б. Леоновой, посвященной планиграфии Чулатово 2, данных о распространении плиток на площади стоянки не приводится, так как «число кварцитовых изделий включено в общее число кремня» (Леонова 1976: 9).

Что касается аналогий, то за время, прошедшее после раскопок Чулатово 2, появились свидетельства присутствия подобных орудий на других стоянках Восточной Европы. Как упомянуто выше, на стоянке Косоуцы (слой 3Б) была найдена плитка местного косоуцкого песчаника, которая, судя по тонким линейным параллельным следам, использовалась древним человеком в операциях, связанных с возвратно-поступательными движениями (материалы Национального музея истории Молдовы). Фрагменты подобных плиток упоминаются в материалах раскопок Костёнок 4, Костёнок 9, Костёнок 11 (слой III и северный пункт), Молодовы 5 (слои от VII до II) (Рогачёв 1973). На многих стоянках второй половины верхнего палеолита известны орудия типа пест-терочник. Исходной формой сырья для них служат гальки и валуны, а не продолговатые

плитки, но основное значение здесь имеет сходство следов сработанности. В случае с терочными камнями определяющий признак – это уплощенная истертая поверхность, формирующаяся при возвратно-поступательном или расseyанном взаимодействии двух орудий. Именно этот признак сближает песты-терочки и плитки Чулатово 2, которые А. Н. Рогачёв включил в свой обзор приспособлений для обработки продуктов собирательства в верхнем палеолите Восточно-Европейской равнины (Там же).

В марте 2013 г. в рамках проекта «Разработка методического руководства по изучению каменной индустрии палеолита» автором настоящей статьи была изучена коллекция кварцитовых и песчаниковых плиток и «курантов», хранящихся в фондах НИИ и Музея антропологии при МГУ им. М. В. Ломоносова. Как уже говорилось выше, терочные плитки Чулатово 2 перспективны для апробации микротрасологического метода анализа орудий из зернистых пород благодаря происхождению сырья из коренных месторождений. При знакомстве с коллекцией оказалось, что количество хранящихся в фондах Музея плиток не совпадает с опубликованными данными (таблица).

Т а б л и ц а

Состояние изученности терочных плиток Чулатово 2

	«Нижние» плитки	«Куранты»
Количество по Воеводский 1952	12 ед.	10 ед.
Количество в коллекции	56 ед. (включая мелкие обломки)	7 ед. (один в двух обломках – № 1073 и 1074)
Изучено подробно	14 ед. (№ 36, 72, 93, 96, 102, 116, 315, 506, 554, 1070, 1071, 2796, 2933, 2934)	7 ед. (№ 170, 1073 и 1074 – два обломка одного предмета, 1211, 1218, 1229, 1751, 2780)
Получены слепки поверхностей	для 8 ед. (№ 96, 102, 506, 554, 1070, 2796, 2933, 2934)	для 5 ед. (№ 170, 1211, 1229, 1751, 2780)
Получены микрофото поверхностей	для 7 ед. (№ 96, 102, 506, 554, 1070, 2796, 2934)	для 5 ед. (№ 170, 1211, 1229, 1751, 2780)

Вероятно, когда М. В. Воеводский писал о количестве «нижних» плиток, он считал за один экземпляр сложившиеся из многих фрагментов плиты. Разница в подсчетах может происходить и из разного понимания того, к какой из двух групп относится тот или иной предмет. По нашим наблюдениям, к «нижним» относятся 55 кварцитовых и 1 песчаниковая плитка, к «курантам» – 5 целых предметов из кварцита с оббивкой по периметру, 1 фрагмент такого же камня и 1 фрагмент корки, одна сторона которой имеет чуть выпуклую истертую поверхность. Из этого количества детально исследованы 14 фрагментов «нижних» плиток и 7 «курантов» (один из них в двух фрагментах). Для 8 «нижних» плиток и 5 «курантов» сделаны слепки участков поверхностей, полученные наложением ацетатной пленки, размягченной в химически чистом ацетоне. Слепки воспроизводят характер поверхности орудия настолько подробно, что позволяют получить с них микрофотографии характера рабочих и противоположащих им поверхностей для последующего трасологического анализа (Adams et al. 2009: 54; Гиря, Дэвлет 2010: 109). Микрофотографии выполнены на цифровом фотоаппарате, установленном на металлографический микроскоп с модулем ДИК (дифференциально интерференционного

контраста) со встроенным, проходящим через объектив освещением. Полученные таким образом частично сфокусированные изображения сведены в программе Helicon Focus в итоговые фото.

Орудия, которые были определены М. В. Воеводским как «нижние» плитки для растирания семян и корней диких растений, фактически представляют собой кварцитовые плитки с двумя корочными поверхностями, одна из которых сильно ноздреватая, а вторая более гладкая, ровная, со следами истирания. Обломков этих плиток, в том числе и мелких, в фондах Музея антропологии было определено 56 ед. М. В. Воеводский приводит иллюстрацию, на которой 14 таких фрагментов складываются в единую плиту (рис. 2, 4; Воеводский 1952: 123, рис. 8), но нам вновь воссоздать ее не удалось. Сложилось лишь два обломка этих плиток, однако при составлении становится видна разная интенсивность износа истертых поверхностей, по разлому имеются зазоры (рис. 3, 1), вероятно, плитки использовались по отдельности после того, как были расколоты. Таким образом, вопрос о том, какого размера были плитки, когда ими пользовался древний человек, остается открытым. Косвенно на их исходные размеры могут указать размеры «курантов». По внешнему виду камни, описанные как «куранты» (с одной истертой поверхностью и сколами по периметру), действительно напоминают орудия, известные в материалах раннеземледельческих памятников. Орудие № 1229 в длину почти в три раза больше обычного верхнепалеолитического песта-терочника и наверняка приводилось в движение двумя руками (рис. 2, 1; 3, 2).

К описанию макроизноса плиток, приводимому М. В. Воеводским (Воеводский 1952: 122–124), можно добавить, что наибольшая истертость располагается на выпуклых участках, которые могут быть как посередине поверхности, так и ближе к краям. Это справедливо как для «нижних» плиток, так и для «курантов». Зерна породы на рабочей поверхности мягко скруглены, а на повышенных участках – снивелированы, в то время как разбитых, смятых зерен не наблюдается; кратеры от вылетевших зерен и лунки, оставшиеся от ноздреватых углублений корки, имеют мягко скругленные края; видимых невооруженным глазом линейных следов (бороздок или штрихов) нет. Характер сработанности действительно наводит на предположение о работе с мягким органическим материалом, но такой материал может быть как растительным, так и животным. Как альтернатива растиранию семян и корней может выступать предположение об обработке шкур, кож или сушеного мяса. Следов минеральных красок на плитках не фиксируется, даже в самых глубоких лунках. Против обработки твердого материала (шлифовка кости или камня) говорит не только отсутствие шлифованных изделий и то, что такие операции оставляют на шлифовальных камнях желобки и борозды. В случае абразивной обработки камня остаются характерные желобчатые микроследы, различимые при увеличениях в 200–500 раз. Сопоставимые следы фиксируются и на самых высоких участках микрорельефа экспериментальных орудий по измельчению зерен злаковых растений от взаимодействия двух терочных камней (Adams et al. 2009: 54–55; Загородняя, Степанова 2012: 70, рис. 3). Абразивная обработка кости также приводит к специфическим изменениям микрорельефа зернистых пород камня, которые выражаются в ступенчатой выкрошенности зерен и незначительном скруглении краев образующихся уступов.

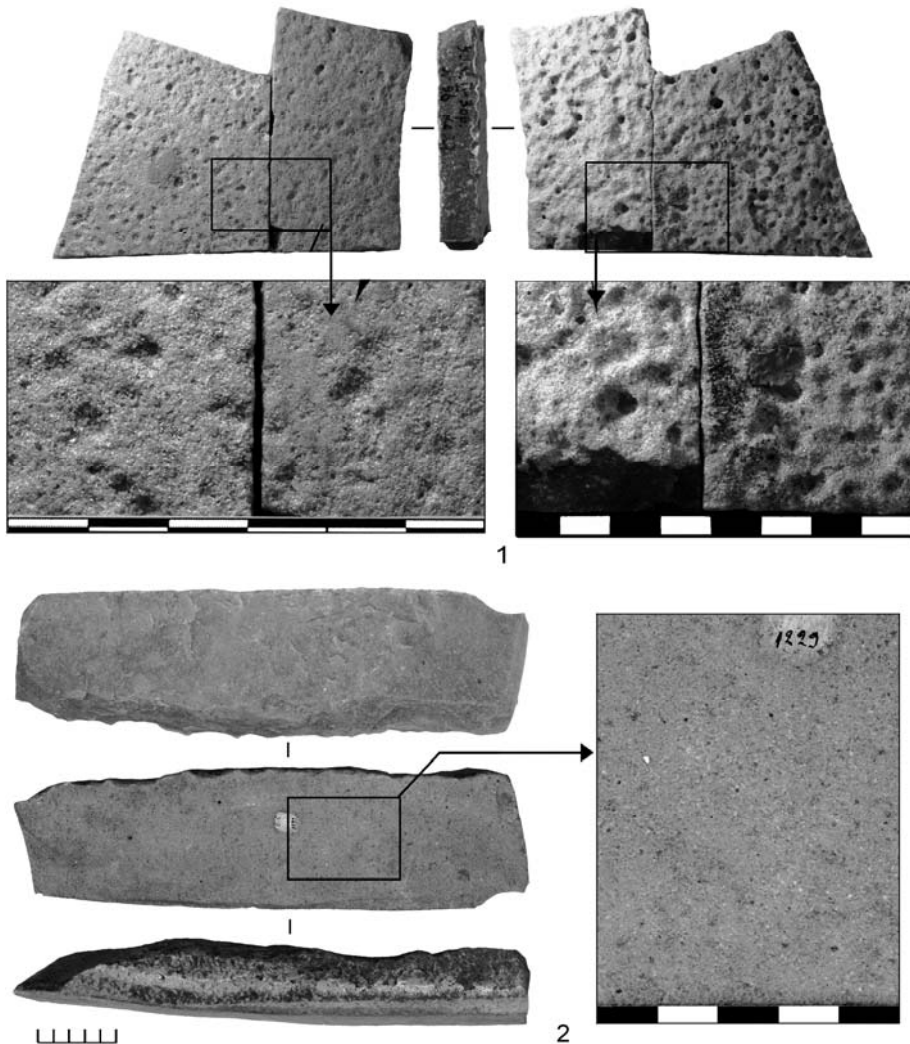

Рис. 3. 1. Чулатово 2 (Рабочий ров): 1 – кварцитовые плитки № 93 и 2933 и увеличенные участки их поверхностей; 2 – кварцитовый «курант» № 1229 и увеличенный участок истертой поверхности (материалы НИИ и Музея антропологии при МГУ)

Fig. 3. 1. Chulatovo 2 (Rabochiy rov): 1 – quartzite slabs No. 93 and No. 2933. and magnified areas of their surfaces; 2 – quartzite «pestle» No. 1229 and a magnified area of its worn surface (collection of the Research Institute and Museum of Anthropology, Moscow State University)

Возвращаясь к микрофотографии износа «нижних» плиток и «курантов» Чулатово 2, следует указать, что из-за шероховатости и рельефности камней качество многих ацетатных слепков и, как следствие, сделанных по ним фотографий небезупречно. Но и по полученным снимкам (серии микрофотографий 7 плиток и 5 «курантов») можно сделать некоторые заключения. На самом общем уровне разница между истертыми и ноздреватыми поверхностями (либо поверхностями

сколов, т. е. теми участками, которые явно не участвовали в работе) выражается в том, что зерна породы на рабочих поверхностях в значительной степени уплощены, лежат в одной плоскости (рис. 4, 1). И все же микрорельеф истертых поверхностей нельзя назвать однородным и совершенно ровным. При увеличении 100 крат на четырех плитках (№ 96, № 506, № 554, № 2934) и двух «курантах» (№ 1211, № 2780) наблюдается испещренность зерен породы извилистыми трещинками, прорезающими поверхность на разную глубину. На фото с увеличением 200 крат наиболее высокие участки орудий Чулатово 2 обладают гладким блеском, а глубокие – матовой шероховатостью (рис. 4, 2). В некоторых случаях блеск присущ скругленным ребрам крупных выступающих зерен даже на ноздреватых поверхностях. При увеличении 200 и 500 крат видно, что края уступов, образованных трещинками, скруглены, что отличает такую структуру поверхности от структуры эталона по абразивной обработке кости (рис. 5, 2). Развитие сетки трещин с округлыми уступами не отмечено и на эталоне по обработке сухой кожи (рис. 5, 3). На некоторых слепках (для плитки № 102 и «куранта» № 170) удалось зафиксировать мельчайшие короткие однонаправленные линейные следы, на которых различимы начало и конец приложения усилия, причем они есть на всех уровнях микрорельефа: как на повышенных участках отдельного зерна, так и в его трещинах (рис. 4, 3). Последнее наблюдение говорит в пользу того, что эти линейные следы образовались не от взаимного трения двух камней, все острые зерна которых находятся в одной плоскости, а от сыпучей фракции, которая могла проникать в западины микрорельефа поверхности. Эти следы могли остаться от вылетевших фрагментов породы (сырье плитки № 102 на рис. 4, 3 – песчаник, а не кварцит, как большинство других), либо от твердой фракции обрабатываемого материала, но в любом случае это были мельчайшие крупинки, поскольку линейные следы неразличимы невооруженным глазом и при небольших увеличениях. На слепках, сделанных с кварцитовых орудий, линейные следы систематически не наблюдаются. Только на одном из слепков (курант № 1751 – рис. 2, 2) при увеличении 500 крат отмечены невыразительные желобчатые микроследы взаимного трения камня о камень,² подобные тем, что зафиксированы на эталоне по измельчению зерен злаковых растений (рис. 5, 4). При учете наиболее вероятного использования плиток как терочных инструментов желобчатые следы были самыми ожидаемыми. Такому редкому их проявлению может быть, по меньшей мере, два объяснения. Либо из-за недостаточной спаянности зерен породы такой износ не успевал сформироваться, либо плитки во время работы не соприкасались из-за характера обрабатываемого материала (например, он был волокнистый и создавал прослойку между орудиями). Первое предположение кажется менее правдоподобным: поверхность со следами износа весьма стабильна, состоит из сглаженных зерен, кратеры от вылетевших частиц немногочисленны. Второе предположение подводит к необходимости сравнения износа на плитках с эталоном по обработке волокнистых субстанций, например, высушенных корней рогаза. Такой выбор отчасти объясняется и представленным в литературе

² Из-за плохого качества микрофотографии в иллюстрациях она не представлена. Следы расположены не на повышенных участках кварцевых зерен, как можно было бы ожидать, а на цементирующем их веществе.

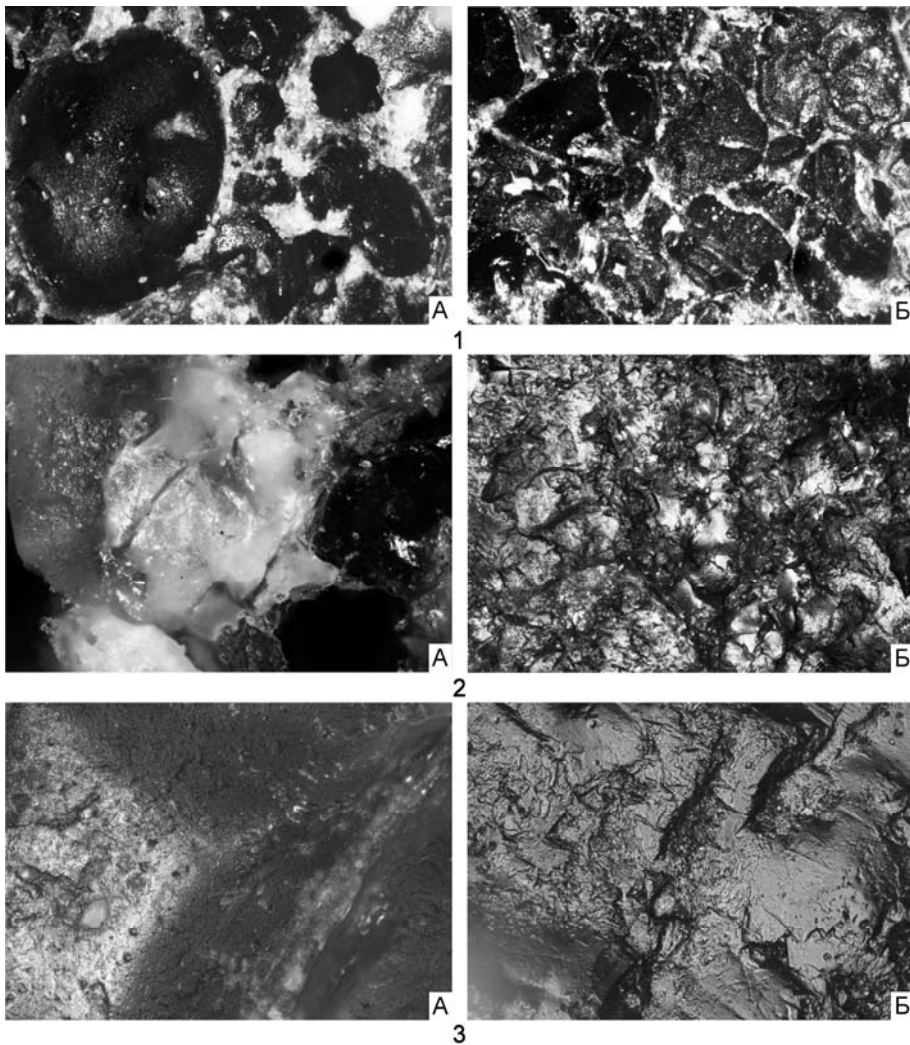

Рис. 4. Чулатово 2 (Рабочий ров), микрофото характера поверхностей плиток (А – естественная поверхность; Б – истертая поверхность): 1 – кварцитовая плитка № 2796, увеличение $\times 50$; 2 – кварцитовая плитка № 506, увеличение $\times 100$; 3 – песчаниковая плитка № 102, увеличение $\times 200$
 Fig. 4. Chulatovo 2 (Rabochiy rov), microphotographs of surfaces (A – natural surface; Б – worn surface): 1 – quartzite slab No. 2796, $\times 50$ magnification; 2 – quartzite slab No. 506, $\times 100$ magnification; 3 – sandstone slab No. 102, $\times 200$ magnification

мнением, согласно которому собирательство именно крахмалистых корнеплодов, корневищ и плодов легло в основу самых ранних форм земледелия, так как эти растения произрастают повсеместно и могли быть использованы людьми ранее всего (Козловская 2002: 27). Полученный эталон характеризуется присутствием тонких субпараллельных линейных следов на повышенных скругленных зернах и окружающей ступенчатой выкрошенностью (рис. 5, 5). В этом можно

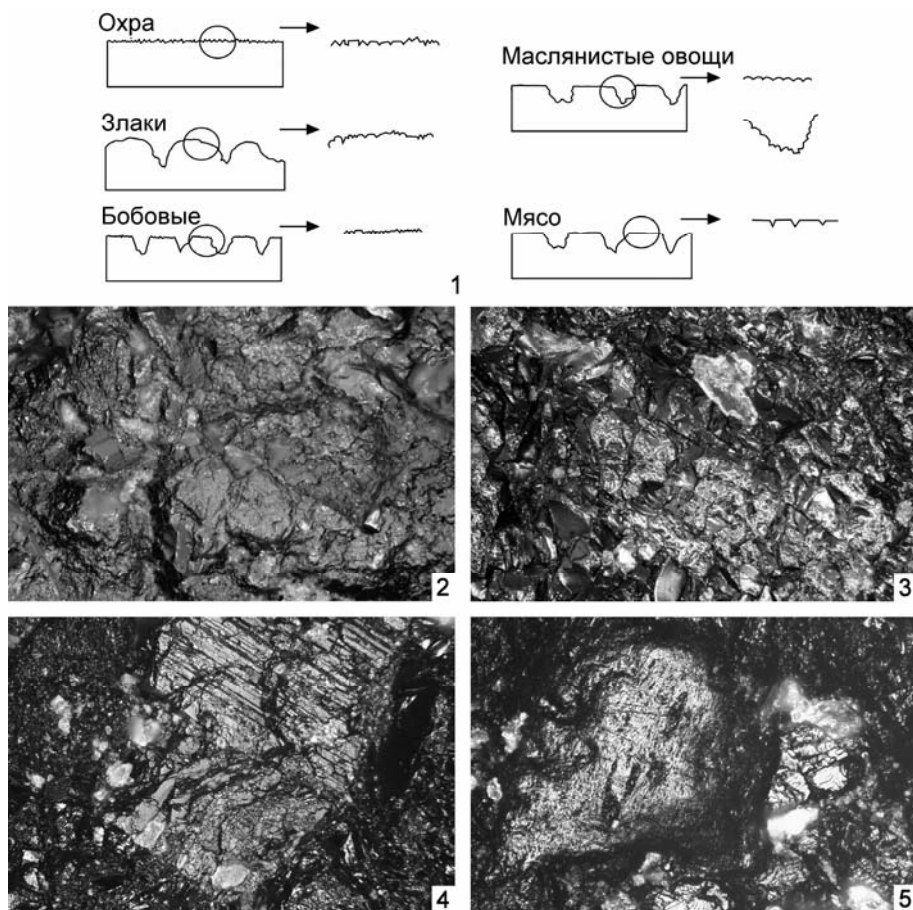

Рис. 5. 1 – характер изменения микрорельефа поверхностей диабазовых терочных камней при обработке разных видов органики (по Dubreuil 2004).
 2–5 – экспериментальные каменные орудия из крупно- и среднезернистых пород: 2 – эталон по абразивной обработке кости, песчаник, увеличение $\times 200$ (из экспериментальной коллекции ИИМК РАН); 3 – эталон по разминанию сухой кожи, гранит, 3 часа, увеличение $\times 200$; 4 – эталон по дроблению и растиранию зерен злаковых растений, песчаник, 3 часа, увеличение $\times 200$; 5 – эталон по растиранию высушенных корневищ рогоза, гранит, 2 часа, увеличение $\times 200$

Fig. 5. 1 – character of changes in the micro-relief of diabase grindstone surfaces employed in working different kinds of organics (after Dubreuil 2004)
 2–5 – experimental stone tools of coarse-grained and medium-grained rocks: 2 – reference object No. 23 – abrasive working of bone, sandstone, $\times 200$ magnification (reference collection of IHMC RAS); 3 – reference tools employed in pommeling of dry leather, granite, 3 hours, $\times 200$ magnification; 4 – reference tool employed in crushing and grinding of cereal grains, sandstone, 3 hours, $\times 200$ magnification; 5 – reference tool employed in grinding of dried roots of *Typha*, granite, 2 hours $\times 200$ magnification

видеть сходство с орудиями Чулатово 2, но все же не полное: линейные микро-следы крайне редки для чулатовских плиток.

Подводя итоги наблюдениям над микротопографией поверхностей плиток Чулатово 2, можно констатировать следующее. По крайней мере, большая часть рассмотренных орудий, как «нижние» плитки, так и «куранты», использовались в схожих операциях. Вероятно, они действительно составляли орудийные пары. Самой распространенной характеристикой истертых поверхностей при увеличении 100 и 200 крат является их испещренность извилистыми трещинами, прорезающими поверхность на разную глубину, перепады микрорельефа при этом скруглены. Трещиноватость и легкая выкрошенность, блеск на повышенных участках, мельчайшие однонаправленные линейные следы, зафиксированные на некоторых орудиях, говорят о возвратно-поступательном рассеянном взаимодействии с мягким материалом. Только «курант» № 2780 имеет поверхность, на которой уступы трещин не скруглены и по характеру напоминают брекчию. Возможно, это результат использования данного орудия (рис. 2, 3) для обработки другого, более твердого материала, чем в случае с другими плитками. В таком характере износа можно видеть сходство с эталоном по обработке сухой кожи (рис. 5, 3).

Таким образом, вывод М. В. Воеводского и А. Н. Рогачёва о том, что функция плиток Чулатово 2 – растирание, можно считать подтвержденным на уровне микроизноса. Однако вопрос о том, что именно растирали, остается открытым. Ни результаты, полученные нами в экспериментах, ни данные из литературы пока не проясняют картину. Следы на орудиях из коллекции Чулатово 2 отличаются от износа при взаимодействии зернистых пород камня с костью, с мягкой органикой животного происхождения, но также они почти не несут характерных микроследов абразивного взаимодействия двух камней, образующихся на экспериментальных терочниках для растительного сырья. С эталоном по обработке волокнистых крахмалистых корневищ наблюдается лишь отдаленное сходство. В работе по определению следов использования на натуйфийских диабазовых терочниках камнях характер топографии поверхности, схожий с плитками Чулатово 2, определен как свойственный орудиям для обработки злаков (рис. 5, 1; Dubreuil 2004: 1616–1619). Разумеется, для более точных выводов и заключений нужно расширить эталонную базу не только в плане разнообразия экспериментов, но и в плане увеличения их серийности. В целом же принадлежность описанных плиток из коллекции Чулатово 2 к кругу орудий домашнего хозяйства сомнений не вызывает.

Литература

Абрамова 1997 – *Абрамова З. А.* Сравнительный анализ кремневого инвентаря верхнепалеолитических стоянок бассейна Десны–Днепра // *Абрамова З. А., Григорьева Г. В.* Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. СПб: ИИМК РАН, 1997. Вып. 3. С. 81–114 (АИ. Вып. 29).

Васильев 1996 – *Васильев С. А.* Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. 224 с.

Воеводский 1952 – *Воеводский М. В.* Палеолитическая стоянка Рабочий ров (Чулатово II) // Плисецкий М. С. (отв. ред.). *Ископаемый человек и его культура на территории СССР*. М.: Изд-во МГУ, 1952. С. 101–132 (Учен. зап. МГУ. Вып. 158).

Гиря, Дэвлет 2010 – *Гиря Е. Ю., Дэвлет Е. Г.* Некоторые результаты разработки методики изучения техники выполнения петроглифов пикетажем // *Уральский исторический вестник*. 2010. № 1 (26). С. 107–118.

Громов 1948 – Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР // Мирчинк Г. Ф., Меннер В. В. (отв. ред.). Тр. Института геологических наук. Вып. 64. Геологическая серия (№ 17). М.: Изд-во АН СССР, 1948. 521 с.

Загородняя, Степанова 2012 – Загородняя О. Н., Степанова К. Н. Возможности микротрасологического анализа орудий из зернистых и кристаллических пород // Российская археология. 2012. № 2. С. 67–71.

Козловская 2002 – Козловская М. В. Пищевые новации производящего хозяйства // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. 2002. № 1–2. С. 26–45.

Леонова 1976 – Леонова Н. Б. Производственные комплексы стоянки Чулатово II (Рабочий ров). Верхний палеолит // Дмитриев С. С. (отв. ред.). Проблемы истории СССР. М.: Изд-во МГУ, 1976. Вып. 5. С. 3–20.

Рогачёв 1973 – Рогачёв А. Н. Об усложненном собирательстве как форме хозяйства в эпоху палеолита на Русской равнине // Лебединская Г. В., Рабинович М. Г. (отв. ред.). Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии: Сб. памяти М. М. Герасимова. М.: Наука, 1973. С. 127–142.

Adams et al. 2009 – Adams J., Delgado S., Dubreuil L., Hamon C., Plisson H., Risch R. Functional analysis of Macro-Lithic Artefacts: A Focus on Working Surfaces // Non-Flint Raw Material Use in Prehistory. Old prejudices and new directions: Proceedings of XV World Congress of the International Union for Prehistoric and Protohistoric Sciences (Lisbon, 4–9 Sept. 2006). London: Archaeopress. 2009. Vol. 11. P. 43–66 (BAR. IS. No. 1939).

Dubreuil 2004 – Dubreuil L. Long-term trends in Natufian subsistence: a use-wear analysis of ground stone tools // JAS. 2004. Vol. 31. P. 1613–1629.

Literature

Абрамова 1997 – Abramova Z. A. Sravnitel'ny'y analiz kremnovego inventarya verhnepaleoliticheskikh stoyanok basseyna Desny'-Dnepra (*Comparative analysis of flint inventory of the Uper Paleolithic sites of the Desna-Dnieper basin*) // Abramova Z. A., Grigorieva G. V. Verhnepaleoliticheskoe poselenie Yudinovo (*Upper Paleolithic site of Yudinovo*). St. Petersburg: IHMC RAS, 1997. Vol. 3. P. 81–114 (Archaeological Investigations. Vol. 29) (in Russian).

Васильев 1996 – Vasiliev S. A. Pozdnyiy paleolit Verhnego Eniseya (po materialam mnogosloynny'h stoyanok rayuna Mayny') [Late Paleolithic of the Upper Yenisey (with particular reference to the materials of the multilayered sites of the Maina area)]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1996. 224 p. (in Russian).

Воеводский 1952 – Voevodsky M. V. Paleoliticheskaya stoyanka Rabochiy rov (Chulatovo II) [*The Paleolithic site of Rabochiy rov (Chulatovo II)*] // Plisetsky M. S. (ed.). Iskopaemy'y chelovek i ego kul'tura na territorii SSSR (*Fossil man and his culture in the territory of the USSR*). Moscow: Moscow State University, 1952. P. 101–132 (Scholarly notes of Moscow State University. Vol. 158) (in Russian).

Гирия, Дэвлет 2010 – Giryа E. Yu., Devlet E. G. Nekotory'e rezul'taty' razrabotki metodiki izucheniya tehniky vy'polneniya petroglyfov piketajem (*Some results in the development of methods aimed at the study of the technique of petroglyph-making by picketage*) // Uralian Historical Herald. 2010. No. 1 (26). P. 107–118 (in Russian).

Громов 1948 – Gromov V. I. Paleontologicheskoe i arheologicheskoe obosnovanie stratigrafii kontinental'ny'h otlojeniy chetvertichnogo perioda na territorii SSSR (*Paleontological and archaeological substantiation of the stratigraphy of Quaternary continental deposits in the territory of the USSR*) // Works of the Institute of Geological Sciences. Vol. 64. Geological series (no. 17). Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1948. 521 p. (in Russian).

Загородняя, Степанова 2012 – Zagorodnyaya O. N., Stepanova K. N. Vozmozhnosti mikrotraseologicheskogo analiza orudiy iz zernisty'h i kristallicheskikh porod (*On the potential of the microtraseological analysis of tools made of granular and crystalline rocks*) // Russian Archaeology. 2012. No. 2. P. 67–71 (in Russian).

Козловская 2002 – Kozlovskaya M. V. Pisch'evy'e novacii proizvodyasch'ego hozyaystva (*Food innovations associated with the producing economy*) // OPUS: Mejdisciplinarny'e issledovaniya v arheologii (OPUS: Interdisciplinary studies in archaeology). 2002. No. 1–2. P. 26–45 (in Russian).

Леонова 1976 – Leonova N. B. Proizvodstvenny'e komplekсы' stoyanki Chulatovo II (Rabochiy rov). Verhniy paleolit [*Production complexes of the Chulatovo II (Rabochiy rov) site. Upper Paleolithic*] //

Dmitriev S. S. (ed.). *Problemy istorii SSSR (Problems of the history of the USSR)*. Moscow: Moscow State University, 1976. Vol. 5. P. 3–20 (in Russian).

Рогачёв 1973 – Rogachev A. N. Ob uslojnennom sobiratel'stve kak forme hozyaystva v e'pohu paleolita na Russkoy ravnine (*Complex food gathering as a form of subsistence in the Paleolithic of the Russian plain*) // Lebedinskaya G. V., Rabinovich M. G. (eds.). *Antropologicheskaya rekonstrukciya i problemy paleoetnografii (Anthropological reconstruction and problems of paleoethnography)*: Volume dedicated to the memory of M. M. Gerasimov. Moscow: Nauka, 1973. P. 127–142 (in Russian).

Adams et al. 2009 – Adams J., Delgado S., Dubreuil L., Hamon C., Plisson H., Risch R. Functional analysis of Macro-Lithic Artefacts: A Focus on Working Surfaces // Non-Flint Raw Material Use in Prehistory. Old prejudices and new directions: Proceedings of XV World Congress of the International Union for Prehistoric and Protohistoric Sciences (Lisbon, 4–9 Sept. 2006). London: Archaeopress, 2009. Vol. 11. P. 43–66 (BAR. IS. No. 1939).

Dubreuil 2004 – Dubreuil L. Long-term trends in Natufian subsistence: a use-wear analysis of ground stone tools // JAS. 2004. Vol. 31. P. 1613–1629.

GRINDING SLABS FROM CHULATOVO 2

K. N. Stepanova

The Upper Paleolithic site of Chulatovo 2 was discovered and studied in the 1930s. The lithic assemblage of the site allows to place it into the late stage of the Upper Paleolithic (fig. 1). In addition to flint and bone artifacts, the collection includes quartzite and sandstone slabs of local origin (from the primary deposits), bearing use-wear traces on one of their surfaces and, sometimes, traces of accommodation (fig. 2, 3). These objects were ascribed to the group of tools used to process plant foods obtained through gathering. The slabs show no signs of rounding, and the use of microtraceological method may help to clarify the question of their functions. The paper presents the results of the high-magnification study of the micro-topography of their surfaces (fig. 4), which are then compared with some experimental reference tools made of granular and crystalline rocks and employed in processing various organic materials (fig. 5).

**КОСТЁНКОВСКАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
ЛОИИМК АН СССР И СТАНОВЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИИ
НА ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ
ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
(КОНЕЦ 1940-х–1950-е гг.)¹**

Е. Ю. ЗАХАРОВА

Ключевые слова: *история археологии, Палеолитическая экспедиция ИИМК АН СССР, Воронежский государственный университет, А. Н. Рогачёв, П. И. Борисковский, А. Н. Москаленко, И. Н. Бороздин, Л. М. Тарасов, Н. Д. Праслов.*

Keywords: *history of archaeology, Kostenki Paleolithic expedition, ИИМК, Voronezh State University, A. N. Rogachev, P. I. Boriskovsky, A. N. Moskalenko, I. N. Borozdin, L. M. Tarasov, N. D. Praslov.*

В первые послевоенные десятилетия шел процесс институционализации археологии Центрально-Черноземного региона России (далее – ЦЧР) в системе советской исторической науки. Ее направленность и уровень развития тогда определялись работами столичных, в первую очередь академических, экспедиций. Именно они сыграли основополагающую роль в изучении и сохранении археологического наследия ЦЧР, заложили основы современного научного подхода к этой проблеме. Силами этих экспедиций было реализовано планомерное обследование территории на должном методическом уровне, полученные в ходе их работ материалы составили золотой фонд археологических коллекций местных краеведческих музеев, а научные результаты нашли отражение в центральных изданиях и серии диссертационных исследований.

Сказанное выше в полной мере относится и к Палеолитической (впоследствии Костёнковской палеолитической) экспедиции ЛОИИМК АН СССР. Более того, ее руководители, А. Н. Рогачёв и П. И. Борисковский, сыграли значительную роль в процессе становления археологии в Воронежском государственном университете (ВГУ), ставшем в последующие десятилетия признанным лидером археологии в ЦЧР. Именно этому аспекту деятельности ленинградских ученых, еще не являвшемуся предметом специального анализа, и посвящена эта публикация.

Со второй половины 1940-х гг. экспедиционная деятельность академических учреждений организовывалась в соответствии с общесоюзным планом научно-исследовательских работ по археологии и согласовывалась с «Советом по координации» АН СССР (Сорокина 2008: 123). Ее отличительной чертой в ЦЧР вплоть до середины 1960-х гг. можно считать преобладание научного интереса при выборе объекта полевых работ. Появление здесь крупных новоострочных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-11-48004 «Изучение и сохранение археологического наследия Центрального Черноземья: вклад академических экспедиций в конце 40-х–60-х гг. XX в.».

экспедиций относится только к концу 1960-х–1970-м гг., когда в регионе началось сооружение водохранилищ.

Научные интересы обусловили возобновление работ в ЦЧР на тех объектах, начало исследования которых относится еще к довоенному времени. Так, последний предвоенный сезон Костёнковской палеолитической экспедиции был в 1941 г., а уже в 1947 г. предварительный осмотр памятников костёнковско-борщёвского микрорайона на предмет сохранности произвел один из активных ее участников С. А. Семенов. Его вывод об их удовлетворительном состоянии послужил сигналом для возобновления в следующем, 1948 г., работы экспедиции (Векилова 1977: 210).

В конце 1940-х–1960-е гг. определяющую роль в ней играли ученики П. П. Ефименко – Александр Николаевич Рогачёв (1912–1984) и Павел Иосифович Борисковский (1911–1991). Показательно, что первый послевоенный сезон для А. Н. Рогачёва начался сразу же после защиты диссертации «Первобытно-общинное поселение палеолитического времени Костёнки 4» (раскопками этой стоянки он руководил в 1937–1938 гг. накануне ухода в действующую армию, где служил до 1947 г.), состоявшейся в ЛОИИМК 7 июля 1948 г. (Платонова, Аникович 2005: 21–24). О значимости фигур А. Н. Рогачёва и П. И. Борисковского в отечественной науке говорит тот факт, что полемика между ними в 1950–1960-е гг. определяла в целом направление исследовательской мысли в палеолитоведении и привела в начале 1970-х гг. к смене парадигм в нем (Аникович и др. 2008: 31).

Разгром краеведения в ЦЧР на рубеже 1920–1930-х гг., а затем военное лихолетье привели к плачевному состоянию в области археологии на местах. В штатах краеведческих музеев в лучшем случае было по одному специалисту, хотя бы в какой-то мере знакомому с археологией (В. И. Самсонов в Курске, Д. Д. Леонов в Воронеже). Возобновлять после войны учебную и научную деятельность вузов региона также приходилось в чрезвычайно сложных условиях. Среди преподавателей воронежских вузов в первые послевоенные годы археологией занимался лишь Антон Федорович Шоков (1911–1990), работавший в педагогическом институте. Он вел исследования по скифской проблематике, в 1949 г. был направлен в аспирантуру при ЛОИИМК и 9 мая 1950 г. защитил диссертацию на тему «Скифский период на Среднем Дону» (Шоков 1956: 4).

В 1947 г. для работы на историко-филологическом факультете Воронежского университета приехала из Саратова, где предыдущие два года работала в педагогическом институте, Анна Николаевна Москаленко (1918–1981). Выпускница Ленинградского государственного университета 1940 г., успешно защитившая в 1945 г. диссертацию на тему «Северяне по данным археологии» под руководством В. И. Равдоникаса (Москаленко 1945), она к моменту приезда в Воронеж имела за плечами два года педагогического стажа и никакого опыта полевых работ. Благодаря неутомимому энтузиазму и прекрасным организаторским качествам именно ей удалось заложить основы самостоятельной археологической деятельности на историко-филологическом (историческом) факультете ВГУ в первые послевоенные десятилетия.

В этой связи важное значение имели два обстоятельства. Во-первых, это благоприятная атмосфера поддержки внутри университетского коллектива, создателем которой по праву можно считать видного историка-энциклопедиста,

одного из деятельных членов Московского археологического общества Ильё Николаевича Бороздина (1883–1959), последний период жизни которого (1949–1959) связан с ВГУ. Вторым важным обстоятельством, способствовавшим становлению археологии в ВГУ, стало наставничество со стороны ученых из ленинградского ИИМК, прежде всего А. Н. Рогачёва и П. И. Борисковского. С А. Н. Рогачёвым, вероятнее всего, Анна Николаевна познакомилась уже по приезду в Воронеж, а П. И. Борисковский – это один из ее учителей, к тому же руководивший археологическим кружком на историческом факультете ЛГУ в бытность ее студенткой. Кроме того, П. И. Борисковского связывали дружеские отношения с И. Н. Бороздиным, завязавшиеся еще в Ашхабаде (Бороздина 2000: 148).

Главное, чему училась А. Н. Москаленко у ленинградских археологов, это, конечно же, методике археологических исследований. Свой первый полевой сезон с воронежскими студентами (1948 г.) она провела в Костёнковской палеолитической экспедиции. О результатах работ Москаленко докладывала на первом же заседании Ученого совета факультета (19.10.1948 г.). По протоколу невозможно проследить, в каких именно работах экспедиции принимал участие отряд ВГУ, но, судя по вопросам со стороны коллег («Какие славяне жили в этой местности? Как видится ей процесс этногенеза славян вообще и в Воронежской области?»), акцент Анна Николаевна сделала на результатах обследования славянских памятников у с. Борщёво. При подведении итогов обсуждения доклада декан Е. Г. Шуляковский отметил, что «во время экспедиции были некоторые организационные неполадки, но это естественно, так как в условиях университета это первый опыт (подчеркнуто мною. – Е. З.). Работа А. Н. Москаленко является положительной, хотя бы с точки зрения организации учебного процесса: студенты получили некоторые навыки в работе. Трудно судить о научном значении экспедиции: значительной она за такой период быть не может. В этом году мы опять запланируем эту работу <...> В ленинградскую экспедицию она включилась потому, что у нас нет опытных работников – археологов» (ГАВО, ф. 33, оп. 16, д. 6, л. 11–12).

Со следующего года А. Н. Москаленко начинает самостоятельные полевые изыскания, но при этом студенты ВГУ продолжали ежегодно участвовать в работах Костёнковской экспедиции. Более того, ленинградские ученые находили возможность для общения с сотрудниками и студентами историко-филологического факультета и помимо полевых работ. Документы ГАВО фиксируют по крайней мере пять официальных визитов А. Н. Рогачёва в Воронежский университет для участия в открытых заседаниях кафедр, а также для чтения лекций студентам и руководства их научно-исследовательской работой (в 1949/50, 1965/66, 1968/69, 1971/72, 1972/73 уч. г.). В соответствии с темой данной работы более подробно остановимся на первом из них. Он датируется 4 ноября 1949 г. А. Н. Рогачёв был приглашен на заседание кафедры всеобщей истории (зав. И. Н. Бороздин) как начальник Воронежско-Курской экспедиции ИИМК АН СССР (Там же, д. 16, л. 16). Заседание было открытым, на нем присутствовали и 15 студентов. А. Н. Рогачёв изложил предварительные итоги полевых работ 1949 г. В протоколе заседания отражена следующая информация по его выступлению:

«Настоящей экспедиции предстояло решить две проблемы:

1) проблема истории жилища,

2) проблема хронологического расчленения памятников палеолита.

Работы проводились в с. Авдеево и с. Костёнки (стоянки Костёнки I, Костёнки V, Тельмановская). В Авдеево производились раскопки жилищ. Авдеевская стоянка по культуре схожа со стоянкой Костёнки I. На это указывает одинаковый характер устройства жилищ. Связь либо генетическая, либо территориальная. В Костёнках решался вопрос хронологии. Особенно интересны раскопки Костёнок V, так как датировки до сих пор не было. Был обнаружен слой не моложе среднего слоя Костёнок I, также слой нижнего горизонта. Это важно, поскольку многослойные памятники встречаются крайне редко. В настоящее время встает вопрос об одновременном изучении целых комплексов памятников материальной культуры. Это позволит по-новому подойти к периодизации» (Там же).

В обсуждении сообщения приняли участие сотрудники кафедры. В частности, А. Н. Москаленко заинтересовалась, не объясняется ли сходство памятников Костёнок и Авдеево одинаковым уровнем развития и одинаковыми общественными отношениями? В ответ А. Н. Рогачёв заметил, что «вывод правилен в широком плане, но если подходить специально, то надо идти дальше». В заключение обсуждения данного вопроса заведующий кафедрой И. Н. Бороздин сказал: «Доклад представляет большой интерес. В частности, очень интересен вопрос о периодизации и об изучении комплексов. Для студентов особенно интересно было послушать рассказ о методике» (Там же).

Для восстановления истории становления археологии в ВГУ важным также является тот факт, что на этом заседании доцентом кафедры С. Н. Бенклиевым впервые было высказано предложение «возбудить ходатайство перед Министерством о разрешении открытия на факультете специализации по археологии» (Там же, л. 17). Было принято решение вернуться к обсуждению этого вопроса на следующем заседании, но по не выясненным мною причинам этого не произошло (впервые специализация по археологии в ВГУ была открыта в 1967 г. для студентов из Вьетнама).

Следующий прием на факультете ведущих специалистов в области археологии датируется 1953 г. Полевой сезон этого года ознаменовался сенсационным открытием погребения палеолитического времени в Костёнках. Воронежские историки и археологи не остались равнодушны к этому событию. Были задействованы все возможные формы сопричастности к нему. Уже в сентябре научная общественность города собралась на открытое объединенное заседание кафедр истории СССР и всеобщей истории ВГУ, на которое были приглашены преподаватели педагогического института Долбилин и Шоков, сотрудники музея краеведения, студенты ВГУ и ВГПИ, где выступил П. И. Борисковский (Там же, д. 43, л. 8).

Студенты ВГУ побывали и непосредственно на месте открытия в Костёнках, где А. Н. Москаленко провела занятие археологического кружка и поручила студентам подготовить два доклада о наиболее ярких свидетельствах эпохи палеолита в Костёнках (Там же, л. 7 об.). Впоследствии доклад третьекурсника Л. Тарасова, посвященный анализу материалов из палеолитического погребения в Костёнках, был оформлен как конкурсная работа и представлен в Министерство высшего образования РСФСР (подробнее речь об этом пойдет ниже). В первом семестре того же учебного года студентам ВГУ представилась уникальная воз-

можность послушать лекцию М. М. Герасимова «О восстановлении лица по черепу» (Там же, д. 39, л. 38).

Наставничество представителей ленинградской археологической школы способствовало профессиональному росту воронежских студентов в целом, а для некоторых из них определило выбор дальнейшей научной судьбы. Двое из студентов ВГУ, активно работавших в 1950-е гг. в Костёнковской экспедиции, впоследствии стали профессиональными археологами и влились в коллектив сотрудников Отдела палеолита ИИМК АН СССР – это Лев Михайлович Тарасов (1925–2010) и Николай Дмитриевич Праслов (1937–2009). В архивных документах сохранились свидетельства, связанные с их студенческой исследовательской работой в ВГУ.

Лев Михайлович Тарасов учился в ВГУ с первого по четвертый курс (1951–1955 гг.), после чего перевелся в Ленинградский университет. Уже после первого курса, как сообщается в отчете о работе археологического кружка, студент Л. Тарасов принимал участие в работах Костёнковской экспедиции. В первом семестре 1952/53 уч. г. ему было поручено выступить совместно со старшим товарищем Д. Г. Демидовым (впоследствии известный краевед, кандидат исторических наук, зам. директора Воронежского областного краеведческого музея) на археологическом кружке с докладом «О раскопках памятников эпохи палеолита в Гремяченском районе» (Там же, д. 34, л. 22).

В следующем учебном году он уже выступил с докладом «Погребение позднего палеолита в с. Костёнки» на заседании секции истории СССР VIII студенческой научной конференции ВГУ (Там же, д. 42, л. 13). Этот доклад в числе лучших был оформлен письменно для участия в областном конкурсе студенческих работ. Областное жюри историко-филологической секции приняло решение «отметить похвальными грамотами Обкома ВЛКСМ всего 12 работ», среди которых только одна была по археологии – работа Л. М. Тарасова (Там же, л. 4). В этой связи отметим, что результаты полевого сезона 1953 г. в Костёнках нашли отражение и в студенческой работе из Воронежского педагогического института (Драйцель Н. М. «Погребения палеолита в Костёнковско-Борщёвском районе»), также представленной на конкурс, но не получившей награды (Там же, л. 6). Пять лучших работ жюри конкурса представило в Министерство высшего образования РСФСР, в их числе и исследование Л. М. Тарасова (Там же).

Обучаясь на четвертом курсе ВГУ, Л. М. Тарасов выступил с докладом «Палеолитическая стоянка на Маркиной горе в с. Костёнки» на заседании археологического кружка, а затем на студенческой сессии в МГУ, посвященной 200-летию Московского университета (Там же, д. 49, л. 116). Дальнейшая его жизнь уже связана с Ленинградом.

Последний год учебы в ВГУ Л. М. Тарасова совпал с первым курсом Н. Д. Праслова, который пришел на историко-филологический факультет, уже будучи знакомым с сотрудниками Костёнковской экспедиции, поскольку был родом из этого села и с детства проявлял интерес к археологии (Синицын 2010: 184). Информация о его студенческих исследованиях, нашедшая отражение в публикации, лаконична (Там же). Ее позволяют дополнить сведения, сохранившиеся в архивных документах. Первый доклад Н. Прасловым был сделан на втором курсе в апреле 1956 г. на заседании исторической секции X студенческой конференции ВГУ и назывался «Раскопки стоянки Костёнки 17» (ГАВО, ф. 33,

оп. 16, д. 61, л. 11). Выбор такой темы был неслучайным, поскольку юноша непосредственно участвовал в исследовании этой стоянки, открытой и раскопывавшейся П. И. Борисовским в 1953 и 1955 гг. (Борисковский и др. 1982: 181). Уже будучи состоявшимся ученым и руководителем Костёнковской экспедиции, Н. Д. Праслов вновь вернулся к изучению этого памятника, заложив в 1980 г. на его площади шурф 12 м² (Там же).

Спустя год, в апреле 1957 г., Н. Праслов выступил на XI студенческой конференции ВГУ с докладом «Костёнки 3» (ГАВО, ф. 33, оп. 16, д. 83, л. 13), который был отмечен руководителем секции «как имеющий несомненную ценность» (Там же, д. 59, л. 160). На его основе Н. Праслов оформил работу для участия в ежегодном Всесоюзном конкурсе студенческих работ и получил самую высокую награду – премию Министерства высшего образования СССР (Там же, д. 83, л. 13). Показательно, что и спустя четверть века эта стоянка не потеряла своей привлекательности для ученого: его перу принадлежит статья об этом памятнике, все еще, по мнению автора, «недостаточно разведанном и описанном», в коллективной монографии 1982 г. (Праслов 1982: 75).

После окончания третьего курса Н. Праслов начал самостоятельные исследования открытой им в предыдущее (1956 г.) лето стоянки Костёнки 21. Поскольку площадь памятника интенсивно размывалась рекой, требовались упреждающие работы спасательного характера, которые и проводились под его руководством с перерывами вплоть до 1980-х гг. Анализу материалов со стоянки впоследствии была посвящена серия публикаций Н. Д. Праслова; в студенческие же годы об обнаружении нового памятника он доложил на заседании археологического кружка ВГУ, выступив с докладом «Методика разведки памятников палеолита» (ГАВО, ф. 33, оп. 16, д. 77, л. 52), а полученные в 1957 г. материалы легли в основу его конкурсной работы, представленной в Министерство высшего образования (Там же, д. 94, л. 21).

В октябре–ноябре 1957 г. в Воронежском университете, как и в других организациях и учреждениях страны, прошла серия мероприятий, посвященных 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. В ее рамках состоялось и торжественное заседание археологического кружка (фото опубликовано: Пряхин 2013: 32, рис. 3). На нем студент четвертого курса Н. Праслов представил свою первую обобщающую работу, выступив с докладом «40 лет советскому палеолитоведению» (ГАВО, ф. 33, оп. 16, д. 83, л. 12).

Как мы показали выше, в период учебы Н. Праслова в университете объектами его студенческих исследований были несколько палеолитических памятников в Костёнках, но в итоговой дипломной работе было решено проанализировать материалы со стоянки Костёнки 19, открытой и исследованной на площади 229 м² под руководством П. И. Борисовского в 1956–1957 гг. Обнаруженные там три самостоятельных комплекса культурных остатков (два – вокруг очагов, включая остатки жилища, один – на месте обработки кремня) вызвали, по словам П. И. Борисовского и Н. Д. Праслова, «огромнейший интерес» у специалистов (Борисковский, Праслов 1982: 192). Это обстоятельство и предопределило выбор исследовательской темы Н. Праслова на заключительном этапе его обучения в ВГУ. Стоянке Костёнки 19 был посвящен дебютный доклад Н. Праслова на Всесоюзной археологической студенческой конференции в МГУ весной 1958 г., тезисы которого стали его первой публикацией (Праслов 1958: 8–9).

18 мая 1959 г. на заседании кафедры истории СССР состоялась защита дипломной работы Н. Прасловым на тему: «Костёнки 19 – новое позднепалеолитическое поселение на Дону (раскопки 1956–1957 гг.)» (руководитель – доц. А. Н. Москаленко; рецензент – доц. В. А. Афонюшкин). Работа была оценена и руководителем, и рецензентом на «отлично» (ГАВО, ф. 33, оп. 16, д. 96, л. 26).

В заключение характеристики студенческой деятельности Н. Д. Праслова на археологическом поприще отмечу еще один немаловажный ее аспект. Николай Дмитриевич был активным участником, а на старших курсах – председателем археологического кружка историко-филологического факультета ВГУ. Одновременно он руководил археологическим кружком в городском Дворце пионеров. В отчете исторического факультета ВГУ за 1963 г. содержится характеристика работы археологического кружка, отметившего в тот год 15-летие. Приведу лишь небольшую выдержку из этого документа: «Очень хорошо работает археологический кружок, создавший свои традиции. Хотя у нас нет специализации по археологии, но в кружке уже подготовлено несколько специалистов (Л. Тарасов, Н. Праслов, А. Пряхин)» (Там же, д. 167, л. 16). В процессе подготовки первых профессиональных археологов в стенах Воронежского госуниверситета большую роль сыграло наставничество со стороны ленинградских ученых.

Литература и источники

Аникович и др. 2008 – *Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И.* Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб.: Нестор-История, 2008. 304 с. (Тр. Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 1).

Борисковский и др. 1982 – *Борисковский П. И., Праслов Н. Д., Аникович М. В.* Костёнки 17 (Спицынская стоянка) // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. Л.: Наука, 1982. С. 181–186.

Борисковский, Праслов 1982 – *Борисковский П. И., Праслов Н. Д.* Костёнки 19 (стоянка Валункинского) // Там же. С. 190–197.

Бороздина 2000 – *Бороздина П. А.* Думой века измерил... // Жизнь и судьба профессора И. Н. Бороздина. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. Ч. 1. 408 с.

Векилова 1977 – *Векилова Е. А.* Летопись работ Костёнковской палеолитической экспедиции (1922–1976 гг.) // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.: Наука, 1977. С. 208–215.

Москаленко 1945 – *Москаленко А. Н.* Северяне по данным археологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛГУ, 1945. 24 с.

Платонова, Аникович 2005 – *Платонова Н. И., Аникович М. В.* Александр Николаевич Рогачёв: материалы, воспоминания, размышления // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района и сопредельных территорий. СПб.: ИИМК РАН; ООО «Копи-Р», 2005. С. 10–28.

Праслов 1958 – *Праслов Н. Д.* Новое позднепалеолитическое поселение Костёнки XIX // ТД 4-й Всесоюзной археологической студенческой конференции. М.: Изд-во МГУ, 1958. С. 8–9.

Праслов 1982 – *Праслов Н. Д.* Костёнки 3 // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. Л.: Наука, 1982. С. 72–75.

Пряхин 2013 – *Пряхин А. Д.* Археология в Воронежском госуниверситете (1918–начало 90-х гг. XX в.). Воронеж: Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2013. Кн. 1. 140 с.

Синицын 2010 – *Синицын А. А.* Памяти Николая Дмитриевича Праслова (1937–2009) // Российская археология. 2010. № 4. С. 184–186.

Сорокина 2008 – *Сорокина И. А.* Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула: Гриф и К, 2008. 244 с.

Шоков 1956 – *Шоков А. Ф.* Автобиография // Архив ВГУ, д. 11 ОК, 1956 г. ГАВО, ф. 33, оп. 16, д. 6, 16, 34, 39, 42, 43, 49, 59, 61, 77, 83, 94, 96, 167.

Literature and archive sources

Аникович и др. 2008 – *Anikovich M. V., Popov V. V., Platonova N. I.* Paleolit Koste'nkovsko-Borsch'e'vskogo rayona v kontekste verhnego paleolita Evropy' (*Paleolithic of the Kostenki-Borshchevo region in the context of the Upper Paleolithic of Europe*). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008. 304 p. (Proceedings of the Kostenki-Borshchevo Archaeological Expedition. Vol. 1) (in Russian).

Борисковский и др. 1982 – *Boriskovsky P. I., Praslov N. D., Anikovich M. V.* Koste'nki 17 (Spicy'nskaya stoyanka) [*Kostenki 17 (Spitsyn site)*] // Paleolit Koste'nkovsko-Borsch'e'vskogo rayona na Donu. 1879–1979. Nekotory'e itogi polevy'h issledovaniy (*Paleolithic of the Kostenki-Borshchevo region on the Don. 1879–1979: Some results of field investigations*). Leningrad: Nauka, 1982. P. 181–186 (in Russian).

Борисковский, Праслов 1982 – *Boriskovsky P. I., Praslov N. D.* Koste'nki 19 (stoyanka Valukinskogo) [*Kostenki 19 (Valukinsky site)*] // *Ibid.* P. 190–197 (in Russian).

Бороздина 2000 – *Borozdina P. A.* Dumoy veka izmeril... (*In his thoughts he measured centuries...*) // *Jizn' i sud'ba professora I. N. Borozdina (Professor I. N. Borozdin's life and destiny)*. Voronezh: Voronezh State University, 2000. Part 1. 408 p. (in Russian).

Векилова 1977 – *Vekilova E. A.* Letopis' rabot Koste'nkovskoy paleoliticheskoy e'kspedicii (1922–1976 gg.) [*Chronicle of works of the Kostenki Paleolithic Expedition (1922–1976)*] // *Problemy' paleolita Vostochnoy i Central'noy Evropy' (Problems of the Paleolithic of East and Central Europe)*. Leningrad: Nauka, 1977. P. 208–215 (in Russian).

Москаленко 1945 – *Moskalenko A. N.* Severyane po danny'm arheologii (*Severyane as seen from archaeological data*): Ph. D. abstract. Leningrad: Leningrad State University, 1945. 24 p. (in Russian).

Платонова, Аникович 2005 – *Platonova N. I., Anikovich M. V., Aleksandr Nikolaevich Rogachev:* materialy', vospominaniya, razmy'shleniya (*Alexander Nikolaevich Rogachev: documents, memoirs, reflections*) // *Problemy' ranney pory' verhnego paleolita Koste'nkovsko-Borsch'e'vskogo rayona i sopredel'ny'h territoriy (The problems of early upper Paleolithic of the Kostenki-Borshchevo region and adjacent territories)*. St. Petersburg: IHMC RAS, 2005. P. 10–28 (in Russian).

Праслов 1958 – *Praslov N. D.* Novoe pozdnepaleoliticheskoe poselenie Koste'nki XIX (*Kostenki XIX – a new Late Paleolithic site*) // Abstracts of papers presented to the 4th All-Soviet Union student archaeological conference. Moscow: Moscow State University, 1958. P. 8–9 (in Russian).

Праслов 1982 – *Praslov N. D.* Koste'nki 19 (*Kostenki 3*) // Paleolit Koste'nkovsko-Borsch'e'vskogo rayona na Donu. 1879–1979. Nekotory'e itogi polevy'h issledovaniy (*Paleolithic of the Kostenki-Borshchevo region on the Don. 1879–1979: Some results of field investigations*). Leningrad: Nauka, 1982. P. 72–75 (in Russian).

Прыхин 2013 – *Pryakhin A. D.* Arheologiya v Voronejskom gosuniversitete (1918-nachalo 90-h gg. XX v.) [*Archaeology at Voronezh State University (1918–early 90^{es} of the XX century)*]. Voronezh: Publishing & Printing Center of Voronezh State University, 2013. Book 1. 140 p. (in Russian).

Синицын 2010 – *Sinitsyn A. A.* Pamyati Nikolaya Dmitrievicha Praslova (1937–2009) [*In memory of Nikolai Dmitrievich Praslov (1937–2009)*] // *Russian Archaeology*. 2010. No. 4. P. 184–186 (in Russian).

Сорокина 2008 – *Sorokina I. A.* Polevy'e arheologicheskie issledovaniya v Rossii v 1946–2006 gg. (po arhivny'm materialam i publikacijam) [*Archaeological field works in Russia in 1946–2006 (on the basis of published and archive materials)*]. Tula: Grif & C, 2008. 244 p. (in Russian).

Шоков 1956 – *Shokov A. F.* Avtobiografiya (*Autobiography*) // Archive of Voronezh State University, file 11 OK, 1956 (in Russian).

State Archive of the Voronezh Region, fond 33, register 16, files 6, 16, 34, 39, 42, 43, 49, 59, 61, 77, 83, 94, 96, 167.

**KOSTENKI PALEOLITHIC EXPEDITION OF THE LENINGRAD
BRANCH OF THE INSTITUTE FOR THE HISTORY
OF MATERIAL CULTURE OF THE ACADEMY OF SCIENCES
OF THE USSR AND THE ESTABLISHMENT
OF ARCHAEOLOGY AT THE HISTORY AND PHILOLOGY
DEPARTMENT OF THE VORONEZH STATE UNIVERSITY
(LATE 1940^{ES}–1950^{ES})**

E. Yu. Zakharova

In the first post-war decades, the heads of the Kostenki Paleolithic Expedition of IHMC A. N. Rogachev and P. I. Boriskovsky played an important role in the formation of archaeology at Voronezh State University (hereafter VSU), which later became the acknowledged leader of regional archaeology. Starting with 1948, students of VSU supervised by A. N. Moskalenko took an active part in the works of the expedition. In addition, the archive documents show that the scholars from Leningrad maintained good contacts with the staff of and students of the History and Philology Department of VSU, acquainting them with the newest achievements of national archaeology. Their tutorship contributed to the professional growth of many students, some of whom have subsequently become renowned archaeologists. Two of them, Lev Mikhailovich Tarasov (1925–2010) and Nikolai Dmitrievich Praslov (1937–2009), who actively worked in the Kostenki Expedition in the 1950^{es}, joined the Paleolithic Department of IHMC. The author analyzes the documents from the State Archive of the Voronezh Region, shedding light on the research activity of the two scholars in their student years.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ АШАГЫ ДАШАРК В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ КУРО-АРАКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В. Б. БАХШАЛИЕВ

Ключевые слова: *поселение Ашагы Дашарк, происхождение куро-аракской культуры, поселения Овчулартепеси, Кюльтепе I и II, Нахичеванская Автономная Республика, Шарурский р-н.*

Keywords: *Ashagy Dashark settlement, origins of the Kura-Araxes culture, Ovçular Tepesi, Kultepe I and II settlements, Nakhchivan Autonomous Republic, Sharur region.*

Большое значение для познания древней истории Кавказа, в том числе и Азербайджана, имеют археологические памятники древнего Шарура. Одним из них является поселение Ашагы Дашарк, расположенное в центре одноименного села Шарурского р-на Нахичеванской Автономной Республики (далее НАР). Культурный слой памятника разрушен во время строительных работ, причем в юго-западной части поселения толща отложений раннего бронзового века составляет 7–8 м, а в северо-восточной – 3,5–4 м.

Памятник впервые был исследован С. Г. Ашуровым. В 2001 г. он произвел здесь раскопки на площади $2,5 \times 2,5$ м, впоследствии раскоп расширили. В ходе полевых работ выявлены четыре строительных периода (Aşurov 2003: 18–23). В 2011 г. Ашагы Дашарк исследовали А. Г. Сеидов и В. Б. Бахшалиев. В настоящей статье использованы материалы из раскопок С. Г. Ашурова, А. Г. Сеидова и В. Б. Бахшалиева.

В сезоне 2011 г. в центре поселения был заложен раскоп размерами 6×8 м. Культурный слой вскрыли на глубину 0,8 м. Для исследования расположенных ниже слоев памятника раскопки на площади 3×3 м были продолжены до материка, обнаруженного на глубине 2 м.

В ходе работ на уровне 1,5 м от поверхности поселения выявлено круглое в плане глинобитное помещение, причем часть его осталась за пределами раскопа. Длина обнаруженной стены составила 1,4 м, ширина – 0,35 м, высота – 0,45 м.

Археологические находки включают керамику, очажные подставки, а также орудия из камня и кости. В целом вещевые комплексы относятся к среднему и позднему периодам куро-аракской культуры.

Большинство археологических материалов представлено залощенными до блеска керамическими изделиями с примесью песка в тесте. Эти серые, черные и розоватые сосуды характерны для памятников куро-аракской культуры. Б. А. Куфтин называл подобную посуду Южного Кавказа чернолощенной с розовой подкладкой (Куфтин 1941: 76). К. Барней именовал сходные керамические изделия Южного Кавказа и Восточной Анатолии закавказской восточноанатолийской керамикой раннего бронзового века (Burney 1958: 165). Подобная посуда известна также под названиями «Караз» и «Хирбет-Керак».

До 1970-х гг. некоторые исследователи считали, что розоватая энеолитическая посуда Южного Кавказа полностью отличается от куро-аракской керамики,

так как в эпоху ранней бронзы глиняные сосуды имели в основном серый и черный цвета, хотя иногда сохранялся и розоватый. Однако дальнейшие исследования показали, что в позднем энеолите, наряду с сохранением старых керамических традиций (глина с примесью мякины и грубое изготовление), появляются технологические инновации, характерные уже для куро-аракской культуры (полушаровидные ручки, цилиндрическое горло, примесь песка в тесте, хорошее лощение). Определенное сходство между культурой позднего энеолита и раннего бронзового века прослеживается также в форме прямоугольных и круглых помещений, в металлических изделиях. Эти факты показывают, что куро-аракская культура когда-то смыкалась с энеолитической. Раскопки поселения Овчулартепеси свидетельствуют о том, что обе культуры сосуществовали на определенном отрезке времени (Marro et al. 2011: 66).

Среди археологических материалов, обнаруженных при раскопках поселения Ашагы Дашарк, особое место занимают керамические изделия. В настоящей статье рассматриваются лишь некоторые из них: миски, кувшины и горшки, а также модели колес.

Многочисленные **миски** по технологии их изготовления и морфологии можно разделить на четыре типа.

I тип. Серые и черные миски с конусовидным или несколько округлым туловом имеют заглаженную с обеих сторон поверхность и прямой (рис. 1, 2) либо отогнутый наружу венчик (рис. 1, 1, 3, 6, 7; 2, 5–7).

II тип. Миски с выпуклым округлым туловом и заглаженной поверхностью выполнены с полушаровидными ручками, расположенными на краю венчика (рис. 1, 5, 9).

III тип. Миски с биконическим или выпуклым туловом часто имеют ручки, помещенные на его верхней части (рис. 1, 4, 8). Венчики мисок типа III обычно ограничены горизонтальной полосой из тонких насечек, расположенной на стыке тулова и венчика (рис. 1, 4, 8, 10).

IV тип. Миска с прямым венчиком и полусферическим туловом украшена врезным геометрическим орнаментом в виде треугольников и прямых линий (рис. 2, 3). Внутренняя поверхность миски хорошо заглажена, наружная поверхность – чернолощенная.

Кувшины черного, реже серого цвета характеризуются отогнутым наружу венчиком, широким выраженным горлом и округлым туловом (рис. 2, 9–11). Край венчика у некоторых сосудов имеет подпрямоугольную (рис. 3, 3) или округлую форму (рис. 3, 5, 7, 9). По морфологии можно выделить три типа кувшинов.

I тип. Кувшин с низким горлом и отогнутым наружу венчиком, украшенным углубленным орнаментом. В месте соединения венчика и горла сосуда нанесена резная линия (рис. 3, 7 – диаметр венчика – 16 см) (Aşurov 2003: 21).

II тип. Кувшины с отогнутым наружу краем венчика и выпуклым туловом имеют в основном толстые стенки (рис. 2, 1, 2, 4). Полушаровидные ручки сосудов размещены на стыке горла и тулова (рис. 3, 5, 10), а иногда – на верхней части тулова (рис. 3, 11).

III тип. Кувшины с цилиндрическим горлом и округлым туловом изготовлены без ручек. Край венчика сосуда отогнут наружу (рис. 3, 1–4). Тулова некоторых кувшинов украшены углубленным орнаментом (рис. 3, 9).

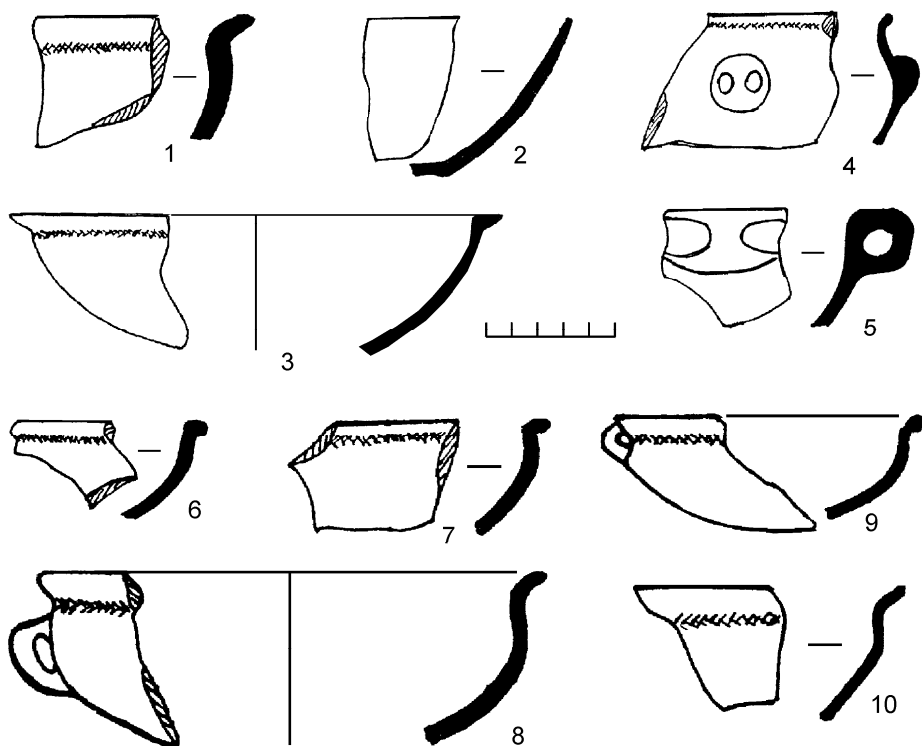

Рис. 1. Поселение Ашагы Дашарк, керамика, миски
 Fig. 1. Ashagy Dashark, pottery, bowls

Горшки розового и серого цветов имеют широкое устье, скругленный и отогнутый наружу край венчика, низкое цилиндрическое горло, биконическое тулово и плоское дно. Их стенки достигают толщины 0,5–1 см. На поверхности некоторых сосудов сохранились следы копоти. Полушаровидные ручки ряда горшков размещены под венчиком (рис. 4, 1). Подобные горшки известны из Бабадериша (Исмаилов 1978: 35, tabl. VII), Карабаха (Сәғәтов 2000: tabl. 17, 3; 19, 9), Гейтепе (Brown 1951: tabl. III, 30).

Модели колес представлены 2 экземплярами (рис. 2, 8; 5, 2). Аналогичные изделия известны из Кюльтепе I (Абибуллаев 1982: 139), Кюльтепе II (Сеидов 1993: 56), Махта I, Бабадериш (Исмаилов 1978: tabl. VIII), Гобустана (Muradova 1979: tabl. X, 13), Гейтепе (Brown 1951: fig. 13, 1438, 1453) и Яныгтепе в Приурмийской области (Кушнарева, Чубинишвили 1970: рис. 36, 20).

Исследование керамических изделий поселения Ашагы Дашарк показывает, что они изготовлены из глины с примесью мелкого и крупного песка и характеризуются хорошим обжигом. На внутренней части ряда сосудов сохранились следы от простого гончарного круга. Формы лепной посуды симметричны. Большинство сосудов имеет лощение. Хозяйственные сосуды и предметы особого

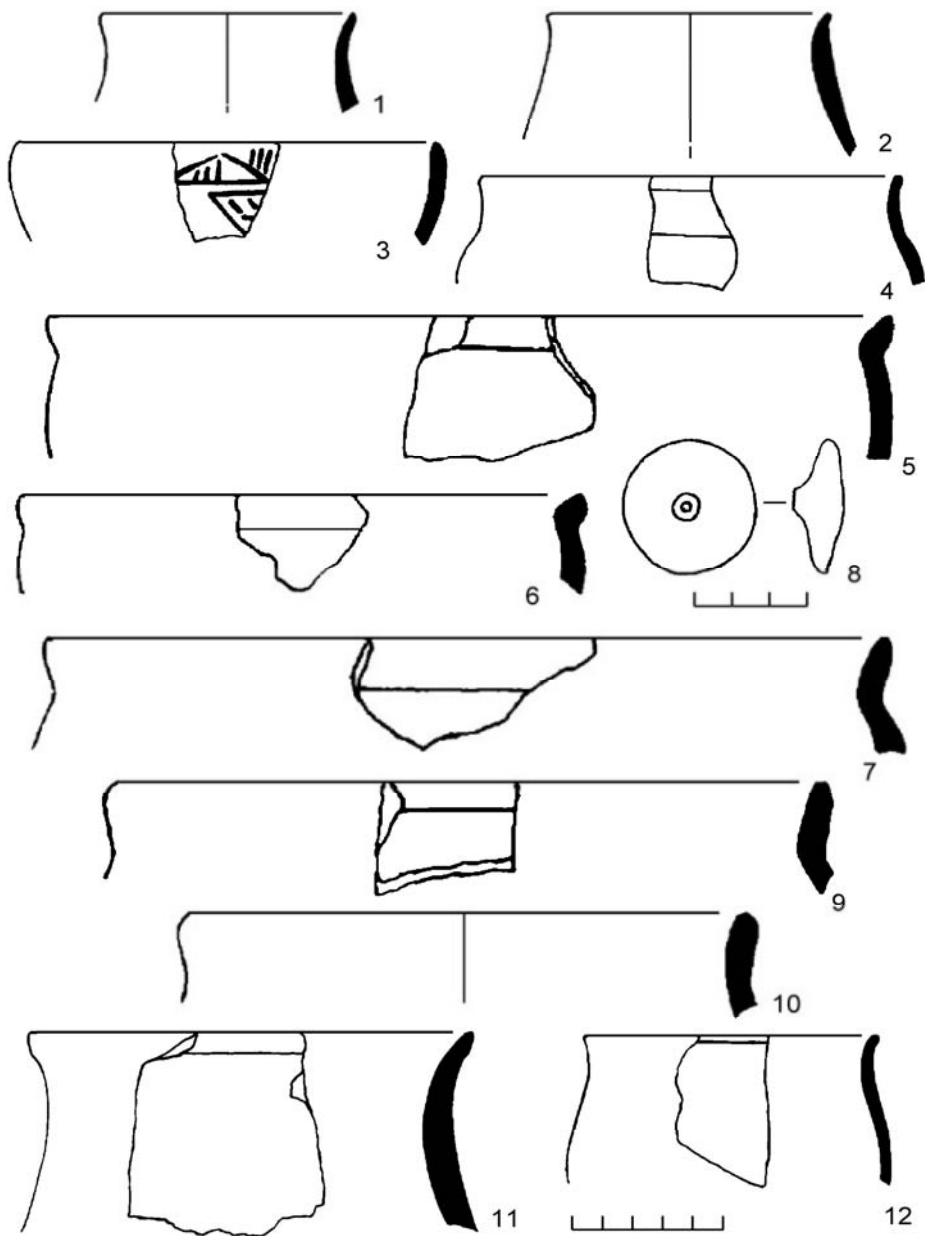

Рис. 2. Поселение Ашагы Дашарк, керамика: 1, 2, 4, 9-11 – кувшины; 3, 5-7 – миски; 8 – модель колеса; 12 – горшок

Fig. 2. Ashagy Dashark, pottery: 1, 2, 4, 9-11 – pitchers; 3, 5-7 – bowls; 8 – model of wheel; 12 – pot

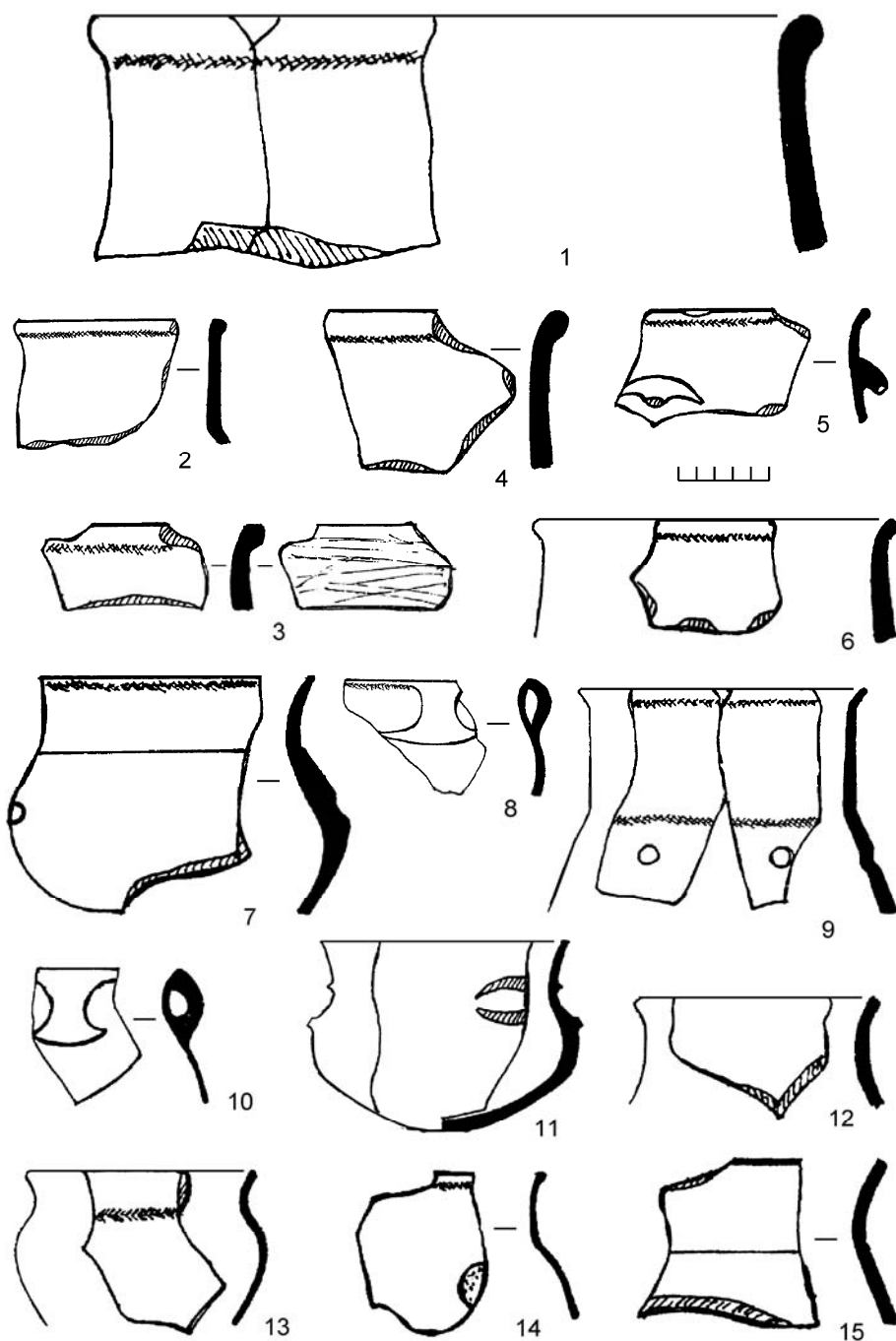

Рис. 3. Поселение Ашагы Дашарк, керамика: 1-7, 9-11, 14, 15 – кувшины; 8, 12, 13 – горшки
 Fig. 3. Ashagy Dashark, pottery: 1-7, 9-11, 14, 15 – pitchers; 8, 12, 13 – pots

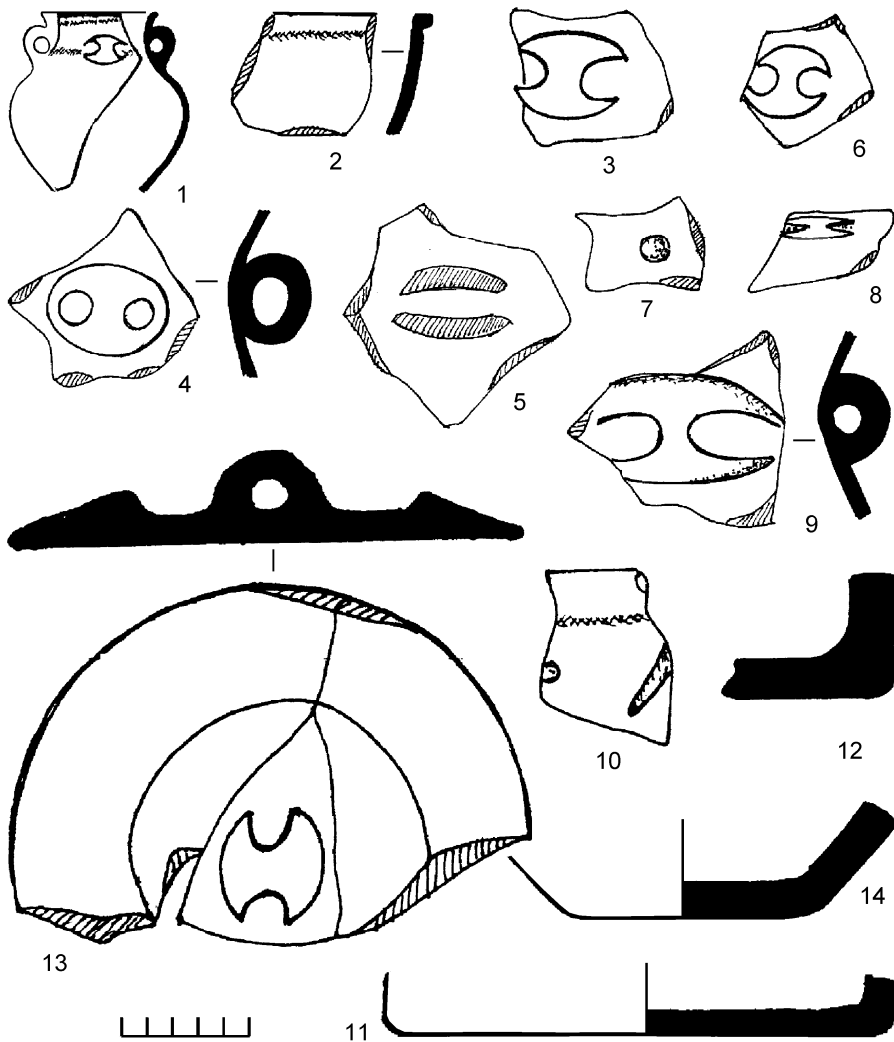

Рис. 4. Поселение Ашагы Дашарк, керамика: 1 – горшок; 2 – миска; 3–6, 8–9 – полушаровидные ручки сосудов; 7, 10 – фрагменты сосудов с рельефными украшениями; 11, 12, 14 – фрагменты донцев сосудов; 13 – крышка

Fig. 4. Ashagy Dashark, pottery: 1 – pot; 2 – bowl; 3–6, 8–9 – semi-globular handles of vessels; 7, 10 – fragments of vessels with relief decoration; 11, 12, 14 – fragments of vessel bases; 13 – lid

назначения изготовлены из глины с примесью крупного песка. Для производства некоторых сосудов использовали примесь измельченного камня.

В последние годы на территории НАР выявлены многочисленные памятники куро-аракской культуры, что позволяет провести сравнение керамических изделий раннего бронзового века.

Материалы раннего периода куро-аракской культуры на поселении Ашагы Дашарк незначительны. Как было указано выше, здесь в основном представлены слои среднего и позднего периодов этой культуры.

Появление розовой подкладки сосудов, оттенки которой колеблются от оранжевого цвета до коричневого, является характерной особенностью посуды среднего периода. Хорошо ангобированные и слегка залощенные сосуды в это время встречаются также орнаменты, выполненные в неолитическом стиле (налепные, врезные, штампованные и вырезные), что, по моему мнению, говорит о последовательности культур.

Для позднего периода куро-аракской культуры характерны тонкостенные сосуды, в том числе хорошо залощенные. Посуда с розовой подкладкой в этом периоде не представлена. На поверхности некоторых сосудов остались следы инструмента, которым их полировали.

В этом периоде широкое распространение получили также горшки с биколическим округлым туловом, ручки которых, в основном, расположены на краю венчика. Характерной особенностью горшков этого времени является различная геометрическая орнаментация.

Для посуды куро-аракской культуры типичны полушаровидные ручки. Высказано предположение о том, что они произошли от выступов, которые известны на посуде неолитического периода и в которых со временем стали продельвать горизонтальное отверстие. Постепенно ручки приобрели овальную и полушаровидную форму. В позднем периоде куро-аракской культуры появляются петлевидные ручки (Алиев Н. 1981: 18; Ашуров 1992: 12).

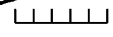
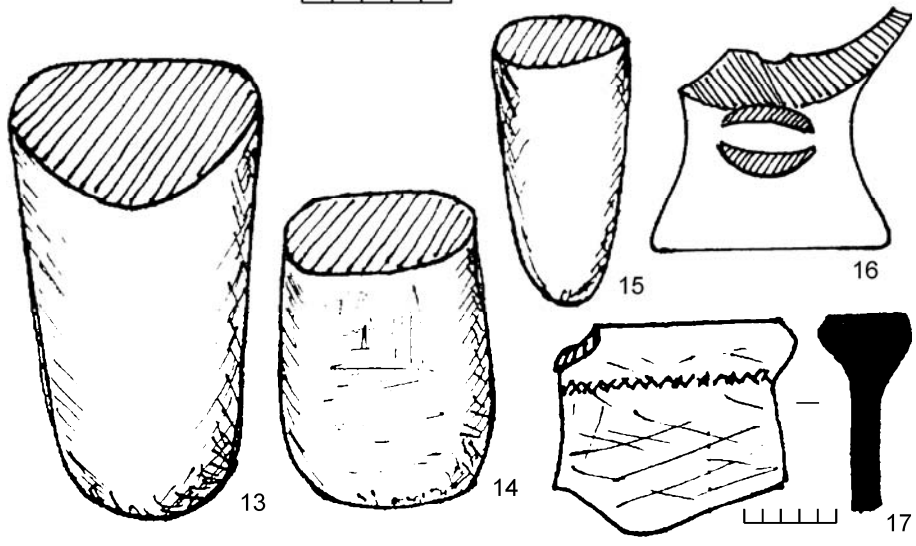
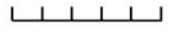
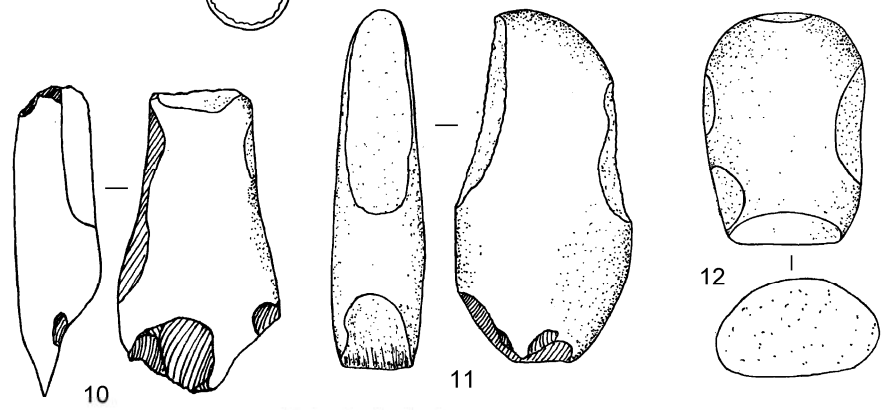
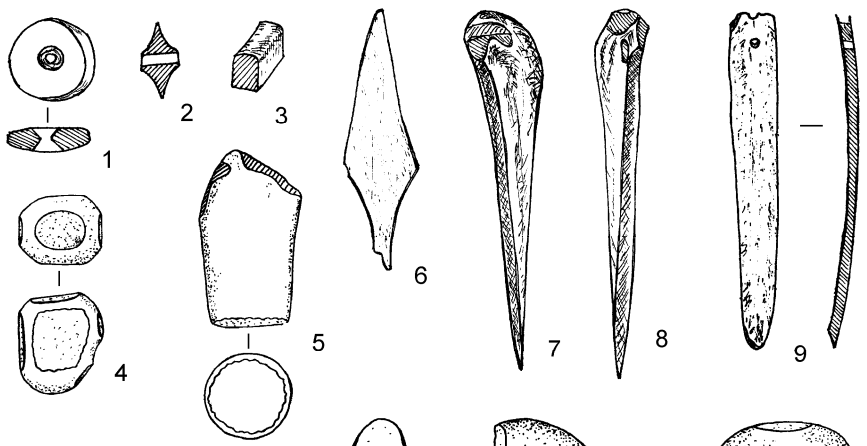
На поселении Ашагы Дашарк выявлены различные **каменные и костяные изделия**. Среди каменного инвентаря особое место занимают орудия труда (топоры, палицы, зернотерки, песты), изготовленные из обсидиана, кремня, булыжника и туфа, а также поделки разного назначения.

При раскопках рассматриваемого поселения обнаружены многочисленные изделия из обсидиана и кремня. По мнению О. А. Абибуллаева, древние обитатели этого края преимущественно использовали кремень. Сырье для изготовления обсидиановых изделий привезено из регионов, расположенных на территории современной Армении (Нәбибуллаев 1959: 36). Анализ обсидиана из поселения Овчулартепеси показал, что его жители в основном использовали сырье из Гегамских гор, находящихся вблизи НАР. В. Г. Алиев свидетельствовал о том, что обсидиан в большом количестве добывали и в районе горного озера Батабат (Алиев В. 1991: 90). По сведениям Г. Ф. Джафарова, места, богатые обсидианом, находятся также в Келбеджарском р-не Азербайджана в местечке Кечелдаг. В связи с этим он высказал мнение, что Кавказ удовлетворял потребности в обсидиане не только древних обитателей нынешнего Азербайджана, но и Ближнего Востока (Джафаров 1985: 3).

Найденные при раскопках Ашагы Дашарк кремневые и обсидиановые изделия в основном представлены **режущими орудиями и проколками**. Большинство обнаруженных изделий – это **ножевидные пластины**, длина которых

Рис. 5. Поселение Ашагы Дашарк, находки: 1, 9 – подвески; 2 – модель колеса; 3, 16, 17 – изделия специального назначения; 4 – кубик; 5, 13–15 – песты; 6 – наконечник стрелы; 7, 8 – шилья; 10 – палица; 11 – топор; 12 – пест (?) (1, 4, 5, 10–15 – камень; 2, 3, 16, 17 – керамика 6 – металл; 7–9 – кость)

Fig. 5. Ashagy Dashark: 1, 9 – pendants; 2 – model of wheel; 3, 16, 17 – objects of special purpose; 4 – cube; 5, 13–15, – pestles; 6 – arrowhead; 7, 8 – awls; 10 – club; 11 – axe; 12 – pestle (?) (1, 4, 5, 10–15 – stone; 2, 3, 16, 17 – ceramics; 6 – metal; 7–9 – bone)

составляет 2–8 см. Их рабочие части заполированы. Подобные орудия известны также на других памятниках Азербайджана, синхронных рассматриваемому поселению.

Среди находок имеются четыре **песта** с удобными рукоятками и скругленной рабочей частью, на которой сохранились следы использования в виде сколов. Диаметр этих орудий составляет от 3–8 см до 11–13 см. Они изготовлены в основном из булыжников (рис. 5, 5, 13–15). Три песта имеют округлую рукоятку, а один – квадратную (рис. 5, 14).

Каменный **топор** длиной 23 см и шириной 7 см изготовлен из базальта. Он имеет плоскую удлинённую форму, тонкую и сплюсненную рабочую часть и удобную рукоятку (рис. 5, 11).

Каменная **палица** длиной 21 см, сделанная из серого базальта, имеет удлинённую форму и острие с широким краем. На ее рабочей части выявлены сколы от изнашивания (рис. 5, 10).

Подобные орудия труда известны в Кюльтепе I (Нәбібуллаев 1959: 40), Кюльтепе II (Сеидов 1993: 86), на поселении Шахтахты (Нәбібуллаев 1959: 43) и на других памятниках Южного Кавказа (Куфтин 1941: 112; 1944: 103).

Особого внимания заслуживает сплюсненная и заполированная со всех сторон каменная **подвеска** толщиной 0,8 см, в середине которой просверлено отверстие диаметром 2,8 см (рис. 5, 1).

Каменные подвески в памятниках НАР находят довольно часто – 3 экз. известны из Махта I (Әліуев, Аşуров 1988: 12). Подвески с просверленным в середине круглым отверстием, обнаруженные на поселении Овчулартепеси, изготовлены из туфа (Сеидов 1993: рис. 36, 6–7).

Среди каменных поделок представлены также **предметы неопределённого назначения**. Один из них имеет прямоугольную форму со сглаженными боковыми сторонами. Гладкая нижняя часть изделия сплюснена, верхняя часть выполнена небрежно. Длина артефакта составляет 9 см, ширина – 7 см, толщина – 4 см.

Одно каменное орудие напоминает по форме **пест**, хотя, возможно, его использовали в качестве другого инструмента. Изделие, бока которого выровнены сколами, имеет плоскую рабочую часть. Его длина достигает 13 см, а толщина – 5,5 см (рис. 5, 12).

Одно из каменных изделий изготовлено в виде **кубика**. Все его грани, имеющие размер 4 × 5 см, сплюснены и заполированы. Возможно, кубик использовали как игральную кость (рис. 5, 4).

Обнаружены также фрагменты каменной **терки**, аналогичной однотипным изделиям куро-аракской культуры. Длина артефакта равняется 6 см, а ширина – 10 см.

На поселении Ашагы Дашарк встречены многообразные костяные орудия, сделанные из голени, эпифизов и ребер крупного и мелкого рогатого скота. Поделки, изготовленные из рога, представлены 6 проколками и подвеской. Эти находки свидетельствуют о том, что обработка кости на поселении занимала особое место среди домашних промыслов.

Шилья с заостренными концами сделаны из костей голени мелкого рогатого скота. Верхняя часть этих орудий тщательно обработана для обхватывания. Шилья хорошо зашлифованы от неоднократного использования. Длина их составляет 12–15 см (рис. 5, 7, 8). Подобные артефакты известны в Кюльтепе I

(Nəbibullayev 1959: 50–51), Кюльтепе II (Сеидов 1993: 61) и Махта I (Əliyev, Aşurov 1988: 12–13). Два шила сделаны из рога козы или овцы. Кончики этих орудий заострены и обработаны.

Сломанная **подвеска** изготовлена из ребра козы или овцы (рис. 5, 9). Длина ее сохранившейся части равняется 11,5 см, а толщина – 0,5 см. На одном из концов поделки имеется отверстие диаметром 0,9 см.

Хотя на поселениях Кюльтепе I, Кюльтепе II, Махта I и Овчулартепеси найдены многочисленные металлические изделия, на поселении Ашагы Дашарк обнаружен только один листовидный наконечник стрелы (длина – 8,5 см, длина черешка – 3 см; рис. 5, 6).

Подобные наконечники стрел известны в Кюльтепе II и Махта I. Кюльтепинский экземпляр имеет длину 11,7 см, ширину лезвия – 3,7 см, длину черешка – 3,2 см (Seidov 1986: 19). Он был изготовлен из меди с малой примесью мышьяка (Сеидов 1993: 89). Листовидные наконечники стрел найдены в слое K₁ поселения Гейтепе (Кушнарева, Чубинишвили 1970: 90, рис. 35, 25) в Южном Азербайджане и на поселения Элар в Армении (Ханзадян 1979: рис. 3, 3).

Археологические находки показывают, что на территории нынешней НАР металлургия была довольно развита в пору раннего бронзового века. По свидетельству О. А. Абибуллаева, в куро-аракском слое поселения Кюльтепе I найдены 17 бронзовых предметов, изготовленных из медно-мышьякового сплава, и один предмет из чистого свинца. Кроме того, найдены остатки металлического шлака и двусторонние формы для отливки проушного топора (Абибуллаев 1982: 231). В то же время в поселении Кюльтепе II найдены сопла, металлический шлак (Seidov 2000d: fig. 144, 145), бронзовые предметы (Seidov 2000b: 8–10) и глиняные формы (Сеидов 1993: рис. 33). В раннебронзовом горизонте Кюльтепе II найдены также остатки металлообрабатывающей мастерской (Алиев В., Бахшалиев 1986: 12; Сеидов 1993: 126). Спектральный анализ бронз показывает, что в их составе содержится до 6,79 % мышьяка (Абибуллаев 1982: 231).

Ареал куро-аракской культуры охватывает обширные пространства Южного Кавказа и Ближнего Востока, включая территорию нынешней НАР. Поселения этой культуры отличаются большой мощностью (9–10 м) и богатством культурного слоя. На некоторых памятниках НАР (Овчулартепеси, Халадже, Арабенидж и Садараке) прослежен переход от неолита к ранней бронзе. На ряде поселений (Овчулартепеси, Кюльтепе II, Махта I, Халадж) выявлен начальный этап куро-аракской культуры. Это доказывает, что территория современной НАР была одним из очагов ее зарождения. При раскопках таких памятников, как Кюльтепе I, Кюльтепе II и Овчулартепеси, получены новые очень важные факты для изучения куро-аракской культуры на Южном Кавказе.

Хотя на поселении Кюльтепе II энеолитический слой не выявлен, в формах глиняных изделий, обнаруженных на этом памятнике в XIV–XII строительных горизонтах, прослеживается влияние поздней энеолитической культуры. Кроме того, некоторые фрагменты керамических изделий из этих горизонтов изготовлены из глиняного теста с примесью мякины, что характерно для позднего энеолита (Сеидов 1993: 17).

Во время раскопок поселения Овчулартепеси впервые найдена так называемая протокуро-аракская керамика с примесью мякины и измельченного камня.

Подобная керамика в последние годы найдена также в поселениях Халадж (Sevidov et al. 2010: 78), Садарак (Sevidov, Вахşəlijev 2011: 33–34) и Шортепе (Sevidov et al. 2010: 121, фото 108). Она известна и в Махта I (Aşurov 2002: 118, tabl. V). Эта посуда сочетает в себе характерные элементы энеолитической и куро-аракской культур. Некоторые сосуды куро-аракской культуры, обнаруженные в Махта I (Ibid.), Халадж (Sevidov et al. 2010: 89–91, фото 83, 84) и Шортепе, украшены гребенчатым орнаментом.

Поселения энеолитического периода на территории НАР в основном расположены на притоках Аракса – Арпачай, Нахчыванчай и Джагричай. На этой территории число поселений эпохи ранней бронзы по сравнению с порой энеолита увеличилось в два раза. Некоторые поселения раннего бронзового века (Кюльтепе I, Овчулартепеси, Халадж) перекрыли энеолитические селища, а иные (Кюльтепе II, Махта I, Арабенидж и др.) возникли на новых местах, благоприятных для занятия земледелием и скотоводством. Отдельные поселки располагались на естественных холмах (Овчулартепеси).

Большинство памятников НАР, относящихся к раннему бронзовому веку, многослойны. Одни из них датируются энеолитом и ранним бронзовым веком (Овчулартепеси, Арабенидж, Халас и др.), другие – бронзовым и ранним железным веком (Кюльтепе II, Шахтагы, Шортепе и др.). На поселениях Шортепе и Ашагы Дашарк встречается также и энеолитическая керамика, хотя во время раскопок последнего из них я ее не обнаружил.

Раннебронзовые поселения НАР занимали площадь от 0,5 до 3 га: Кюльтепе I – 1,5 га (Nəbibullayev 1959: 11), Кюльтепе II – 3 га (Əliyev 1977: 25), Махта I, Махта II – 3 га (Ашуров 1992: 10), Халадж – 0,5 га, Арабенидж – 0,8 га (Сеидов 1993: 19–20), Шортепе – 1,5 га (Алекперов 1960: 55), Шахтагы – 2 га (Əliyev 1977: 31), Ашагы Дашарк – 1 га. Лишь поселение Овчулартепеси раскинулось на площади 10 га (Сеидов 1993: 17).

Так называемая протокуро-аракская керамика выявлена также и на других поселениях Южного Кавказа: Лейлатепе, Карахаджи, Джуттепе, Учоглан, Дейирман йери (Азербайджан) (Сəғərov 2000, tabl. 8, 5, 11; Алиев Н., Нариманов 2001: 80–92; Нариманов 1987: 137), Сиони (Грузия) (Kiguradze 2000), Техут (Армения) (Торосян 1971). И. Г. Нариманов полагал, что о взаимовлиянии энеолитической и раннебронзовой культур свидетельствует появление украшенной гребенчатым орнаментом керамики серого и черного цветов с розовой подкладкой (Нариманов 1987: 64–65), а также сосудов с грубой обмазкой и хорошим ангобом (Нариманов 1982: 45).

Такие позднеэнеолитические памятники НАР, как Овчулартепеси и Халадж (Алиев Н., Нариманов 2001: 31–33), относятся к переходному периоду от энеолита к куро-аракской культуре (Вахşəlijev et al. 2010: 16). Найденная на них керамика имеет характерные особенности как энеолитической, так и куро-аракской культур. На этих поселениях выявлены также сосуды с прототипами полушаровидных ручек, характерных для посуды куро-аракской культуры.

О генезисе куро-аракской культуры исследователи высказывают различные мнения (Кушнарєва, Чубинишвили 1970: 182; Мунчаев 1975: 196; Чубинишвили 1971: 157). Б. А. Куфтин помещал ее первичный очаг в междуречье рек Куры и Аракса, О. М. Джапаридзе – на Южный и Центральный Кавказ, Э. В. Ханзаян – в горные зоны Армении (Кушнарєва 1993: 85), Г. С. Исмаилов – в Азер-

байджан (Исмаилов 1983: 35), Г. Ф. Джафаров – в Карабах (Səfərov 2000: 133–134), а О. А. Абибуллаев – в южные районы Южного Кавказа, в том числе и в НАР (Абибуллаев 1982: 194). По моему мнению, родиной этой культуры являлись средние притоки Аракса, а также территория НАР, Приурмийский район и Восточная Анатолия (Bahshaliyev 1997: 97; Seyidov 2000a: 18; 2000c: 98; 2000d: 34; Сеидов 1993: 116).

По мнению К. Барнея, первичный очаг куро-аракской культуры возник в бассейне средних притоков Аракса и в Восточной Анатолии (район Элазиг-Малатья) (Burney 1961). Т. Б. Браун полагал, что родиной этой культуры являлись территории Азербайджана и Восточной Грузии (Brown 1951: 33–60). А. А. Иессен, исходя из стратиграфии Кюльтепе I, пришел к выводу о том, что первичный очаг данной культуры находился на территории нынешней НАР и Южного Азербайджана, а затем она распространилась на Муганскую и Мильскую степи (Иессен 1965: 10–36).

По мнению К. Х. Кушнаревой, родиной куро-аракской культуры являлись равнины и горные районы Южного Кавказа, а также Северо-Восточный Иран (Южный Азербайджан) и Восточная Анатолия. Ниже приведены основные аргументы в пользу этой гипотезы:

1) наличие позднеэнеолитических поселений, связанных с памятниками раннего бронзового века Южного Кавказа; 2) памятники типа Сиони, сохранившие особенности поры позднего энеолита и раннего периода куро-аракской культуры; 3) существование множества куро-аракских памятников в упомянутых выше регионах (Кушнарева 1993: 86). Данная гипотеза подтверждается также хронологией куро-аракской культуры.

Датировка куро-аракской культуры всегда была в центре внимания исследователей (Кушнарева, Чубинишвили 1970; Мунчаев 1961; 1975: 191–193; Жоржикашвили, Гогодзе 1974). Ареал куро-аракской культуры и вопросы ее хронологии изучены в монографии К. Х. Кушнаревой и Т. Н. Чубинишвили. Они разделили куро-аракскую культуру на три периода, причем первый период датировали 3000–2700 гг. до н. э., второй период – 2700–2300 гг. до н. э., третий период – 2300–2000 гг. до н. э. (Кушнарева, Чубинишвили 1970: 61–62). Э. В. Ханзадян отнесла эту культуру к III тыс. до н. э. (Ханзадян 1967: 96).

О. М. Джапаридзе датировал ранний период куро-аракской культуры серединой и концом IV тыс., а поздний этап – серединой III тыс. до н. э. (Джапаридзе 1976: 262).

М. Г. Гаджиев разделил куро-аракские памятники Дагестана на три периода, причем два первых он отнес к началу куро-аракской культуры, а последний – к началу среднего бронзового века (Гаджиев 1991: 135). С первым периодом, датирующимся последней четвертью IV тыс. до н. э., исследователь связывал серые и розоватые залощенные сосуды без орнамента. Толстостенные сосуды с грубой обмазкой и концентрическими наlepными орнаментами М. Г. Гаджиев включил во второй период, относящийся к середине III тыс. до н. э. К третьему периоду, датирующемуся концом III и началом II тыс. до н. э., он приурочил культуры с прямоугольными строениями, а также большие катакомбы Великента (Там же: 129–150).

Г. Л. Кавтарадзе на основе радиоуглеродных дат поместил начальный период куро-аракской культуры в начало IV тыс. до н. э. (Кавтарадзе 1981: 138–142).

К. Х. Кушнарева в своих последних работах разделила куро-аракскую культуру на четыре периода (Кушнарева 1993: 89–90). Первый период она отнесла к 3500–3200 гг. до н. э., второй – к 3200–2900 гг. до н. э., третий – к 2900–2600 гг. до н. э., четвертый – к 2600–2300 гг. до н. э.

Г. С. Исмаилов сначала датировал эту культуру III тыс. до н. э. (Исмаилов 1968: 10–19), а затем – IV–III тыс. до н. э. (Исмаилов 1983: 31–32). Разделив ее на три периода (3200–2800 гг. до н. э.; 2800–2600 гг. до н. э.; 2600–2300 гг. до н. э.), исследователь предположил также существование более раннего этапа куро-аракской культуры, которая, как он считал, появилась сразу в развитой форме.

В последние годы археологи склонны датировать куро-аракскую культуру серединой IV–серединой III тыс. до н. э.

При исследовании археологических памятников на территории НАР получены новые данные, свидетельствующие о том, что куро-аракская культура имеет здесь более древние корни. Это мнение в свое время было выдвинуто О. А. Абибуллаевым (Абибуллаев 1982: 196). Во время раскопок поселения Кюльтепе II куро-аракская керамика обнаружена вместе с посудой позднеэнеолитического облика (Сеидов 1993: 107–108). Можно сказать, что ранний период куро-аракской культуры представлен в нижних слоях Кюльтепе II.

Как известно, на поселении Кюльтепе I между слоями поры энеолита и раннего бронзового века выявлена стерильная прослойка толщиной 30–40 см (Абибуллаев 1982: 80). О. А. Абибуллаев считал, что отложения начального периода куро-аракской культуры на этом памятнике отсутствуют (Там же: 196). Образец угля, взятый с глубины 8,5 м, дал дату 2920 ± 90 гг. до н. э. (Там же: 191). Однако ниже этого уровня имеется еще 4-метровая толща культурных напластований. Поэтому начальный период куро-аракской культуры относится к более древнему периоду, примерно к 3150 г. до н. э. В 2013 г. в Кюльтепе I выявлена так называемая протокуро-аракская керамика, единичные фрагменты которой обнаружил еще О. А. Абибуллаев (Там же: 130).

Я предполагаю, что начальный период куро-аракской культуры на поселении Кюльтепе I можно датировать 3500 гг. до н. э. (Seyidov 2000d: 26). Образец угля из нижних горизонтов Кюльтепе II, относящихся к слою раннего бронзового века, дал дату 3335 г. до н. э. Еще одна радиоуглеродная дата (3316 г. до н. э.) происходит из Махта I (Bakhshaliyev et al. 2009: 86, 87). Следует отметить, что в этом горизонте находились также фрагменты «протокуро-аракской» керамики.

Можно сказать, что первый период куро-аракской культуры охватывает 3500–3150 гг. до н. э. Судя по дате образца угля из средних горизонтов поселения Кюльтепе I, второй период этой культуры можно отнести к 3150–2700 гг. до н. э.

В поселении Кюльтепе I к позднему периоду куро-аракской культуры относятся два строительных горизонта толщиной 3 м, а в Кюльтепе II – шесть строительных горизонтов. Исследования показывают, что керамика этого периода близка керамике Приурмийского бассейна, а также междуречья Куручай и Кенделенчай в Азербайджане. Образец угля из слоя K₃ поселения Гейтепе дал дату 2574 ± 146 гг. до н. э. (Кушнарева, Чубинишвили 1970: 89–90; Dyson 1965: 248). Аналоги некоторым керамическим изделиям позднего периода куро-аракской культуры находят на поселениях Амиранисгора, Квацхелеби, Хизанаантгора и Шенгавит (Кушнарева, Чубинишвили 1970: 158). Миски, обнаруженные в поселении Кюльтепе II, близки аналогичным керамическим изделиям из каменных

ящиков Арагаца (Там же: 158; Ашуров 1992: 18). Как известно, эти памятники относятся к переходному периоду от раннего бронзового века к среднему. Для изучения позднего этапа куро-аракской культуры большое значение имеют памятники Гобустана (Мурадова 1974: 18–24), Махта I (Əliyev, Aşurov 1988: 3–28) и поселение Яныгтепе в бассейне р. Аракс (Кушнарева 1993: 67).

Образец угля из Шенгавитского поселения, где представлены слои позднего периода рассматриваемой культуры, дал дату 2020 ± 80 л. до н. э. (Кушнарева, Чубинишвили 1970: 70). Следовательно, формирование культуры эпохи среднего бронзового века относится к более позднему времени. По моему мнению, в то время как на одних поселениях еще продолжала существовать куро-аракская культура, на других происходило формирование культуры среднего бронзового века. Это было связано с появлением и развитием культуры расписной керамики.

Такой процесс прослежен на памятниках НАР и Урмийского бассейна. Появление культуры среднего бронзового века в этих регионах также связано с распространением расписной керамики (Brown 1951: 69–90; Edwards 1981). Однако культура этой поры представлена не на всех памятниках Южного Кавказа.

На основании стратиграфии памятников НАР и Урмийского бассейна я отношу поздний этап куро-аракской культуры к 2700–2400 гг. до н. э. Следует отметить, что отложения данной культуры на памятниках этих регионов подстилаются энеолитическими слоями и перекрываются слоем среднего бронзового века. Образец угля из верхнего горизонта куро-аракского слоя Кюльтепе II дал дату 2561–2346 гг. до н. э. (Bakhshaliyev et al. 2009: 84–86).

В. Г. Алиев датировал начальный период среднего бронзового века второй половиной III тыс. до н. э., или XXIII–XX вв. до н. э. (Алиев В. 2000: 41). Т. Б. Браун относил к 2400 г. до н. э. комплекс слоя поселения Гейтепе, который сходен с комплексом, представленным на территории нынешней НАР (Brown 1951: 85–90).

Как указано выше, «протокуро-аракская» керамика была обнаружена на поселении Овчулартепеси, где образец угля из горизонта раннего бронзового века дал дату 4200–4000 гг. до н. э. (Marro et al. 2011: 62, fig. 6). Другие радиоуглеродные образцы подтвердили это определение, вследствие чего я отношу начальный этап формирования куро-аракской культуры к концу V тыс. до н. э.

В результате исследования археологических материалов и изучения стратиграфии поселений Кюльтепе I, Кюльтепе II, Махта I, Овчулартепеси, Халадж и др., расположенных на территории НАР, можно утверждать, что куро-аракская культура в этом регионе имела четыре этапа развития:

I этап – период формирования культуры, датирующийся концом V тыс.–3500 г. до н. э., представлен на поселениях Овчулартепеси, Халадж, Шортепе, Махта I; *II этап* – ранний период, датирующийся 3500–3150 гг. до н. э., представлен на поселениях Кюльтепе II, Халадж, Арабенгидже, Овчулартепеси; *III этап* – средний период, датирующийся 3150–2700 гг. до н. э., представлен на поселениях Кюльтепе I и II, Махта I и II, Арабенгидже, Ашагы Дашарк, Шортепе; *IV этап* – поздний период, датирующийся 2700–2400 гг. до н. э., представлен на поселениях Кюльтепе I и II, Махта I, Арабенгидже, Ашагы Дашарк и др.

Следует отметить, что ни на одном из памятников Северного и Южного Кавказа мощность напластований куро-аракской культуры несопоставима с толщиной

соответствующих отложений памятников в нынешнем Азербайджане. В Кюльтепе I мощность культурного слоя достигает 22,2 м, в том числе толщина слоя раннего бронзового века составляет 9,5 м. В поселении Кюльтепе II слой поры ранней бронзы имеет мощность 10 м, в Каразе – 9 м, Каракепектепе – 7 м, Яныгтепе – 8 м, и т. д. Следовательно, эти памятники оставлены оседлым населением. Как указал О. А. Абибуллаев, культурные напластования раннего бронзового века в Кюльтепе I (9,5 м) нельзя синхронизировать лишь со слоем «С» поселения Квацхелеби (Грузия), который имеет толщину 80 см (Абибуллаев 1982: 200). Нужно отметить, что культурный слой поселений Дагестана поры раннего бронзового века имеет мощность 1,5–2 м (Мунчаев 1961: 73–75). Несомненно, что эти памятники оставлены кочевниками-скотоводами.

Учитывая все изложенное, можно считать, что территории НАР, Приурмийской области Южного Азербайджана и Восточной Анатолии являлись родиной куро-аракской культуры, причем материалы раскопок поселения Овчулартепеси позволяют предположить, что ее первичный очаг находился в среднем течении Аракса, прежде всего, на территории нынешней НАР.

Литература

- Абибуллаев 1982 – *Абибуллаев О. А.* Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку: Элм, 1982. 316 с.
- Алекперов 1960 – *Алекперов А. К.* Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1960. 249 с.
- Алиев В. 1991 – *Алиев В. Г.* Культура эпохи средней бронзы Азербайджана. Баку: Элм, 1991. 256 с.
- Алиев В. 2000 – *Алиев В. Г.* Археологические исследования памятников эпохи бронзы Азербайджана // Археология и этнография Кавказа. Баку: Элм, 2000. С. 40–42.
- Алиев В., Бахшалиев 1986 – *Алиев В. Г., Бахшалиев В. Б.* Новые археологические находки по древней металлургии Нахичевани // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане. Баку: Элм, 1986. С. 11–14.
- Алиев Н. 1981 – *Алиев Н. Г.* Позднеэнеолитические памятники Азербайджана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР, 1981. 26 с.
- Алиев Н., Нариманов 2001 – *Алиев Н. Г., Нариманов И. Г.* Культура Северного Азербайджана в эпоху позднего энеолита. Баку: Агрыдаг, 2001. 144 с.
- Ашуров 1992 – *Ашуров С. Г.* Керамика эпохи ранней бронзы Нахичевани: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку: Элм, 1992. 25 с.
- Гаджиев 1991 – *Гаджиев М. Г.* Раннеземледельческая культура северо-восточного Кавказа (эпоха энеолита и ранней бронзы). М.: Наука, 1991. 264 с.
- Джапаридзе 1976 – *Джапаридзе О. М.* К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси: Мецниереба, 1976. 326 с.
- Джафаров 1985 – *Джафаров Г. Ф.* Древнейшие связи азербайджанских племен со странами Ближнего Востока. Баку: Элм, 1985. 18 с.
- Жоржикашвили, Гогодзе 1974 – *Жоржикашвили Л., Гогодзе Э. М.* Памятники Триалети эпохи ранней и средней бронзы (раскопки 1936–1940, 1947–1948 гг.): Каталог триалетских материалов. Тбилиси: Мецниереба, 1974. 2. 200 с.
- Иессен 1965 – *Иессен А. А.* Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи // Тр. Азербайджанской археологической экспедиции. Т. 2. 1956–1960 гг. М.; Л.: Наука, 1965. С. 10–36 (МИА. № 125).
- Исмаилов 1968 – *Исмаилов Г. С.* Из истории древнейшей культуры Западного Азербайджан: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1968. 19 с.
- Исмаилов 1978 – *Исмаилов Г. С.* Археологическое исследование древнего поселения Бабадервиш. Баку: Элм, 1978. 101 с.
- Исмаилов 1983 – *Исмаилов Г. С.* Раннебронзовая культура Азербайджана: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1983. 39 с.

Кавтарадзе 1981 – *Кавтарадзе Г. Л.* Хронология археологических культур Грузии эпохи энеолита и бронзы в свете новых данных. Тбилиси: Мецниереба, 1981. 169 с. (на груз. яз., резюме рус. и англ.).

Куфтин 1941 – *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1941. Т. 1. 231 с.

Куфтин 1944 – *Куфтин Б. А.* Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-аракский энеолит // *Вестник Гос. музея Грузии*. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1944. Т. 13-В. С. 73–117.

Кушнарева 1993 – *Кушнарева К. Х.* Южный Кавказ в IX–II тыс. до н. э. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1993. 318 с. (АИ. Вып. 9).

Кушнарева, Чубинишвили 1970 – *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры Южного Кавказа. М.; Л.: Наука, 1970. 190 с.

Мунчаев 1961 – *Мунчаев Р. М.* Древнейшая культура северо-восточного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 165 с. (МИА. № 100).

Мунчаев 1975 – *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975. 415 с.

Мурадова 1974 – *Мурадова Ф. М.* Гобустан в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку: Элм, 1974. 30 с.

Нариманов 1982 – *Нариманов И. Г.* Культура равнин Восточного Закавказья в ранней бронзе // *Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: ТД конф.* Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1982. С. 44–45.

Нариманов 1987 – *Нариманов И. Г.* Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана. Баку: Элм, 1987. 260 с.

Сеидов 1993 – *Сеидов А. Г.* Памятники куро-аракской культуры Нахичевани. Баку: Билик, 1993. 164 с.

Торосян 1971 – *Торосян Р. М.* Раннеземледельческая культура Армении (по материалам поселения Техут): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван: Институт истории АН Армянской ССР, 1971. 22 с.

Ханзадян 1967 – *Ханзадян Э. В.* Культура Армянского нагорья в III тысячелетии до н. э. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1967. 116 с.

Ханзадян 1979 – *Ханзадян Э. В.* Элар-Дарани. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1979. 188 с.

Чубинишвили 1971 – *Чубинишвили Т. Н.* К древней истории Южного Кавказа. Т. 1: Древняя культура Южной Грузии (V–III тыс. до н. э.) и проблема становления куро-аракской культуры на Южном Кавказе. Тбилиси: Мецниереба, 1971. 169 с.

Aşurov 2002 – *Aşurov S. H.* Naхçivanın ilk Tunc dövrü keramikası. Bakı: Nafta-Press, 2002. 158 s.

Aşurov 2003 – *Aşurov S.* Naхçivanda arxeoloji tədqiqatlar (2001–2002). Bakı: Nafta-Press, 2003. 120 s.

Bahshaliyev 1997 – *Bahshaliyev V.* The archaeology of Nakhchivan. İstanbul: Arktoloji ve Sanat, 1997. 128 s.

Bakhshaliyev et al. 2009 – *Bakhshaliyev V., Ristvet L., Ashurov S.* The chronology Kura-Araxes sites: 2006 Excavations at Kultepe II and Maxta I. Azerbaijan-Land between East and West. Transfer of knowledge and technology during the «First Globalization» of the VIIth–IVth millennium B. C. Berlin; Baku, 2009. P. 82–87.

Baxşəliyev et al. 2010 – *Baxşəliyev V., Marro C., Aşurov S.* Ovuqlartəpəsi. Bakı: Elm, 2010. 156 s.

Brown 1951 – *Brown T. B.* Excavations in Azerbaijan, 1948. London: John Murray, 1951. 279 p.

Burney 1958 – *Burney C. A.* Eastern Anatolia in the Chalcolithic and Early Bronze Age // *Anatolian studies*. 1958. Vol. 8. P. 157–199.

Burney 1961 – *Burney C. A.* Excavations at Yanik Tepe Azerbaijan 1961. Second Preliminary Report // *Iraq*. 1962. Vol. 24, part 2. P. 134–152.

Cəfərov 2000 – *Cəfərov H. F.* Azərbaycan e. ə. IV minilliyin axırı–I minilliyin əvvəllərində (Qarabağın Qarqarçay və Tərtərçay hövzəsinin materialları əsasında). Bakı: Elm, 2000. 187 s.

Dyson 1965 – *Dyson R. H.* Problems in the relative chronology of Iran, 6000–2000 B. C. // *Ehrich R. W.* (ed.). *Relative chronology in Old World Archaeology*. Chicago: University of Chicago Press, 1965. P. 215–256.

Edwards 1981 – *Edwards M. R.* The pottery of Haftavan Tepe VI B (Urmia Ware) // *Iran*. 1981. Vol. 19. P. 101–140.

Əliyev 1977 – *Əliyev V. H.* Azərbaycanca tunc dövrünün boyalı qablar mədəniyyəti. Bakı: Elm, 1977. 164 s.

Əliyev, Aşurov 1988 – *Əliyev V. H., Aşurov S. H.* Naхçivan arxeoloji ekspedisiyasının 1988-ci il tədqiqatlarının hesabatı // *Azərbaycan EA Tİ EA. Inv. no. H-487*. 28 s.

Həbibullayev 1959 – *Həbibullayev O. H.* Kültürdə arxeoloji qazıntılar. Bakı: Azərbaycan SSR EA Nəşriyyatı, 1959. 134 s.

Kiguradze 2000 – *Kiguradze T.* The Chalcolithic–Early Bronze Age transition in the eastern Caucasus // *Marro C., Hauptmann H.* (eds.). *Chronologie des Pays du Caucase et de l’Euphrate aux IVe–IIIe millénaires*.

Actes du Colloque d'Istanbul, 16–19 décembre 1998. Paris: Institut français d'Etudes Anatoliennes Georges Dumézil. 2000. P. 321–325 (Varia Anatolica. 11).

Marro et al. 2011 – Marro C., Bakhshaliyev V., Aşurov S. Excavation at Ovcularterpesi (Nakhchivan, Azerbaijan). Second preliminary report: The 2009–2010 seasons // *Anatolia Antiqua*. 2011. 19. P. 53–100.

Muradova 1979 – Muradova F. M. Qobustan tunc dövründə. Bakı: Elm, 1979. 117 s.

Seyidov 1986 – Seyidov A. Q. Naxçıvanın ilk tunc dövrü niza ucları // *Elm və həyat*. 1986. No. 10. S. 19–20.

Seyidov 2000a – Seyidov A. G. Roots, chronology of the Kur-Araz culture and ethnogenesis of its tribes-creators // *Social sciences*. 2000. No. 3. P. 11–19.

Seyidov 2000b – Seyidov A. Q. Azərbaycan ərazisində qədim metallurgiya və onun inkişaf mərhələləri (e. ə. IV–II minilliklər) // *Sosial bilgilər*. 2000. No. 2. S. 8–13.

Seyidov 2000c – Seyidov A. Q. Naxçıvan tunc dövründə. Bakı: Elm, 2000. 318 s.

Seyidov 2000d – Seyidov A. Q. Naxçıvanın ilk tunc dövrü abidələri və onların dövrəşdirilməsi (Azərbaycan və ingilis dillərində). Bakı: Çəşoğlu, 2000. 110 s.

Seyidov, Baxşəliyev 2011 – Seyidov A., Baxşəliyev V. Sədərək. Bakı: Elm, 2011. 184 s.

Seyidov et al. 2010 – Seyidov A., Baxşəliyev V., Mahmudova V. Xələc. Bakı, 2010. 218 s.

Literature

Абибуллаев 1982 – Abibullaev O. A. E'neolit i bronza na territorii Nahichevskoy ASSR (*The Eneolithic and Bronze Age in the territory of the Nakhchivan ASSR*). Bakı: Elm, 1982. 316 p. (in Russian).

Алекперов 1960 – Alekperov A. K. Issledovaniya po arheologii i e'tnografii Azerbaydjana (*Studies in archaeology and ethnography of Azerbaijan*). Bakı: Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR, 1960. 249 p. (in Russian).

Алиев В. 1991 – Aliev V. G. Kul'tura e'pohi sredney bronzy' Azerbaydjana (*The Middle Bronze Age culture of Azerbaijan*). Bakı: Elm, 1991. 256 p. (in Russian).

Алиев В. 2000 – Aliev V. G. Arheologicheskie issledovaniya pamyatnikov e'pohi bronzy' Azerbaydjana (*Archaeological works at the bronze Age sites of Azerbaijan*) // *Arheologiya i e'tnografiya Kavkaza (Archaeology and ethnography of the Caucasus)*. Bakı: Elm, 2000. P. 40–42 (in Russian).

Алиев В., Бакшалиев 1986 – Aliev V. G., Bakhshaliyev V. B. Novy'e arheologicheskie nahodki po drevney metallurgii Nahichevani (*New archaeological finds shedding light on the ancient metallurgy in Nakhchivan*) // *Arheologicheskie i e'tnograficheskie izy'sskaniya v Azerbaydjane (Archaeological and ethnographical explorations in Azerbaijan)*. Bakı: Elm, 1986. P. 11–14 (in Russian).

Алиев Н. 1981 – Aliev N. G. Pozdnee'neoliticheskie pamyatniki Azerbaydjana (*The Late Eneolithic sites of Azerbaijan*): Ph. D. abstract. Leningrad: LOIA AN SSSR, 1981. 26 p. (in Russian).

Алиев Н., Нариманов 2001 – Aliev N. G., Narimanov I. G. Kul'tura Severnogo Azerbaydjana v e'pohu pozdnego e'neolita (*The Late Eneolithic culture of North Azerbaijan*). Bakı: Agrıdag, 2001, 144 p. (in Russian).

Ашуров 1992 – Ashurov S. G. Keramika e'pohi ranney bronzy' Nahichevani (*The Early Bronze Age pottery of Nakhchivan*): Ph.D. abstract. Bakı: Elm, 1992. 25 p. (in Russian).

Гаджиев 1991 – Gadzhiev M. G. Rannezemledel'cheskaya kul'tura severo-vostochnogo Kavkaza (e'poha e'neolita i ranney bronzy') [*The early farming culture in the north-eastern Caucasus (the Eneolithic and Early Bronze periods)*]. Moscow: Nauka, 1991. 264 p. (in Russian).

Джапаридзе 1976 – Dzhaparidze O. M. K istorii gruzinskih plemen na ranney stadii medno-bronzovoy kul'tury' (*To the history of Georgian tribes at the early stage of the Copper-Bronze culture*). Tbilisi: Metzniereba, 1976. 326 p. (in Russian).

Джафаров 1985 – Dzhafarov G. F. Drevneyshie svyazi azerbaydjanskih plemen so stranami Blijnego Vostoka (*The earliest connections of the Azerbaijani tribes with the Near Eastern countries*). Bakı: Elm, 1985. 18 p. (in Russian).

Жоржикашвили, Гогадзе 1974 – Zhorzhikashvili L., Gogadze E. M. Pamyatniki Trialeti e'pohi ranney i sredney bronzy' (raskopki 1936–1940, 1947–1948 gg.): Katalog trialetskih materialov [*The Middle and Early Bronze Age sites of Trialeti (1936–1940 and 1947–1948 excavations)*]. Catalogue of the Trialeti materials]. Tbilisi: Metzniereba, 1974. 2. 200 p. (in Russian).

Иессен 1965 – Iessen A. A. Iz istoricheskogo proshlogo Mil'sko-Karabakhskoy stepi (*From the historical past of the Milsk-Karabax steppe*) // *Trudy' Azerbaydjanskoy arheologicheskoy e'kspeditsii (Proceedings of the Azerbaijan Archaeological Expedition)*. Vol. 2. 1956–1960. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965. P. 10–36 (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR. No. 125) (in Russian).

Исмаилов 1968 – Ismailov G. S. Iz istorii drevneyshey kul'tury' Zapadnogo Azerbaydjan (*From the history of ancient culture of West Azerbaijan*): Ph. D. abstract. Tbilisi, 1968. 19 p. (in Russian).

- Исмаилов 1978 – *Ismailov G. S. Arheologicheskoe issledovanie drevnego poseleniya Babadervish (Archaeological study of the ancient settlement of Babadervish)*. Baku: Elm, 1978. 101 p. (in Russian).
- Исмаилов 1983 – *Ismailov G. S. Rannebronzovaya kul'tura Azerbaydjana (The Early Bronze Age culture of Azerbaijan)*: Doctor of historical science dissertation abstract. Tbilisi, 1983. 39 p. (in Russian).
- Кавтарадзе 1981 – *Kavtaradze G. L. Hronologiya arheologicheskikh kul'tur Gruzii e'pohi e'neolita i bronzy' v svete novy'h danny'h (Chronology of the Eneolithic and Bronze Age archaeological cultures of Georgia in the light of new evidence)*. Tbilisi: Metzniereba, 1981. 169 p. (in Georgian, with Russian and English abstracts)
- Куфтин 1941 – *Kuftin B. A. Arheologicheskie raskopki v Trialeti (Archaeological excavations at Trialeti)*. Tbilisi: Academy of Sciences of the Georgian SSR, 1941. Vol. 1. 231 p. (in Russian).
- Куфтин 1944 – *Kuftin B. A. Urartskiy «kolumbariy» u podoshvy' Ararata i Kuro-arakskiy e'neolit (An Urartu «columbarium» at the foot of Ararat and the Eneolithic of the Kura-Araxes area)* // Georgian State Museum Herald. Tbilisi: Academy of Sciences of the Georgian SSR, 1944. Vol. 13-B. P. 73–117 (in Russian).
- Кушнарева 1993 – *Kushnareva K. Ch. Yujny'y Kavkaz v IX–II ty's. do n. e'. (South Caucasus in the IX–II millennia BC)*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 1993. 318 p. (Archaeological Studies. Vol. 9) (in Russian).
- Кушнарева, Чубинишвили 1970 – *Kushnareva K. Ch., Chubinishvili T. N. Drevnie kul'tury' Yujnogo Kavkaza (Ancient cultures of the South Caucasus)*. Moscow; Leningrad: Nauka, 1970. 190 p. (in Russian).
- Мунчаев 1961 – *Munchaev R. M. Drevneyshaya kul'tura severo-vostochnogo Kavkaza (The earliest culture of the north-eastern Caucasus)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1961. 165 p. (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR. No. 100) (in Russian).
- Мунчаев 1975 – *Munchaev R. M. Kavkaz na zare bronzovogo veka (Caucasus at the dawn of the Bronze Age)*. Moscow: Nauka, 1975. 415 p. (in Russian).
- Мурадова 1974 – *Muradova F. M. Gobustan v e'pohu bronzy' (Gobustan in the Bronze Age)*: Ph. D. abstract. Baku: Elm, 1974. 30 p. (in Russian).
- Нариманов 1982 – *Narimanov I. G. Kul'tura ravnin Vostochnogo Zakavkaz'ya v ranney bronze (East Caucasus plains in the Early Bronze Age)* // Kul'turny'y progress v e'pohu bronzy' i rannego jeleza (Cultural Progress during the Bronze and Iron Age): Conference abstracts. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1982. P. 44–45 (in Russian).
- Нариманов 1987 – *Narimanov I. G. Kul'tura drevneyshego zemledel' chesko-skotovodcheskogo naseleeniya Azerbaydjana (Culture of the earliest farmers and stock-breeders of Azerbaijan)*. Baku: Elm, 1987. 260 p. (in Russian).
- Сеидов 1993 – *Seidov A. G. Pamyatniki kuro-arakskoy kul'tury' Nahichevani (Sites of the Kura-Araxes culture of Nakhchivan)*. Baku: Bilik, 1993. 164 p. (in Russian).
- Торосян 1971 – *Torosyan R. M. Rannezemledel' cheskaya kul'tura Armenii (po materialam poseleniya Tehut) [The early farming culture of Armenia (with special reference to the materials of the Tekhut settlement)]*: Ph. D. abstract. Yerevan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1971. 22 p. (in Russian).
- Ханзаян 1967 – *Khanzadyan G. V. Kul'tura Armyanskogo nagor'ya v III ty'syacheletii do n. e'. (Culture of the Armenian uplands in the III millennium BC)*. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1967. 116 p. (in Russian).
- Ханзаян 1979 – *Khanzadyan G. V. E'lar-Darani (Elar-Darani)*. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1979. 188 p. (in Russian).
- Чубинишвили 1971 – *Chubinishvili T. N. K drevney istorii Yujnogo Kavkaza (To the ancient history of the South Caucasus)*. Vol. 1. Drevnyaya kul'tura Yujnoy Gruzii (V–III ty's. do n. e'.) i problema stanovleniya kuro-arakskoy kul'tury' na Yujnom Kavkaze [*Ancient culture of South Georgia (V–III millennia BC) and the formation of the Kura-Araxes culture in the South Caucasus*]. Tbilisi: Metzniereba, 1971. 169 p. (in Russian).
- Ашуров 2002 – *Ashurov S. H. Naxçivanın ilk Tunc dövrü keramikası*. Bakı: Nafta-Press, 2002. 158 s.
- Ашуров 2003 – *Ashurov S. Naxçivanda arxeoloji tədqiqatlar (2001–2002)*. Bakı: Nafta-Press, 2003. 120 s.
- Бахшалиев 1997 – *Bakhshaliyev V. The archaeology of Nakhchivan*. İstanbul: Arktoloji ve Sanat, 1997. 128 s.
- Бахшалиев et al. 2009 – *Bakhshaliyev V., Ristvet L., Ashurov S. The chronology Kura-Araxes sites: 2006 Excavations at Kultepe II and Maxta I. Azerbaijan-Land between East and West. Transfer of knowledge and technology during the «First Globalization» of the VIIth–IVth millennium B. C.* Berlin; Baku, 2009. P. 82–87.
- Бахшалиев et al. 2010 – *Baxşəliyev V., Marro C., Aşurov S. Ovçulartəpəsi*. Bakı: Elm, 2010. 156 s.
- Brown 1951 – *Brown T. B. Excavations in Azerbaijan, 1948*. London: John Murray, 1951. 279 p.
- Burney 1958 – *Burney C. A. Eastern Anatolia in the Chalcolithic and Early Bronze Age* // *Anatolian studies*. 1958. Vol. 8. P. 157–199.

Burney 1961 – *Burney C. A.* Excavations at Yanik Tepe Azerbaijan 1961. Second Preliminary Report // Iraq. 1962. Vol. 24, part 2. P. 134–152.

Cəfərov 2000 – *Cəfərov H. F.* Azərbaycan e. ə. IV minilliyin axırı–I minilliyin əvvəllərində (Qarabağın Qarqarçay və Tərtərçay hövzəsinin materialları əsasında). Bakı: Elm, 2000. 187 s.

Dyson 1965 – *Dyson R. H.* Problems in the relative chronology of Iran, 6000–2000 B. C. // Ehrich R. W. (ed.). *Relative chronology in Old World Archaeology*. Chicago: University of Chicago Press, 1965. P. 215–256.

Edwards 1981 – *Edwards M. R.* The pottery of Haftavan Tepe VI B (Urmia Ware) // Iran. 1981. Vol. 19. P. 101–140.

Əliyev 1977 – *Əliyev V. H.* Azərbaycanda tunc dövrünün boyalı qablar mədəniyyəti. Bakı: Elm, 1977. 164 s.

Əliyev, Aşurov 1988 – *Əliyev V. H., Aşurov S. H.* Naxçıvan arxeoloji ekspedisiyasının 1988-ci il tədqiqatlarının hesabatı // Azərbaycan EA Tİ EA. Inv. no. H-487. 28 s.

Həbibullayev 1959 – *Həbibullayev O. H.* Kültürpədə arxeoloji qazıntılar. Bakı: Azərbaycan SSR EA Nəşriyyatı, 1959. 134 s.

Kiguradze 2000 – *Kiguradze T.* The Chalcolithic–Early Bronze Age transition in the eastern Caucasus // Marro C., Hauptmann H. (eds.). *Chronologie des Pays du Caucase et de l’Euphrate aux IVe–IIIe millénaires*. Actes du Colloque d’Istanbul, 16–19 décembre 1998. Paris: Institut français d’Etudes Anatoliennes Georges Dumézil. 2000. P. 321–325 (Varia Anatolica. 11).

Marro et al. 2011 – *Marro C., Bakhshaliyev V., Aşurov S.* Excavation at Ovçular Tepesi (Nakhchivan, Azerbaijan). Second preliminary report: The 2009–2010 seasons // *Anatolia Antiqua*. 2011. 19. P. 53–100.

Muradova 1979 – *Muradova F. M.* Qobustan tunc dövründə. Bakı: Elm, 1979. 117 s.

Seyidov 1986 – *Seyidov A. Q.* Naxçıvanın ilk tunc dövrü nizə ucları // Elm və həyat. 1986. No. 10. S. 19–20.

Seyidov 2000a – *Seyidov A. G.* Roots, chronology of the Kur-Araz culture and ethnogenesis of its tribes-creators // *Social sciences*. 2000. No. 3. P. 11–19.

Seyidov 2000b – *Seyidov A. Q.* Azərbaycan ərazisində qədim metallurgiya və onun inkişaf mərhələləri (e. ə. IV–II minilliklər) // *Sosial bilgilər*. 2000. No. 2. S. 8–13.

Seyidov 2000c – *Seyidov A. Q.* Naxçıvan tunc dövründə. Bakı: Elm, 2000. 318 s.

Seyidov 2000d – *Seyidov A. Q.* Naxçıvanın ilk tunc dövrü abidələri və onların dövrəşdirilməsi (Azərbaycan və ingilis dillərində). Bakı: Çarşıoğlu, 2000. 110 s.

Seyidov, Baxşəliyev 2011 – *Seyidov A., Baxşəliyev V.* Sədərək. Bakı: Elm, 2011. 184 s.

Seyidov et al. 2010 – *Seyidov A., Baxşəliyev V., Mahmudova V.* Xələc. Bakı, 2010. 218 s.

SETTLEMENT OF ASHAGY DASHARK IN THE CONTEXT OF THE STUDY OF THE KURA-ARAXES CULTURE

V. B. Bakhshaliyev

Of great importance for the study of the ancient history of the Caucasus, including Azerbaijan, are archaeological sites of the Sharur region in the Nakhchivan Autonomous Republic (hereafter NAR). This fully applies to the settlement of Ashagy Dashark, dated to the middle and late periods of the Kura-Araxes culture. The excavations of this site have yielded numerous ceramic artifacts, including four types of bowls (fig. 1, 2–9; 2, 2–4, 7), three types of pitchers (fig. 2, 1, 5, 6; 3, 1–3; 4, 1–6, 9–11, 14), pots (fig. 3, 4; 4, 7–8, 10–13; 5, 1), models of wheels (fig. 2, 8; 6, 7), as well as various stone (fig. 6, 1–3, 11; 7, 1–5), bone (fig. 6, 4, 6, 8), and antler articles. In addition, there was found a metal leaf-shaped arrowhead (fig. 6, 5). The data obtained as a result of the study of Ashagy Dashark and other sites of the Kura-Araxes culture, located in the territory of NAR (Kultepe I and II, Makhta I, Ovçular Tepesi, Khaladzh, etc.), enables us to subdivide the local history of the Kura-Araxes culture into four developmental stages: *I* – formative stage, late V millennium BC through 3500th year BC, represented at Ovçular Tepesi, Khaladzh, Shortepe, Makhta; *II* – early stage,

3500–3150 BC, represented at Kultepe II, Khaladzh, Arabenghidzhe, Ovçular Tepesi; *III* – middle stage, 3150–2700 BC, represented at Kultepe I and II, Makhta I and II, Arabenghidzhe, Ashagy Dashark, Shortepe; *IV* – late stage, 2700–2400 BC, represented at Kultepe I and II, Makhta I, Arabenghidzhe, Ashagy Dashark, etc. On the basis of the available evidence, it is possible to assume that the territories of NAR, the Urmia region of South Azerbaidjan, and Eastern Anatolia formed the core area of the Kura-Araxes culture. Moreover, the materials excavated at the settlement of Ovçular Tepesi allow to suggest that its primary homeland was in the middle part of the Araxes basin and, first of all, on the territory of what is now NAR.

АЛХАНТЕПЕ – ПОСЕЛЕНИЕ НАЧАЛА БРОНЗОВОГО ВЕКА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Т. И. АХУНДОВ

Ключевые слова: Южный Кавказ, Муганская равнина, Алхантепе, лейлатепинская традиция, металлургия, металлообработка, сырцовый кирпич, землянка, качественная керамика, грубая керамика, ангоб.

Keywords: South Caucasus, Mugan plain, Alkhantepe, Leilatepe tradition, metallurgy, adobe bricks, pit-house, good quality pottery, rough pottery, engobe.

Введение. Начиная с середины XX столетия, когда на Южном Кавказе были выявлены первые раннеземледельческие памятники, доисторическую культуру пытались здесь изучать с позиций непрерывной эволюции от раннеземледельческих традиций, которые в то время связывали с эпохой энеолита, к куро-аракской традиции, которую относили к бронзовому веку. С открытием поселения Лейлатепе и выделением лейлатепинской традиции начался новый этап в исследовании доисторической эпохи Южного Кавказа. Выяснилось, что в этом регионе не было непосредственного перехода от ранних земледельческих культур к куро-аракской культуре, поскольку в промежутке между их существованием здесь представлена совершенно иная (лейлатепинская) традиция, не имеющая непосредственной связи ни с предшествующей древнеземледельческой, ни с последующей куро-аракской традициями. В настоящее время переднеазиатские – урукские корни лейлатепинской традиции (лейлатепинский вариант урукской традиции) не вызывают сомнений (Нариманов и др. 2007: 60–61; Ахундов, Махмудова 2008: 75).

За прошедшие 30 лет на Южном Кавказе, главным образом на территории Азербайджана, выявлено несколько десятков новых памятников, в той или иной мере связанных с лейлатепинской традицией. Одним из них является **поселение Алхантепе**, расположенное на Муганской равнине, в 4 км к С от с. Учтепе Джалилабадского р-на, на юго-востоке Республики Азербайджан, на абсолютной высоте 41 м (N 39° 21' 607"; E 048 °27' 720"). Оно было выявлено в 2006 г. и тогда же визуальное обследовано. Раскопки памятника проводились в 2008–2010 и 2012 гг. Исследованная площадь Алхантепе составляет 222 м², причем 200 м² приходится на раскоп и 22 м² – на шесть рекогносцировочных шурфов.

Природно-климатические условия Муганской равнины в период существования поселения Алхантепе реконструированы на основе изучения спорово-пыльцевого спектра, полученного из разреза, сделанного на этом же памятнике. Для данного времени характерны более влажный климат и преобладание низинных широколиственных лесов в сочетании с редколесьем эльдарской сосны. Прослеживается также естественное иссушение климата, выраженное в качественном изменении травянистой растительности и превалированием в ее составе маревых (*Chenopodiaceae*).

На Алхантепе выделено два периода развития земледелия. Первый совпадает с палинозоной II, соответствующей умеренно теплому, относительно сухому

климату, когда среди растительности доминировали травянистые ксерофильные ценозы типа злаковых и полынно-злаковых степей. Второй соответствует верхней части палинозоны III, в которой содержание пыльцы злаков увеличивается снизу вверх от 9% до 45% (Тагиева и др. 2011).

Топография размещения Алхантепе. Памятник не имеет наземных топографических признаков. Его площадь приблизительно равна 4 га (не менее 200–220 м по линии С–Ю и около 200 м по линии З–В).

Раскоп был заложен на «мысу», где находилась самая высокая часть памятника. К моменту основания поселения рельеф этой территории плавно опускался приблизительно от западной границы памятника к восточной, т. е. поселение было основано на пологом склоне, спускающемся к водной артерии, по которой в настоящее время проложен канал.

Южный край памятника ограничен засохшим прудом диаметром 50–60 м. Толщина культурных отложений у его края составляет 2,6 м и достигает глубины 3 м от основного репера.

Стратиграфия. На поселении раскопан участок 10 × 20 м, вытянутый по линии С–Ю. Верхняя толща культурных отложений до глубины 0,3 м перемешана вследствие многолетнего распаивания поверхности памятника. Максимальная толщина его культурных отложений достигала 3 м. В ходе работ выявлено семь строительных горизонтов (их нумерация дана снизу вверх), которые на отдельных участках можно разделить на подгоризонты. Культурный слой представлен двумя пачками отложений, между которыми, как выяснилось в процессе раскопок, площадь поселения подверглась определенным тектоническим подвижкам.

Архитектура. Обитатели Алхантепе использовали различные бытовые сооружения: круглые и прямоугольные полуземлянки, круглые землянки, прямоугольные землянки со стенами, выложенными кирпичом, и с простыми грунтовыми стенами, а также наземные кирпичные и турлучные строения.

Остатки двух *землянок* выявлены в первом и четвертом горизонтах памятника. Круглая землянка первого горизонта, впущенная в материк с отметки – 3 м, имеет диаметр 2,4 м и глубину 1 м. Вход в жилище, стены которого были сильно закопчены, не обнаружен. На полу, покрытом тонким слоем темной золы и угля, расчищены остатки очага и встречены различные камни со следами использования.

Круглые полуземлянки зафиксированы в первом, четвертом и пятом горизонтах. Диаметр жилищ колеблется от 1,75 до 2,4 м, их глубина составляет 0,3–0,4 м. Вертикальные стены и полы полуземлянок были заглажены. Иногда поверху стены сооружений были покрыты глиняной обмазкой шириной 0,4–0,5 м.

Прямоугольные полуземлянки представлены двумя вариантами. К первому из них относятся сооружения, стены которых были обложены кирпичом. Эти жилища выявлены во втором строительном горизонте. В одной такой полуземлянке были обнаружены три слоя кирпичной кладки без скрепляющего раствора, причем ее высота достигала 30 см. Толщина кирпичной кладки у каждой из трех стен жилища составляет 30–35 см, а у торцевой северо-западной стены – 55 см, поэтому площадь помещения, устроенного в яме размерами 3 × 5,3 м, уменьшилась до 2,4 × 4,4 м. Кирпич формован из чистой желтой глины без примесей. Перед северо-западной стеной полуземлянки, с внешней стороны находилась

площадка, вымощенная разбитыми каменными орудиями, на поверхности которых сохранились следы разжигания огня.

Прямоугольная полужемлянка второго варианта, имеющая грунтовые стены, выявлена в четвертом строительном горизонте. Она была вытянута по линии СЗ–ЮВ и снабжена прямоугольной прирезкой (2,0 м × 0,7 м) к северо-западному торцу жилища. Ширина помещения составляла не менее 3,5 м, длина вместе с прирезкой – 4 м. Перед прирезкой, ближе к ее ЮЗ углу, расчищена круглая выемка диаметром 30 см и глубиной до 20 см.

Несколько фрагментов наземных «стен» различной длины и конфигурации расчищены во втором строительном горизонте. Они также были сложены из желто-глиняного сырцового кирпича без скрепляющего раствора. Высота этих стен достигает 20–30 см, ширина, в основном, – до 40 см, но есть и более широкие. Их неоднократно достраивали, утолщали и удлинляли (рис. 1, 1).

Остатки наземных кирпичных прямоугольных и подпрямоугольных строений выявлены в четвертом строительном горизонте. Они были сложены без последующей обмазки в один или в два кирпича с использованием связующего раствора. В одном случае удалось проследить утрамбованный пол помещения. Сохранившаяся высота стен этих сооружений достигает 0,4 м.

В шестом строительном горизонте выявлены остатки двух турлучных прямоугольных строений. От них сохранились лишь вырытые в культурном слое желобки, заполненные золой от выгоревших стен. В центре утрамбованных полов находились очажные выемки.

В самом верхнем седьмом горизонте на глубине 0,45 м была расчищена на площади более 100 м² «платформа», состоявшая из рамы, которая была сложена из пересекающихся под прямым углом деревянных брусьев, образывавших квадраты размерами около 0,7 м × 0,7 м. Прямоугольные брусья (4–6 см × 10 см) были положены на ребро и, несмотря на пересечение, лежали на одном уровне. Покрытое платформой пространство было утрамбовано на высоту брусьев (10 см), которые частично сгнили, частично сгорели. Брусья были вытянуты, как и все прямоугольные строения этого поселения, по линиям ССВ–ЮЮЗ и ЗСЗ–ВЮВ. Аналогичные платформы с деревянными рамами выявлены и в двух рекогносцировочных шурфах, расположенных в 30 и 60 м к З от раскопа.

Бытовые очаги и производственные печи. На поселении Алхантепе выявлены остатки различных бытовых очагов, производственных печей и открытых костров. *Очаги* различной формы представлены во всех горизонтах. Прежде всего, следует упомянуть круглые (диаметр от 0,25–0,3 м до 0,8 м) очаги, сохранившиеся в виде обожженной до красного цвета глиняной массы толщиной 4–8 см. Эти конструкции, имеющие заглаженную поверхность, иногда находились внутри помещений, но чаще – за их пределами.

Встречены также овальные или прямоугольные очаги в виде аналогичной глиняной массы. Они снабжены невысоким поперечным бортиком, разделяющим их на две половины. В одном случае на обмазанной поверхности очага были расчищены две симметрично расположенные пары круглых лунок диаметром и глубиной 5 см.

Были обнаружены две *металлургические печи*, расположенные неподалеку друг от друга. Одна из них представляла собой квадратное сооружение, под которым находилась куполообразная топка, заполненная черной золой. Сохранились

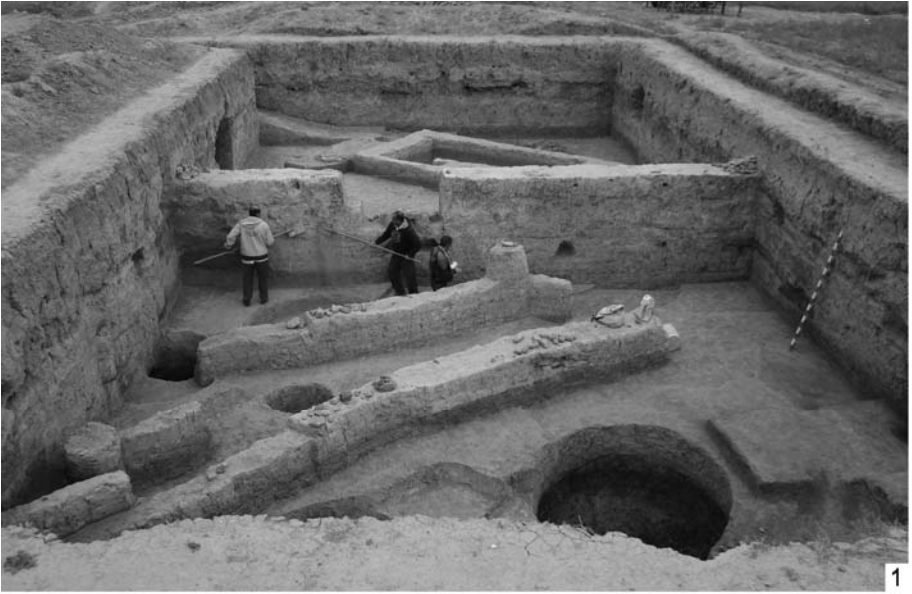

Рис. 1. Алхантепе: 1 – общий вид на раскоп с южной стороны; 2 – остатки металлургической печи
Fig. 1. Alkhan-tepe: 1 – general view of the excavation area from the south; 2 – remains of a metallurgical furnace

два фрагмента продухов и межъярусное отверстие горна. Вся конструкция, в том числе и топка, была выполнена из сырцового кирпича на связующем растворе (рис. 1, 2).

Другая печь являла собой грушевидное в плане сооружение, с хорошо обмазанной поверхностью, продухом и остатками основания куполообразного глиняного перекрытия. Внутри печь была заполнена черной золой (рис. 2, 1).

В культурных отложениях, в особенности рядом с горнами, найдено большое количество металлического шлака (рис. 4, 15, 16, 18), глиняные формы для отливки металлических брусков (рис. 3, 1–3), тигли (рис. 3, 4), керамические ковшики (рис. 3, 5), каменный молот и фрагмент керамического продуха (рис. 3, 6).

Выявлены и остатки печи, от которой сохранился обмазанный и обожженный под камеры, частично оконтуренный обожженной докрасна кирпичной стенкой и прилегающими к ней сырцовыми кирпичами. На поверхности пода и за кирпичной оградкой сохранились остатки желобков, под которыми находилась полностью заполненная черной золой яма, диаметр которой превышал размеры печи.

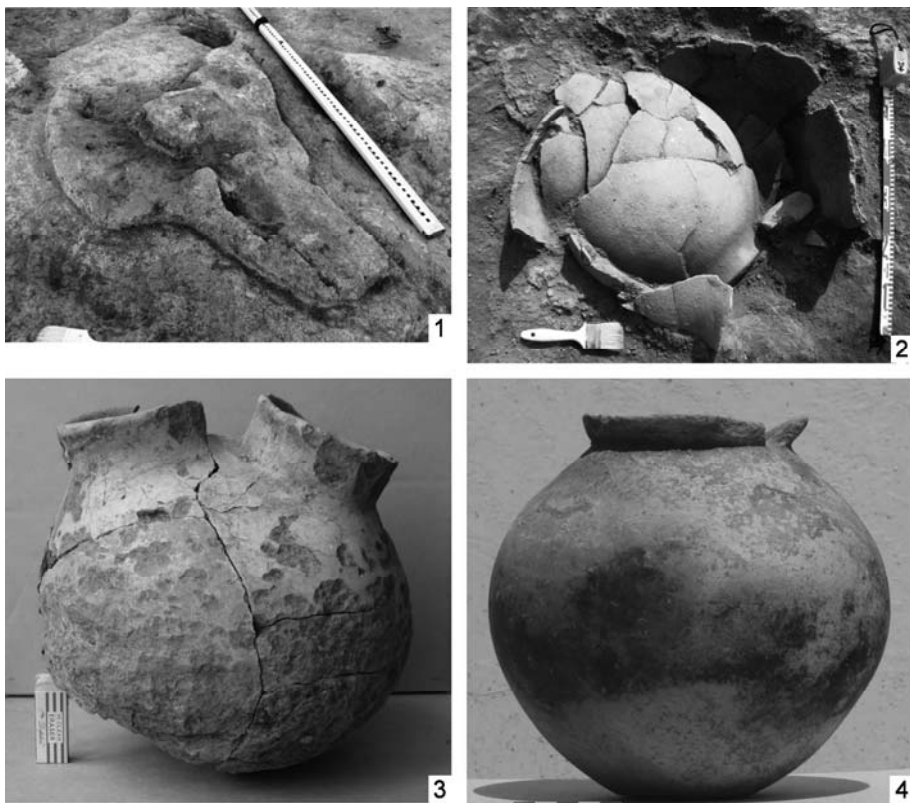

Рис. 2. Алхантепе: 1 – остатки металлургической печи; 2 – сосуд с детским погребением; 3 – двухгорлый сосуд; 4 – характерный сосуд качественной керамики
 Fig. 2. Alkhan-tepe: 1 – remains of a furnace for producing metal; 2 – vessel with a child's burial; 3 – two-necked vessel; 4 – vessel typical of the «high quality pottery»

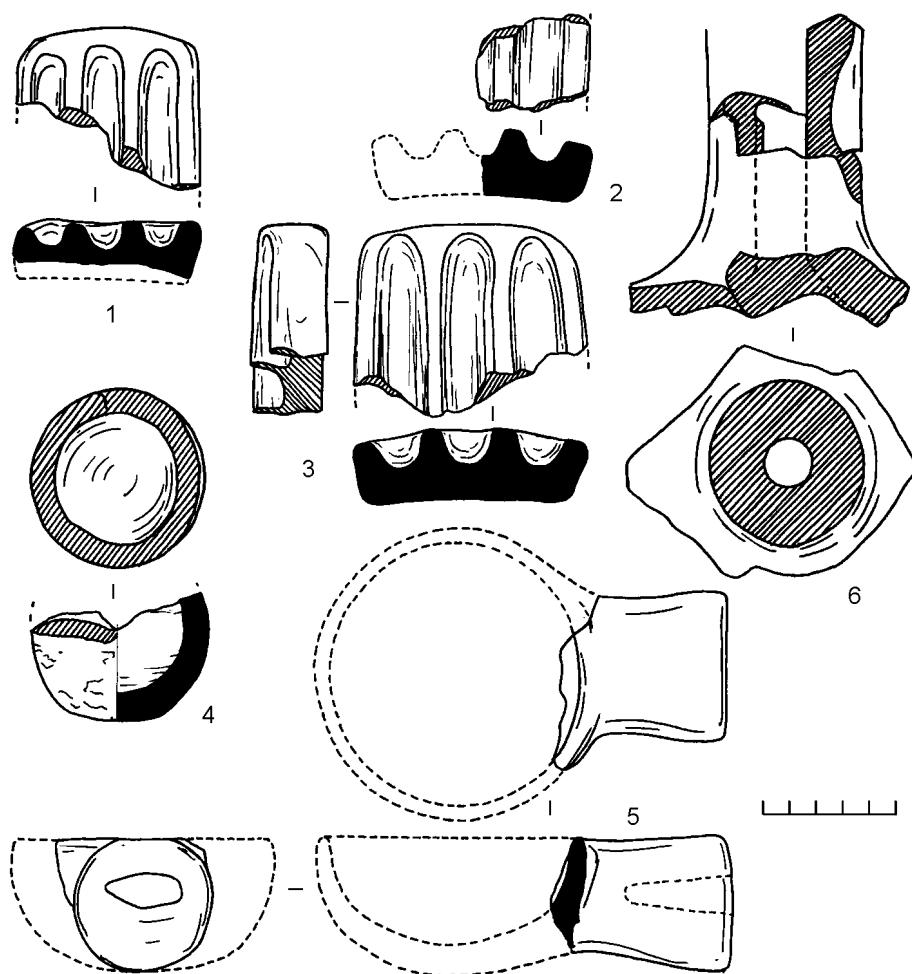

Рис. 3. Алхантепе: 1–3 – формы для отливки металлических брусков – сырья для обмена и металлообработки; 4 – тигель; 5 – фрагмент керамического ковша; 6 – керамический продух металлургической печи

Fig. 3. Alkhantepe: 1–3 – molds for casting metal bars; 4 – crucible; 5 – fragment of a ceramic scoop; 6 – ceramic air drain of a metallurgical furnace

Устройства неопределенного назначения. В различных горизонтах культурных отложений были выявлены круглые «площадки» диаметром до 0,6 м, выложенные черепками керамики, причем эти фрагменты на всю их высоту укреплены в глиняной массе.

Помимо описанных «площадок» во втором и четвертом горизонтах расчищены три обожженные круглые «площадки», на поверхности которых разводили огонь. Одна из них, имеющая диаметр 1,24 м, выявлена во втором горизонте. Она имела слегка вогнутую к центру хорошо заглаженную поверхность. В центре конструкции был вмонтирован воронкообразный венчик миниатюрного

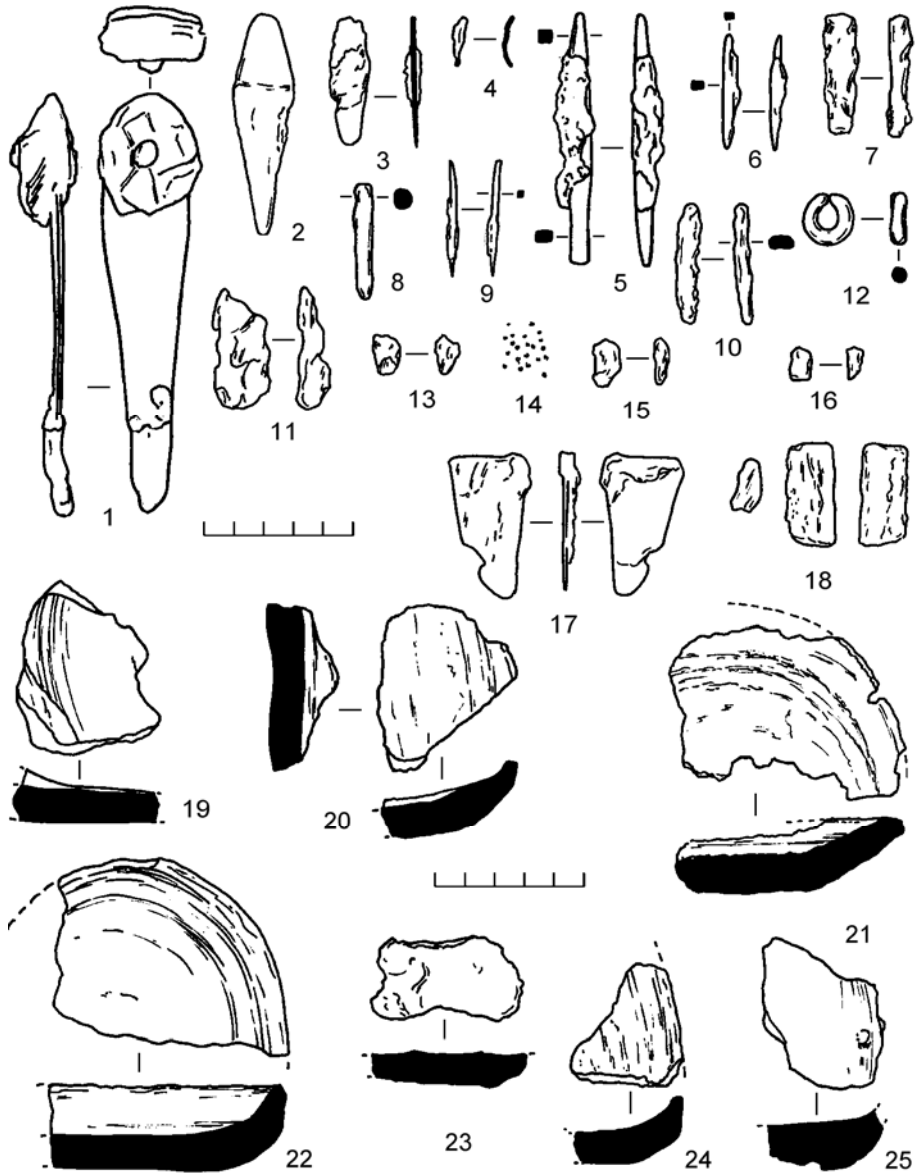

Рис. 4. Алхантепе: 1–11, 13, 17 – изделия и обломки металлических предметов на медной основе; 12 – свинцовое кольцо-подвеска; 14 – крупинки – брызги жидкого металла; 15, 16, 18 – металлические шлаки; 19–25 – жаровни (керамика)

Fig. 4. Alkhan-tepe: 1–11, 13, 17 – metal (copper-based) objects and their fragments; 12 – ring-pendant of lead; 14 – metal splashes; 15, 16, 18 – metal slag; 19–25 – roasters (ceramics)

сосуда. Толщина обожженной массы этой «площадки», составлявшая 4–5 см у краев, постепенно увеличивалась к центру, где она достигала 0,25 м. Аналогичная конструкция с встроенным горлом сосуда была выявлена в четвертом горизонте.

В 0,25 м к западу от первой из упомянутых «площадок» находилось еще одно подобное устройство. Диаметр этой «площадки» составлял 1 м. В ее центре было сделано обмазанное и хорошо заглаженное углубление диаметром 0,12 м и глубиной 0,21 м. Его стенки также подверглись воздействию огня.

Погребения. При изучении поселения Алхантепе на различных уровнях и участках культурного слоя были выявлены остатки 13 погребений (младенцы, дети и взрослые), причем 12 из них встречено в раскопе, одно – в рекогносцировочном шурфе. Пол умерших пока не определен.

Обряд погребения различен. Для захоронения младенцев чаще использовали глиняные сосуды (рис. 2, 2), в которые умерших клали в скорченном положении. Они ориентированы головой преимущественно на ЮЗ. В одном случае младенец, лежащий в скорченном положении на правом боку, головой на ЮВ, похоронен, видимо, в могильной яме.

Ребенок 5–6 л. был захоронен в скорченном положении на правом боку, головой на В. В двух сильно поврежденных погребениях, возможно принадлежащих подросткам или женщинам, покойники были похоронены в скорченном положении на левом боку, головой на ЮЗ. На костях одного из умерших найдено свинцовое кольцо, свернутое из прута круглого сечения (рис. 4, 12).

Два покойника были захоронены в скорченном положении, в одном случае на боку, в другом на спине, головой на З. У голени первого из них была найдена медная в основе стамеска. В разрушенном погребении взрослого человека, лежавшего в скорченном положении на спине, головой на Ю, у головы находились керамическая чаша и бусина из пасты.

Особый интерес представляет хорошо сохранившееся захоронение взрослого человека, положенного в скорченном положении на живот, головой на З. Предположительно умерший был похоронен со связанными руками.

Археологический инвентарь. В результате проведенных работ на поселении Алхантепе была получена значительная коллекция керамических, костяных, каменных и металлических находок.

Керамические изделия на поселении весьма разнообразны. В соответствии с технико-технологической типологией, принятой к настоящему времени для лейлатепинской традиции, они разделяются по составу формовочной массы на два основных класса: *качественная керамика* и *грубая керамика* (Нариманов и др. 2007: 37–39).

Качественная керамика (рис. 2, 4; 5, 1, 2, 4, 7, 10, 14, 17, 21) изготовлена из глины с растительной примесью и примесью мелкого песка, реже – из глины без видимых примесей. Значительная часть посуды этого класса изготовлена с использованием круга – вращающегося устройства, причем небольшие сосуды обычно полностью изготавливали на круге, тогда как для производства других, особенно крупных изделий, круг использовали только для формовки или подправки уже сделанных горловин и венчиков. Обнаружено и немалое количество лепных сосудов.

Поверхности изделий, в зависимости от формы и назначения, в большинстве случаев покрыты ангобом с одной или обеих сторон, причем его качество

обычно зависело от назначения сосуда. Ангоб мог быть тонким и плотным или рыхлым, массивным. Использовали белый, зеленовато-белый, желтовато-белый и охристый ангоб, причём последний имел цвета различных тонов и насыщенности. Реже употребляли сероватый и коричневатый ангоб.

Керамика обычно равномерно обожжена по всей поверхности, реже встречаются образцы с подпалинами. Стенки малых сосудов почти всегда хорошо обожжены на всю их толщину. Черепки крупных изделий часто имеют черноватую сердцевину различной толщины. Обжиг проводился в печах с хорошо регулируемым тепловым режимом при высокой температуре.

Существует мнение, что качественная керамика лейлатепинской традиции в подавляющем большинстве круглодонная (Там же: 38). Исследования на поселении Алхантепе показали, что процент плоскодонной керамики для этой традиции значительно выше предполагаемого ранее, особенно у сосудов мелких и средних размеров независимо от их формы. Найдены и отдельные образцы фрагментов сосудов на невысоком кольцевом и высоком колоколовидном поддоне.

Ведущими группами качественной керамики на поселении Алхантепе являются:

1. *Круглодонные сосуды с подшаровидным туловом* обычно имели средние, крупные и очень крупные размеры. Но встречаются и более мелкие изящные образцы. Горловины этих изделий, лишённые шейки, непосредственно переходят в невысокие резко отогнутые воронкообразные венчики различной профилировки. Нередко венчики мелких экземпляров отогнуты почти до горизонтального положения, причём высота и диаметр корпуса этих сосудов почти равны. Почти все образцы данной группы изготовлены из глины с растительной примесью. Мелкие изделия чаще формованы из глины с песком, из чистой глины или из глины с очень мелкой растительной примесью. Диаметр самых крупных экземпляров превышает 70 см, а толщина черепка составляет около 2 см.

По форме верхней половины сосуда и размеру его горловины эта группа делится на три подгруппы: а) – *котлы*, диаметр горловин которых несколько шире или уже диаметра корпуса изделия; б) – *широкогорлые кувшины*, диаметр горловин которых равен примерно двум третям диаметра корпуса сосуда; в) – *узкогорлые кувшины*, диаметр горловин которых примерно равен одной трети диаметра корпуса изделия.

2. *Кувшины с воронкообразным венчиком* представлены сосудами средних, небольших и миниатюрных размеров. Мелкие и миниатюрные изделия обычно имеют подшаровидное тулово на круглом или на небольшом плоском донце. Узкая горловина без шейки переходит в воронкообразный венчик. Сосуды формованы из глины с мелкой растительной примесью. Миниатюрные образцы приготовлены из глины с примесью песка, а также из глины без примесей.

В зависимости от высоты венчика и его положения эта группа сосудов делится на три подгруппы: а) – *небольшие и миниатюрные сосуды с высоким венчиком*, приблизительно равным диаметру его верхнего среза, который, в свою очередь, более чем в два раза больше диаметра горловины и приблизительно равен диаметру корпуса изделия, причём высота венчика сосуда порой равна высоте его корпуса (рис. 5, 2), у более крупных экземпляров диаметр корпуса значительно шире (рис. 5, 1); б) – *сосуды средних и небольших размеров*, высота венчика которых равна половине его верхнего среза и диаметру горловины,

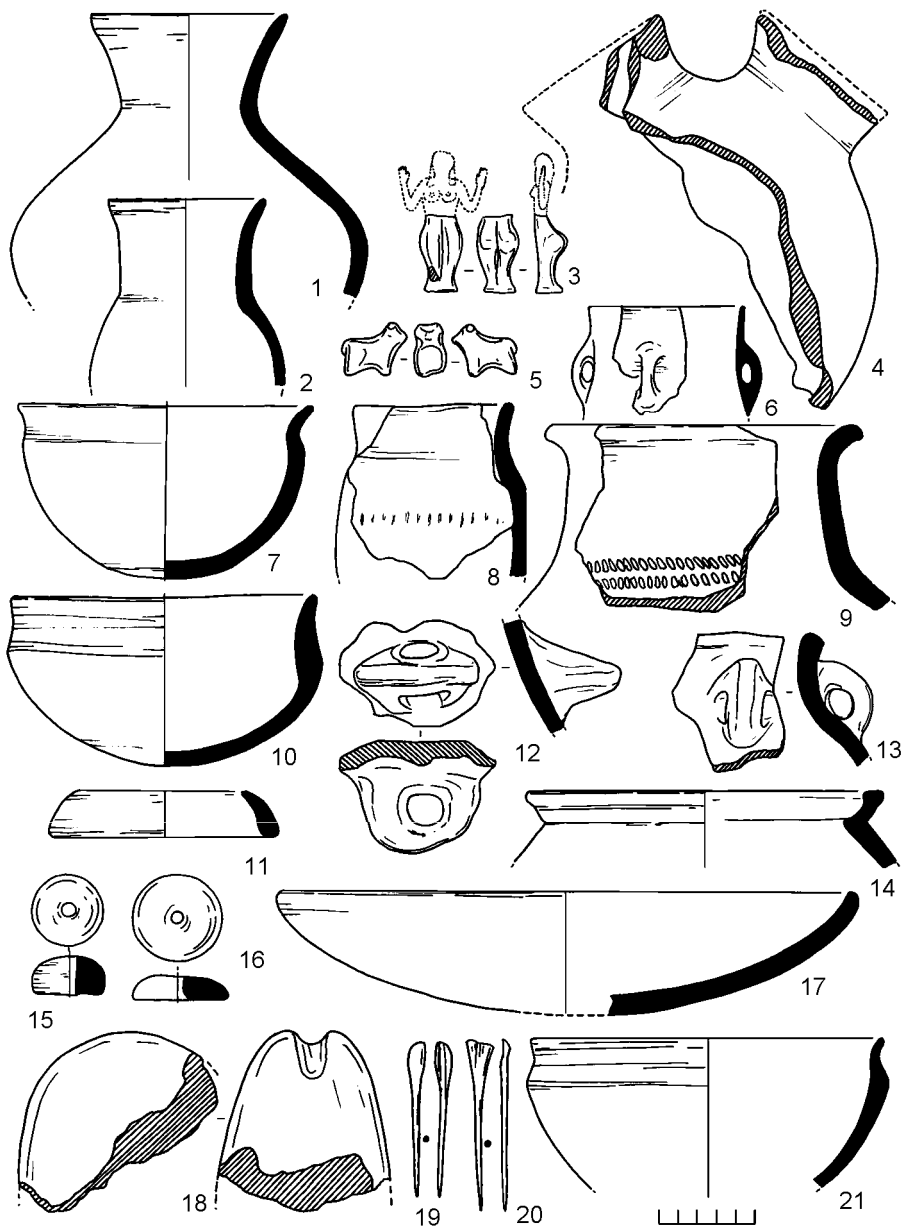

Рис. 5. Алхантепе: 1, 2, 4, 7-10, 12-14, 17, 21 – сосуды и ручки от них; 3 – фрагмент антропоморфной фигурки; 5 – фигурка животного; 11 – подставка для сосуда; 15, 16 – пряслица; 18 – фрагмент очажного устройства; 19, 20 – заковки алхантепинского типа (3, 5 – терракота; 16 – камень; 18 – обожженная глина; 19, 20 – кость; остальное – керамика)
 Fig. 5. Alkhan-tepe: 1, 2, 4, 7-10, 12-14, 17, 21 – vessels and their handles; 3 – fragment of an anthropomorphic figurine; 5 – animal figurine; 11 – pedestal for vessels; 15, 16 – spindles; 18 – detail of a hearth; 19, 20 – Alkhan-tepe type pins (3, 5 – terracotta; 16 – stone; 18 – fired clay; 19, 20 – bone; the rest – ceramics)

который, в свою очередь, равен примерно половине диаметра корпуса изделия; в) – *сосуды небольших, реже средних размеров* с венчиком высотой от 1 до 2 см и диаметром горловины, составляющим примерно половину диаметра корпуса изделия.

3. *Двугорлые круглодонные сосуды* средних размеров имели в своей верхней части две симметрично расположенные горловины (диаметр 6–10 см) с воронкообразными или цилиндрическими венчиками средней высоты (рис. 2, 3; 5, 4).

4. *Двучастные пиалы* имеют горизонтальное ребро, делящее корпус изделия на две почти равные по высоте половины. Нижняя круглодонная половина посредством ребра переходит в верхнюю подцилиндрическую часть со слегка сходящимися или расходящимися бортами. Закраины обычно утончены и слегка отогнуты. Встречаются экземпляры, у которых по торцу закраины сделан тонкий желобок, от чего она как бы раздваивается (рис. 5, 10). Диаметр пиал составляет 0,1–0,16 м, реже 0,2 м.

5. *Цедилки*, судя по их фрагментам, имеют различные формы. Стенки этих изделий сплошь или частично покрыты небольшими отверстиями (диаметр обычно 0,3–0,5 см, реже несколько больше или меньше), проделанными в сырой глине. Встречаются высокие цилиндрические цедилки без дна, а также фрагменты изделий в виде плоских чаш на полом поддоне.

6. *Горшки с приземисто шаровидным, вероятно, круглодонным туловом, широкой горловиной и низким венчиком с внутренним желобком* имеют небольшие, реже средние размеры (рис. 5, 14).

7. *Чашы* различаются размерами, отношением диаметра к высоте изделия, профилями бортов, оформлением закраин у верхнего среза. Представлены как круглодонные, так и плоскодонные экземпляры. Наиболее крупные образцы сосудов имеют диаметр 0,6 м и глубину 0,2 м (рис. 5, 17).

Промежуточное положение между пиалами и чашами занимают глубокие чаши средних размеров с рельефно выделенными краями бортиков (рис. 5, 7, 21).

Помимо описанных групп глиняной посуды на поселении Алхантепе найдено много фрагментов разнообразных сосудов качественной керамики, которые не представлены сериями, в том числе открытый сосуд со сливом, носики от сосудов, массивные плоскодонные чаши на кольцевом поддоне с ровно расходящимися высокими бортами, а также высокая колоколовидная ножка от вазы. Обнаружены и различные керамические предметы, в частности, невысокие кольцевидные подставки для круглодонных сосудов (рис. 5, 11) и т. д.

К классу качественной керамики можно отнести несколько фрагментов расписных сосудов и черепки сосудов черного и темно-серого цветов, часто с заощенной поверхностью (рис. 5, 6).

Нередко на поверхности изделий, главным образом качественной керамики, встречаются различные прорезанные и наколотые знаки.

Среди находок качественной керамики имеется небольшое количество различных петлевидных ручек сосудов (рис. 5, 6, 13), причем в одном случае ручка прикреплена горизонтально (рис. 5, 12).

«Грубая керамика». Сосуды, выделенные в этот класс, отличаются меньшим разнообразием форм. Их можно разделить на группу *бытовой* и на группу *очажной* керамики.

Серо-желтые, бурые и даже черные бытовые сосуды формованы от руки из глины с грубой неорганической примесью: дресва, шамот, крупный песок, растертый обсидиан, пирит или кварцит (Ахундов 2011: 227). Обжиг этих изделий характеризуется различной степенью качества.

Данная группа включает *широкогорлые и узкогорлые серо-бурые кувшины яйцевидной формы с круглым или плоским дном*. Корпус их плавно переходит в слабовыраженные шейки, которые слегка расходятся к закраине, которая часто заглажена. Представлено несколько массивных экземпляров с черепком, имеющим толщину 1–1,2 см, поверхность которых слабо заглажена. Другие подобные сосуды характеризуются плотным грубозернистым черепком толщиной около 0,6 см. Их внешняя поверхность, цвет обжига которой варьировал от бурого до черного, тонко обмазана и слабо залощена. Кувшины представлены главным образом сосудами среднего и крупного размеров.

Помимо кувшинов для этой группы характерны также различные чаши, форма которых мало отличается от чаш качественной керамики.

Условно к этой группе можно отнести фрагменты грубоватых сосудов темного буро-серого цвета, поверхность которых украшена наколами (рис. 5, 8, 9).

Хрупкие очажные керамические изделия небрежно формованы из рыхлой глиняной массы с крупными неорганическими добавками и, видимо, с примесью навоза. Они имеют грубо заглаженную шероховатую поверхность и, за отдельными исключениями, плохо обожжены, причем цвет обжига варьирует от серого до буро-черного.

Данная группа включает *круглые жаровни* с невысокими (до 0,1 м) бортиками (рис. 4, 19–25). На некоторых изделиях в верхней половине бортика сделаны до обжига сквозные отверстия, которые как бы опоясывают жаровню. У других экземпляров бортик охватывает лишь три четверти окружности жаровни, причем напротив открытой части изделия бортик слегка вогнут или имеет внутренний горизонтальный налп. Жаровни характеризуются тонкими и выпуклыми днищами, которые хорошо заглажены с внутренней стороны. С внешней стороны они нередко имеют отпечатки циновки, на которой их формовали. Однако чаще днища изготавливали непосредственно на грунте. Внутренняя поверхность изделий обожжена, их бортики с внешней стороны сильно закопчены, на дне жаровен следы огня и копоты отсутствуют.

Помимо жаровен очажная керамика представлена *подставками*, которые имеют плоско усеченную вершину и круглое или квадратное основание с сужающимися кверху стенками. Высота этих изделий в полтора раза больше ширины их основания. К очажной керамике можно отнести и различные стационарные очажные устройства (рис. 5, 18)

На поселении обнаружены фрагмент антропоморфной фигурки и статуэтка животного (рис. 5, 3, 5), выполненные из терракоты, а также керамические пряслица (рис. 5, 15).

Каменные орудия. Для изготовления орудий на поселении Алхантепе использовали различные породы камня. Режущие инструменты в подавляющем большинстве выполнены из сероватого кремня, обсидиан встречается редко. Для индустрии характерны как пластины, так и отщепы, нередко с вторичной обработкой.

В производстве часто использовали плотный песчаник, из которого сделаны многочисленные овальные зернотерки с одной или двумя сработанными

поверхностями, и плотный пористый песчаник, из которого выполнены фрагменты и целые экземпляры каменных дисков или квадратов с двухсторонним сверлением по центру. Широко представлены ударные орудия из плотных мелкозернистых галек и мелких булыжников. Обнаружены также каменные пряслица (рис. 5, 16) и миниатюрные сосуды.

Костяные изделия. На поселение Алхантепе, в соответствии с лейлатепинской традицией, кость в производстве использовали редко. Изделия из нее представлены главным образом заколками и пряслицами.

Заколки, обычно изготовленные из трубчатых костей мелкого рогатого скота, имеют треугольную или приближенную к треугольной форме плоскую головку, переходящую в заостренный стержень. Эти поделки, характерные для памятников лейлатепинской традиции, названы заколками *алхантептинского типа* (рис. 5, 19, 20).

Пряслица выполнены из головок эпифизов костей крупных животных. Порой верхний бугорок срезанного эпифиза также слегка срезали, в результате чего образовывалась плоскость, в центре которой сверлили отверстие.

Металл на поселении Алхантепе. Как отмечено выше, при исследовании памятника выявлено много шлаков (отходы металлургического производства) и застывшие брызги жидкого металла (рис. 4, 14), производственные печи и орудия металлообработки. Кроме того, найдены металлические изделия, в большинстве случаев во фрагментах. Однако их количество, несмотря на организованное металлургическое и металлообрабатывающее производство, невелико. Обнаружены лишь лезвия двух кинжалов, небольшая массивная стамеска, несколько целых и фрагментированных шильев, небольшие фрагменты неопределимых предметов, сделанные из медного в основе металла, а также свинцовая подвеска (рис. 4, 1–13, 17).

Заключение. Полученные данные позволяют отнести время существования рассматриваемого поселения, связанного с поздним этапом лейлатепинской традиции, к XXXIII–XXXII вв. до н. э.

Анализ металлов и отходов металлургического и металлообрабатывающего производства Алхантепе выявили наличие в медной основе обнаруженных здесь изделий существенные добавки других металлов, что наряду с данными о наличии металлургии на других памятниках лейлатепинской традиции (Ахундов, Махмудова 2008: 65–69) позволяет сделать четыре вывода. Во-первых, эта традиция по техно-культурному уровню относится к эпохе металла, во-вторых, ее носители обладали навыками металлургического производства и металлообработки, в-третьих, они уже умели производить металл с присадками – бронзу, в-четвертых, с их появлением на Кавказе начинает развиваться местная металлургия начала эпохи бронзы. Таким образом, на Южном Кавказе был сделан первый шаг к переходу этого региона в эпоху металла, не получивший, однако, дальнейшего развития. Второй, более удачный шаг на этом пути был сделан позднее носителями куро-аракской традиции.

Литература

Ахундов 2011 – Ахундов Т. И. Памятники Муганской степи и предпосылки расселения ранних земледельцев на Южном Кавказе в эпоху неолита–энеолита // STRATUMplus. 2011. № 2 (Феномен Балканского теля). С. 219–236.

Ахундов, Махмудова 2008 – *Ахундов Т. И., Махмудова В. А.* Южный Кавказ в кавказско-переднеазиатских этнокультурных процессах IV тыс. до н. э. Баку: Шарг-Гарб, 2008. 200 с.

Нариманов и др. 2007 – *Нариманов И. Г., Ахундов Т. И., Алиев Н. Г.* Лейлатепе: Поселение, традиция, этап в этнокультурной истории Южного Кавказа. Баку: N-Print, 2007. 128 с.

Тагиева и др. 2011 – *Тагиева Е. Н., Велиев С. С., Алиев А. И.* Природные условия Муганской равнины в эпоху перехода от неолита к бронзовому веку (по данным палинологических исследований) // Известия НАН Азербайджана. Науки о земле. Баку, 2011. № 3. С. 43–47.

Literature

Ахундов 2011 – *Akhundov T. I.* Pamyatniki Muganskoy stepi i predposyl'ki rasseleniya rannih zemledel'cev na Yujnom Kavkaze v e'pohu neolita–e'neolita (*Archaeological sites of the Mugan steppe and prerequisites for agricultural settlement in the South Caucasus in the Neolithic–Eneolithic*) // STRATUM-plus. 2011. No. 2 (Phenomenon of the Balkan Tell). P. 219–236 (in Russian).

Ахундов, Махмудова 2008 – *Akhundov T. I., Makhmudova V. A.* Yujny'y Kavkaz v kavkazskoperedneaziatskih e'tnokul'turny'h processah IV ty's. do n. e'. (*South Caucasus in the Caucasian and Near Eastern ethno-cultural processes of the IV millennium BC*). Baku: Sharg-Garb, 2008. 200 p. (in Russian).

Нариманов и др. 2007 – *Narimanov I. G., Akhundov T. I., Aliev N. G.* Leylatepe: Poselenie, tradiciya, e'tap v e'tno-kul'turnoy istorii Yujnogo Kavkaza (*Leilatepe: settlement, tradition, stage in the ethno-cultural history of the South Caucasus*). Baku: N-Print, 2007. 128 p. (in Russian).

Тагиева и др. 2011 – *Taghieva E. N., Veliev S. S., Aliev A. I.* Prirodny'e usloviya Muganskoy ravniny' v e'pohu perehoda ot neolita k bronzovomu veku (po danny'm palinologicheskikh issledovaniy) [*Environmental conditions of the Mugan steppe during the transition from the Neolithic to the Bronze Age (based on palynological evidence)*] // Transactions of the Azerbaijan National Academy of Sciences. Earth sciences. Baku, 2011. No. 3. P. 43–47 (in Russian).

ALKHANTEPE – AN EARLY BRONZE AGE SETTLEMENT IN AZERBAIJAN

T. I. Akhundov

Several tens of settlements belonging to the Leilatepe tradition have been discovered in South Caucasus during the last 30 years. The Uruk sources of this tradition are beyond any doubts. The site of Alkhantepe, situated in the Mugan plain (south-eastern Azerbaijan), is one of these settlements. Excavations of the site have yielded remains of subterranean and semi-subterranean dwellings, as well as above-ground brick and turluk (clay-walled) constructions. Several fragments of above-ground mortarless «walls» made of adobe bricks were exposed in the second building horizon (fig. 1, 1). There were discovered also remains of two metallurgical furnaces (fig. 1, 2, 2, 1), with slag, clay molds for casting metal bars (fig. 3, 1–3), crucibles (fig. 3, 4) and ceramic scoops (fig. 3, 5) found nearby. In addition, the site yielded skeletal remains of 13 buried persons of different age. Infants had often been buried in ceramic vessels (fig. 2, 2). A lead ring was found on one of the bones (fig. 4, 12). The ceramic vessels of Alkhantepe are represented, first of all, by «good quality pottery» (fig. 2, 4; 5, 1, 2, 4, 7, 10, 14, 17, 21) made of clay tempered with plant remains and fine sand. A considerable part of this pottery had been formed partially or entirely on the wheel. The surfaces of evenly fired vessels are usually engobed from one or both sides. The «good quality pottery» is dominated by round-based vessels with sub-globular bodies, pitchers with funnel-shaped rims (fig. 5, 1, 2), two-necked vessels (fig. 2, 3; 5, 4), bipartite tea bowls (fig. 5, 10), strainers, pots (fig. 5, 14) and cups (fig. 5, 7, 17, 21).

In addition, this group of pottery includes fragments of painted and black or dark-gray vessels, the latter often being burnished (fig. 5, 6). Some of the «good quality» group objects have small loop-shaped handles (fig. 5, 6, 12, 13). The second group of vessels is represented by «rough pottery», which includes kitchenware and hearth articles. The kitchen vessels are hand shaped of clay tempered with grit, grog, coarse sand, ground obsidian, pyrites or quartzite. These gray-yellow, brown, and even black vessels are represented by broad-necked and narrow-necked egg-shaped vessels, as well as cups. The hearth articles are made of crumbly clay mass with rough inorganic admixtures which apparently include dung. These crudely made, fragile articles, the color of which varies from gray to brown-black, are poorly fired. They are represented by roasters (fig. 4, 19–25), supports, and fixed hearth appliances (fig. 5, 18). In addition, the collection includes a fragment of an anthropomorphic terracotta figurine and a figurine of an animal (fig. 5, 3, 5), as well as ceramic spindle whorls (fig. 5, 15). To make stone tools the inhabitants of Alkhantepe used different rocks. The collection of stone objects contains also spindle whorls (fig. 5, 16) and miniature vessels. Bone articles are mainly represented by Alkhantepe type pins (fig. 5, 19, 20) and spindle whorls. Several copper artifacts were found too: two dagger blades, a small massive chisel, a number of broken and intact awls (fig. 4, 1–11, 13, 17), and ring-pendant of lead (fig. 4, 12). The settlement of Alkhantepe represents the late stage of the Leilatepe tradition and can be dated to the middle of the second half of the IV millennium BC (33–32 cc. BC). It should be emphasized that the earliest signs of metallurgy appear in the Caucasus with the Leilatepe tradition.

ПОСЕЛЕНИЕ НОВОСВОБОДНЕНСКОЕ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ¹

А. Д. РЕЗЕПКИН

Ключевые слова: *Северо-Западный Кавказ, ранняя бронза, новосвободненская культура, поселение Новосвободненское, классификация керамики.*

Keywords: *Northwestern Caucasus, Early Bronze Age, Novosvobodnaya culture, Novosvobodnaya settlement, classification of pottery.*

Поселение. В 1990–1991 гг. при раскопках в урочище «Клады» под насыпями кург. 39 и 40 было обнаружено поселение. Всего в течение 10 полевых сезонов было заложено 4 раскопа общей площадью 984 м². В результате работ было установлено, что поселение сохранилось только под курганами, насыпанными над погребениями в дольменах. Также было выяснено, что между сооружением курганов и прекращением функционирования поселения прошел значительный промежуток времени, что выразилось в накоплении гумусной прослойки толщиной 12–20 см между слоем поселения и насыпью курганов. Под кург. 40 были обнаружены остатки жилища, разрушенного грабительской воронкой (рис. 1), под кург. 39 также было найдено строение подпрямоугольной формы (рис. 2), площадь которого составляла около 30 м².

Толщина культурного слоя поселения небольшая, практически «в один черепок», и находки всегда концентрировались на галечной вымостке, а там, где ее не было, они фактически отсутствовали. Последнее четко прослеживалось на площади самого большого раскопа IV.

Керамика. Массовый материал на поселении представлен керамикой, часть которой была опубликована, и предложена ее классификация (Резепкин 2008). Учитывая, что материалы поселения фактически полностью обработаны, появилась возможность дать развернутую характеристику керамического комплекса этого памятника, а также уточнить ранее представленную классификацию (Резепкин 2012а).

Классификация керамики. В керамическом комплексе поселения было выделено 7 типов сосудов (с вариантами). Поскольку находки целых сосудов на поселениях – явление довольно редкое, часть их представлена неполными формами. Следует отметить, что в тесте практически всей керамики имеется примесь известняка, и почти вся она имеет отличное черное или темно-серое лощение.

Тип I. Кубки – сосуды небольших размеров с короткой, слегка отогнутой под углом к тулову шейкой (тип I-A – рис. 3, 1, 2) или либо прямой шейкой (тип I-B – рис. 3, 3–7). Такие сосуды часто украшены орнаментом.

Тип II. Сосуды кубковидной формы с прямым, высоким венчиком. Часто в основании венчика расположен орнамент в виде «елочки» (рис. 3, 8, 11).

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 14-06-00113а.

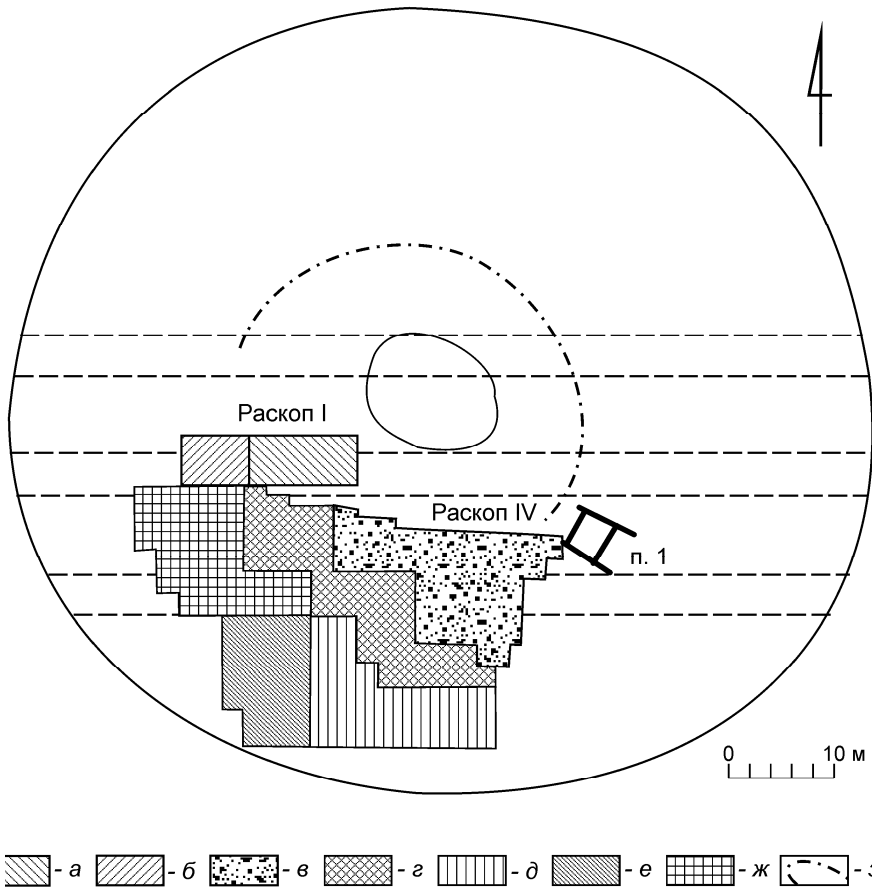

Рис. 1. Поселение Новосвободненское, общий план раскопанной части поселения, сохранившегося под насыпью курга 40: а – раскопки 1993 г.; б – раскопки 1998 г.; в – раскопки 2006 г.; г – раскопки 2007 г.; д – раскопки 2008–2009 гг.; е – раскопки 2010 г.; ж – раскопки 2011 г.; з – границы грабительской воронки

Fig. 1. Novosvobodnaya settlement, plan of the excavated part of the settlement, preserved beneath barrow 40: а – 1993 excavations; б – 1998 excavations; в – 2006 excavations; г – 2007 excavations; д – 2008–2009 excavations; е – 2010 excavations; ж – 2011 excavations; з – limits of the plunderers' funnel excavations

Tun III. Небольшие сосуды с петельчатой ручкой, отходящей от края венчика. Часто в основании шейки расположен орнамент в виде «елочки» (рис. 4, 1–3).

Tun IV-A. Амфоры – плоскодонные неорнаментированные сосуды с вытянуто-сферическим туловом, двумя симметричными ленточными ручками в основании плечиков и короткой шейкой (рис. 4, 4, 5).

Tun V. Реповидные сосуды представлены двумя вариантами. Реповидные сосуды с прямой шейкой и коротким венчиком (тип V-A – рис. 4, 6–8) или с плавно изогнутой шейкой и отогнутым венчиком (тип V-B – рис. 4, 9–13). Орнамент на сосудах этой формы представлен горизонтальными рядами неглубоких ямочек, «елочек» и небольших круглых налепов в разных сочетаниях (рис. 4, 6–8).

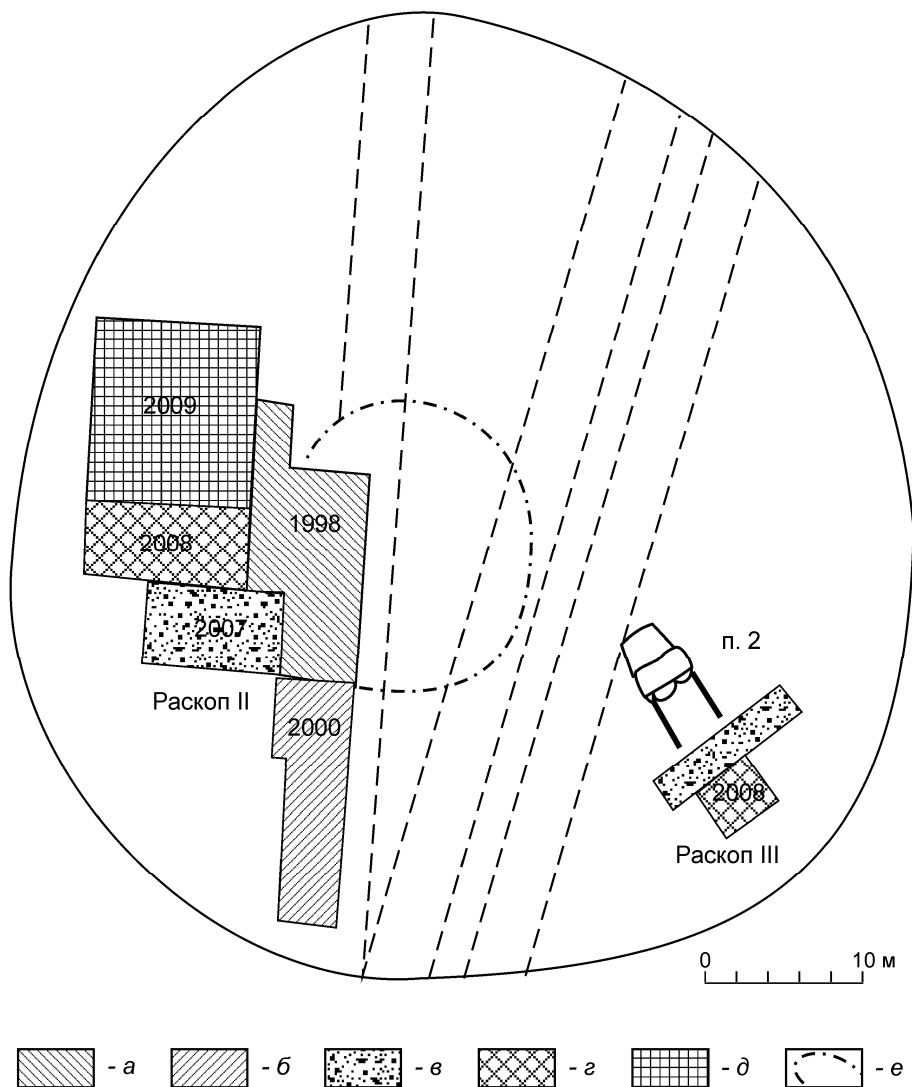

Рис. 2. Поселение Новосвободненское, общий план раскопанной части поселения, сохранившегося под насыпью курга. 39: а – раскопки 1998 г.; б – раскопки 2000 г.; в – раскопки 2007 г.; г – раскопки 2008 г.; д – раскопки 2009 г.; е – граница грабительской воронки

Рис. 2. Novosvobodnaya settlement, plan of the excavated part of the settlement, preserved beneath barrow 39: а – 1998 excavations; б – 2000 excavations; в – 2007 excavations; г – 2008 excavations; д – 2009 excavations; е – limits of the plunderers' funnel

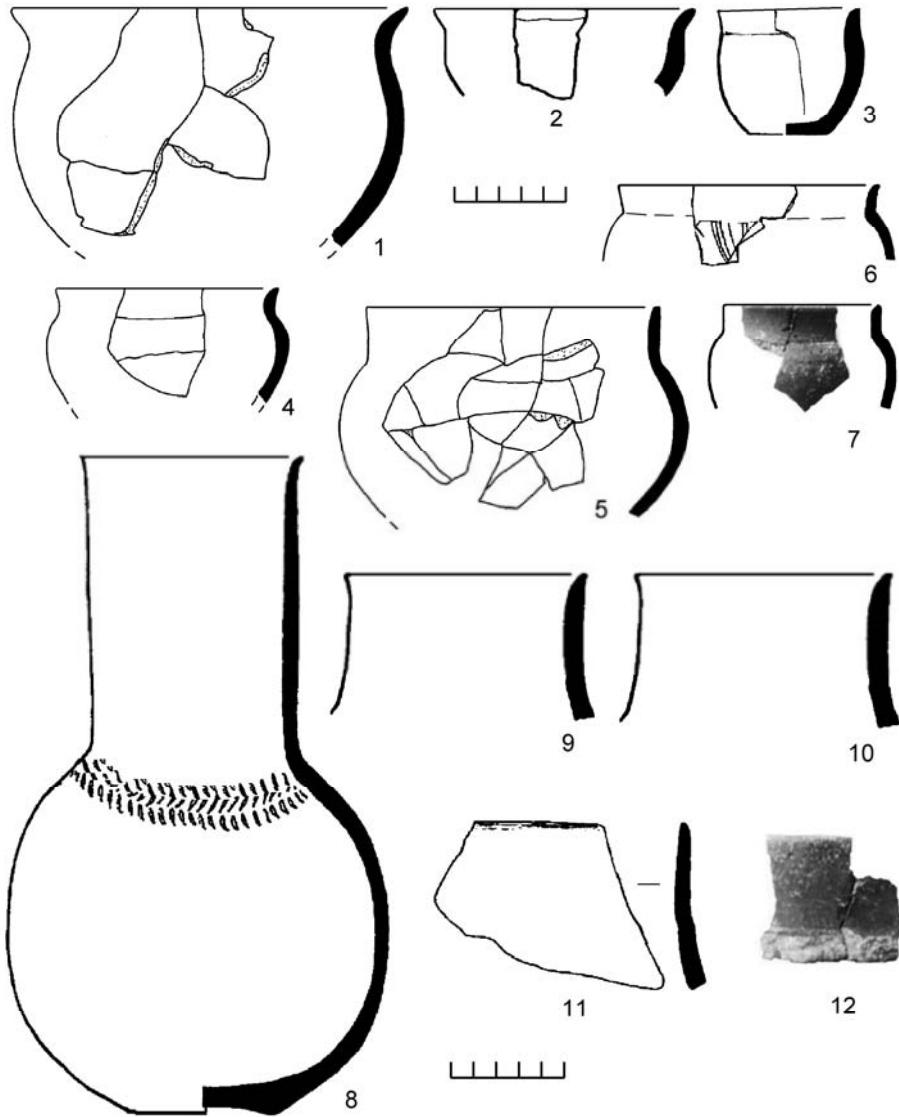

Рис. 3. Поселение Новосвободненское, кубки (1, 2 – тип I-A; 3–7 – тип I-Б) и кубковидные сосуды (8–12 – тип II)

Fig. 3. Novosvobodnaya settlement, beakers (1, 2 – type I-A; 3–7 – type I-B) and beaker-like vessels (8–12 – type II)

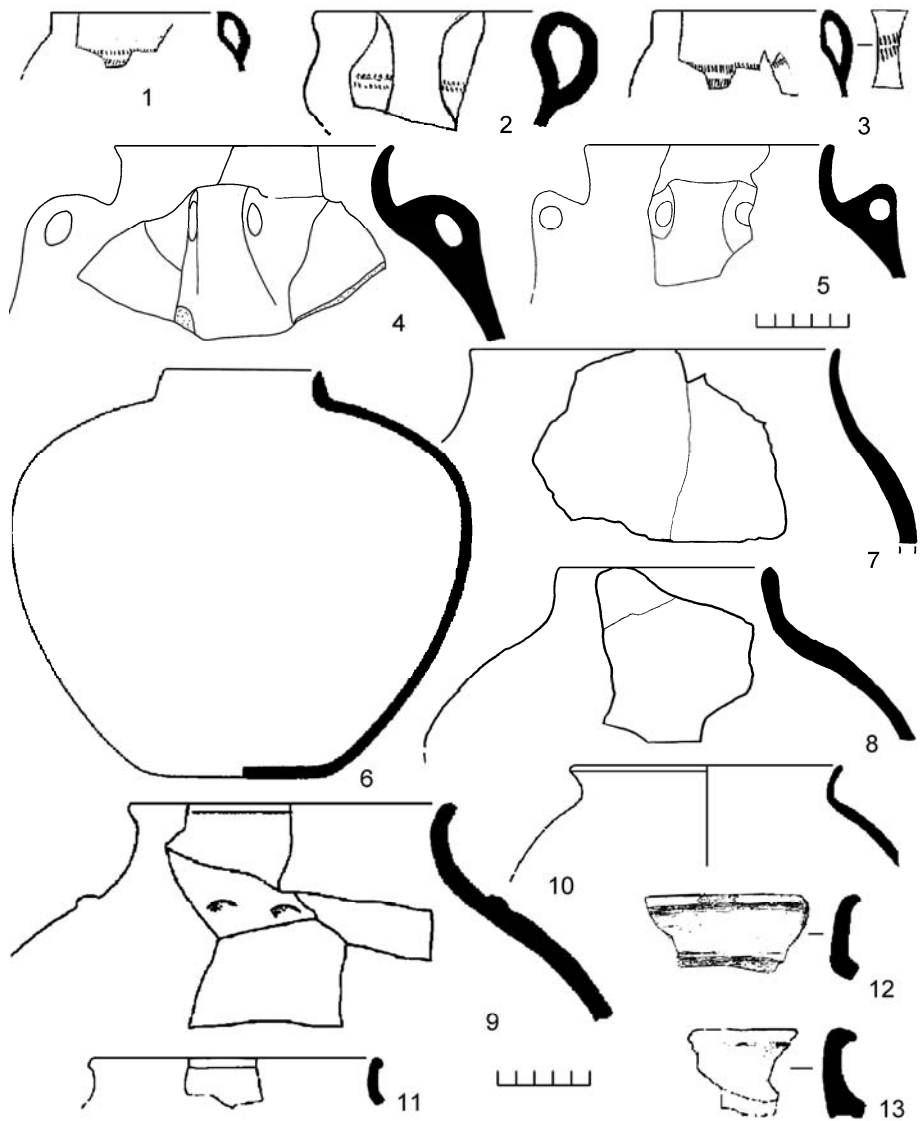

Рис. 4. Поселение Новосвободненское, сосуды с петельчатой ручкой (1-3 – тип III), амфоры (4, 5 – тип IV-A) и реповидные сосуды (6-8 – тип V-A; 9-13 – тип V-B)

Fig. 4. Novosvobodnaya settlement, vessels with loop handles (1-3 – type III), amphorae (4, 5 – type IV-A), and turnip-shaped vessels (6-8 – type V-A; 9-13 – type V-B)

Тип VI. Сосуды горшковидной формы представлены двумя вариантами. К типу VI-A относятся горшковидные сосуды с широким устьем и относительно небольшим дном. Венчик отогнут настолько, что его край «свисает» вниз. По основанию плечиков иногда нанесен орнамент (рис. 5, 1–6). У типа VI-B венчик сосуда отогнут столь же сильно, но край не «свисает». Сосуды горшковидных форм в основании шейки украшались наlepными валиками, иногда с зашипами. Встречены и ряды наlepных жемчужин (рис. 5, 7–11).

Тип VII. Миски представлены двумя вариантами. Тип VII-A – миски уплощенной формы с загнутым внутрь краем. Иногда по краю венчика нанесен орнамент в виде «елочки» либо рядов мелких ямочек (рис. 5, 12–15). К типу VII-B относятся глубокие миски, имеющие аналогичные признаки (рис. 5, 16–18).

Вся керамика, обнаруженная на поселении, плоскодонная. Орнамент разнообразен и выполнен в разной технике: «елочка» (рис. 6, 1–4); наlepной – в виде продолговатых наlepов, иногда с зашипами (рис. 6, 5–8, 12); круглые наlepы (рис. 6, 9–11); накольчатый в виде рядов ямок, наколов треугольной либо прямоугольной формы (рис. 6, 13–17, 19–22). На нескольких фрагментах керамики имеется прочерченный орнамент (рис. 6, 18, 23).

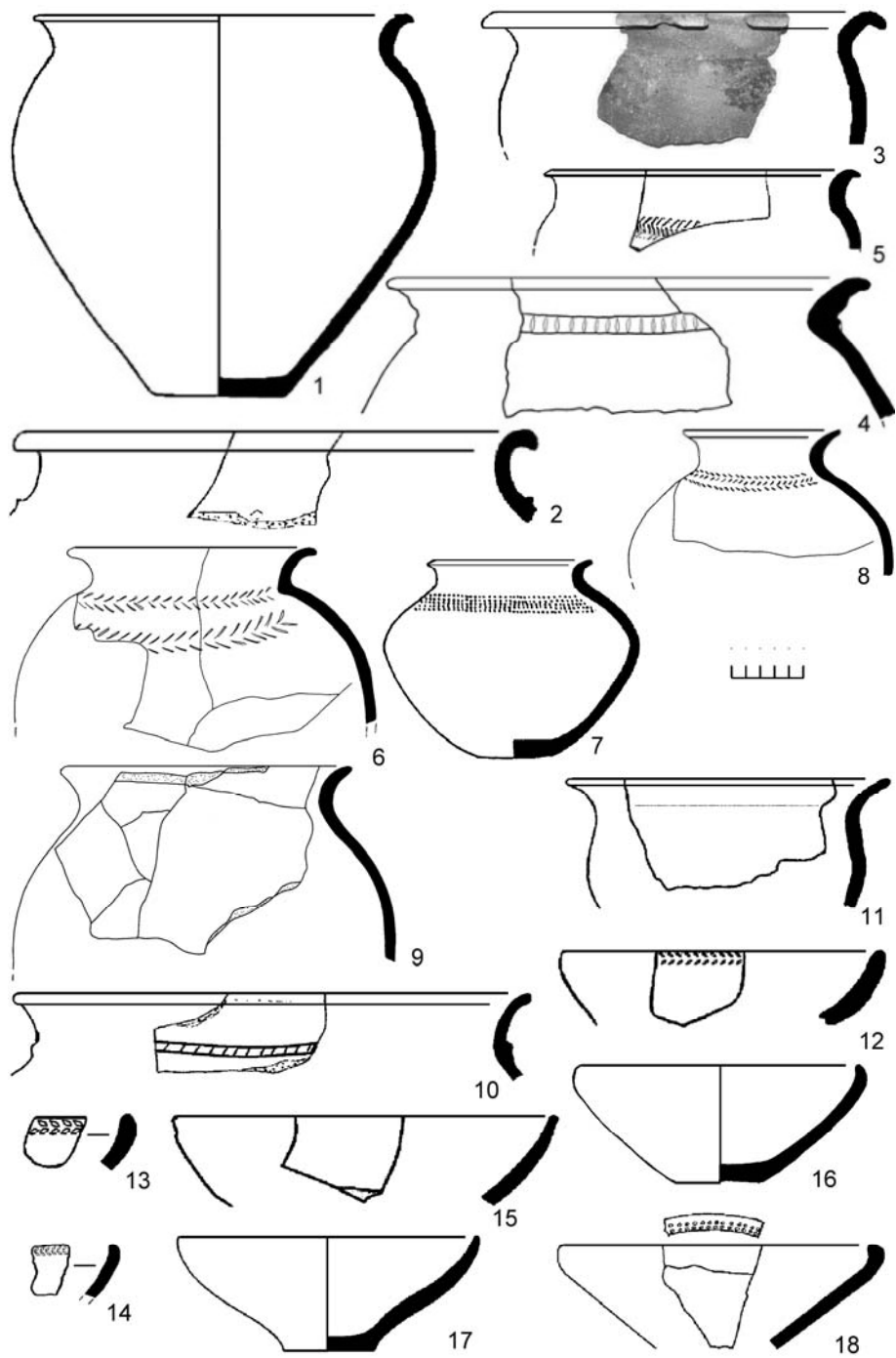
Помимо новосвободненской керамики на поселении встречено около 20 фрагментов керамики майкопской культуры. Это венчики сосудов с шаровидным туловом (рис. 7, 1, 2), сосудов типа 1 (рис. 7, 4–9, 11), мисок типа 2-A (рис. 7, 10, 12) и типа 4 (рис. 7, 13) согласно разработанной классификации майкопской керамики (см. Резепкин, Поплевко 2009; Резепкин 2012б). Найден также венчик чана (рис. 7, 3).

Индивидуальные находки. На поселении найдены наконечник стрелы и тесло. Наконечник стрелы костяной, вытянуто конической формы, с круглым в сечении черешком. Аналогичные наконечники стрел встречены еще в трех новосвободненских погребальных комплексах: два – в могильнике «Клады» (кург. 28, погр. 1 – гробница), один – в погребении кург. 31 у с. Чегем I в Кабардино-Балкарии (Бетрозов, Нагоев 1984: 19, 47, рис. 13, 14) и еще один – в основном погребении кург. 17 у с. Бамут в Чечне (Мунчаев 1975: 306, рис. 73, 2). Пятый наконечник найден на гибридном майкопско-новосвободненском поселении Чижхо (Резепкин, Лионне 2007: 72, рис. 59, 1). В насыпи кург. 40 обнаружено бронзовое тесло типичной для новосвободненских памятников формы: в виде короткой, слегка расширяющейся к лезвию трапеции и слабо скругленным обушком (Резепкин 2008: 174, табл. 15, 9).

Культурная атрибуция и датировка поселения. Представленные керамический комплекс и индивидуальные находки поселения позволяют уверенно связать их с находками из новосвободненских погребений. Имеющаяся серия радиоуглеродных дат по Новосвободненскому поселению хорошо совмещается с датами, полученными для гробниц (таблица). На основании имеющихся данных поселение с достаточной степенью уверенности можно датировать второй третью IV тыс. до н. э.

Рис. 5. Поселение Новосвободненское, сосуды горшковидной формы (1–6 – тип VI-A; 7–11 – тип VI-B) и миски (12–15 – тип VII-A; 16–18 – тип VII-B)

Fig. 5. Novosvobodnaya settlement, pots (1–6 – type VI-A; 7–11 – type VI-B) and bowls (12–15 – type VII-A; 16–18 – type VII-B)

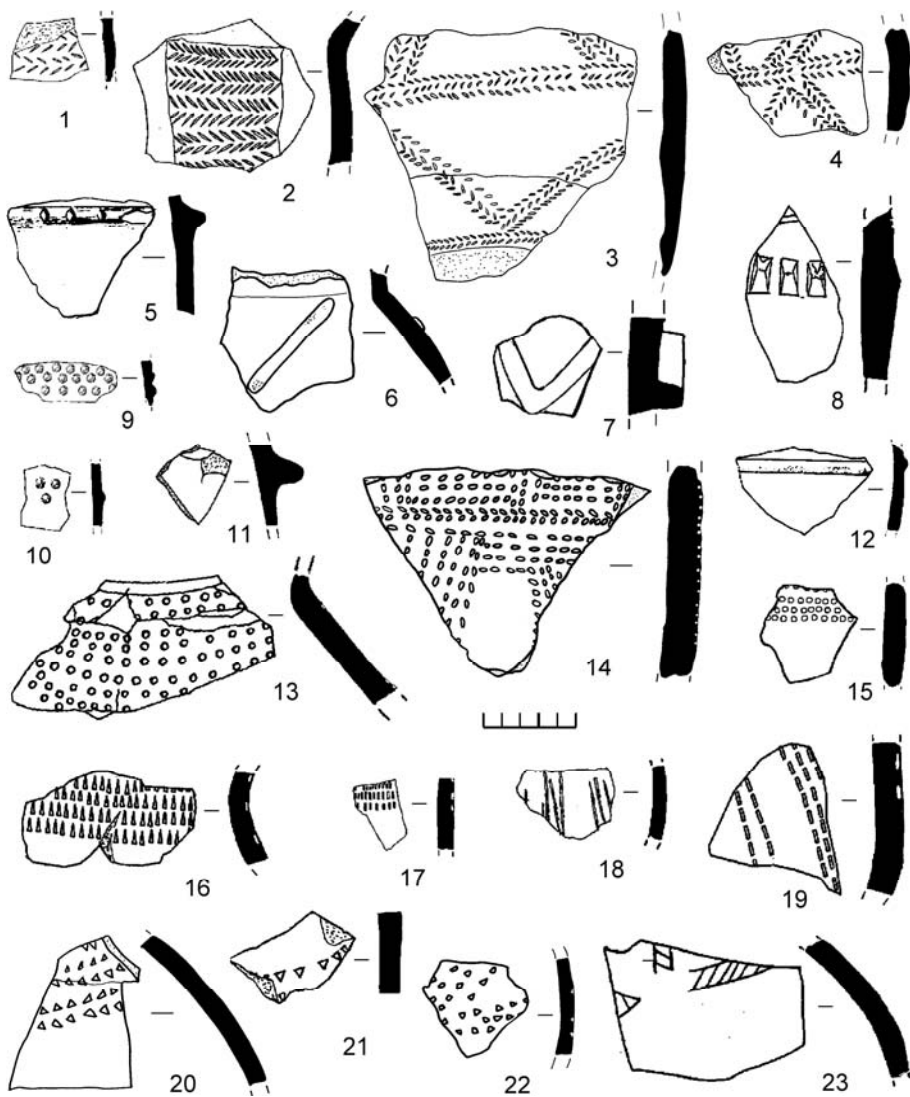

Рис. 6. Поселение Новосвободненское, типы орнамента керамики
 Fig. 6. Novosvobodnaya settlement, types of pottery designs

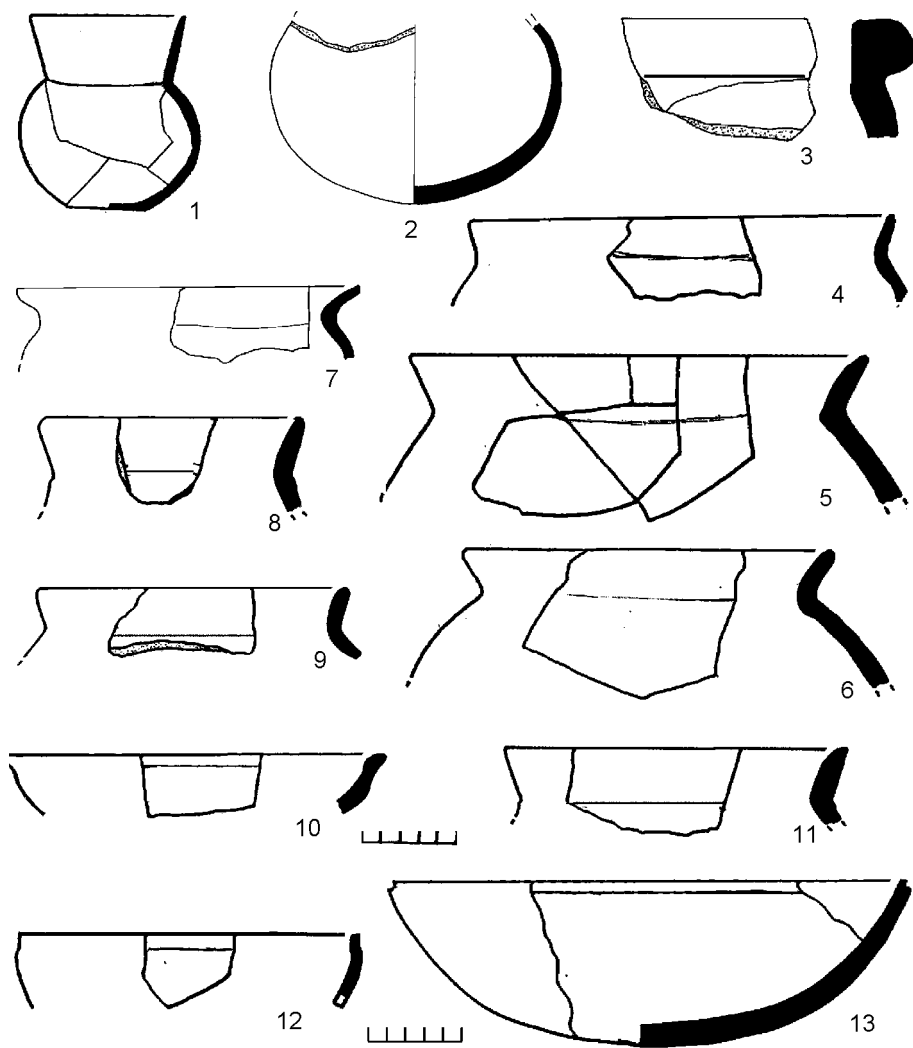

Рис. 7. Поселение Новосвободненское, керамика майкопской культуры
 Fig. 7. Novosvobodnaya settlement, Maikop culture pottery

Т а б л и ц а

Радиоуглеродные даты поселения Новосвободненское и могильника Клады

Памятник	Датированный материал	Шифр лаборатории	Даты cal BC (1 σ, вероятность 68 %)
Новосвободненское пос.	кость	Ле-7725	3330–2880
Новосвободненское пос.	уголь	Ле-7726	3490–3260
Новосвободненское пос.	керамика	Ki-13810	3696–3382
Новосвободненское пос.	уголь	Ле-7727	3780–3520
Новосвободненское пос.	керамика	Ki-13809	3640–3372
Новосвободненское пос.	уголь	Ле-7728	3635–3374
Новосвободненское пос.	керамика	Ki-13807	3631–3350
Новосвободненское пос.	керамика	Ki-13808	3633–3357
Новосвободненское пос.	керамика	Ki-13811	3635–3366
Новосвободненское пос.	керамика	Ki-13822	3703–3384
Новосвободненское пос.	керамика	Ki-13855	3654–3382
Новосвободненское пос.	керамика	Ki-13811	3635–3366
Клады, кург. 30, погр. 1 (гробница)	дерево	Ле-4528	3500–3342
Клады, кург. 31, жертвенник к погр. 5 (гробница)	рог	GRA-21336	3657–3518
Клады, кург. 31, погр. 5 (гробница)	кость человека	Ki-13822	3703–3384
Клады, кург. 31, погр. 5 (гробница)	кость	Ki-13822a	3642–3378

Литература

Бетров, Нагоев 1984 – *Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х.* Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кишпек (1-я и 3-я группы) // Марковин В. И. (отв. ред.). Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 1: Памятники эпохи бронзы (III–II тыс. до н. э.). Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 7–87.

Мунчаев 1975 – *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975. 415 с.

Резепкин 2008 – *Резепкин А. Д.* Поселение Новосвободненское // Мерперт Н. Я., Корневский С. Н. (ред.-сост.). Археология Кавказа и Ближнего Востока: Сб. к 80-летию члена-корреспондента РАН, профессора Р. М. Мунчаева. М.: Таус, 2008. С. 157–176.

Резепкин 2012a – *Резепкин А. Д.* Новосвободненская культура (на основе материалов могильника Клады). СПб.: Нестор-История, 2012. 344 с.

Резепкин 2012б – *Резепкин А. Д.* Сосуды из поселений майкопской культуры: классификация // Гаджиев М. С. (ред.). Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. Материалы Междунар. науч. конф. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 125–128 (XXVII Крупновские чтения).

Резепкин, Лионне 2007 – *Резепкин А. Д., Лионне Б.* Поселения эпохи ранней бронзы на Кубани (предварительная публикация) // RA. SN. 2007. Vol. 3, nr. 1–2. P. 5–73.

Резепкин, Поплевко 2009 – *Резепкин А. Д., Поплевко Г. Н.* Классификация мисок майкопской культуры // ЗИИМК. 2009. № 4. С. 81–89.

Literature

Бетров, Нагоев 1984 – *Betrov R. Zh., Nagoev A. Kh.* Bronze Age barrows near the villages of Cheghem I, Cheghem II and Kishpek (1st and 3rd groups) // Markovin V. I. (ed.). Archaeological explorations in the new building areas of Kabardino-Balkaria in 1972–1979. Vol. 1: Bronze Age (III–II millennia BC). Nalchik: Elbrus, 1984. P. 7–87 (in Russian).

Мунчаев 1975 – *Munchaev R. M.* Caucasus at the dawn of the Bronze Age. Moscow: Nauka, 1975. 415 p. (in Russian).

Резепкин 2008 – *Rezepkin A. D.* Novosvobodnaya settlement // Merpert N. Ya., Korenevsky S. N. (eds.). *Archaeology of the Caucasus and the Near East: Volume dedicated to the 80th birthday of corresponding-member of RAS, professor R. M. Munchaev.* Moscow: Taus, 2008. P. 157–176 (in Russian).

Резепкин 2012a – *Rezepkin A. D.* Novosvobodnaya culture (with special reference to the materials of the Klady cemetery). St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2012. 344 p. (in Russian).

Резепкин 2012б – *Rezepkin A. D.* Vessels from the settlements of the Maikop culture // Gadzhiev M. S. (ed.). *Newest discoveries in the archaeology of North Caucasus: Investigations and interpretations. Materials of the International conference.* Makhachkala, April 23–28, 2012. Makhachkala: Mavraev, 2012. P. 125–128 (XXVII Krupnov Readings) (in Russian).

Резепкин, Лионне 2007 – *Rezepkin A. D., Lionne B.* Early Bronze Age settlements on the Kuban (preliminary publication) // RA. SN. 2007. Vol. 3, nr. 1–2. P. 5–73 (in Russian).

Резепкин, Поплевко 2009 – *Rezepkin A. D., Poplevko G. N.* Classification of earthenware basins from the Maikop culture sites // *Transactions of IHMC.* 2009. No. 4. P. 81–89 (in Russian).

NOVOSVOBODNAYA SETTLEMENT IN THE NORTHWESTERN CAUCASUS

A. D. Rezepkin

A settlement of the Novosvobodnaya culture was excavated during several field seasons near the village of Novosvobodnaya. The settlement occurred beneath two barrows, which were constructed over dolmens. The excavated area of 984 m² yielded remains of two dwellings (fig. 1, 2) and a unique ceramic assemblage, characterizing nearly the complete spectrum of the Novosvobodnaya pottery. The pottery was subdivided into 7 types with a number of variants (fig. 3–6). In addition, there were found a bone arrowhead and a bronze adze. The ceramic collection contains also some 20 fragments of Maikop vessels (fig. 7), which testifies to the existence of close enough contacts between the two cultures. The series of radiocarbon dates obtained for the settlement (table) accords well with the dates available for the tombs, allowing to date the settlement with sufficient certainty to the second third of the IV millennium BC.

ДОЛЬМЕН ДЖУБГА НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ КАВКАЗА

В. А. ТРИФОНОВ

Ключевые слова: *Западный Кавказ, эпоха бронзы, дольмены, стелы, петроглифы, хронология.*

Keywords: *Western Caucasus, Bronze Age, dolmens, anthropomorphic stelae, petroglyphs, chronology.*

Осенью 2008 г. Западно-Кавказская экспедиция ИИМК РАН (Санкт-Петербург) завершила трехлетнее археологическое исследование уникального дольмена с петроглифами в пос. Джубга (Туапсинский р-н Краснодарского края). По месту расположения дольмен получил собственное имя «Джубга».

Географическое и топографическое расположение

Памятник расположен на северо-восточном склоне г. Ежик – на участке рельефно выраженного перехода склона в полого понижающуюся долину р. Джубга. Высота памятника над уровнем моря – около 15 м. Дольмен ориентирован фасадом на ВЮВ (азимут 100°), т. е. вниз по склону в долину Джубги: в этом направлении от памятника до правого берега реки около 360 м, до берега моря около 500 м.¹ Географические координаты дольмена: 44° 18', 845 с. ш., 38° 41', 715 в. д. (рис. 1).

В июле 1886 г. рядом с этим дольменом П. С. Уварова видела 2 разрушенных дольмена, расположенных «наискосок от первого» приблизительно в 10–12 шагах, и еще несколько в ближайших окрестностях (Уварова 1891: 52–55; 1904: 171–173). Таким образом, дольмен Джубга является только частью группы.²

История изучения и сохранность

Дольмен Джубга представляет собой уникальный памятник древней культовой мегалитической архитектуры Кавказа III тыс. до н. э. Исключительно оригинальная конструкция, размеры и степень сохранности выделяют этот памятник не только среди многочисленных дольменов Кавказа, но и, без преувеличения,

¹ П. С. Уварова отметила, что он стоит «среди глухой растительности, на холмах, недоступных весенним водам, приблизительно в шагах четырех от реки и в версте от взморья, на земле, принадлежащей генер. Астафьеву» (Уварова 1904: 22). Вероятно, здесь вкралась опечатка – не в четырех, в четырехстах шагах от реки (ср. Уварова 1891: 49).

² В 1970-е гг. при строительных работах на территории соседнего пансионата, приблизительно в 200 м к СВ от дольмена Джубга, был случайно обнаружен «подземный» дольмен с четырехугольным отверстием в фасадной плите (Анфимов 1982: 34–35). Вероятнее всего, этот дольмен, как и многие другие, расположенные ниже дольмена Джубга, оказался перекрыт речными отложениями в период значительного повышения уровня Черного моря. В приморской зоне это не единственный случай, когда расположенные на низких береговых террасах дольмены перекрывались аллювиальными отложениями. В подобной топографической ситуации оказались дольмены в долинах рек Агой, Колихо, Шепси и Псыбе (см. Zaitseva et al. 2013).

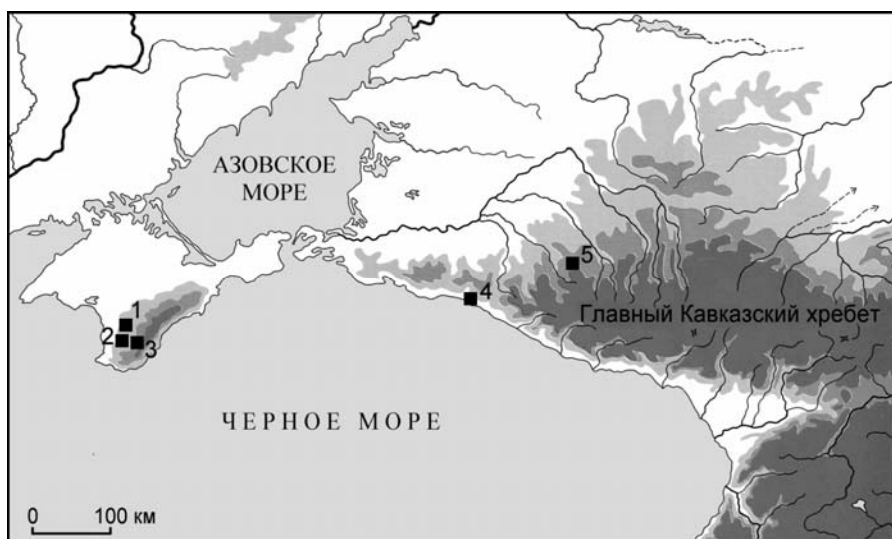

Рис. 1. Крым и Западный Кавказ, упоминаемые в статье памятники: 1 – Казанки; 2 – Ак-Чокрак; 3 – Верхоречье; 4 – Джубга; 5 – Царская (Новосвободная)
 Fig. 1. Crimea and Western Caucasus, map of sites: 1 – Kazanki; 2 – Ak-Chokrak; 3 – Verkhorechie; 4 – Dzhubga; 5 – Tsarskaya (Novosvobodnaya)

мегалитов мира. Архитектурное своеобразие этого дольмена было отмечено большинством исследователей кавказских мегалитов, а его описание было включено практически во все обобщающие работы о дольменах Кавказа, опубликованные в России и Западной Европе (Байерн 1871: 313; 1882: 12–13; Берже 1875: 3; Уварова 1891: 49–52; 1904: 171–172; Фелицын 1904: 12, 22; Сизов 1889: 4; Сорохтин 1915: 93; Лешенко 1931: 241; Спицын 1927: 67; Шамотульский 1967: 160–167; Марковин 1978: 35, 120; Chantre 1885: 53; Tallgren 1934: 5; и др.).

В 1886 г. П. С. Уварова, пораженная размерами и своеобразием памятника, частично расчистила внутреннее пространство двора дольмена, а также составила описание памятника, из которого следовало, что сложенные из массивных блоков двор и погребальная камера были окружены обширной по площади каменной конструкцией: «что-то вроде вала, <...> сложенного под насыпью довольно правильными рядами» (Уварова 1904: 172). Довольно подробное описание дольмена она привела и в своих «Путевых заметках» (Уварова 1891: 49–52). Уже тогда она отметила, что местные жители Джубги (кубанские «пластуны») причинили памятнику значительный ущерб.³ Однако небольшая, не доведенная до вымостки расчистка, сделанная П. С. Уваровой, не позволила выявить ни конструктивных особенностей двора, ни деталей общего плана памятника.

³ Указанный графиней Уваровой пролом в задней стене дольмена появился задолго до ее визита, и Фредерик Байерн, ранее осмотревший этот дольмен, полагал, что он служил «прибрежным шапсугам сторожевою будкою, для чего часть стены ими разрушена» (Байерн 1871: 313). Во времена графини Уваровой казаки-пластуны устроили внутри дольмена печь для выпечки хлеба, используя входное отверстие в фасадной плите как дымоход (Уварова 1891: 51). Еще в 1967 г. дольмен использовался как сарай (Марковин 1997: 295), но позднее пролом в задней стене дольмена был замурован, а прилегающая территория «облагорожена» и залита бетоном.

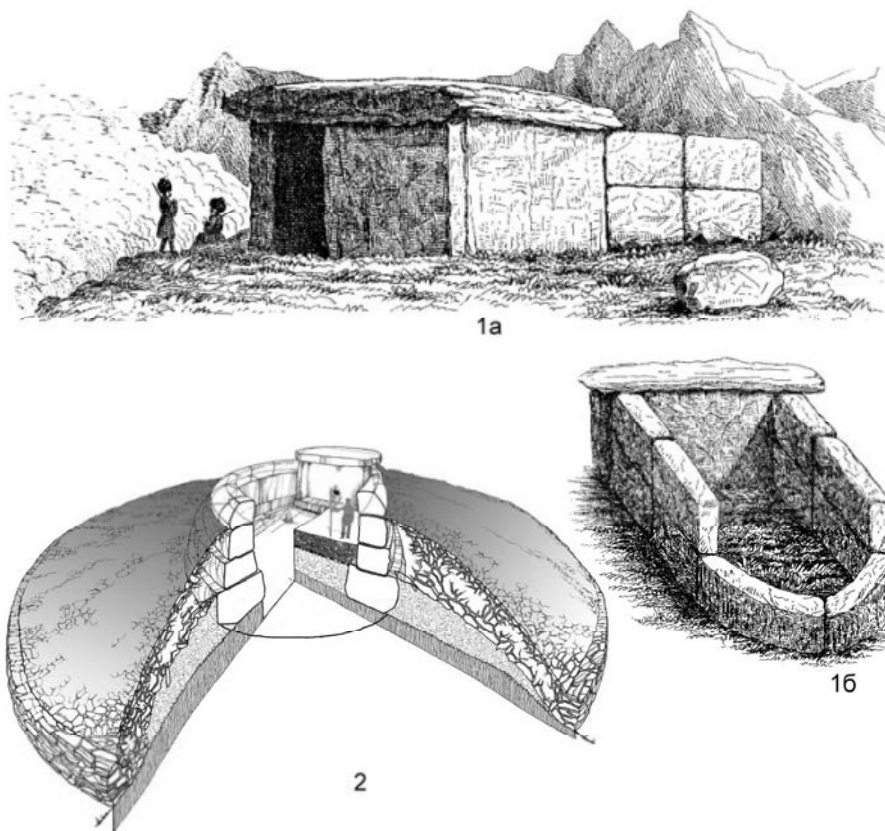

Рис. 2. Дольмен Джубга: 1а и 1б – рисунки Ф. С. Байерна (по Байерн 1871); 2 – графическая реконструкция дольмена по результатам археологических исследований, 2008 г.

Fig. 2. Dzhubga dolmen: 1a and 1b – drawings by F. S. Bayern (after Байерн 1871); 2 – graphic reconstruction of the dolmen based on archaeological evidence, 2008

За несколько лет до раскопок П. С. Уваровой памятник посетил известный кавказовед Ф. С. Байерн (1871: 312–315), опубликовавший краткое описание и рисунок дольмена. Этот рисунок является самым ранним известным изображением дольмена в Джубге (рис. 2). В 1889 г. хранитель археологического отдела Исторического музея (Москва) В. И. Сизов опубликовал рисунок этого же дольмена, сделанный несколькими годами ранее фотографом Михайловым «по указаниям г. Никитина» во время археологической разведки Черноморского побережья (Сизов 1889: 4, табл. I, 1).

В период между 1967 и 1976 гг. дольмен в Джубге несколько раз посещал выдающийся исследователь древних культур Кавказа В. И. Марковин (1978: 120, рис. 61), выполнивший архитектурные обмеры. Рисунки В. И. Марковина зафиксировали сохранность памятника, близкую к современному состоянию, – со многими утратами, которых еще не было в последней трети XIX в.

В 1976 г. дольмен осмотрел известный кавказский краевед, научный сотрудник Туапсинского музея М. К. Тешев. Им был составлен научный паспорт памятника.

Нужно признать, что описания и рисунки XIX и XX вв. заметно отличаются и даже противоречат друг другу в важных деталях, что не добавляет ясности в представления об архитектурных особенностях дольмена в Джубге.

В 1998–2005 гг. сотрудники Западно-Кавказской экспедиции ИИМК РАН неоднократно осматривали памятник. При составлении акта технического состояния были отмечены существенные разрушения, которые усугублялись активной хозяйственной деятельностью и массовым посещением дольмена неорганизованными экскурсантами, оставлявшими на нем «мемориальные» надписи. В этой ситуации от археологических работ требовались не только научные результаты, но и действенные меры по консервации дольмена. Нетривиальность задачи состояла в том, что при этом памятник должен остаться доступным и привлекательным экскурсионным объектом.

Задачи исследования, методика раскопок и фиксации

Современное состояние исследований показывает, что для выявления закономерностей формирования и развития практики культового мегалитического строительства на Западном Кавказе в эпоху бронзы не хватает, главным образом, конкретных, точно документированных наблюдений относительно конструкции и строительных приемов всего дольмена,⁴ а не только его погребальной камеры. Оказалось, что традиционная классификация основных строительных приемов в том виде, какой она представлена в основополагающей работе В. И. Марковина (Марковин 1978: 182–183), не позволяет свести все многообразие архитектурных и конструктивных форм дольменов к «плиточным», «составным» и «корытообразным». Возник даже заметный дефицит археологических терминов, пригодных для описания функциональных и конструктивных элементов мегалитических сооружений. Не говоря уже о том, что нет никаких более или менее достоверных оснований считать, что классификация В. И. Марковина фиксирует действительные хронологические различия в стиле и технике дольменного строительства. Другими словами, нужно признать, что ни внешний вид дольменов, ни результаты архитектурных обмеров не позволяют уверенно определить хронологическое соотношение между их различными архитектурными формами.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что приходится возвращаться к казавшейся архаичной и избыточно детальной классификации дольменов, разработанной еще в конце XIX в. Д. Е. Фелицыным (Фелицын 1904: 14–15), а не к ее модернизированной версии Лаврова–Марковина (Лавров 1960: 102–103; Марковин 1978: 58–60) или альтернативной классификации А. Д. Резепкина (Резепкин 1988). Как показали археологические исследования последнего десятилетия, та часть классификации Д. Е. Фелицына, которая «не получила дальнейшего развития» (Марковин 1978: 59),⁵ на самом деле учитывала совокупность признаков, отражающих принципиальные аспекты дольменной архитектуры.

⁴ Конструктивно дольмен состоит из погребальной камеры и, чаще всего, дополнительных каменных и земляных конструкций, обеспечивающих ее сохранность и использование.

⁵ Модернизируя классификацию Д. Е. Фелицына, Л. И. Лавров, а за ним и В. И. Марковин из пяти групп «существенных» (по определению Д. Е. Фелицына) признаков сохранили только одну, различающую дольмены «по наружному виду, форме, величине, способу устройства и постановки вертикальных плит» (см. Фелицын 1904: 14).

Учитывая различия по «положению относительно горизонта земли» и «придаточным особенностям» (IV и V группы признаков), Д. Е. Фелицын зафиксировал неотъемлемые, в разной степени присущие всем дольменам функциональные элементы: одни обеспечивали сохранность погребальной камеры (каменные конструкции вокруг дольмена – «насыпи» и «курганы»), вторые предоставляли постоянный доступ к входу в погребальную камеру («дворы» и «коридоры» перед фасадом дольмена) (Фелицын 1904: 15). То, что В. И. Марковину в 1970-е гг. казалось «случайным и привнесенным» в дольменную архитектуру Западного Кавказа (Марковин 1978: 223), на самом деле было ее регулярным компонентом! На практике оказалось, что реальное разнообразие дольменов намного богаче канона традиционной классификации. Внешний вид дольмена в Джубге только усиливал это впечатление. Было очевидно, что оригинальность стиля и конструкции монументального памятника нельзя сводить только к строительным приемам погребальной камеры.⁶

Археологическое исследование дольмена Джубга было нацелено на всестороннее изучение функциональных связей между его отдельными конструктивными элементами – погребальной камерой, двором, насыпью и керном. Кроме этого, в фокусе исследования были проблемы датировки периода строительства дольмена и особенности его использования.

Основу проекта составляли полевые археологические работы с применением реконструктивной методики. Сущность методики состоит в тесной взаимосвязи детальной фиксации всех перемещенных и обнаруженных в ходе раскопок конструктивных элементов дольменов с идентификацией их первоначального положения и последующим возвращением большинства из них на прежние места. Такая методика не только обеспечивает сохранность, но и позволяет вернуть памятнику вид, относительно близкий первоначальному состоянию. Другим достоинством этой методики является возможность проверить на практике результаты виртуальной реконструкции, что, в свою очередь, с большей уверенностью позволит использовать подобное моделирование для памятников с невосполнимыми утратами. В отличие от реставрации, реконструктивная археология не предполагает полного устранения утрат и повреждений памятника, а также связанного с этим изготовления недостающих элементов, сооружения дополнительных укрепляющих конструкций, и тем более полной переборки дольменов, особенно фундаментов, если их повреждения не угрожают сохранности всей конструкции. Таким образом, в ходе археологических реконструктивно-восстановительных работ сводится к минимуму привнесение в конструкцию мегалитического памятника того, что чаще всего называют «новоделом».

К началу раскопок памятник представлял собой сложенный из больших обработанных плит песчаника, слегка трапециевидный в плане дольмен, к фасаду которого примыкал почти круглый в плане двор, обнесенный стеной из обработанных массивных каменных блоков. Дольмен и двор окружала насыпь, характер и истинные размеры которой до начала раскопок определить было невозможно из-за дорожных подсыпок, бетонного покрытия, газонного планирования

⁶ В. И. Марковин (1978: 120, рис. 61; 222–223) оценил оригинальность дольмена в Джубге, но, строго следуя принципам собственной классификации, рассматривал его как типично «плиточный». «Дворик» для него был любопытной, но редкой деталью, которой в типологии он пренебрегал.

и строительного мусора. Видимая площадь памятника составляла около 700 м² и была покрыта кустарником и деревьями.

План полевых работ предусматривал выполнение комплекса архитектурных обмеров дольмена и расчистку всей площади памятника для выявления его конструкции и стратиграфии. В зависимости от участка расчистка велась до уровня основных конструктивных элементов, материкового суглинка или, по мере необходимости, до подстилающего суглинок материкового щебня. Все конструктивные элементы памятника, виды, планы и разрезы зафиксированы в фотографиях и чертежах в масштабе 1 : 10.

Основные функциональные и конструктивные элементы

В самом общем виде дольмен Джубга представляет собой окруженную земляной насыпью и каменным керном мегалитическую погребальную камеру, к фасаду которой примыкает огражденный каменной стеной круглый в плане двор (рис. 3).

Дольмен (погребальная камера) представляет собой трапециевидную в плане и почти прямоугольную в вертикальном сечении постройку, сооруженную из 6 гигантских, тщательно обработанных и подогнанных друг к другу песчаниковых плит. Выступающие за пределы фасадной плиты торцы боковых плит, крыши и фундамента образуют портал, глубиной около 0,8 м. Дольмен ориентирован фасадом на ВЮВ (азимут 100°), т. е. вниз по склону в долину р. Джубга.

Фундамент (пол) дольмена сооружен из массивной, тщательно обработанной плиты, уложенной на специально подготовленную выровненную площадку, покрытую 10-сантиметровым утрамбованным слоем смеси суглинка и мелкого гравия. Размеры плиты: толщина – около 0,5 м, длина по фасаду – 3,7 м, длина в средней части достигает 4 м, ширина – 4 м, т. е. плита пола была почти квадратной формы 4 × 4 м.

На поверхности плиты выбито четыре широких (40 см), но неглубоких (1–1,5 см) паза с точной разметкой под фасадную, боковые и заднюю плиты. Участок пола в порталной части имеет наклон от фасадной плиты к краю плиты фундамента, образуя ливневую отстойку с перепадом высот около 5 см. Между пазом под фасадную плиту и отстойкой по всей длине фасада оставлен порог, высотой около 1 см и шириной около 15 см. Приблизительно такой же ширины и высоты порог оставлен вдоль внутреннего края пазов под боковые плиты. Во всех случаях пороги дополняли функцию отстойки, предохраняя погребальную камеру от проникновения воды.

Стены погребальной камеры сделаны из 4 песчаниковых, тщательно обработанных плит. Фасадная плита слегка трапециевидной формы, размерами: высота – 1,9 м, длина основания – 3,05 м, длина верхнего края – 2,95 м, толщина плиты в основании и средней части – около 0,35 м, в верхней части – 0,32 м. Наружная поверхность плиты слегка выпуклой формы в вертикальном сечении. Такие же различия в толщине в средней части и на торцах плита имеет и в горизонтальном сечении.

В 0,32 м от нижнего края фасадной плиты на равном расстоянии от ее боковых сторон в плите сделано овальное сквозное отверстие, высотой 0,35 м и длиной 0,45 м. Край отверстия снаружи и изнутри сильно заглажен. Пробка от этого отверстия была обнаружена П. С. Уваровой во дворе дольмена «около самого

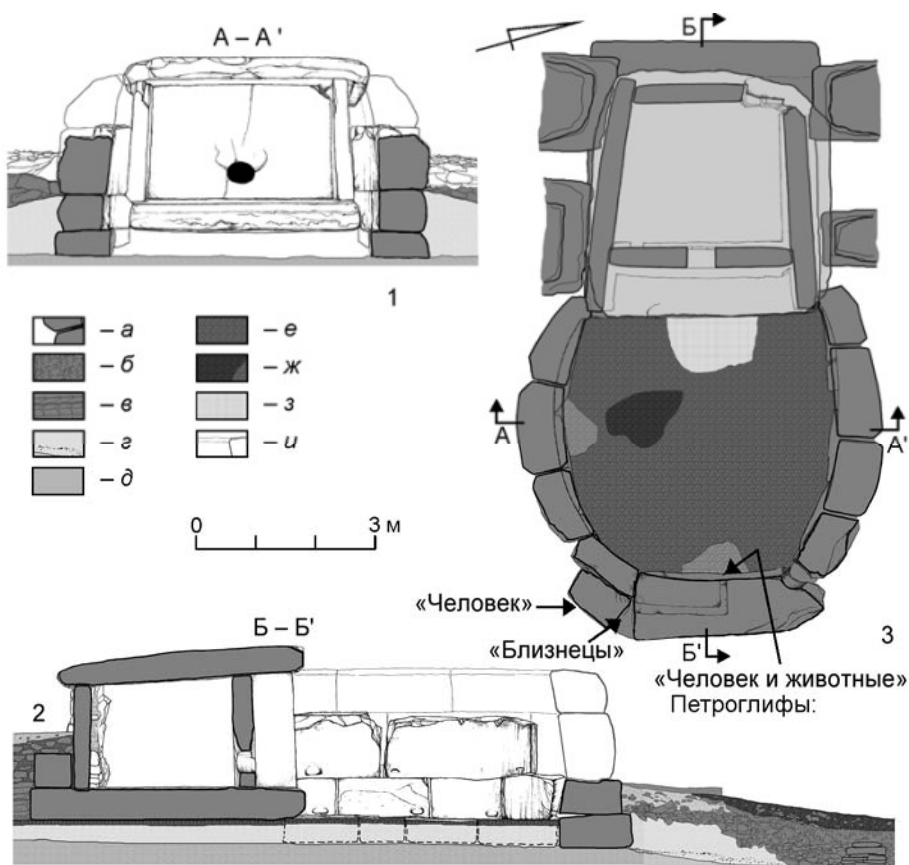

Рис. 3. Дольмен Джубга: 1 – разрез А–А', вид на фасад; 2 – разрез Б–Б'; 3 – план погребальной камеры и двора (*а* – строительные блоки дольмена; *б* – обломочник, керн; *в* – плитняк, подпорная стена керна; *г* – земляная насыпь, строительные отходы; *д* – материковый суглинок; *е* – галька, двор; *ж* – кострище, образцы ^{14}C ; *з* – заполнение грабительской ямы; *и* – утраченные блоки, стенки двора). Стрелками обозначены места расположения петроглифов

Fig. 3. Dzhubga dolmen: 1 – section A–A', front view; 2 – section B–B'; 3 – plan of the burial chamber and yard (*a* – building blocks; *б* – detrital material, core; *в* – slabstone, core retaining wall; *г* – earthen mound, building waste; *д* – native loam; *е* – gravel, yard; *ж* – fire-pit, ^{14}C samples; *з* – fill of the plundering pit; *и* – missing blocks, yard walls). Arrows show the position of petroglyphs

отверстия, лежащую параллельно с передней стенкой», но до нашего времени она не сохранилась. По ее описанию это была «пробка из белого песчаника, с головой в виде гриба, с выпуклостью на середине; высота всей пробки 15 вершков; высота головы 4 вершка; окружность стержня 1 аршин, 6 вершков; диаметр головы 12 вершков» (Уварова 1904: 172). В переводе на сантиметры размеры пробки составляют: длина – 66,6 см, высота грибовидного навершия – 18 см, диаметр навершия – 53 см, согласно длине окружности диаметр стержня – около 32 см, при этом его сечение могло быть как круглым, так и овальным. На наружной поверхности фасадной плиты вокруг отверстия заметны красноватые следы прокала и трещины. Верхний угол северной стороны плиты отбит.

Плиты, образующие боковые стены, первоначально имели примерно одинаковые размеры: длина стен – около 3,7 м, высота у фасада – 2 м, высота противоположных сторон – 1,75 м, толщина плит – около 0,4 м. На внутренней стороне обеих плит в местах их соединения с фасадной и задней плитами выбиты вертикальные пазы шириной около 35 см и глубиной от 7 до 3 см. Вертикальные пазы шириной около 25 см и глубиной 2–3 см выбиты и на наружной поверхности боковых плит – на участках, примыкающих к их фасадным торцам. Эти пазы служили местом соединения боковых плит дольмена с внутренней поверхностью блоков стены двора.

В XIX в. обе боковые плиты были повреждены. В верхней трети южной стены (1,35 м от пола) было пробито небольшое круглое отверстие диаметром около 13 см. Его начинали вырубать как прямоугольное окно (20 × 25 см), но в конечном счете ограничились круглым отверстием. Часть северной боковой плиты, примыкающая к задней стене дольмена, и часть задней плиты были разрушены при сооружении «дверного проема» в северо-западном углу. Ширина пролома в нижней части на уровне пола – около 0,8 м, а на уровне потолка – 0,55 м. Кроме этого, значительный участок наружной поверхности северной боковой плиты поврежден эрозией.

Поврежденная проломом задняя плита погребальной камеры первоначально имела правильную трапециевидную форму (высота – 1,7 м, ширина по основанию – 2,64 м, толщина – 0,3 м) и была установлена слегка наклонно в пазы боковых стен.

Внутренняя поверхность плит, образующих стены погребальной камеры, тщательно обработана в пикетажной технике.

Погребальная камера имеет в плане трапециевидную форму, ее внутренние размеры: ширина по фасаду – 3,05 м, ширина у задней стены – 2,63 м, длина боковых сторон – 2,4 м, высота потолка у фасада – 1,85 м, высота потолка у задней стены – 1,7 м. Общая площадь камеры на уровне пола – 6,8 м², ее общий объем – около 12,5 м³.

Погребальная камера перекрыта плитой трапециевидной формы. Фасадная часть плиты прямая, противоположная ей задняя часть закруглена. Общая длина плиты перекрытия составляет 4 м. Первоначальная ширина плиты над фасадом была 4 м, ширина закругленной части над задней плитой камеры – около 3,3 м, толщина плиты в средней части – около 0,43 м. Наружная поверхность плиты перекрытия сильно выветрена и не сохранила следов обработки. Поверхность покрыта в целом беспорядочно расположенными чашеобразными углублениями и многочисленными «граффити» экскурсантов, самые ранние из которых относятся к 1929 г., когда был построен пансионат «Джубга».

Нижняя поверхность плиты перекрытия, образующая потолок погребальной камеры, тщательно обработана пикетажем, а по ее периметру выбиты пазы для плотного соединения перекрытия со стенами. Плита перекрытия была уложена с перепадом по высоте от фасада к задней плите. На уровне потолка разница в высоте составляет около 0,2 м, образуя таким образом скат от фасада к задней стенке с углом наклона около 10°.

К боковым плитам погребальной камеры снаружи приставлены под углом массивные парные блоки контрфорсов. Выступающие из насыпи верхние части контрфорсов, лишённые видимых следов обработки, примыкают к стенам у южной сто-

роны на расстоянии около 0,3 м от нижнего уровня крыши и в 0,6–0,7 м от крыши – у северной стороны (с этой стороны контрфорсы, видимо, больше повреждены, так как вдоль нее проходит бетонированная дорожка). Ширина видимой части контрфорсов колеблется от 0,8 до 1,8 м, а толщина – от 0,4 до 0,5 м.

Необычным элементом общей конструкции является использование контрфорса у задней стены погребальной камеры.

Двор дольмена почти круглый в плане (диаметром около 4,5 м) примыкает к его фасадной части и огражден стеной из каменных блоков. М. К. Тешев в составленном им описании в 1976 г. отметил, что двор («площадка перед фасадом») был вымощен песчаниковыми плитами, но, приступая к раскопкам, мы этих плит уже не обнаружили.

Стена двора сложена из массивных песчаниковых блоков, наружной и внутренней поверхностям которых придана кривизна, достаточная, чтобы составить из блоков каменное кольцо. Судя по пазам на стенах дольмена, рисунку Ф. С. Байерна и наблюдениям П. С. Уваровой, первоначально стена двора была сложена из блоков, уложенных в три яруса, но в настоящее время сохранились только блоки первого (нижнего) и, частично, второго ярусов (рис. 3).

В ходе работ было установлено, что построенный из крупных тщательно обработанных блоков двор дольмена был сооружен одновременно с погребальной камерой и является частью единого архитектурного комплекса, а не поздней пристройкой, как полагали прежде.

В процессе раскопок стало ясно, что блоки первого яруса стены двора были установлены на «ленточный» фундамент из массивных блоков песчаника, уложенных по периметру всей стены двора. Оригинальная конструктивная особенность фундамента состояла в том, что, вопреки нашим ожиданиям, он был уложен не на горизонтальной, а на наклонной поверхности. Размещенный на склоне ленточный фундамент стен двора представлял в сечении клин, обращенный узкой стороной к фасаду погребальной камеры. Разница в толщине фундамента у фасада дольмена и на его противоположной стороне составляет около 0,7 м, что позволило строителю одновременно компенсировать перепад высот склона и подготовить горизонтальную поверхность для первого (нижнего) яруса блоков стены двора. При этом клинообразная конструкция фундамента позволила равномерно распределить нагрузку массивных стен двора на расположенный на склоне фундамент и тем самым обеспечить прочность всей конструкции. Плита пола погребальной камеры была установлена после того, как были уложены блоки фундамента стен двора, а все пространство двора и площадь были заполнены сначала уплотненным слоем суглинка, а затем слоем утрамбованного суглинка с гравием.

Первый ярус стены двора состоит из 9 блоков различных размеров. Южное и северное крылья стены включают по 4 блока, длина которых колеблется от 0,6 до 1,5 м, а в центре напротив фасада между крыльями уложен блок длиной 3 м. Высота блоков первого яруса – 0,65 м, ширина блоков в плане (толщина стены) – около 0,7 м, за исключением центрального блока шириной 0,8–0,95 м.

От второго яруса сохранилась только часть блоков. Первоначально их было 6, но к моменту наших работ на месте осталось только 4. Они более массивны, чем блоки первого яруса. Длина сохранившихся блоков колеблется от 1,2 м до 2,5 м, толщина блоков – около 0,7 м, высота – 1,1 м.

Судя по пазу, вырубленному на верхней поверхности центрального блока первого яруса, блоки второго яруса образовывали сплошное кольцо. Несохранившийся центральный блок второго яруса достигал в длину 3 м и перекрывал одновременно 2 стыковочных шва между блоками первого яруса, на что указывают пазы для его подгонки.

Блоки третьего яруса к настоящему времени не сохранились. На его существование в первоначальном виде стены указывают рисунок Ф. С. Байерна (1871 г.), наблюдения П. С. Уваровой, видевшей в 1886 г. упавшие блоки, и, главное, следы пазов под крышей на боковой поверхности стен погребальной камеры и на верхней поверхности блоков второго яруса. Эти пазы были вырублены при подгонке поверхностей блоков второго и третьего ярусов. Высота блоков третьего яруса была около 0,7 м. Вероятнее всего, блоки третьего яруса составляли сплошное кольцо, как и блоки нижних ярусов. Учитывая, что внутренняя поверхность стены двора имела значительный наклон внутрь (даже превышающий наклон боковых стен камеры), можно предположить, что кольцо третьего яруса было сплошное, так как в противном случае блоки третьего яруса могли упасть внутрь двора.

Блоки первого и второго ярусов стены двора были уложены в виде правильной кладки – с перевязкой стыков. Разница в размерах блоков, а также перепад высот компенсировались тщательной индивидуальной подгонкой поверхностей блоков, а прочности стыков добивались изготовлением специальных стыковочных пазов. Внутренняя поверхность стены, за исключением центрального блока первого яруса, была тщательно обработана пикетажем, в то время как их наружная поверхность была просто грубо оббита.

На внутренней поверхности 5 из 13 сохранившихся блоков стены были вырублены обработанные пикетажем выступы округлой или овальной формы. Во всех случаях они располагались в углах у нижнего края блоков. В одном случае из пяти на блоке было два, а не один выступ. Поперечный размер выступов колеблется от 20 до 30 см, а их высота составляет около 5 см. Поверхность выступов также тщательно обработана пикетажем и подтеской, как и остальная поверхность блоков.

К началу раскопок графини Уваровой почти все внутреннее пространство двора, исключая воронку у фасадной плиты для казачьего дымохода, было заполнено землей и обломками песчаника почти до верхнего уровня второго яруса блоков стены (Уварова 1891: 51–52). Двухдневные раскопки⁷ были остановлены, как только дошли до нижнего уровня плиты пола погребальной камеры.

К началу наших раскопок верхний уровень заполнения залегал приблизительно на 8 см ниже верхнего края плиты фундамента погребальной камеры и на 15–20 см ниже верхней поверхности блоков первого яруса стены. Был ли этот уровень тем «основанием» или «грунтом», до которого дошла П. С. Уварова,⁸ или уровень заполнения стал ниже верхнего уровня плиты пола из-за исчез-

⁷ 8 и 9 (по старому стилю) июля 1886 г. (Уварова 1891: 48).

⁸ «...земля <...> была вынута нами до самого основания; ближе к грунту нашлись несколько звериных костей и три красненьких черепочка; земля казалась более черной, но вот и все: ни вещей, никаких других следов погребения или жилья не оказалось. <...> каменная пробка <...> найдена <...> около самого отверстия, лежащая параллельно с передней стеной» (Уварова 1891: 51–52).

новения вымостки из песчаниковых плит, еще существовавшей в 1976 г., остается неясным.⁹

При расчистке двора было установлено, что верхний слой заполнения, мощностью от 0,3 до 0,4 м, состоит из речной или морской гальки среднего размера (4–7 см в поперечнике). Слой гальки перекрывал слой (8–15 см) утрамбованного суглинка с гравием. Между ними залегала тонкая прослойка строительных отходов, возникших при финальной обработке внутренней поверхности стен двора. В южном секторе двора в этом слое было зафиксировано кострище (около 0,9 × 1,2 м, линзовидное в разрезе, толщиной 8 см), представляющее собой слой древесного угля, прокаленного суглинка, гравия и щебня. Кострище залегало в толще уплотненного слоя суглинка, гравия и строительных отходов, что указывает на его одновременность с периодом строительства дольмена. Из кострища были взяты образцы для радиоуглеродного анализа. Каких-либо находок в слое гальки и слое строительных отходов не найдено.

Ниже слоя уплотненного суглинка с гравием залегал слой чистого желтого суглинка мощностью около 0,4–0,45 м. Этот суглинок представляет собой забутовку на уровне блоков фундамента стены двора. Материковый суглинок, подстилающий забутовку, отличается от нее более плотной комковатой структурой.

Насыпь и керн. Погребальную камеру и примыкающий к ней двор со всех сторон окружает земляная насыпь и каменный керн. Была расчищена почти вся поверхность этого сооружения, за исключением северной полы, перекрытой асфальтированным дорожным полотном, где удалось расчистить относительно небольшой участок между задней стеной камеры и дорогой. По мере необходимости на различных участках были заложены стратиграфические раскопы.

Общий диаметр насыпи и керна сразу после завершения строительства составлял около 25 м. Все сооружение имело довольно оригинальную конструкцию, и последовательность его строительства можно восстановить, в том числе, по стратиграфии залегания строительных отходов. По завершении подгонки блоков фундамента стен двора они были на полную высоту (около 0,7 м) насыпаны снаружи и внутри слоем желтого суглинка, взятого в склоне холма из котлована, сооруженного для погребальной камеры и примыкающего к ней двора. Подсыпка из этого суглинка, внешний край которой располагался приблизительно в 7 м от наружной стороны стены двора, полукругом охватывала двор, поднимаясь по склону где-то до уровня фасадной плиты камеры.

Всю поверхность насыпи из суглинка перекрывал каменный керн (толщиной от 0,2 до 0,65 м) из обломков песчаника, размер которых составляет в среднем 0,2–0,5 м в поперечнике. Наиболее крупные обломки песчаника залегают в его основании – на участке, примыкающем к стенам двора и погребальной камеры. Мощность керна поверх насыпи из суглинка на участке, примыкающем к стенам дольмена, составляет всего 0,25–0,3 м, но при этом здесь уложены наиболее крупные обломки песчаника (до 1 м в поперечнике). По периметру земляной насыпи и каменного керна была сооружена подпорная стена из уложенных

⁹ В описании и на чертежах В. И. Марковина, который был на памятнике в 1967 г., т. е. за 9 лет до осмотра его М. К. Тешевым, существование вымостки двора песчаниковыми плитами не отмечено, как, впрочем, вообще нет характеристики заполнения двора (Марковин 1997: 295–299).

в несколько рядов крупных плоских речных валунов, высотой около 0,7 м и шириной около 2 м.

При строительстве насыпи со стороны задней и боковых стен дольмена использовалось значительное количество мелкого речного (морского?) гравия, которого нет в насыпи вокруг двора. При этом обе части насыпи составляют единое целое.

После установки контрфорсов под углом к боковым и задней стенам погребальной камеры свободное пространство между ними и стенами было тщательно забутовано уложенным плашмя плитняком. Затем по всему периметру дольмена, исключая его фасад, были уложены плашмя в несколько рядов крупные плоские речные валуны и обломки песчаниковых плит. Сложенный таким образом керн перекрывал контрфорсы и достигал верхнего края стен дольмена. Внешний край этой части керна находился приблизительно в 7–8 м от стен дольмена. Однако его конструктивное оформление остается неясным, так как эта часть насыпи перерыта асфальтированным дорожным полотном и складскими постройками пансионата. Пологий рельеф задней части керна вполне соответствует возможностям его использования как пандуса для перемещения и укладки массивной плиты перекрытия погребальной камеры, весом около 18 т.

О первоначальной высоте керна вокруг стен двора с фасадной стороны можно судить только по косвенным данным – это высота сохранившейся части керна у стен камеры и двора, а также характер обработки наружной поверхности блоков, из которых построена стена. Учитывая, что южная, менее поврежденная часть керна достигает крыши дольмена и верхнего края блоков второго яруса стены двора, а также принимая во внимание очевидную грубость обработки наружной стороны блоков,¹⁰ явно не предназначенной для обозрения, можно уверенно утверждать, что первоначально керн по всему периметру достигал уровня верхнего края третьего (несохранившегося) яруса блоков стены. Другими словами, вершина керна была вровень с верхом стен погребальной камеры и двора (рис. 3).

Петроглифы

При расчистке внутреннего пространства двора на поверхности самого большого блока первого яруса был обнаружен фриз с петроглифами. Блок был установлен прямо напротив входного отверстия в погребальную камеру дольмена. Петроглифы были перекрыты слоем гальки, который заполнял двор и лежал поверх слоя строительных отходов, образовавшегося при обработке внутренней поверхности стены двора. Форма и характер обработки блока указывают на то, что, вероятнее всего, петроглифы были нанесены в период строительства дольмена. В любом случае¹¹ совершенно очевидно, что петроглифы воспринимались как элемент, имеющий смысловую ценность: фриз с изображениями –

¹⁰ В отличие от внутренней стороны стены, финальная отделка которой была завершена тщательным пикетажем и подтеской после того, как блоки были уложены в стену, внешняя сторона стены несет следы только грубых сколов первичной обработки. На некоторых блоках с наружной стороны сохранились следы глубоких симметричных парных затесов, предназначенных, возможно, для упора деревянных рычагов.

¹¹ Иначе надо допускать почти невероятное, что блок с подходящей кривизной поверхности и уже нанесенными петроглифами был вторично использован в конструкции стены двора.

единственный участок на всей внутренней поверхности стены двора, незатронутый финальной отделкой пикетажем и подтеской. Размеры блока с петроглифами составили: высота 0,55 м, длина 2,7 м и толщина около 0,8 м. Его торцы тщательно подогнаны к торцам смежных блоков, причем соединение с блоком северного крыла стены имеет довольно сложный профиль и сечение. Как и все блоки стены, блок с петроглифами изогнут ровно настолько, чтобы вписаться в почти 5-метровую окружность двора.

Изображения представляют собой фриз (длиной 1,2 м и шириной около 0,25 м) из 6 расположенных в ряд фигур, ограниченный сверху и снизу узкими полосами границ естественной слоистости песчаника (рис. 4, 1). Средний размер изображений около 12 × 12 см. Технически все изображения выполнены в одном стиле и единой технике пикетажа, металлическим инструментом. С разной степенью уверенности можно отождествить: антропоморфное изображение, фигуры оленя, собаки (?) и козлов (?). Что именно изображают наклонно расположенные две параллельные линии, выбитые на одном из краев фриза, пока неясно. Композиционным центром, вероятнее всего, является антропоморфная фигура, справа и слева от которой изображены животные, развернутые головами «от человека», однако центральной фигурой может оказаться и изображение оленя – наиболее крупное и тщательно проработанное.

Какую именно позу человека передает антропоморфное изображение, можно реконструировать только с изрядной долей вероятности. Изображение стоп фиксирует движение или разворот «вправо», при этом одна из рук согнута в локте в положении «на поясе», а вот расположение второй руки остается неясно. Голова «человека» расширяется от плеч в виде неправильной фигуры с округлым верхним контуром, который подчеркнут более глубоким пикетажем.

По характеру использования свободного пространства, составу и пропорциям изображений можно предположить, что весь фриз был выполнен одновременно и носит повествовательный характер, являясь иллюстрацией к некоему древнему мифологическому сюжету, героями которого были человек, олень, собака и другие животные.

Вторая группа петроглифов была обнаружена на соседнем блоке первого яруса стены двора. Этот блок располагался снаружи стены и представлял собой дополнительную опору для самого большого 3-метрового блока второго яруса, который не сохранился. Петроглифы были обнаружены после того, как блоки первого яруса стены двора были расчищены снаружи. Блок представляет собой правильной формы квадрат, размерами 1,2 × 0,8 × 0,56 м. Его наружная поверхность сохранила следы грубых сколов, в то время как торцы были довольно тщательно обработаны пикетажем, хотя очевидная необходимость в подгонке этих торцов к торцам других блоков не просматривается. Скорее всего, этот блок был уложен таким образом, что к кладке стены он примыкал снаружи только одной (длинной) стороной. Нет никаких сомнений в том, что этот блок изначально входил в конструкцию первого яруса стены, так как он был уложен на те же блоки фундамента, что и примыкающие к нему конструктивные элементы первого яруса стены, а на его верхней поверхности сохранились следы паза для подгонки блока второго яруса.

Петроглифы были выбиты на обработанном пикетажем торце блока – той его стороне, которая примыкала углом к центральному блоку с петроглифами.

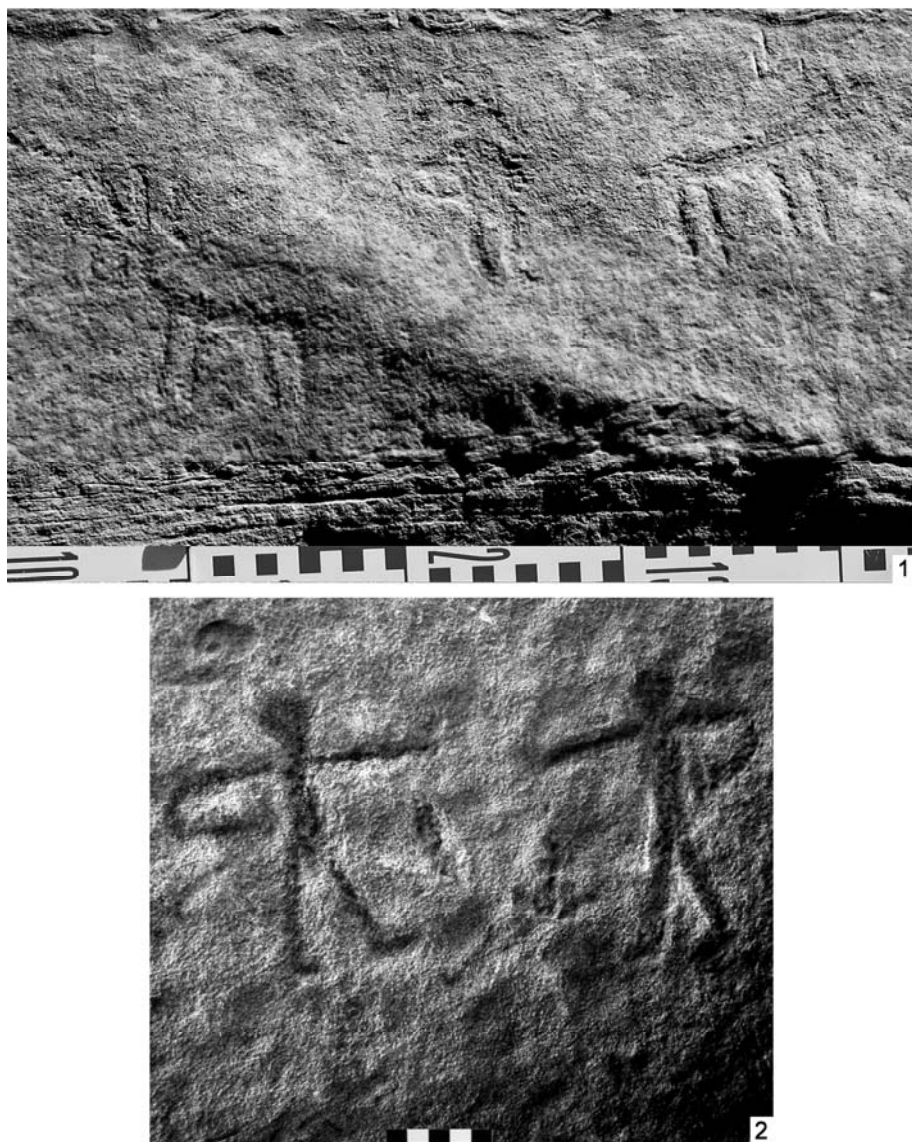

Рис. 4. Дольмен Джубга, петроглифы: 1 – центральный фрагмент фриза с изображением антропоморфной фигуры и животных; 2 – изображение «близнецов»

Fig. 4. Dzhubga dolmen, petroglyphs: 1 – central part of the panel with an anthropomorphic figure and animals; 2 – «twins»

Маловероятно, чтобы они предназначались для постоянного обзора: во-первых, их можно было увидеть, только заглянув в относительно узкое пространство (около 0,35 м) между блоками; во-вторых, снаружи эти блоки однозначно были прикрыты керном.

Петроглифы представляют собой изображение пары антропоморфных фигур, высотой около 15 см, обращенных «лицами» друг к другу (рис. 4, 2). Композицию можно описать как зеркально-симметричную, т. е. фигуры повторяют положение друг друга относительно вертикальной оси симметрии между ними. Вся композиция занимает пространство приблизительно 30×15 см в центре прямоугольной площади торца блока. Обе фигуры выполнены в технике пикетажа, вероятно, металлическим инструментом.

Фигуры изображают антропоморфные существа без половых признаков. Их положение тел можно описать как стоящими лицами друг к другу, при этом поднятая под прямым углом правая (?) рука одного персонажа протянута к находящейся в таком же положении левой (?) руке другого персонажа, а левая (?) и правая (?) руки обеих фигур, соответственно, согнуты в локте в положении «на пояс» или нижней части туловища, не касаясь его. Не исключено, что изображения ног обеих фигур передают движение персонажей навстречу друг другу. Головы фигур изображены расширяющимися вверх, причем у левого персонажа верхняя и «затылочная» части головы окаймлены зарубками, создающими впечатление головного убора. Не исключено, что «зарубки» могли возникнуть непреднамеренно при техническом выполнении фигур. Под протянутыми друг к другу руками каждой фигуры, примерно в 4 см вниз от того места, где у них должны быть кисти рук, пикетажем показаны некие предметы вытянутой формы, длиной около 4 см и шириной около 1,5 см. Что именно изображают эти элементы петроглифа, пока не ясно.

В целом фигуры имеют признаки симультанного изображения, при котором одновременно показываются нескольких проекций формы с разных точек зрения на плоскость: ноги фигур – в профиль, плечевой пояс – в фас (см. Власов 2000: 22). В сюжетной интерпретации этого изображения в первую очередь следует отметить мотив «близнецов», но, не зная канвы мифологического сюжета, который мог быть темой композиции, сложно понимать содержание самой сцены. Она могла изображать ритуальный поединок, танец или приветствие.

Еще один петроглиф был найден на внешней стороне того же блока, на котором были изображены «близнецы». Эта сторона блока была обработана только грубыми сколами, и на относительно ровном участке поверхности была выбита антропоморфная фигура, примерно в том же стиле и технике, что и остальные антропоморфные фигуры дольмена. Фигура, высотой около 12 см, расположена примерно в центре верхней трети высоты прямоугольной поверхности блока. Она выполнена не так тщательно, как изображение «близнецов», и, возможно, даже не завершена. Изображение представляет антропоморфное существо без половых признаков. Ноги изображены в профиль, «идущими» в левую сторону, а плечевой пояс в фас, причем левая рука согнута в локте «полукругом» в положении «на пояс», а вот положение правой руки неясно, так как хорошо рассмотреть можно только ее плечевую часть, поднятую под прямым углом к туловищу. Изображение шеи или голова только намечено небольшим выступом между плеч.

Все петроглифы на стене двора дольмена в Джубге, вероятнее всего, были нанесены на строительные блоки в процессе его сооружения, но при этом, судя по местам их расположения, они не предназначались для обзора после

завершения строительства и функционирования дольмена как погребального и культового комплекса. Это может означать, что сакральными были сам процесс нанесения петроглифов, а также их неявное, но вечное присутствие на стенах дольмена.

Датировка памятника

В ходе раскопок дольмена в Джубге не было найдено каких-либо существенных археологических материалов, тип и контекст обнаружения которых мог бы служить основанием для датировки периода строительства или эксплуатации памятника. Найденные в насыпи мелкие неорнаментированные фрагменты лепной керамики и кремня, а также небольшие обломки обожженной турлучной обмазки указывают только на то, что рядом или на месте строительства дольмена существовало поселение эпохи бронзы.

Единственным достоверным основанием для датировки периода строительства дольмена являются только результаты радиоуглеродного анализа древесного угля из кострища, залегающего в строительных слоях двора дольмена (таблица).

Т а б л и ц а

Результаты радиоуглеродного анализа дольмена Джубга

№ п/п	Место отбора образца	Материал образца	Индекс лаборатории	¹⁴ C возраст BP	¹⁴ C интервал калиброванного календарного возраста (1σ) cal BC (OxCal 3.0)
1	Двор дольмена, строительные слои, кострище	уголь	Le-7568	3830 ± 35	2400 BC (1,9 %) 2380 BC; 2340 BC (66,3 %) 2200 BC
2	Двор дольмена, строительные слои, кострище	уголь	Le-7569	3940 ± 30	2480 BC (52,1 %) 2400 BC 2380 BC (16,1 %) 2350 BC

Результаты радиоуглеродного датирования позволяют предположить, что дольмен был построен приблизительно в третьей четверти III тыс. до н. э., т. е. в тот период дольменной культуры, когда в степном Предкавказье доминировали различные варианты катакомбных культур,¹² а в Закавказье, вероятно, беденский вариант триалетской культуры.

Сравнительный анализ: архитектура

Несмотря на исключительную оригинальность дольмена Джубга, архитектурные и конструктивные элементы, зафиксированные при его изучении, присутствуют и в других дольменах Западного Кавказа. Ближайшим аналогом постройке в Джубге является дольменный комплекс, исследованный в 1975–1976 гг. И. И. Цвинария в с. Отхара, Гудаутского р-на Республики Абхазия (Цвинария 1990: 82–87, табл. 5–9). Оба памятника объединяют не только общая планировка,

¹² В этой связи отмечу определенное сходство конструкции дольмена Джубга со степными катакомбами, если рассматривать круглый замкнутый двор дольмена в качестве функционального эквивалента шахте катакомбы. Это подобие, а также культурно-хронологический контекст связей между дольменной культурой и катакомбными культурами степного Прикубанья–Северо-Восточного Приазовья–Нижнего Подонья, на которые впервые обратил внимание С. Н. Братченко (Братченко 1976: 42–43; Трифонов 1991: 153, 161), оставляют актуальной оригинальную гипотезу В. Я. Кияшко (Кияшко 1979) о связях между катакомбами и дольменами.

но также размеры, пропорции и конструкция основных функциональных элементов – погребальной камеры, двор и насыпь с подпорной стеной.¹³

Замкнутый круглый двор без входа, стены которого сложены из фигурных блоков, примыкает к фасаду дольмена, расположенному в пос. Лазаревское, причем сам дольмен построен в комбинированной технике: его стены сложены из блоков, а фасад сделан из массивной плиты, которой была придана округлая в плане форма, соответствующая общему внешнему¹⁴ подковообразному контуру всего сооружения (Воронов 1979: 47, рис. 7).

Сочетание различных строительных приемов и материалов (тесаные плиты и блоки различной конфигурации) позволяло реализовать самые сложные архитектурные проекты. Характерно, что в такой комбинированной технике строительства сооружены многие особенно большие дольмены – центральный дольмен в группе Жане (Трифонов 2009), дольмены в долине Адербы (дольмен 2, гора Нексис), в долине р. Кизинка (дольмен 528), у пос. Гузерипль на р. Белая (Марковин 1997: 153, 245, 248, 259), на р. Озерейка в окрестностях Новороссийска (Кононенко 1988; Дмитриев 2007). Общим признаком в технике строительства этих памятников является одинаково свободное использование приемов регулярной сухой кладки из фигурных блоков или квадров при сооружении как собственно погребальных камер, так и дополнительных конструкций: дворов и подпорных стен «насыпей». Важной особенностью строительства из блоков является воспроизведение в конструкциях дольменов элементов псевдокупольного сооружения (Марковин 1973; Резепкин 1988: 57–58), причем в одинаковой степени это касается как погребальных камер (например, круглые в плане дольмены в долине Жане или в окрестностях пос. Красная Поляна), так и дворов, лучшим примером из которых является двор у дольмена Джубга. Необходимо подчеркнуть, что псевдокупольность или элементы ложного свода являются основополагающими характеристиками дольменного архитектурного стиля. Однако остается под вопросом, является ли этот элемент результатом развития оригинальной мегалитической архитектуры или рудиментарным подражанием архитектурным формам из других материалов.

Сравнительный анализ: петроглифы

Найденные впервые в истории кавказской археологии антропоморфные и зооморфные петроглифы на стенах дольмена Джубга находят ограниченный, но своеобразный круг аналогий. Уже через год после открытия петроглифов в Джубге стало ясно, что эти необычные антропоморфные изображения на самом деле соответствуют определенному «дольменному» канону. В 2007 г. среди плит развала одного из дольменов в бассейне р. Абин был найден фрагмент плиты с антропоморфными изображениями (Гей 2008: 298, рис. 2), техника исполнения и стиль которых соответствуют изображениям на стенах дольмена Джубга.

¹³ При очевидном сходстве у дольмена в Отхаре есть существенное конструктивное отличие – проход в фасадной части стены двора. Правда, остается неясным, когда именно этот проход был устроен: на этапе строительства дольмена в эпоху бронзы или позднее, когда в дольмене была устроена средневековая гробница.

¹⁴ Интересно отметить, что при подковообразном плане сооружения снаружи сам план погребальной камеры можно описать как «трапециевидный, с закругленными углами и выпуклыми сторонами», т. е. он является какой-то промежуточной формой между трапецией и кругом.

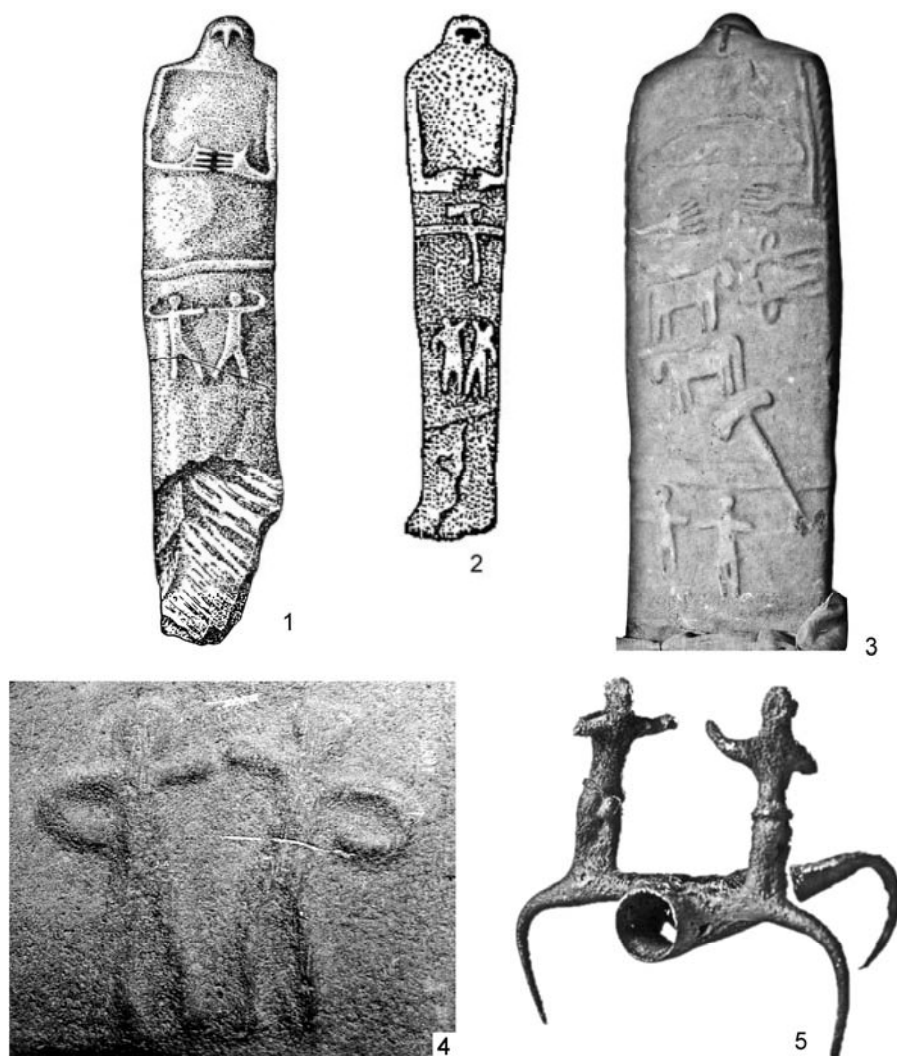

Рис. 5. 1–4 – антропоморфные стелы Крыма с изображениями «близнецов» (1 – Казанки; 2 – Ак-Чокрак; 3 – Верхоречье [1–3 – без масштаба]; 4 – фрагмент стелы из Верхоречья); 5 – бронзовый крюк из dolмена в кург. 1 у ст. Царская (совр. Новосвободная), 1898 г.

Fig. 5. 1–4 – Crimean anthropomorphic stelae with images of «twins» (1 – Kazanki; 2 – Ak-Chokrak; 3 – Verkhorechie [1–3 – not to scale]; 4 – fragment of the Verkhorechie stele); 5 – bronze hook from the dolmen in barrow 1 at the village of Tsarskaya (now Novosvobodnaya), 1898

В 1953 г. в горном Крыму у с. Казанки случайно и вне археологического контекста была обнаружена каменная антропоморфная стела, на которой была изображена пара людей в геральдической позе (рис. 5, 1). Несколько лет спустя в том же районе Крыма (рис. 1) и при аналогичных обстоятельствах были найдены еще две стелы с парными изображениями людей – в окрестностях сел Ак-Чокрак и Верхоречье (рис. 5, 2, 3) (Тошев 2007: 59–93). Между тем недавние

археологические исследования кавказских дольменов проливают новый свет на культурный и хронологический контексты случайно найденных стел и связанных с ними изображений близнецов. При анализе важным обстоятельством является композиционное и стилистическое сходство изображения «близнецов» на дольмене в Джубге с изображениями на антропоморфных стелах из горного Крыма (Там же: 92, рис. 42, 3–5).

На трех стелах (Верхоречье, Казанки, Ак-Чокрак) низким рельефом в характерной позе изображены пары «близнецов», а на стеле из Верхоречья есть и изображения животных, сопоставимых с изображениями животных на фризе дольмена Джубга. Зеркальная симметрия «близнецовой» пары, стиль изображений и поза фигур с характерным «овальным» изгибом рук указывают на несомненную принадлежность этого круга изображений к единому художественному канону (рис. 5, 1–3).

А. А. Формозов обратил внимание на сюжетное и стилистическое сходство парных изображений людей на стелах и изображения пары мужчин на бронзовом крюке из мегалитической раннебронзовой гробницы в ст. Царской (совр. Новосвободная, Адыгея, Северо-Западный Кавказ) (рис. 5, 5). Он предположил, что этот сюжет связан с одним из широко распространенных мифологических сюжетов о сражающихся близнецах, назвал сюжет «эпическим», а композицию «близнецов» – «геральдической» (Формозов 1970).

А. А. Формозов считал, что изображение сражающихся близнецов есть и на одной из антропоморфных стел из Франции (Les Maurels). С его точки зрения, это было дополнительным аргументом в пользу гипотезы общего происхождения антропоморфных стел Италии, Франции, Болгарии и Южной России под влиянием «древнейших цивилизаций Востока» (Формозов 1980: 106). Гипотеза А. А. Формозова об общем происхождении антропоморфных стел Средиземноморья и южной России приобрела особую популярность среди тех, кто изучал археологические аспекты индоевропейской проблемы и развитие мегалитических культур в Европе и на Кавказе. Особая привлекательность гипотезы состояла в возможности реконструировать общеевропейские культурные процессы, включая сверхдальние трансконтинентальные миграции. Парадоксальным образом за последние тридцать лет аргументы и наблюдения А. А. Формозова неоднократно и почти без изменений становились частью различных и даже прямо противоположных культурно-исторических концепций (Резепкин 1987; Mellory 1989: 220; Telegin, Mellory 1994; Anthony 2007: 338).

Оценивая гипотезу А. А. Формозова, прежде всего следует отметить, что в основе сопоставления стел из Франции и Крыма лежит неточное воспроизведение изображения на стеле из Ле-Морель, которым воспользовался А. А. Формозов.¹⁵ В его распоряжении был неточный рисунок из первой публикации этой стелы (Hermet 1892), на котором концы ремней на «спине» стелы действительно можно было принять за изображение антропоморфных фигур. Именно этот неточный рисунок с мистифицированным изображением «близнецов» вслед за А. А. Формозовым тиражировался в различных публикациях на тему европейских культурных связей (Telegin, Mellory 1994: 53, fig. 24, 3; Anthony 2007: fig. 13, 11).

¹⁵ Приношу благодарность А. М. Смирнову, который обратил мое внимание на это несоответствие.

Между тем корректная копия изображений на этой стеле была опубликована довольно давно (Castagné 1910: 394, pl. IX, 2), причем в описании изображений нет упоминания антропоморфных фигур. Нет их и в более поздних публикациях этой стелы (Kendrick 1928: fig. 15).¹⁶ Сегодня детали изображений на стеле из Ле-Морель можно рассмотреть на фотографиях и рисунках, размещенных на сайте музея в г. Родез (Rodez, Musée Fenaille) (<http://museesmidipyrenees.fr/musees/musee-fenaille/collections/statues-menhirs/>). Они не оставляют сомнений в том, что французские «близнецы» – это всего лишь игра воображения, и принимать их в расчет при оценке культурно-хронологического контекста крымских стел или петроглифов Джубги нельзя.

Другое дело – парные фигурки на крюке из Новосвободной (рис. 5, 5). На перекладине крюка, сделанной в виде бычьих рогов, симметрично расположены две обращенные лицами к друг другу мужские фигурки. Фигурки изображены противостоящими друг другу на расстоянии одного-двух «шагов» в левосторонней стойке «кулачных бойцов», т. е. левая нога у обеих фигурок находится чуть впереди, а правая сзади и на полшага вправо. Левая согнутая в локте рука вынесена перед туловищем, при этом локоть слегка опущен, левый «кулак» у одной фигурки находится на уровне плеча, у второй – чуть выше. Правая рука также согнута в локте, а «кулак» – на уровне подбородка. Обе фигурки изображены почти полностью обнаженными с четко обозначенными мужскими гениталиями в состоянии эрекции. На обоих «бойцах» рельефным валиком обозначены пояса. На голове одной из фигурок изображена налобная повязка или тесьма, надетая поверх ушей. На широких лицах обеих фигурок изображены брови, глаза, нос с горбинкой и борода.

Несмотря на очевидные различия, связанные с техникой исполнения (круглая металлопластика – Новосвободная; низкий рельеф – крымские стелы; гравировка – дольмен в Джубге), эти изображения объединяют композиция и, в определенной степени, стиль. Парная композиция на новосвободненском крюке в рельефе или гравировке могла бы выглядеть так же, как изображения «близнецов» на стелах Крыма или на дольмене Джубга.

Бронзовый крюк с изображением сражающихся «близнецов» происходит из мегалитической гробницы, относящейся к позднему этапу новосвободненского варианта майкопской культуры (Rezerkin 2000: 86).¹⁷ Судя по радиоуглеродным датам образцов из подобной гробницы в кург. 2, раскопанной Н. И. Веселовским в 1898 г. у ст. Царской (совр. Новосвободная), эта группа памятников датируется последней четвертью IV–началом III тыс. до н. э. (Trifonov et al. 2013).¹⁸

¹⁶ Приношу благодарность С. Кассену (S. Cassen), который обратил мое внимание на эти публикации.

¹⁷ Сейчас А. Д. Резепкин относит эти памятники к новосвободненской культуре (см. Резепкин 2012).

¹⁸ В ходе работ по проекту РФФИ №13-06-00383а выяснилось, что путаница с нумерацией курганов могильника Клады (под № 27 на плане обозначен кург. 1, но описан он как кург. 2 из раскопок Н. И. Веселовского 1898 г.) (см. Резепкин 2012: 29, 130, рис. 1) отразилась на идентификации образца, датированного в радиоуглеродной лаборатории Оксфорда. На самом деле образец OxA-5063 происходит из гробницы в кург. 2, а не в кург. 1, как это неоднократно воспроизводилось в публикациях, в том числе и автора этой статьи.

Это означает, что изображение «близнецов» на крюке, примерно на 500 лет старше изображения «близнецов» на дольмене в Джубге. Такое хронологическое различие, в принципе, не противоречит предположению о культурной связи между двумя разными воплощениями одного и того же мифологического сюжета, так как сами гробницы новосвободненского типа и дольмены типа Джубги представляют единую линию развития погребальной мегалитической архитектуры на Западном Кавказе в эпоху бронзы (Ibid.). Если это предположение верно, тогда сюжет «близнецов» приобретает вполне определенный культурный контекст, о котором до открытия петроглифов в Джубге практически ничего не было известно, так как все упомянутые крымские стелы – случайные находки.

Сюжетно-стилистическое сходство между петроглифами Джубги, рельефами на крымских стелах и круглой металлопластикой из Новосвободной позволяет сделать два важных вывода. Во-первых, период создания и использования стел с изображением «близнецов» можно датировать второй половиной IV–первой половиной III тыс. до н. э. Во-вторых, в этот период горный Крым и Западный Кавказ, вероятно, входили в одну культурную провинцию.

Заключение

Важность сюжетно-стилистического сходства между петроглифами Джубги, рельефами на крымских стелах и круглой металлопластикой из Новосвободной состоит в открытии общей для Западного Кавказа и горного Крыма культурной среды, в которой по обе стороны Керченского пролива циркулировали единые художественные стандарты изображения мифологического сюжета, возможно, космогонического толка.¹⁹ Нет никаких оснований считать, что в этот культурный круг входили антропоморфные стелы Западного Средиземноморья в целом, и юга Франции в частности.

Стоит отметить, что для майкопской культуры в принципе не характерны антропоморфные изображения. Появление на Западном Кавказе сюжета «близнецов» в характерном композиционном и стилистическом исполнении в конце IV тыс. до н. э. можно трактовать как одно из проявлений влияния дольменной культуры на майкопскую культуру. С этим влиянием, вероятнее всего, связано формирование локального новосвободненского феномена, известного только на Северо-Западном Кавказе – той территории, где ареалы майкопской и дольменной культур перекрывают друг друга.

Сюжет со сражающимися «близнецами» и характерный стиль их изображения являются таким же самобытным явлением для Кавказа, как и возникновение здесь традиции строительства дольменов. Какими бы близкими ни казались элементы сходства между мегалитами Кавказа и других областей Европы и Азии, различия между ними и культурным контекстом, в котором они возникли, делают маловероятными (см. Trifonov 2013; Трифонов 2014) гипотезы о западноевропейском (Николаева, Сафронов 1974: 175–194; Резепкин 2012: 101–106) или переднеазиатском происхождении кавказских дольменов.

¹⁹ В этом контексте фигуры людей и животных на стелах и стенах дольменов могут оказаться астральными символами.

После завершения раскопок дольмена в Джубге и выводов относительно его архитектурного своеобразия можно высказать несколько общих оценок дольменного строительства как культурного феномена. Если прежде основным в характеристике этого явления был мегалитический аспект, подразумевающий, главным образом, примитивное строительство из огромных камней, то теперь можно говорить о глубоко укоренившейся на Западном Кавказе традиции грандиозного по размаху монументального культового строительства из тесаного камня, что представляет собой отдельное направление в истории архитектуры Древнего мира.

Раскопки в Джубге, а также результаты последних полевых исследований показали, что на огромном пространстве вокруг Черного и Средиземного морей – в зоне формирования в III тыс. до н. э. городских цивилизаций Старого Света – дольмены Западного Кавказа являются одним из ранних проявлений традиции культового каменного строительства. Для этой традиции характерна регулярная многоярусная кладка из квадров, псевдокупольные конструкции, использование развитой формы колонн как опоры перекрытий, рельефного декора фасадных поверхностей, декорированных стел и зооморфной круглой скульптуры. К этому следует добавить, что, судя по размерам, планировке и отделке некоторых дольменных комплексов, они выполняли функцию общественных культовых сооружений. В пользу этого свидетельствует строительство перед фасадами погребальных камер обширных мощеных, обнесенных стенами дворов, площадь которых может достигать нескольких сот квадратных метров.²⁰

В конечном счете, все это способствует более ясному пониманию особенностей местного западнокавказского культурного контекста, в котором традиция культового мегалитического строительства оставалась доминирующей на протяжении почти 2 тысячелетий. Последнее обстоятельство имеет принципиальное значение для взвешенной оценки самого распространенного и для многих очевидного мнения о неожиданном появлении на Западном Кавказе дольменов «в готовом виде». Действительно, сложно представить, что архитектура дольмена Джубга – результат развития местной архитектурной традиции, а не копия одной из европейских или азиатских мегалитических традиций. Но ведь за плечами строителей дольмена в Джубге был опыт как минимум 20 (!) поколений мастеров, при этом каждое из них, даже при всем консерватизме такой деятельности, обогащало общую традицию собственными конструктивными и декоративными решениями. Да и сама традиция вовсе не представляла собой превращение одного прототипа в многообразие типов и их вариантов. Судя по самым ранним дольменам, изначально существовало несколько типов мегалитических конструкций с прямоугольными, трапециевидными и круглыми в плане погребальными камерами и различными перекрытиями, формы и размеры которых наводят на мысль об их заимствовании из архитектуры утилитарного, хозяйственного назначения, где основным строительным материалом были дерево и глина. Более того, можно довольно уверенно утверждать, что строителям кав-

²⁰ Площадь овального в плане двора перед самым большим дольменом в долине р. Жана составляет свыше 300 м², а площадь почти квадратного в плане двора перед дольменом под Серебряным курганом в урочище Клады равна почти 1000 м².

казских дольменов потребовалось значительное время, прежде чем они изобрели оригинальный тип плиточного фундамента,²¹ который, наряду с ленточным, почти полностью вытеснил традицию вкапывания плит дольменных стен.

Высокая вероятность связи мегалитической архитектуры дольменов с архитектурой бытового и хозяйственного назначения, а также очевидная способность зарождения в местной «инженерной» среде таких принципиальных изобретений, как плиточный фундамент, лишают миграционные гипотезы исключительного права на объяснение архитектурной самобытности кавказских дольменов.

Литература

Анфимов 1982 – *Анфимов Н. В.* Курганы рассказывают... Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1982. 128 с.

Байерн 1871 – *Байерн Ф. С.* О древних сооружениях на Кавказе // Зейдлиц Н. (ред.). Сборник сведений о Кавказе. Тифлис: Кавказский статистический комитет, 1871. Т. 1. С. 298–325.

Байерн 1882 – *Байерн Ф. С.* Заметки о различного рода могилах, встречающихся на Кавказском перешейке // Бакрадзе Д. З., Вейденбаум Е. Г. (ред.). Известия Кавказского общества истории и археологии. Тифлис: Типография Главного Управления Главного начальника гражданской частью на Кавказе, 1882. Т. 1, вып. 1. С. 10–23.

Берже 1875 – *Берже А. П.* Кавказ в археологическом отношении // Записки общества любителей кавказской археологии. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1875. Кн. 1. С. 1–17.

Братченко 1976 – *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова думка, 1976. 251 с.

Власов 2000 – *Власов В. Г.* Египетское искусство // Большой энциклопедический словарь изобразительного искусства: В 8 т. СПб.: ЛИТА, 2000. Т. 3. С. 15–34.

Воронов 1979 – *Воронов Ю. Н.* Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1979. 112 с.

Гей 2008 – *Гей А. Н.* Исследование дольменных памятников Западного Кавказа в 2005–2007 гг. // Деревянко А. П., Макаров Н. А. (ред.). Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. 1. С. 294–298.

Дмитриев 2007 – *Дмитриев А. В.* Восстановление двух дольменных комплексов в верховьях реки Озерейки // Аргонавт: Черноморский исторический журнал. Новороссийск, 2007. № 1. С. 63–72.

Кияшко 1979 – *Кияшко В. Я.* Параллели развития погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Приазовье и на Западном Кавказе // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: ТД конф. (Донецк, 3–6 декабря 1979 г.). Донецк: ИА АН УССР, Донецкий науч. центр, Донецкая обл. орг. Украинского о-ва охр. пам., Донецкий ГУ, 1979. С. 49–50.

Кононенко 1988 – *Кононенко А. П.* Дольменный комплекс близ города Новороссийска // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: ТД. Махачкала: Карачаево-Черкесский НИИ, 1988. С. 19–22.

Лавров 1960 – *Лавров Л. И.* Дольмены Северо-Западного Кавказа // Тр. Абхазского института языка, литературы и истории. Сухуми, 1960. Вып. 31. С. 101–178.

Лещенко 1931 – *Лещенко А. Ф.* Матеріали до орнаментики дольменів на північно-західньому Кавказі // Антропологія. Київ, 1931. Т. 4 за р. 1930. С. 237–263.

Марковин 1973 – *Марковин В. И.* Составные дольмены с ложным сводом на Западном Кавказе // КСИА. 1973. Вып. 134. С. 35–41.

Марковин 1978 – *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978. 328 с.

Марковин 1997 – *Марковин В. И.* Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М.: ИА РАН, 1997. 402 с.

²¹ Использование плиточного фундамента отразилось на общей конструкции и архитектуре дольменов, например, усилилась роль контрфорсов и кернов.

Николаева, Сафронов 1974 – *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Происхождение дольменной культуры Северо-Западного Кавказа // Сообщения. М.: Научно-метод. совет по охране пам. культуры Министерства культуры СССР, 1974. Вып. 7. С. 175–194.

Резепкин 1987 – *Резепкин А. Д.* К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ станции Новосвободная // КСИА. 1987. Вып. 192. С. 26–33.

Резепкин 1988 – *Резепкин А. Д.* Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп: Адыгейский НИИ экономики, языка, литературы и истории, 1988. С. 156–163.

Резепкин 2012 – *Резепкин А. Д.* Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История, 343 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. 37).

Сизов 1889 – *Сизов В. И.* Восточное побережье Черного моря: Археологические экскурсии // МАК. 1889. Вып. 2. С. 1–182.

Сорохтин 1915 – *Сорохтин Г. Н.* Дольмены Черноморской губернии и Кубанской области // Познавательный сборник Крымско-Кавказского горного клуба. Одесса: Типография Н. Лемберга, 1915. С. 90–104.

Спицын 1927 – *Спицын А. А.* Разведки памятников материальной культуры: Пособие для краеведов. Л.: Центральное бюро краеведения, 1927. 142 с.

Тошев 2007 – *Тошев Г. Н.* Крым в эпоху бронзы. Запорожье: Изд-во Запорожского НУ, 2007. 304 с.

Трифонов 1991 – *Трифонов В. А.* Степное Прикубанье в эпоху энеолита–средней бронзы // Масон В. М. (ред.). Древние культуры Прикубанья. Л.: Наука, 1991. С. 92–166.

Трифонов 2009 – *Трифонов В. А.* Дольмены в долине реки Жане // Макаров Н. А. (ред.). АО 1991–2004 годов. Европейская Россия. М.: ИА РАН, 2009. С. 115–128.

Трифонов 2014 – *Трифонов В. А.* Западные пределы распространения майкопской культуры // Известия Самарского НЦ РАН. Самара, 2014. Т. 16, № 3. С. 276–284.

Уварова 1891 – *Уварова П. С.* Кавказ: Путевые заметки. Ч. 2: Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. М.: Высочайше утвержденное Товарищество Скоропечатни А. А. Левинсон, 1891. 324 с.

Уварова 1904 – *Уварова П. С.* Несколько дополнительных сведений по вопросу о кавказских дольменах // МАК. 1904. Вып. 9. С. 170–175.

Фелицын 1904 – *Фелицын Д. Е.* Западнокавказские дольмены // Там же. С. 1–86.

Формозов 1970 – *Формозов А. А.* Эпический сюжет в Причерноморском искусстве бронзового века // КСИА. 1970. Вып. 123. С. 48–50.

Формозов 1980 – *Формозов А. А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.: Наука, 1980. 135 с.

Цвинария 1990 – *Цвинария И. И.* Новые памятники дольменной культуры Абхазии. Тбилиси: Мещниереба, 1990. 78 с.

Шамотульский 1967 – *Шамотульский А. И.* Дольмены Черноморского побережья Кавказа // Шамотульский А. И. (ред.). Туапсе и Туапсинский район. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1967. С. 159–168.

Anthony 2007 – *Anthony D. W.* The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze Age riders from the Eurasian steppe shaped the modern world. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2007. 553 p.

Castagné 1910 – *Castagné J.* Étude historique et comparative des statues babas des Steppes Kirghizes et de Russie en general // Bulletins et Mémoires de la Société d'anthropologie de Paris. 1910. VIe Série, tome I. P. 375–407.

Chantre 1885 – *Chantre E.* Recherches Anthropologiques dans le Caucase. Paris; Lyon: C. Reinwald, H. Georg, 1885. Т. 1. 93 p.

Hermet 1892 – *Hermet F.* Sculptures préhistoriques dans les deux cantons de Saint-Affrique et de Saint-Sernin (Aveyron) // Mémoire de la Société des Lettres, Sciences et Arts de l'Aveyron. 1892. Т. 14. 22 p.

Kendrick 1928 – *Kendrick T. D.* The Bailiwick of Guernesey. The archaeology of the Channel islands. London: Methuen and Co. L. T. D., 1928. Vol. 1. 273 p.

Mellory 1989 – *Mellory J. P.* In search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth. London: Thames and Hudson Ltd, 1989. 288 p.

Rezepkin 2000 – *Rezepkin A. D.* Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2000. 76 S. (Archäologie in Eurasien. Bd. 10).

Tallgren 1934 – *Tallgren A. M.* Sur les monuments mégalithiques du Caucase occidental // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki, 1934. Vol. 9. P. 1–45.

Telegin, Mallory 1994 – *Telegin D. Y., Mallory J. P.* The Anthropomorphic Stelae of the Ukraine: The Early Iconography of the Indo-Europeans. Washington D. C.: Institute for the Study of Man, 1994. 129 p. (Journal of Indo-European Studies Monograph. No 11).

Trifonov 2013 – *Trifonov V.* What distinguishes Caucasian megaliths from European ones? // S. Bergrbrant, S. Sabatini (eds.). *Counterpoint: Essays in Archaeology and Heritage Studies in Honour of Professor Kristian Kristiansen*. Oxford: Archaeopress, 2013. P. 321–328 (BAR. IS. No. 2508).

Trifonov et al. 2013 – *Trifonov V. A., Zaitseva G. I., van der Plicht J., Kraineva A. A., Sementsov A. A., Kazarmitsky A. A., Burova N. D., Rishko S. A.* Shepsi, the oldest dolmen with the port-hole slab in the Western Caucasus // *Radiocarbon*. 2013. Vol. 56, no. 2. P. 743–752.

Zaitseva et al. 2013 – *Zaitseva G. I., Trifonov V., Dergachev V. A.* Neolithic and Bronze Age cultures in the Western Caucasus and changes in Black sea level // *From the Caspian to Mediterranean: Environmental Change and Human Response during the Quaternary: Proceedings of International Geoscience programme IGCP 610 (2013–2017)* (Tbilisi, Georgia, 12–19 October 2013). Tbilisi: Institute of Earth Sciences of the Georgia Ilia State University, 2013. P. 177–179.

Literature

Анфимов 1982 – *Anfimov N. V.* Kurgany' rasskazy'vayut... (*Kurgans tell...*) Krasnodar: Krasnodar book publishers, 1982. 128 p. (in Russian).

Байерн 1871 – *Bayern F. S.* O drevniykh sooruzheniyah na Kavkaze (*About ancient constructions in the Caucasus*) // Zeidlitz N. (ed.). *Sbornik svedeniy o Kavkaze (Collection of facts about the Caucasus)*. Tiflis: Caucasian Statistical Committee, 1871. Vol. 1. P. 298–325 (in Russian).

Байерн 1882 – *Bayern F. S.* Zametki o razlichnogo roda mogilah, vstrechayusich'hsya na Kavkazskom peresheyke (*Notes on various kinds of graves found in the Caucasian isthmus*) // Bakradze D. Z., Weidenbaum E. G. (eds.). *Izvestiya Kavkazskogo obsch'estva istorii i arheologii (Transactions of the Caucasian Society of History and Archaeology)*. Tiflis: Printing-House of the Caucasian Main Executive Civil Officer's Headquarters, 1882. Vol. 1, issue 1. P. 10–23 (in Russian).

Берже 1875 – *Berge A. P.* Kavkaz v arheologicheskom otnosheni (*Caucasus from the archaeological point of view*) // *Zapiski obsch'estva lyubiteley kavkazskoy arheologii (Transactions of the Society of the Amateurs of Caucasian Archaeology)*. Tiflis: Printing-House of the Caucasian Governor's Headquarters, 1875. Book 1. P. 1–17 (in Russian).

Братченко 1976 – *Bratchenko S. N.* Nijnee Podon'e v e'pohu sredney bronzy' (*Lower Don region in the Middle Bronze Age*). Kiev: Naukova dumka, 1976. 251 p. (in Russian).

Власов 2000 – *Vlasov V. G.* Egiptskoe iskusstvo (*Egyptian art*) // *Big encyclopedic dictionary of fine arts*. St. Petersburg: LITA, 2000. Vol. 3. P. 15–34 (in Russian).

Воронов 1979 – *Voronov Yu. N.* Drevnosti Sochi i ego okrestnostey (*Antiquities of Sochi and its environs*). Krasnodar: Krasnodar book publishers, 1979. 112 p. (in Russian).

Гей 2008 – *Gei A. N.* Issledovanie dol'menny'kh pamyatnikov Zapadnogo Kavkaza v 2005–2007 gg. (*Studies of the West Caucasian dolmens in 2005–2007*) // Derevianko A. P., Makarov N. A. (eds.). *Proceedings of the II (XVIII) All-Russia Meeting of Archaeologists in Suzdal*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 2008. Vol. 1. P. 294–298 (in Russian).

Дмитриев 2007 – *Dmitriev A. V.* Vosstanovlenie dvuh dol'menny'kh kompleksov v verkh'yah reki Ozereyki (*Reconstruction of two dolmen complexes of the Early Bronze Age in the upper reaches of the Ozereika river*) // *Argonaut: Black Sea Historical Journal*. Novorossiysk, 2007. No. 1. P. 63–72 (in Russian).

Княшко 1979 – *Knyashko V. Ya.* Paralleli razvitiya pogrebal'ny'kh obryadov e'pohi ranney bronzy' v Priazov'e i na Zapadnom Kavkaze (*Parallels in the development of the Early Bronze Age funerary rites in the Azov Sea region and Western Caucasus*) // *Problemy' e'pohi bronzy' yuga Vostochnoy Evropy' (Problems of the Bronze Age in the south of East Europe)*: abstracts of conference papers (Donetsk, December 3–6, 1979). Donetsk: Donetsk State University, 1979. P. 49–50 (in Russian).

Коновенко 1988 – *Kononenko A. P.* Dol'menny'y kompleks bliz goroda Novorossiyska (*Dolmen complex near Novorossiysk*) // *Abstracts of papers presented at the XV Krupnov Readings on North Caucasian Archaeology*. Makhachkala: Karachay-Circassian Research Institute, 1988. P. 19–22 (in Russian).

Лавров 1960 – *Lavrov L. I.* Dol'meny' Severo-Zapadnogo Kavkaza (*Dolmens of Northwestern Caucasus*) // *Proceedings of the Abkhaz Institute for Language, Literature and History*. Sukhumi, 1960. Vol. 31. P. 101–178 (in Russian).

Лещенко 1931 – *Leshchenko A. F.* Materialy do ornamentiki dol'meni'v na pivnichno-zahidn'omu Kavkazi' (*Materials on the ornamentation of dolmens in the southwestern Caucasus*) // *Antropologia*. Kiev, 1931. Vol. 4 (1930). P. 237–263 (in Ukrainian).

Марковин 1973 – *Markovin V. I.* Sostavny'e dol'meny' s lojny'm svodom na Zapadnom Kavkaze (*Composite dolmens with a false vault in Western Caucasus*) // *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 1973. Vol. 134. P. 35–41 (in Russian).

Марковин 1978 – *Markovin V. I. Dol'meny' Zapadnogo Kavkaza (Dolmens of Western Caucasus)*. Moscow: Nauka, 1978. 328 p. (in Russian).

Марковин 1997 – *Markovin V. I. Dol'menny'e pamyatniki Prikuban'ya i Prichernomor'ya (Dolmen sites of the Kuban and Black Sea regions)*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 1997. 402 p. (in Russian).

Николаева, Сафронов 1974 – *Nikolaeva N. A., Safronov V. A. Proishozhdenie dol'mennykh kul'tury Severo-Zapadnogo Kavkaza (Origin of the dolmen culture of Northwestern Caucasus) // Communications*. Moscow: Scientific Methodological Council for the Protection of Cultural Monuments, Ministry of Culture of the USSR, 1974. Vol. 7. P. 175–194 (in Russian).

Резепкин 1987 – *Rezepkin A. D. K interpretatsii rospisi iz grobnicy' maykopskoy kul'tury' bliz stanicy' Novosvobodnaya (To the interpretation of the painting from the Maikop culture tomb near the village of Novosvobodnaya) // Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 1987. Vol. 192. P. 26–33 (in Russian).

Резепкин 1988 – *Rezepkin A. D. Tipologiya megaliticheskikh grobnic Zapadnogo Kavkaza (Typology of the megalithic tombs of Western Caucasus) // Voprosy' arheologii Ady'gei (Questions of archaeology of Adygeya)*. Maikop: Adygeyan Research Institute for Economy, Language, Literature and History, 1988. P. 156–163 (in Russian).

Резепкин 2012 – *Rezepkin A. D. Novosvobodnenskaya kul'tura (na osnove materialov mogil'nika «Klady'») [Novosvobodnaya culture (with special reference to the materials of the Klady cemetery)]*. St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2012. 344 p. (in Russian).

Сизов 1889 – *Sizov V. I. Vostochnoe poberej'e Chernogo morya: Arheologicheskie e'kspursii (Eastern shore of the Black Sea: Archaeological excursions) // Uvarova V. (ed.). Materials on the Archaeology of the Caucasus*. Moscow: Imperial Archaeological Society of Moscow, 1889. Vol. 2. P. 1–182 (in Russian).

Сорохтин 1915 – *Sorokhtin G. N. Dol'meny' Chernomorskoy gubernii i Kubanskoj oblasti (Dolmens of the Black Sea Province and Kuban Oblast) // Poznansky M. A. (ed.). Yubileyny'y sbornik Kry'msko-Kavkazskogo gornogo kluba (Jubilee volume of the Crimean-Caucasian Mountain Club)*. Odessa: N. Lemberg's printing-house, 1915. P. 90–104 (in Russian).

Спицын 1927 – *Spitsyn A. A. Razvedki pamyatnikov material'noy kul'tury': Posobie dlya kraevedov (Prospecting the monuments of material culture: Handbook for local lore students)*. Leningrad: Central Bureau of Local Studies, 1927. 142 p. (in Russian).

Тощев 2007 – *Toshchev G. N. Kry'm v e'pohu bronzy' (Crimea in the Bronze Age)*. Zaporozhie: Zaporozhie National University, 2007. 304 p. (in Russian).

Трифонов 1991 – *Trifonov V. A. Stepnoe Prikuban'e v e'pohu e'neolita–sredney bronzy' (Steppe Kuban in the Eneolithic–Middle Bronze period) // Masson V. M. (ed.). Drevnie kul'tury' Prikuban'ya (Ancient cultures of the Kuban region)*. Leningrad: Nauka, 1991. P. 92–166 (in Russian).

Трифонов 2009 – *Trifonov V. A. Dol'meny' v doline reki Jane (Dolmens in the Zhane river valley) // Makarov N. A. (ed.). Archaeological discoveries of 1991–2004*. European Russia. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 2009. P. 115–128 (in Russian).

Трифонов 2014 – *Trifonov V. A. Zapadny'e predely' rasprostraneniya maykopskoy kul'tury' (Western limits of the Maikop culture area) // Proceedings of the Samara Scientific Center of RAS*. Samara, 2014. Vol. 16, no. 3. P. 276–284 (in Russian).

Уварова 1891 – *Uvarova P. S. Kavkaz: Putevy'e zametki. Ch. 2: Abkhaziya, Adjariya, Shavshetiya, Poshovskiy uchastok (Caucasus: travel notes. Part 2: Abkhazia, Adzharia, Shavshetia, Poskhov precinct)*. Moscow: A. A. Levinson's Printing Company, 1891. 324 p. (in Russian).

Уварова 1904 – *Uvarova P. S. Neskol'ko dopolnitel'ny'kh svedeniy po voprosu o kavkazskikh dol'menakh (Some additional data on the Caucasian dolmens) // Uvarova V. (ed.). Materials on the Archaeology of the Caucasus*. Moscow: Imperial Archaeological Society of Moscow, 1904. Vol. 9. P. 170–175 (in Russian).

Фелицын 1904 – *Felitsyn D. E. Zapadnokavkazskie dol'meny' (West Caucasian dolmens) // Ibid*. P. 1–86 (in Russian).

Формозов 1970 – *Formozov A. A. E'picheskiy suyet v Prichernomorskom iskusstve bronzovogo veka (An epic subject in the Black Sea art of the Bronze Age) // Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 1970. Vol. 123. P. 48–50 (in Russian).

Формозов 1980 – *Formozov A. A. Pamyatniki pervoby'tnogo iskusstva na territorii SSSR (Monuments of prehistoric art on the territory of the USSR)*. Moscow: Nauka, 1980. 135 p. (in Russian).

Цвинария 1990 – *Tsvinaria I. I. Novy'e pamyatniki dol'mennykh kul'tury' Abhazii (New sites of the dolmen culture of Abkhazia)*. Tbilisi: Metsniereba, 1990. 78 p. (in Russian).

Шамотульский 1967 – *Shamotulsky A. I. Dol'meny' Chernomorskogo poberej'ya Kavkaza (Dolmens of the Caucasian Black Sea shore) // Shamotulsky A. I. (ed.). Tuapse i Tuapsinskiy rayon (Tuapse and Tuapse area)*. Krasnodar: Krasnodar book publishers, 1967. P. 159–168 (in Russian).

Anthony 2007 – *Anthony D. W.* The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze Age riders from the Eurasian steppe shaped the modern world. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2007. 553 p.

Castagné 1910 – *Castagné J.* Étude historique et comparative des statues babas des Steppes Khirghizes et de Russie en general // *Bulletins et Mémoires de la Société d'anthropologie de Paris*. 1910. VIe Série, tome 1. P. 375–407.

Chantre 1885 – *Chantre E.* Recherches Anthropologiques dans le Caucase. Paris; Lyon: C. Reinwald, H. Georg, 1885. T. 1. 93 p.

Hermet 1892 – *Hermet F.* Sculptures préhistoriques dans les deux cantons de Saint-Affrique et de Saint-Sermin (Aveyron) // *Mémoire de la Société des Lettres, Sciences et Arts de l'Aveyron*. 1892. T. 14. 22 p.

Kendrick 1928 – *Kendrick T. D.* The Bailiwick of Guernsey. The archaeology of the Channel islands. London: Methuen and Co. L. T. D., 1928. Vol. 1. 273 p.

Mellory 1989 – *Mellory J. P.* In search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth. London: Thames and Hudson Ltd, 1989. 288 p.

Rezepkin 2000 – *Rezepkin A. D.* Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2000. 76 S. (Archäologie in Eurasien. Bd. 10).

Tallgren 1934 – *Tallgren A. M.* Sur les monuments mégalithiques du Caucase occidental // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Helsinki, 1934. Vol. 9. P. 1–45.

Telegin, Mallory 1994 – *Telegin D. Y., Mallory J. P.* The Anthropomorphic Stelae of the Ukraine: The Early Iconography of the Indo-Europeans. Washington D. C.: Institute for the Study of Man, 1994. 129 p. (Journal of Indo-European Studies Monograph. No 11).

Trifonov 2013 – *Trifonov V.* What distinguishes Caucasian megaliths from European ones? // S. Bergerbrant, S. Sabatini (eds.). Counterpoint: Essays in Archaeology and Heritage Studies in Honour of Professor Kristian Kristiansen. Oxford: Archaeopress, 2013. P. 321–328 (BAR. IS. No. 2508).

Trifonov et al. 2013 – *Trifonov V. A., Zaitseva G. I., van der Plicht J., Kraineva A. A., Sementsov A. A., Kazarnitsky A. A., Burova N. D., Rishko S. A.* Shepsi, the oldest dolmen with the port-hole slab in the Western Caucasus // *Radiocarbon*. 2013. Vol. 56, no. 2. P. 743–752.

Zaitseva et al. 2013 – *Zaitseva G. I., Trifonov V., Dergachev V. A.* Neolithic and Bronze Age cultures in the Western Caucasus and changes in Black sea level // *From the Caspian to Mediterranean: Environmental Change and Human Response during the Quaternary: Proceedings of International Geoscience programme IGCP 610 (2013–2017)* (Tbilisi, Georgia, 12–19 October 2013). Tbilisi: Institute of Earth Sciences of the Georgia Ilia State University, 2013. P. 177–179.

DZHUGBA DOLMEN ON THE CAUCASIAN BLACK SEA SHORE

V. A. Trifonov

The paper presents the main results of archaeological investigations of a unique dolmen with petroglyphs located in the modern settlement of Dzhubga (Tuapse district of the Krasnodar region (fig. 1). The works were started by IHMC RAS in 2006. The dolmen was named after its location (Dzhubga). As it has been established, the dolmen represents a megalithic burial chamber surrounded with an earthen bank and stone cairn with retaining wall. Its front is adjoined by a circular yard surrounded with a stone wall (fig. 2, 3). Charcoal samples from the layer of building waste were radiocarbon-dated to the second half of the III millennium BC (table). Thus, Dzhubga is the oldest example of building with the use of regular ashlar masonry, known in the western Caucasus and adjacent Black Sea areas. An architectural analogy to Dzhubga is the dolmen in the village of Otkhara (Abkhazia), situated 200 km away from it. The architectural details and building techniques, characteristic of these dolmens, are known throughout the whole distribution area of dolmens in Western Caucasus. This points to the local origins of this style, which appears to have been forming in the course of a long development of the West Caucasian megalithic tradition since the

end of the IV millennium BC. The anthropomorphic and zoomorphic petroglyphs on the walls of Dzhugba (fig. 3, 4) show a compositional and stylistic similarity to images on the stelae from Mountain Crimea and on the bronze hook from the dolmen near Novosvobodnaya (fig. 5). This implies that the stelae with images of «twins» were created and used in the second half of the IV–first half of the III millennium BC. During that period the Mountain Crimea and Western Caucasus were probably parts of the same cultural province. The anthropomorphic stelae of the western Mediterranean area, and those of Southern France in particular, did not belong to this cultural circle, and the assumption that the depiction on the stele from Les Maurels represents «twins» is erroneous.

**СТРАТИГРАФИЯ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ
ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА–БРОНЗЫ АК-ДЕПЕ
В АШХАБАДЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК А. А. МАРУЩЕНКО
И НАБЛЮДЕНИЙ И РАЗРАБОТОК А. А. ЛЯПИНА)**

Л. Б. КИРЧО

Ключевые слова: *Южный Туркменистан, Ак-депе в Ашхабаде, ранний, средний и поздний энеолит, ранняя и средняя бронза.*

Keywords: *South Turkmenistan, Ak-depe in Ashgabat, Early, Middle and Late Eneolithic, Early and Middle Bronze Age.*

Ак-депе под Ашхабадом¹ – один из ключевых памятников эпохи энеолита и бронзы Южного Туркменистана. Целый ряд особенностей строительных остатков Ак-депе и комплекса находок уникальны. Это единственное многослойное поселение, где в материалах III тыс. до н. э. широко представлена как сероглиняная, так и расписная керамика.

Наряду с другими памятниками в районе Ашхабада (холмы Анау, Старая и Новая Ниса и др.) Ак-депе одним из первых привлек внимание исследователей, что было обусловлено близостью поселения к современному крупному административному центру. Остатки поселения представляли собой оплывший холм площадью около 1,5 га, имевший трехчастную структуру. Плоская платформа окружает внутренний холм (площадью менее 0,5 га). Этот холм в нижней части имел сравнительно пологие склоны (рис. 1). В верхней части холма склоны очень крутые.

Первое обследование Ак-депе проведено в 1926 г.² В 1927 г. под руководством сотрудника Ашхабадского музея В. Д. Городецкого были проведены первые раскопки: небольшой раскоп на вершине холма и два шурфа на северо-западном склоне. С 1930 г. исследования поселения вел А. А. Марущенко. В 1930–1931 гг. он раскопал наиболее поздние строения 1-го (верхнего) строительного горизонта (Ляпин 2006: рис. 2) и заложил ряд небольших шурфов по линии З–В к западу от раскопа (шурфы А, В, С, D, E) (рис. 1). В 1955 г. им проводилось исследование стратиграфии Ак-депе. На северо-восточном, южном и западном краях платформы были заложены траншеи шириной 1 м и глубиной до 1,4 м в сочетании с шурфами. Отдельный шурф был устроен на восточном краю платформы. Кроме того, были расчищены и углублены шурфы С, D, E 1930 г., а также проведены работы на северо-западном раскопе. В 1955–1957 гг. А. А. Марущенко вел стратиграфические исследования на месте нижнего шурфа В. Д. Городецкого и на юго-восточном раскопе. Одновременно в 1955–1957 гг. был изучен 2-й сверху строительный горизонт Ак-депе (Ляпин 2006: рис. 9).

¹ В настоящее время Ак-депе находится в городской черте современного г. Ашхабада.

² Подробную историю изучения Ак-депе в XX в. см. Ляпин 2006: 267–283.

В апреле 1957 г. инженером-землеустроителем Г. Голубченко был снят топографический план Ак-депе (рис. 1). На основании этого плана и записей в полевых дневниках А. А. Марушенко А. А. Ляпиным составлена сводная схема разрезов стратиграфических раскопов Ак-депе (рис. 2).

В результате стратиграфических исследований 1955 г. было выяснено, что плоская платформа толщиной около 3 м вокруг внутреннего холма образована строительными остатками и нивелировочными засыпками позднеантичного и сельджукидского времени. Выявлены также многочисленные ямы, колодцы и другие нарушения культурного слоя как платформы, так и склонов внутреннего холма древнего поселения в разные периоды средневековья.

Самые ранние культурные слои Ак-депе с керамикой типа Анау Ib (Намазга I)³ были исследованы в восточном шурфе, шурфе С и раскопе на месте шурфа Городецкого. В восточном шурфе (2 × 2 м, глубиной около 6 м), достигшем материка, мощность этих ранних слоев составила около 3 м. В шурфе С (2 × 2 м, затем 2 × 1 м, глубиной 4 м и до материка не доведенном) толщина слоев времени Анау Ib составила около 1,25 м. Слои периода раннего энеолита перекрыты в восточном шурфе позднеантичными слоями, а в шурфе С – сырцовая кладка из квадратного кирпича, вероятно, того же времени. Слои периода раннего энеолита были достигнуты также в самой нижней части раскопа на месте шурфа Городецкого. Здесь на площади 1 × 1,6 м выявлена сплошная сырцовая кладка толщиной около 95 см, под которой на глубине около 4,6 м находился слой с керамикой периода раннего энеолита (Ляпин 2006: рис. 4).

Наиболее полные данные о стратиграфии поселения эпохи среднего энеолита–ранней бронзы получены в раскопе на месте шурфа Городецкого и в северо-западном и северо-восточном раскопах.

В раскопе площадью более 10 м² на месте шурфа Городецкого исследовано пять строительных горизонтов времени Анау II (Намазга II) общей мощностью около 3,6 м. Эти культурные слои перекрыты намывом и разновременными строительными остатками толщиной около 1 м (Там же: рис. 3; 4).

Нижний строительный горизонт составляла упомянутая выше сырцовая кладка толщиной 95 см. Кладка перекрыта полом, вымощенным галькой. На 1,05 м выше этого пола выявлен пол с углистой прослойкой. На этом полу найден фрагмент керамики с полихромной росписью типа Намазга II. Еще на 0,7 м выше вскрыт пол, на котором лежали сгоревшие жерди, перекрытые слоем прокаленной земли. Наконец, в верхнем горизонте времени Намазга II исследованы остатки сгоревшего здания. Здесь найдены краснолощенные сосуды с обгоревшим зерном, а также чернолощенная керамика.

Северо-западный раскоп имел глубину 3,9 м. Сверху его размеры 1,95 × 2,35 м, затем его площадь была уменьшена. В раскопе, под намывом толщиной 0,9 м, исследовано три (судя по схематическому разрезу и описанию, скорее четыре) строительных горизонта (Ляпин 2006: рис. 5 – схематическая зарисовка А. А. Марушенко). Строительные горизонты выделены по прослойкам полов.

³ Здесь и далее в круглых скобках нами приводятся наименования периодов развития комплексов эпохи энеолита–бронзы Южного Туркменистана по системе относительной периодизации Б. А. Куфтина, основанной на стратиграфии Намазга-депе.

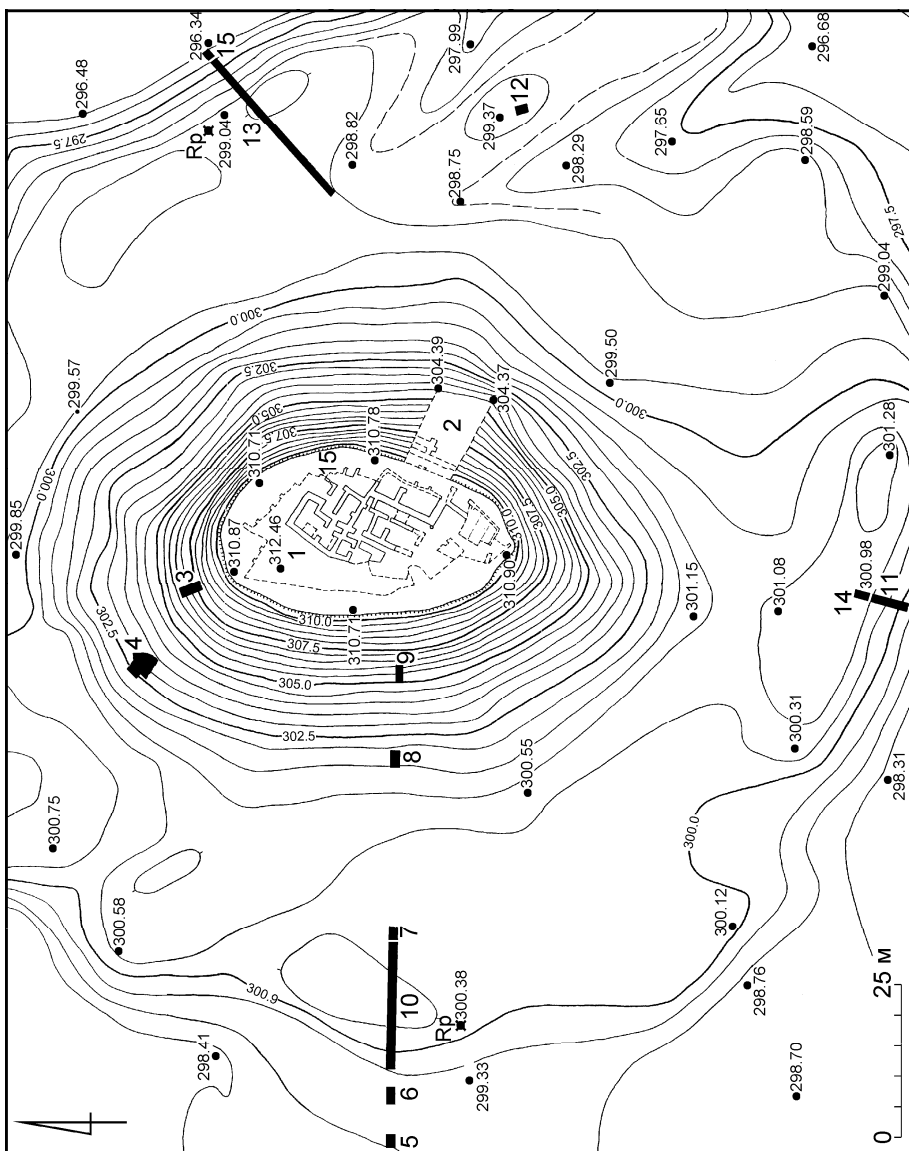

Рис. 1. План Ак-депе (съёмка 1957 г.): 1 – верхний раскоп; 2 – юго-восточный раскоп; 3 – северо-западный раскоп; 4 – шурф Городецкого; 5 – шурф А; 6 – шурф В; 7 – шурф С; 8 – шурф D; 9 – шурф Е; 10–15 – траншеи и шурфы 1955 г. (10 – западная траншея; 11 – южная траншея; 12 – восточный шурф; 13 – северо-восточная траншея; 14 – южный шурф; 15 – северо-восточный шурф)

Fig. 1. Ak-depe, plan of the settlement (survey of 1957): 1 – upper excavation area; 2 – south-eastern excavation area; 3 – north-western excavation area; 4 – Gorodetsky's test pit; 5 – test pit A; 6 – test pit B; 7 – test pit C; 8 – test pit D; 9 – test pit E; 10–15 – 1955 trenches and test pits (10 – western trench; 11 – southern trench; 12 – eastern test pit; 13 – north-eastern trench; 14 – southern test pit; 15 – north-eastern test pit)

Три пола толщиной 11, 20 и 15 см выявлены на глубине –1,5 м, –2,8 м и –3,38 м. В культурном слое среднего горизонта прослежены как будто еще два уровня полов на глубине 1,9 и 2,42 м. Пол нижнего горизонта выстлан плитками алебастра, на нем лежит слой угля толщиной в 15 см. В заполнении этого горизонта найдена расписная керамика с изображением пятнистых животных («пантеры»). Под полом нижнего горизонта на площади $0,7 \times 0,9$ м обнаружен насыщенный углем культурный слой (пройден на глубину 0,38 м) с красноангобириванной и сероглиняной лошенной керамикой периода среднего энеолита (Намазга II) (Там же: 273). Вышележащие строительные остатки отнесены А. А. Марушенко в 1955 г. к комплексу Ак-депе III (АТ III) «с керамикой типа верхнего горизонта <...> Кара-тепе у станции Артык Ашхабадской ж. д. Мощность слоя, образованного развалинами трех последовательно сменявших друг друга зданий, равна двум с половиной метрам» (Марушенко 1955: л. 2). Таким образом, комплекс Ак-депе III соответствует комплексу периода позднего энеолита (времени Намазга III).

Юго-восточный стратиграфический раскоп первоначально имел глубину 4,85 и ширину 2,79 м. Здесь в 1955 г. исследованы остатки пяти строительных горизонтов. Они выделены по прослойкам полов толщиной до 20 см (комнаты 5–1). В заполнении нижнего строительного горизонта (комната 5) найдено много краснолощеной керамики. Встречены также обломки сероглиняных и расписных сосудов времени Анау II (Намазга II). В заполнении двух вышележащих горизонтов (комнаты 4 и 3) представлены светло- и красноангобириванная расписная керамика времени Намазга III и фрагменты сероглиняного сосуда-цедилки. Во 2-м сверху горизонте (комната 2) найдена сероглиняная керамика и светлоангобириванная расписная с растительной примесью в тесте. В 1-м горизонте (комната 1) представлена только серая керамика с процарапанным орнаментом. В 1956 г. над горизонтом 1 был обнаружен еще один горизонт (комната «0») без находок. В заполнении всех горизонтов юго-восточного раскопа были встречены также фрагменты керамики эпохи Саманидов (Ляпин 2006: 274–275), что свидетельствует о поздних нарушениях культурного слоя даже на крутых склонах внутреннего холма древнего поселения.

В 1956–1957 гг. над юго-восточным раскопом были проведены дополнительные стратиграфические исследования (1-я и 2-я врезки, высота 1-й врезки составила 2,4 м), где выделено еще четыре горизонта. Одновременно были полностью исследованы строения 2-го сверху горизонта поселения и частично намечены строения 3-го и 4-го сверху горизонтов. В результате была получена стратиграфическая колонка, которую А. А. Марушенко разделил на пять последовательных хронологических комплексов. Самый нижний горизонт юго-восточного раскопа (5-я комната) отнесен к периоду Анау IIc (период позднего Намазга II). Причем было отмечено, что стены этой комнаты имеют иное направление, чем стены вышележащих помещений. Два вышележащих горизонта (комнаты 4 и 3) датированы кара-депинским временем (периодом Намазга III). Следующие четыре горизонта (комнаты 2, 1, 0 и еще одна вышележащая) определены как ранний период ак-депинского комплекса (раннее Намазга IV), а вышележащие культурные слои полностью отнесены к собственно ак-депинскому времени – периоду ранней бронзы (Намазга IV).

С 1967 г. Ак-депе неоднократно обследовал инженер-гидротехник А. А. Ляпин. Энтузиаст археологии, он активно участвовал во многих археологических

экспедициях 1970–1980-х гг. А. А. Ляпин, опираясь на данные полевых дневников А. А. Марущенко и собственные наблюдения, составил сводную схему стратиграфии юго-восточного раскопа и вышележащих строительных остатков (рис. 3, I). Он выделил 13 строительных горизонтов общей мощностью более 9 м.⁴ Собранная им во время обследований Ак-депе, частично стратифицированная коллекция материалов была нами опубликована (Кирчо 1999: 53–118).

К началу XXI в. Ак-депе, находившееся уже фактически на территории г. Ашхабада, было сильно разрушено и встал вопрос о его полном сносе. В 2006–2010 гг. экспедиция Института археологии и этнографии Туркменистана под руководством О. Гундогдыева провела спасательные археологические раскопки Ак-депе (Гундогдыев и др. 2006; Гундогдыев, Ходжаниязов 2007), результаты которых еще раз показали исключительную важность этого поселения для изучения древней истории Туркменистана (Гундогдыев и др. 2010), а сам памятник был взят под государственную охрану.

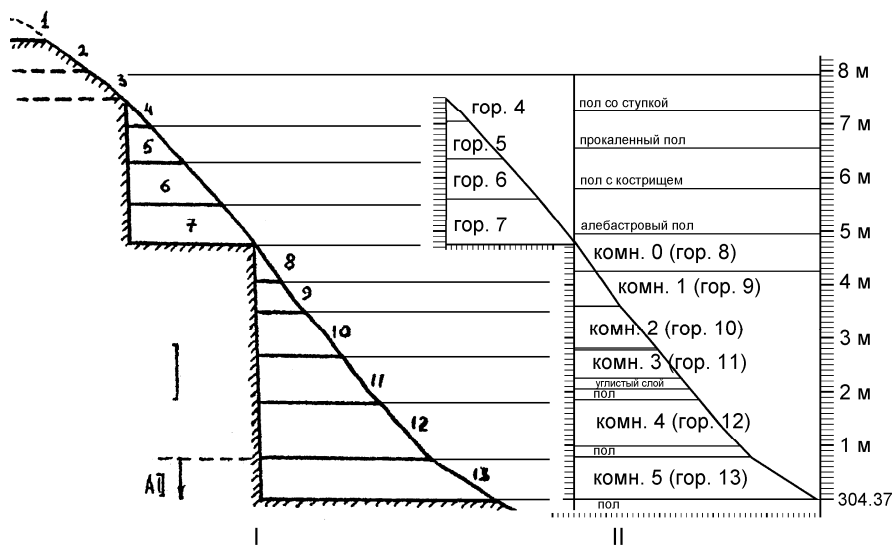

Рис. 3. Ак-депе, юго-восточный раскоп и так называемая I-я врезка, схема стратиграфии. I (по Ляпин 2006: рис. 8): 1 – первое здание; 2 – второе здание; 3 – комната над юго-восточным раскопом; 4 – пол со ступкой; 5 – прокаленный пол; 6 – пол с кострищем; 7 – алебастровый пол; 8 – нулевая комната; 9 – комната 1; 10 – комната 2; 11 – комната 3; 12 – комната 4; 13 – комната 5 II – та же схема (выполнена Л. Б. Кирчо) по приводимым А. А. Ляпиным описаниям А. А. Марущенко и с высотной отметкой раскопа по плану 1957 г.

Fig. 3. Ak-depe, south-eastern excavation area and so called cutting-in 1, stratigraphic scheme. I (after Ляпин 2006: fig. 8): 1 – first building; 2 – second building; 3 – room over the south-eastern excavation area; 4 – floor with a mortar; 5 – heat-treated floor; 6 – floor with a fire-pit; 7 – alabaster floor; 8 – zero room; 9 – room 1; 10 – room 2; 11 – room 3; 12 – room 4; 13 – room 5 II – same scheme made by L. B. Kircho on the basis of A. A. Marushchenko's descriptions cited by A. A. Lyapin, and with 1957 elevation mark

⁴ Неопубликованные материалы раскопок А. А. Марущенко были разобраны и систематизированы А. А. Ляпиным (Ляпин 2006). Его расшифровка полевых дневников, написанных карандашом, на плохой бумаге мельчайшим, почти нечитаемым почерком, – это безусловно научный подвиг.

В целом стратиграфия и относительная периодизация Ак-депе эпохи энеолита и бронзы по данным А. А. Марущенко, разработкам А. А. Ляпина и раскопкам 2006–2010 гг. выглядит следующим образом.

1. Общая мощность культурных напластований от материка до реконструируемой вершины внутреннего холма – около 20 м (рис. 2). Наиболее ранний стратиграфически выделенный комплекс Ак-депе I периода позднего Намазга I (конец V–первая треть IV тыс. до н. э.) на периферии поселения имеет толщину до 3–3,5 м. В шурфе 2007 г. были обнаружены пол и стена (Гундогдыев, Ходжаниязов 2007: 128, 130), во всех остальных шурфах представлены лишь мусорные слои на краю бывшего поселка. При этом верхняя часть напластований этого раннего культурного комплекса, скорее всего, была разрушена в позднеантичное время.

В то же время в коллекции керамики Ак-депе представлена и типичная керамика культуры Анау Ia первой половины V тыс. до н. э. (Кирчо 1999: 59, рис. 2, 2, 5, 7). Однако данных о культурных слоях этого времени на Ак-депе нет. Возможно, центральная часть поселения и содержит соответствующие слои.

2. Слои периода среднего энеолита времени Ак-депе II (или Намазга II) непосредственно перекрывают ранний комплекс Ак-депе. Наибольшая их мощность составляет около 3,6 м (5 строительных горизонтов). Разница в абсолютных отметках верхней части этих слоев в шурфе Городецкого и на юго-восточном раскопе составляет около 1,5 м. Это расхождение могло быть обусловлено естественным рельефом древнего холма-тепе. Однако, как и в предыдущем случае, верхняя часть культурных слоев этого комплекса на периферии памятника могла быть частично разрушена в позднеантичное время. Можно предполагать, что общая толщина культурного слоя Ак-депе II, как и на других памятниках Южного Туркменистана середины–второй половины IV тыс. до н. э., составляет около 4,5 м (6 или 7 строительных горизонтов). Обращают на себя внимание и следы пожаров в верхних слоях времени Намазга II (шурф Городецкого, северо-западный раскоп). Возможно, древнее поселение в конце IV тыс. до н. э. было разрушено. Во всяком случае культурных слоев, содержащих керамику конца IV–самого начала III тыс. до н. э., на Ак-депе не обнаружено. На других памятниках Южного Туркменистана этого времени (периода раннего–начала среднего Намазга III) представлен комплекс керамики типа Кара 1Б–раннего Кара 1А (Кара-депе), а также геоксюрский и позднегеоксюрский комплексы (верхний горизонт Геоксюра 1 и верхний горизонт Чонг-депе, 13–12-й горизонты Алтын-депе).

Характерная черта культурного комплекса Ак-депе II – абсолютное преобладание краснолощеной керамики (рис. 4, 7; Кирчо 1999: 60–62, рис. 3) и почти полное отсутствие расписных сосудов говорит о локальном своеобразии культуры памятника, возможно сохранявшего эти черты и в начале периода позднего энеолита.

3. На северо-западном и юго-восточном раскопах слои комплекса Ак-депе II непосредственно перекрыты остатками двух-трех (или четырех на северо-западном раскопе А. А. Марущенко) строительных горизонтов с материалами времени позднего Намазга III – комплекс Ак-депе III. Мощность слоев этого комплекса (горизонты 12–11 юго-восточного раскопа и горизонты АТ III₁–АТ III₃ северо-западного раскопа) составляет около 2–2,5 м. В керамике начинают

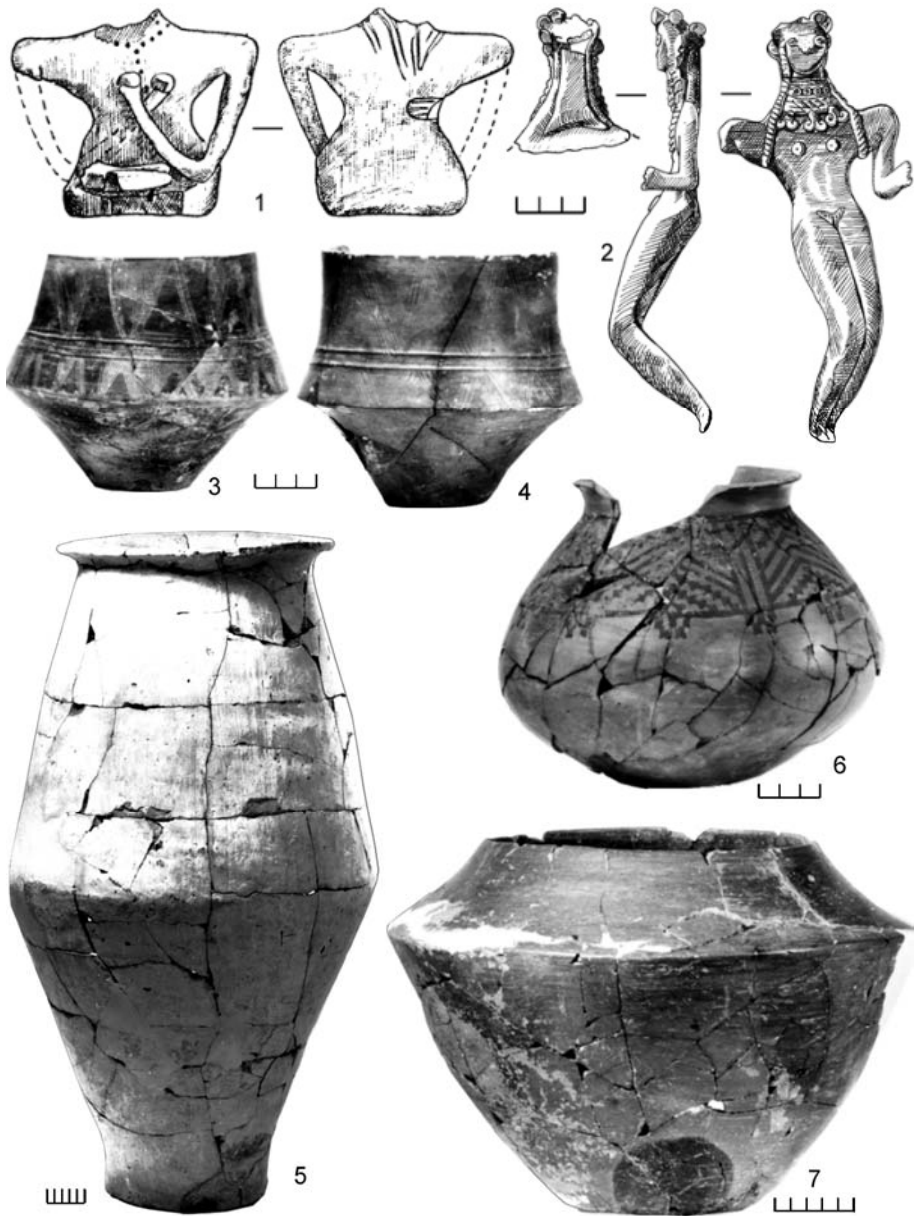

Рис. 4. Ак-депе и Гоч-депе (2), находки: 1, 2 – терракотовые женские статуэтки; 3–5 – сосуды периода ранней бронзы; 6 – расписной сосуд периода позднего энеолита; 7 – краснолощенный сосуд периода среднего энеолита (1, 3–7 – сборы А. А. Ляпина [1 – по Ляпин 1979]; 2 – по Юсупов и др. 1976)
 Fig. 4. Ak-depe and Goch-depe (2), finds: 1, 2 – terracotta women statuettes; 3–5 – Early Bronze Age vessels; 6 – painted vessel, Late Eneolithic; 7 – red-polished vessel, Middle Eneolithic (1, 3–7 – A. A. Lyarin's collections [1 – after Ляпин 1979]; 2 – after Юсупов et al. 1976)

преобладать сероглиняные сосуды. Расписная и нерасписная светло- и красно-ангобированная (рис. 4, б) посуда этого времени на Ак-депе изготовлена в основном из теста с минеральными примесями (Кирчо 1999: 66–71, рис. 5–6).⁵ Обжиг таких сосудов осуществляли при интенсивном доступе кислорода, так как черепки на изломе имеют ярко-розовый цвет. Эти особенности технологии нехарактерны для посуды кара-депинского и геоксюрского типов времени Намазга III. На других поселениях Южного Туркменистана расписную посуду в период позднего энеолита изготавливали в основном из теста либо с большим количеством мелких органических примесей (Кара-депе, Намазга-депе и др.), либо с мельчайшими минеральными примесями, часто визуально не фиксирующимися (Геоксюр I, Алтын-депе и др.). Обжиг во всех случаях был нейтральным, черепки на изломе имеют зеленоватый, желтоватый или даже сероватый цвет. Таким образом комплекс расписной керамики Ак-депе первой четверти III тыс. до н. э., синхронный по времени комплексу позднего Намазга III, выделяется в особый вариант.

4. Строительные остатки и материалы 10–1-го горизонтов Ак-депе (юго-восточный раскоп, 1-я врезка и строения верхних трех горизонтов) А. А. Марущенко относил к комплексу Ак-депе IV, синхронизируя его с комплексом периода ранней бронзы Намазга IV (около 2800/2700–2350 гг. до н. э.). Синхронизация была проведена по материалам расписной керамики. При этом он выделял ранний этап существования комплекса (три или четыре горизонта) – «раннее актепе». Для этого раннего этапа, по мнению А. А. Марущенко, были характерны сравнительно большое количество расписной посуды, а также сероглиняная керамика, орнаментированная резным волнистым орнаментом (Марущенко 1955: л. 2). На позднем этапе развития комплекса Ак-депе IV сероглиняная посуда полностью преобладала.

Общая мощность культурных слоев комплекса Ак-депе IV, по данным А. А. Марущенко, превышала 7 м (Там же). К сожалению, имеющиеся цифровые данные достаточно противоречивы. Так, суммарная высота юго-восточного раскопа и 1-й врезки составляет 7,25 м (4,75 + 2,4 м – см. выше), однако если суммировать данные о мощности отдельных горизонтов, приводимые А. А. Ляпиным по записям А. А. Марущенко, то толщина горизонтов 13–4 составляет почти 8 м (рис. 3, II). В то же время, судя по топографическому плану (рис. 1), около 8,1 м составляет вся мощность культурных слоев от основания юго-восточного раскопа до уровня основания строений второго полностью раскопанного горизонта (отметка –304,37 у основания юго-восточного раскопа и отметка –312,46 на уровне основания второго здания в северной части верхнего раскопа). Из них не менее 2,8 м напластований приходится на три горизонта времени позднего Намазга III и Намазга II (горизонты 11–13 по А. А. Ляпину). Таким образом, на культурные слои восьми строительных горизонтов (горизонты 10–3) приходится около 5,3 м. Мощность же двух верхних, полностью исследованных горизонтов 2 и 1 (вместе с платформой под зданием горизонта 1) составляла не менее 2–2,5 м.

⁵ Мнение А. А. Ляпина об отсутствии культурных слоев периода позднего энеолита на Ак-депе (Ляпин 2006: 285, 288) противоречит как материалам А. А. Марущенко (Сарианиди 1976: рис. 5) и его собственным сборам, так и материалам раскопок 2006–2010 гг. (Гундогдыев и др. 2010: рис. на с. 22 – слева вверху, 23, 27, 47 – слева внизу).

Максимальная толщина слоев периода ранней бронзы по данным Алтын-депе, Намазга-депе и Хапуз-депе составляет 4–5 м. Эти напластования образованы остатками строений 5–6-ти горизонтов. Поэтому стратиграфические данные о мощности напластований периода ранней бронзы на Ак-депе, безусловно, вызывают удивление. Теоретически, учитывая особенности расположения этого поселения времени Намазга IV (маленькое поселение, находившееся на довольно высоком холме), а также наличие толстых (подпорных?) стен и многочисленных контрфорсов, можно предполагать относительно большую толщину каждого строительного горизонта. Этим можно объяснить общую толщину напластований комплекса Ак-депе IV. Однако количество самих строительных горизонтов (10), относимых к периоду ранней бронзы, представляется немислимым.

Определенные сомнения вызывает и планировка строений верхнего горизонта, архитектурные особенности основного комплекса которого не находят никаких параллелей в материалах поселений Южного Туркменистана эпохи бронзы. Еще большее удивление вызывает информация о том, что здание горизонта I построено на платформе из квадратного (sic!) кирпича размерами $25 \times 25 \times 10$ см (Ляпин 2006: 268), абсолютно неизвестного на этой территории до античного времени. Единственная постройка, датированная концом III тыс. до н. э., – зиккурат из квадратного кирпича (но совершенно иных размеров – $35 \times 35 \times 15$ см) исследована в 2001 г. на южном холме Сиалка (Shahrmirzadi 2006: 12, 17, 18, fig. 12, drawing 5).

5. В 1950–1960-е гг. сероглиняная керамика, наряду с расписной, рассматривалась как характерная черта археологического комплекса Южного Туркменистана типа Намазга IV (рис. 4, 3, 4; 5, 1–3; Массон 1966: 160–161, рис. 36). Однако дальнейшие исследования на Алтын-депе показали, что сероглиняные сосуды представлены в небольшом количестве и в материалах времени Намазга V периода средней бронзы. Кроме того, А. А. Ляпин нашел на Ак-депе типичную керамику и пряслице типа Намазга V (Кирчо 1999: рис. 20), а в горизонте 6 – женскую статуэтку (рис. 4, 1), которая имеет определенные аналогии в материалах Намазга-депе времени позднего Намазга IV (Массон, Сарияниди 1973: 174, 176, № 188, 206, табл. XXVI, 2; XXVII, 10). В коллекции из раскопок А. А. Марущенко представлен великолепный сероглиняный сосуд на ножке (рис. 5, 4), по форме и конструкции слива идентичный таким же сосудам-«вазам» Алтын-депе и Намазга-депе периода средней бронзы (рис. 5, 5–6). Все это свидетельствует о наличии на Ак-депе культурного слоя времени Намазга V, а наиболее поздний комплекс Ак-депе эпохи бронзы (горизонт 1?) может относиться к последним векам III тыс. до н. э. К сожалению, основная масса опубликованных материалов из раскопок Ак-депе (Каталог... 1935: 89–98; Сарияниди 1976: рис. 2–15) не имеет стратиграфической привязки. Остается надеяться, что какую-то ясность в стратиграфическую принадлежность материалов Ак-депе, в первую очередь керамики, внесет будущая разборка коллекции, хранящейся в Институте истории АН Туркменистана.

6. И последнее. Культурный комплекс Ак-тепе эпохи позднего энеолита–бронзы (Ак-депе III–IV) очень сильно отличается от комплексов времени Намазга III–V центрального района равнины Копетдага и Юго-Восточного Туркменистана. На Ак-депе сероглиняная керамика с рельефным и углубленным

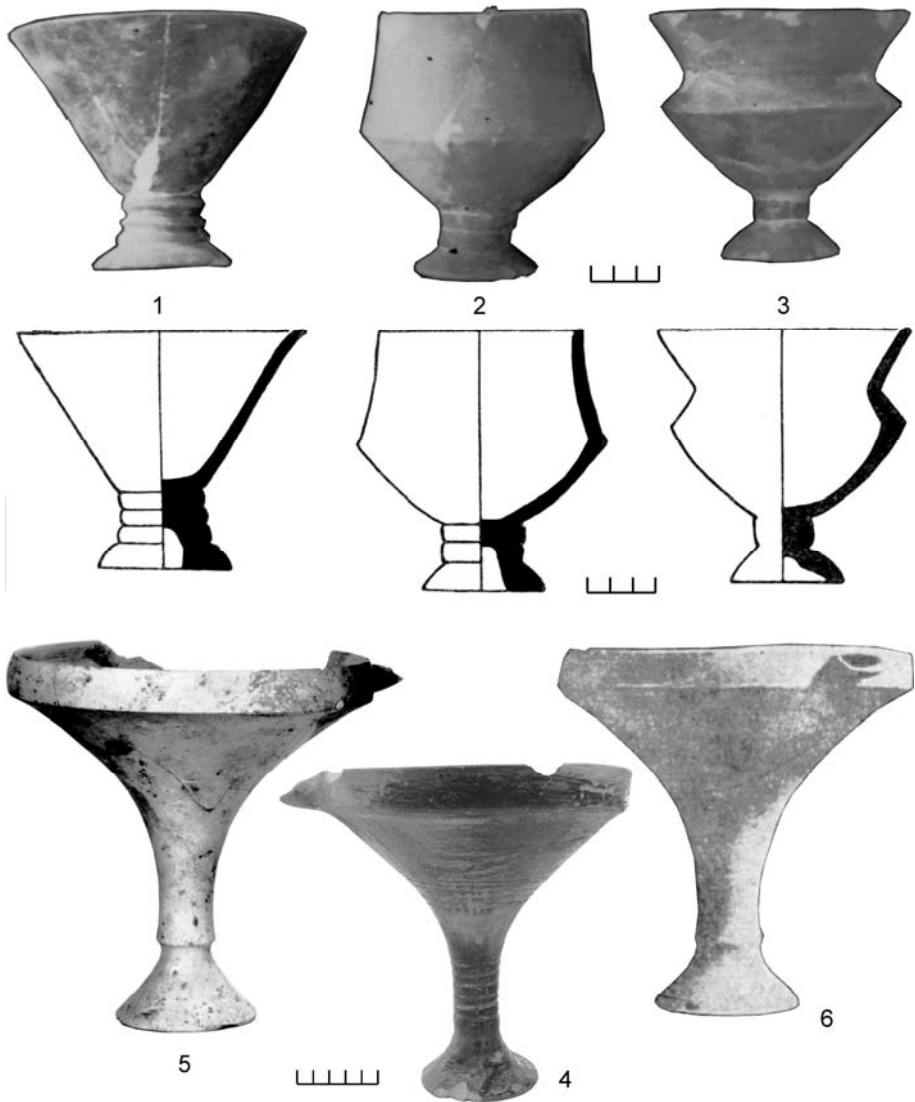

Рис. 5. Сосуды на ножках («вазы») периода ранней (1–3) и средней (4–6) бронзы: 1–4 – Ак-депе (1–3 – фото Б. А. Куфтина, 1952 г. и прорисовка по Массон 1966; 4 – коллекция А. А. Марущенко, Институт истории АН Туркменистана); 5 – Алтын-депе, погр. 1 (по Массон 1967); 6 – Намазга-депе (по Массон 1956)

Fig. 5. Vessels on legs («vases»), Early (1–3) and Middle (4–6) Bronze Age: 1–4 – Ak-depe (1–3 – photographs by B. A. Kufтин, 1952, and drawing after Maccson 1966; 4 – A. A. Marushchenko's collection, Institute of History of the Academy of Sciences of Turkmenistan); 5 – Altyn-depe, burial 1 (after Maccson 1967); 6 – Namazga-depe (after Maccson 1956)

орнаментом преобладает над расписной, причем изготовление и обжиг посуды велись по иным, чем на других поселениях, технологиям, а нерасписная тарная посуда весьма своеобразна по своим формам (рис. 4, 5). Антропоморфные статуэтки и терракотовые штампы представлены особыми типами (Сарианиди 1976: рис. 15, 1, 9). Некоторые категории предметов – антропоморфные ковши-черпаки, котлы на трех плоских ножках (Кирчо 1999: рис. 21, 8–12) – вообще нигде в Южном Туркменистане, кроме Ак-депе, неизвестны. Локальной особенностью является и широкое использование алебаstra в отделке зданий. Все это позволяет считать, что культурный комплекс Ак-депе III тыс. до н. э., как и материалы могильников эпохи энеолита и бронзы в долине Сумбара (Хлопин 1997; 2002) и ряда других памятников Юго-Западного Туркменистана (например, Гоч-депе – рис. 4, 2), относятся к культурной области Юго-Восточного Прикаспия, еще в середине XX в. названной областью астрабадского бронзового века. Граница между двумя культурными областями – Юго-Восточным Прикаспием и Северо-Восточным Хорасаном (в которую входит и северная подгорная полоса Копетдага) проходила, вероятно, в районе ашхабадского оазиса, а Ак-депе и Южный холм Анау представляли собой поселения контактной зоны. Культурная близость Ак-депе и Анау неоднократно отмечалась А. А. Марущенко, и в своих работах (Марущенко 1956) он придерживался системы анауской, а не намазгинской относительной периодизации.

Литература и источники

Гундогдыев и др. 2006 – *Гундогдыев О., Ходжаниязов Т., Курбанов А.* Предварительный отчет о археологических работах на памятнике Акдепе в Чандыбильском этрапе города Ашхабада (17.04.2006–15.06.2006 г.) // *Мирас*. Ашхабад, 2006. № 3. С. 116–118.

Гундогдыев и др. 2010 – *Гундогдыев О. А., Ходжаниязов Т., Гурбанов А. Д.* Акдепе – древний археологический памятник Туркменистана. Ашхабад: Ылым, 2010. 72 с.

Гундогдыев, Ходжаниязов 2007 – *Гундогдыев О., Ходжаниязов Т.* Полевой отчет о проведенных археологических работах на памятнике Акдепе в Чандыбильском этрапе города Ашхабада (2.04.2007–15.06.2007 г.) // *Мирас*. Ашхабад, 2007. № 3. С. 122–131.

Каталог... 1935 – Каталог международной выставки памятников иранского искусства и археологии. Государственный Эрмитаж. Л.: Объединенное научно-техническое издательство им. Евг. Соколовой, 1935. Вып. 1. 616 с.

Кирчо 1999 – *Кирчо Л. Б.* К изучению позднего энеолита Южного Туркменистана (основы классификации расписной керамики и неопубликованные материалы поселения Ак-депе). СПб.: ИИМК РАН, 1999. 120 с.

Ляпин 1979 – *Ляпин А.* Интересная статуэтка // *Памятники Туркменистана*. Ашхабад, 1979. № 1. С. 14–15.

Ляпин 2006 – *Ляпин А. А.* Раскопки А. А. Марущенко на Ак-Тепе // *Проблемы истории, филологии, культуры*. М.; Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, 2006. Т. 16/1. С. 267–292.

Марущенко 1955 – *Марущенко А. А.* Ак-Тепе [Краткий отчет о раскопках 1955 г.] // *Архив ИИАЭ АН Туркменской ССР*. 3 л.

Марущенко 1956 – *Марущенко А. А.* Итоги полевых археологических работ 1953 г. Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР // Кулиев О. К. (ред.). *Тр. ИИАЭ АН Туркменской ССР*. Ашхабад: Изд-во АН Туркмен. ССР, 1956. Т. 2. С. 5–10.

Массон 1956 – *Массон В. М.* Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина // *Массон М. Е.* (ред.). *Тр. ЮТАКЭ*. Ашхабад: Изд-во АН Туркмен. ССР, 1956. Т. 7. С. 291–372.

Массон 1966 – *Массон В. М.* Расцвет и упадок земледельцев юго-запада // *Массон В. М.* (отв. ред.). *Средняя Азия в эпоху камня и бронзы*. М.; Л.: Наука, 1966. С. 151–178.

Массон 1967 – *Массон В. М.* Протогородская цивилизация юга Средней Азии // *СА*. 1967. № 3. С. 165–190.

Массон, Сарияниди 1973 – *Массон В. М., Сарияниди В. И.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы: Опыт классификации и интерпретации. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1973. 209 с., 44 табл. ил.

Сарияниди 1976 – *Сарияниди В. И.* Материальная культура Южного Туркменистана в период ранней бронзы // Массон В. М., Атагарриев Е. (ред.). Первобытный Туркменистан. Ашхабад: Ылым, 1976. С. 82–111.

Хлопин 1997 – *Хлопин И. Н.* Энеолит Юго-Западного Туркменистана. СПб.: Европейский Дом, 1997. 302 с. (Тр. ЮТАКЭ. Т. 20).

Хлопин 2002 – *Хлопин И. Н.* Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 336 с. (Тр. ЮТАКЭ. Т. 21).

Юсупов и др. 1976 – *Юсупов Х., Губаев А., Дурдыев М.* Второй сезон работ на Гоч-депе // АО 1975 года. М., 1976. С. 557–559.

Shahmirzadi 2006 – *Shahmirzadi S. M.* Sialk. The oldest fortified village of Iran: Sialk Reconsideration Project Final Report. Tehran: Iranian Center for Archaeological Research, 2006. 162 p. (in English, Persian).

Literature and archive sources

Гундогдыев и др. 2006 – *Gundogdyev O., Khodzhanizov T., Gurbanov A.* Predvaritel'ny'y otchet o arheologicheskikh rabotah na pamyatnike Akdepe v CHandy'bil'skom e'trape goroda Ashhabada (17.04.2006–15.06.2006 g.) [*Preliminary report of archaeological investigations at Akdepe in the Chandybil Etrab of Ashgabat (17.04.2006–15.06.2006)*] // Miras. Ashgabat, 2006. No. 3. P. 116–118 (in Russian).

Гундогдыев и др. 2010 – *Gundogdyev O., Khodzhanizov T., Gurbanov A.* Akdepe – drevniy arheologicheskii pamyatnik Turkmenistana (*Akdepe – the ancient archaeological site of Turkmenistan*). Ashgabat: Ylym. 2010. 72 p. (in Russian, English, Turkmen).

Гундогдыев, Ходжаниязов 2007 – *Gundogdyev O., Khodzhanizov T.* Polevoy otchet o provedenny'h arheologicheskikh rabotah na pamyatnike Akdepe v Chandy'bil'skom e'trape goroda Ashhabada (2.04.2007–15.06.2007 g.) [*Field report of archaeological works at Akdepe in the Chandybil Etrab of Ashgabat (2.04.2007–15.06.2007)*] // Miras. Ashgabat, 2007. No. 3. P. 122–131 (in Russian, English, Turkmen).

Каталог... 1935 – *Katalog mejdunarodnoy vy'stavki pamyatnikov iranskogo iskusstva i arheologii. Gosudarstvenny'y E'rmitaj (Catalogue of the International Exhibition of Iranian art and archaeology. The State Hermitage)*. Leningrad: Evg. Sokolova Sci-Tech Press, 1935. Vol. 1. 616 p. (in Russian).

Кирчо 1999 – *Kircho L. B. K.* izucheniyu pozdnego e'neolita Yujnogo Turkmenistana (osnovy' klassifikacii raspisnoy keramiki i neopublikovanny'e materialy' poseleniya Ak-depe) [*To the study of the Late Eneolithic of South Turkmenistan (basic principles of painted pottery classification, and unpublished materials from the settlement of Ak-depe)*]. St. Petersburg: IHMC RAS, 1999. 120 p. (in Russian).

Ляпин 1979 – *Lyapin A.* Interesnaya statue'tka (*An interesting statuette*) // Pamyatniki Turkmenistana (*Monuments of Turkmenistan*). Ashgabat, 1979. No. 1. P. 14–15 (in Russian).

Ляпин 2006 – *Lyapin A. A. Raskopki A. A. Marusch'enko na Ak-Tepe (A. A. Marushchenko's excavations at Ak-depe)* // Problemy' istorii, filologii, kul'tury' (*Problems of history, philology, culture*). Moscow, Magnitogorsk, 2006. Vol. 16/1. P. 267–292 (in Russian).

Марушенко 1955 – *Marushchenko A. A.* Ak-Tepe [Kratkiy otchet o raskopkah 1955 g.] (*Ak-Tepe [Brief report of the 1955 excavations]*) // Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Turkmen SSR. 3 p.

Марушенко 1956 – *Marushchenko A. A.* Itogi polevy'h arheologicheskikh rabot 1953 g. Instituta istorii, arheologii i e'tnografii Akademii nauk Turkmenskoy SSR (*Results of field archaeological works conducted by the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Turkmen SSR in 1953*) // Kuliev O. K. (ed.). Trudy' Instituta istorii, arheologii i e'tnografii AN Turkmenskoy SSR (*Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Turkmen SSR*). Ashgabat: Academy of Sciences of the Turkmen SSR, 1956. Vol. 2. P. 5–10.

Массон 1956 – *Masson V. M.* Raspisnaya keramika Yujnoy Turkmenii po raskopkam B. A. Kuftina (*Painted pottery of South Turkmenistan from B. A. Kuftin's excavations*) // Masson M. E. (ed.). Trudy' Yujno-Turkmenistanskoy arheologicheskoy kompleksnoy e'kspedicii (*Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Complex Expedition*). Ashgabat: Academy of Sciences of Turkmen SSR, 1956. Vol. 7. P. 291–372 (in Russian).

Массон 1966 – *Masson V. M.* Rascvet i upadok zemledel'cev yugo-zapada (*Rise and decline of land cultivators in the south-west*) // Masson V. M. (ed.). Srednyaya Aziya v e'pohu kamnya i bronzy' (*Central Asia in the Stone and Bronze Age*). Moscow; Leningrad: Nauka, 1966. P. 151–178 (in Russian).

Массон 1967 – *Masson V. M. Protogorodskaya civilizaciya yuga Sredney Azii (Protourban civilization in the south of Central Asia) // Soviet Archaeology. 1967. No. 3. P. 165–190 (in Russian).*

Массон, Сарияниди 1973 – *Masson V. M., Sarianidi V. I. Sredneaziatskaya terrakota e' pohi bronzy': Opy't klassifikacii i interpretacii (Bronze Age terracotta of Central Asia: Classification and interpretation). Moscow: Nauka, The Main Office of Oriental Literature, 1973. 209 p., 44 plates (in Russian).*

Сарияниди 1976 – *Sarianidi V. I. Material'naya kul'tura Yujnogo Turkmenistana v period ranney bronzy' (Material culture of South Turkmenistan in the Early Bronze Age) // Masson V. M., Atagarryev E. (eds.). Pervoby'tny'y Turkmenistan (Primordial Turkmenistan). Ashgabat: Ylym, 1976. P. 82–111 (in Russian).*

Хлопин 1997 – *Khlopin I. N. E'neolit Yugo-Zapadnogo Turkmenistana (Eneolithic of Southwestern Turkmenistan). St. Petersburg: Evropeiskiy Dom, 1997. 302 p. (Trudy' Yujno-Turkmenistanskoj arheologicheskoy kompleksnoy e'kspedicii [Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Complex Expedition]. Vol. 20) (in Russian).*

Хлопин 2002 – *Khlopin I. N. E'poha bronzy' Yugo-Zapadnogo Turkmenistana (Bronze Age of Southwestern Turkmenistan). St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2002. 336 p. (Trudy' Yujno-Turkmenistanskoj arheologicheskoy kompleksnoy e'kspedicii [Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Complex Expedition]. Vol. 21) (in Russian).*

Юсупов и др. 1976 – *Yusupov Kh., Gubaev A., Durdyev M. Vtoroy sezon rabot na Goch-depe (Second season of fieldwork at Goch-depe) // Archaeological discoveries of 1975. Moscow: Nauka, 1976. P. 557–559 (in Russian).*

Shahmirzadi 2006 – *Shahmirzadi S. M. Sialk. The oldest fortified village of Iran: Sialk Reconsideration Project Final Report. Tehran: Iranian Center for Archaeological Research, 2006. 162 p. (in English, Persian).*

STRATIGRAPHY AND RELATIVE CHRONOLOGY OF THE ENEOLITHIC-BRONZE AGE SETTLEMENT OF AK-DEPE IN ASHGABAT (BASED ON THE MATERIALS FROM A. A. MARUSHCHENKO'S EXCAVATIONS, AS WELL AS A. A. LYAPIN'S OBSERVATIONS AND CONSIDERATIONS)

L. B. Kircho

The Eneolithic-Bronze Age settlement of Ak-depe in Ashgabat was studied in the 1930s–1950s by A. A. Marushchenko (fig. 1). The paper analyzes the recently published data on the stratigraphy of the settlement obtained by A. A. Lyapin, who deciphered the excavation field notes and supplemented this evidence with his personal observations and collections conducted when the site was mouldering away (fig. 2; 3; 4, 2–7). In addition, this paper uses the materials of 2006–2010 excavations carried out by the Institute of Archaeology and Ethnography of the Academy of Science of Turkmenistan. The maximum thickness of the Eneolithic and Bronze Age layers of Ak-depe was 20 m. The Anau IA pottery assemblage dates from the Early Eneolithic (first half of the V mil. BC). It is followed by a 3 meter thick cultural layer of the late Early Eneolithic – Ak-depe I complex (corresponding to Late Namazga I period, tentatively dated to the first third of the IV mil. BC), and 5 building horizons (some 3,6 m thick) of the Middle Eneolithic – Ak-depe II complex (corresponding to Namazga II period – about 3650–3200 BC). Probably at the end of the latter period the settlement was destroyed by a fire. The Late Eneolithic complex of Ak-depe III (corresponding to late Namazga III – first centuries of the III mil. BC) is represented by remains of two or three building horizons up to 2,5 m thick. The complex of Ak-depe IV, dated by A. A. Marushchenko to the Early Bronze Age (corresponding to Namazga IV –

about 2800/2700–2350 BC) is represented, according to this researcher, by remains of 10 building horizons, the thickness of which is about 7 m. However, it seems doubtful whether the whole thickness of Ak-depe IV can be dated to the Early Bronze Age, since the site has also yielded some Middle Bronze Age pottery (corresponding to Namazga V, the last third of the III–early II mil. BC – fig. 5, 4). The peculiarity of Ak-depe III and IV shows that at least in the III mil. BC the settlement was in the contact zone between two cultural-historical regions, namely the Southeastern Caspian region and Northeastern Khurasan.

ПОГРЕБЕНИЯ С КОПЬЯМИ КУЛЬТУРЫ ШОЛДЭНЕСТЬ СРЕДНЕДНЕСТРОВСКОГО РЕГИОНА (ЗАПИСКА О ВОИНСКИХ ЗАХОРОНЕНИЯХ В «ЗОНАХ ОСЕДЛОСТИ»)

М. Т. КАШУБА

Ключевые слова: *Юго-Восточная Европа, Среднее Поднепровье, ранний железный век, культура Шолдэнешть, культурный комплекс Басарабь, погребения с оружием, наконечники копий, статусные предметы.*

Keywords: *Southeastern Europe, Middle Dniester region, Early Iron Age, Șoldănești culture, Basarabi culture, burials with arms, spearheads, objects of status.*

Введение

Появившиеся в Северном Причерноморье мобильные объединения ранних кочевников (черногоровской и новочеркасской групп) вступили в контакты и взаимодействия с разными племенами, проживавшими в лесостепных областях. Население лесостепи обладало многообразием культурных традиций и вело свое происхождение из разных областей Юго-Восточной и Восточной Европы. Огромный массив лесостепного населения по обоим берегам Днепра и в Побужье в большей степени был оседлым, уходя своими корнями в местные сообщества предшествующего времени. В свою очередь, население Восточного Прикарпатья, особенно в бассейне Среднего Днестра, отличалось гораздо большей мобильностью. Это было связано с несколькими миграциями, которые привели к освоению, фактически, колонизации этих территорий пришлым населением гальштатских (карпато-дунайских) культур. В финале эпохи бронзы и в начале железного века оно несколькими волнами прибывало сюда из Карпато-Подунавья (о волнах миграций «фракийского» населения – см. Мелюкова 1975: 54 сл.; 1984: 224 сл.; последние данные см. Кашуба 2012; Кашуба, Левицкий 2012; и др.). С появлением ранних кочевников степень мобильности населения на всей территории Восточной Европы, в том числе в ее юго-западных и западных областях, существенно возросла. Способствовало ли это усилению конфликтности во взаимоотношениях разных групп населения и дестабилизации геополитической обстановки на западной границе Восточной Европы, т. е. в Восточном Прикарпатье? В качестве одного из примеров, имеющих отношение к затронутой проблеме, рассмотрим воинские погребения на территории проживания гальштатских (карпато-дунайских) сообществ.

В предскифский период захоронения с оружием, как правило, относятся исследователями к погребениям ранних кочевников (воинов), которые присутствовали в среде оседлого населения (см. Тереножкин 1976: 25, 69–87; Мелюкова 1989: 25; Скорый 1999: 7 сл., 11 сл.; Махортых 2005: 26, 29, 294 сл.; и др.). Однако в Восточном Прикарпатье вплоть до VIII в. до н. э. погребения с оружием в гальштатских (карпато-дунайских) сообществах не известны. До появления в этом регионе ранних кочевников (в финале эпохи бронзы) в раннегальштатт-

ской культуре Кишинэу-Корлэтең таких погребений нет, хотя предметы вооружения в ней присутствуют. Оружие, составляющее чуть более 13 % от учтенных металлических изделий к началу 1990-х гг., депонировалось исключительно в кладах или выпадало в качестве случайных находок (см. Левицкий 1993: 55 сл.; Levițki 1994a: 73–78, 117–139; Кашуба 2013: рис. 9). Далее – в начальный период железного века – оружие в регионе фактически неизвестно: в раннегалыштатской культуре Козия-Сахарна как таковых предметов вооружения не найдено, за исключением 2 железных топоров с крылышками в кладе Бырлад, сокрытом в западной части ее ареала (см. Кашуба 2013: рис. 8; 9). В этой связи стоит упомянуть, что на поздних этапах развития этой культуры ранние кочевники уже появились на западной границе Великой степи, что отмечено их погребениями в Нижнем и, частично, Среднем Поднестровье (см. Levițki 1994b: 188–191, 201, fig. 6; 9; Яровой и др. 2002: 284–289, рис. 1; Бруяко 2005: рис. 1; Махортых 2005: 28 сл., рис. 1; и др.). И только в позднейший предскифский период у населения среднегалыштатской культуры Шолдэнешть (Басарабь-Шолдэнешть) появились копейщики (рис. 1–4). Могло ли это быть ответом со стороны галыштатского (карпато-дунайского) населения на возникшую угрозу?

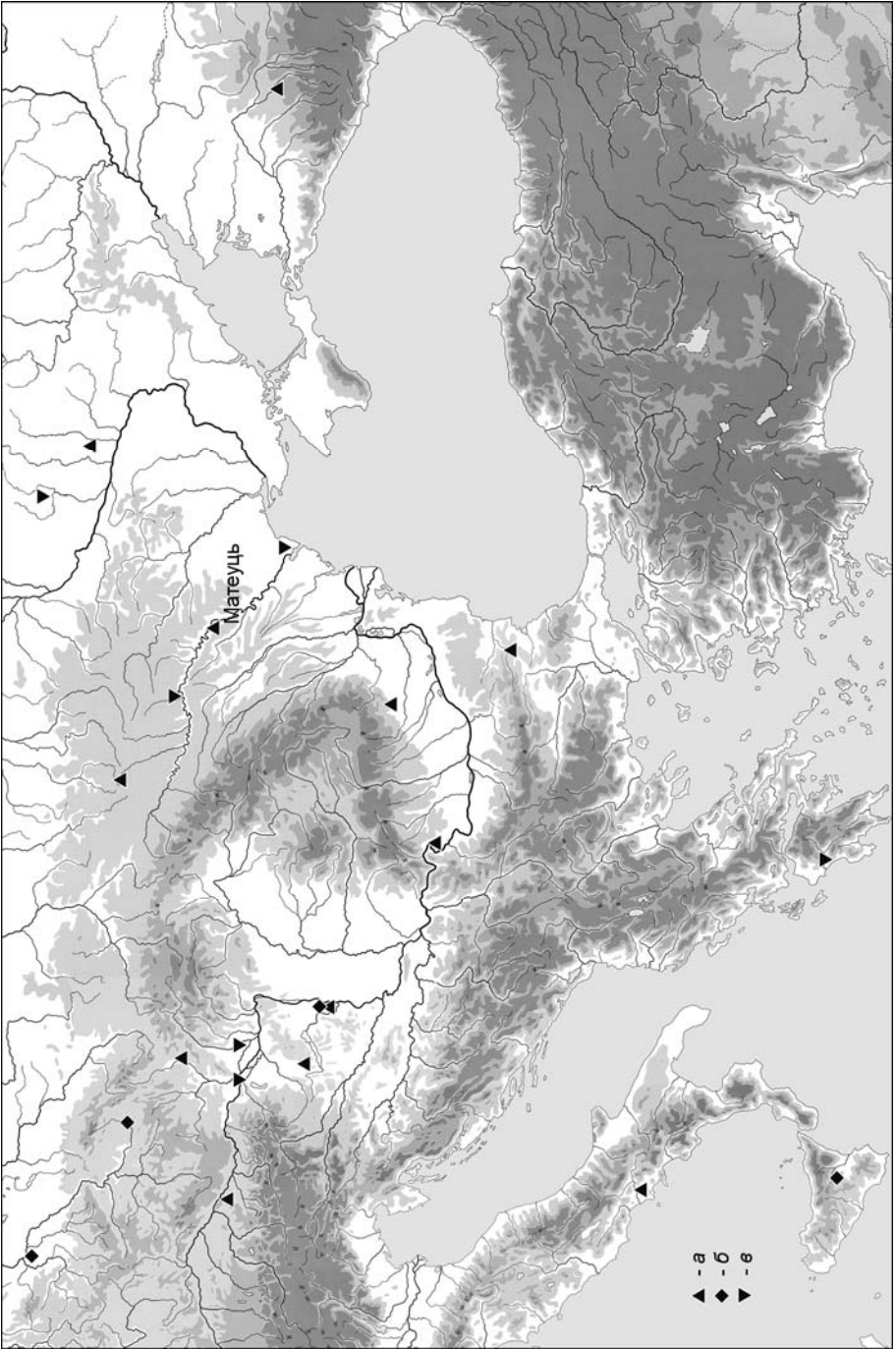
О культуре Шолдэнешть (Басарабь-Шолдэнешть)

Несколько местонахождений, открытых и раскопанных более полувека назад, составили «группу памятников типа Шолданешты», тогда причисленную к так называемому фракийскому галыштату,¹ распространенному в Карпатском бассейне и Подунавье (Мелюкова 1956: 39 сл.; 1958: 52 сл., 74 сл.). Впоследствии датировка шолдэнештских памятников уточнялась сначала в пределах VIII–VI вв. до н. э., затем – VIII–VII вв. до н. э. (Мелюкова 1979: 15 сл.; 1984: 227; Лапушнян 1979: 9 сл.); они были отнесены к восточному варианту культуры Басарабь и, соответственно, названы «культура Шолдэнешть/Басарабь-Шолдэнешть» (Мелюкова 1979: 15 сл.; Лапушнян 1979: 9 сл.; Демченко, Левицкий 1990: 111 сл.; Гольцева, Кашуба 1995: 32–37; Vulpe 1986: 68 ff.; Gumă 1993: 210 ff.; 1996; и др.).

Рис. 1. Находки бронзовых и железных наконечников копий с отверстиями в основании пера начала железного века в Европе: *a* – погребение; *b* – клад; *c* – находка на поселении или случайная находка (по Ковпаненко 1962; Тереножкин 1976; Кулатова 1999; Stegmann-Rajtar 1986; Deicke 2011; графика – И. Н. Лицук)

Fig. 1. Finds of bronze and iron spearheads with holes in the basal part of the blade in Europe: *a* – burial; *b* – hoard; *c* – finds on settlements or incidental finds (after Ковпаненко 1962; Тереножкин 1976; Кулатова 1999; Stegmann-Rajtar 1986; Deicke 2011; graphics by I. N. Litsuk)

¹ Термин «фракийский галыштат», предложенный в середине XX в. в устной форме И. Н. Свешниковым на одной из конференций, широко использовался в русскоязычной археологической литературе советского и раннего постсоветского периодов. Им обозначались культуры и культурные группы финала эпохи бронзы и начального этапа железного века в Молдавии и на Западной Украине (см. Кашуба 2012: 233 сл., там же библиография). Для территории Молдавии впервые такой термин появляется в полевых отчетах Т. С. Пассек и А. И. Мелюковой, посвященных раскопкам в 1954–1955 гг. поселения и могильника у тогдашнего села Шолданешты (сегодня – г. Шолдэнешть/Șoldănești, Республика Молдова). В настоящее время термин «фракийский галыштат» специалистами не применяется, однако имеются исключения, например, И. В. Бруяко настаивает на его «абсолютной понятности для всех» (см. Бруяко 2013: 354–355).

Такие представления в целом не потеряли своей актуальности: возникновение культурного комплекса Басарабь на всей территории его распространения – от центра на Среднем Дунае до восточной периферии в Днестровском бассейне – приходится на начало VIII в. до н. э. (период HaC1a или HaC1 ранний), а хронологические рамки для шолдэнештских памятников установлены в пределах VIII–середины VII вв. до н. э. (см. Kaşuba 2007: 373 ff.; Kaşuba 2008; 2010; и др.). Однако были существенно пересмотрены два важных положения: механизм развития культуры Шолдэнешть, а также характер влияний культурного комплекса Басарабь в Северном Причерноморье и прилегающих районах лесостепи. Выяснилось, что происхождение культуры Шолдэнешть (этап Сахарна–Шолдэнешть или Шолдэнешть I; начало–первая треть VIII в. до н. э.) было связано не только с дальней миграцией небольшой группы из Среднего Подунавья, но также с вкладом предшествующей культуры Сахарна, а не раннегалльско-кишиневской культуры Кишинэу–Корлэтенъ, как это считалось ранее (см. Кашуба 2000). При этом к востоку от Днестра – в степном и лесостепном Поднепровье, вплоть до Нижнего Дона – засвидетельствованы прямые влияния культуры Басарабь, которые осуществлялись вне ареала культуры Шолдэнешть Среднеднестровского бассейна (Кашуба 2008; Kaşuba 2008; 2010; Дараган, Кашуба 2008: 66, 68; и др.). Таким образом, в VIII в. до н. э. весь ареал культурного комплекса Басарабь представлял собой единую коммуникационную область с одинаковыми ритмами культурогенетических процессов от Среднего Дуная (первичная территория) до Северного Причерноморья и прилегающих районов лесостепи. Несомненно, взаимодействие с новым миром евроазиатских культур, в том числе объединениями ранних кочевников, влияло на материальный комплекс и населения в Среднем Поднепровье (культура Шолдэнешть), и других подунайских групп культуры Басарабь, выдвинувшихся восточнее – на юг Правобережья Днепра (Жаботинское поселение).

Шолдэнештские копья – оружие и атрибут

Погребения с оружием. Среди 26 местонахождений этой культуры, большая часть которых (более 80 %) раскопана, известны 3 могильника – Шолдэнешть II, Матеуць-Куртая и Селиште I. Исследованы 44 могилы (54 погребения), а также 2 ямы-крематория. На основе корреляции основных типов погребальных сооружений (с учетом их спецификации) и категорий погребального инвентаря выделяются 3 типа (I–III) захоронений. Ведущим обрядом является трупосожжение (98 %), где преобладали погребения в урнах. В большинстве захоронений имелся погребальный инвентарь (85 %, с учетом погребальной урны), при этом оружие было найдено в трех погребениях (5,5 %) и двух разрушенных комплексах (Приложение).

Копья. Основой типологии наконечников копий, как правило, являются форма пера и технология (см. в русскоязычной литературе – Мелюкова 1964: 64 сл.; Коленкова 1982: 17–19; 1995: 26–43; Эрлих 2007: 94–95; Зверев 2000: 174 сл.; и др.).

Несмотря на небольшую выборку (5 экз.), шолдэнештские наконечники копий достаточно разнообразны. Среди наконечников копий культуры Шолдэнешть представлены два крупных экземпляра (рис. 2, 3; 4, 1), а также одно малое копье (рис. 3, 1). Все шолдэнештские наконечники двулопастные и втульчатые. Принимая во внимание имеющиеся разработки, шолдэнештские копья

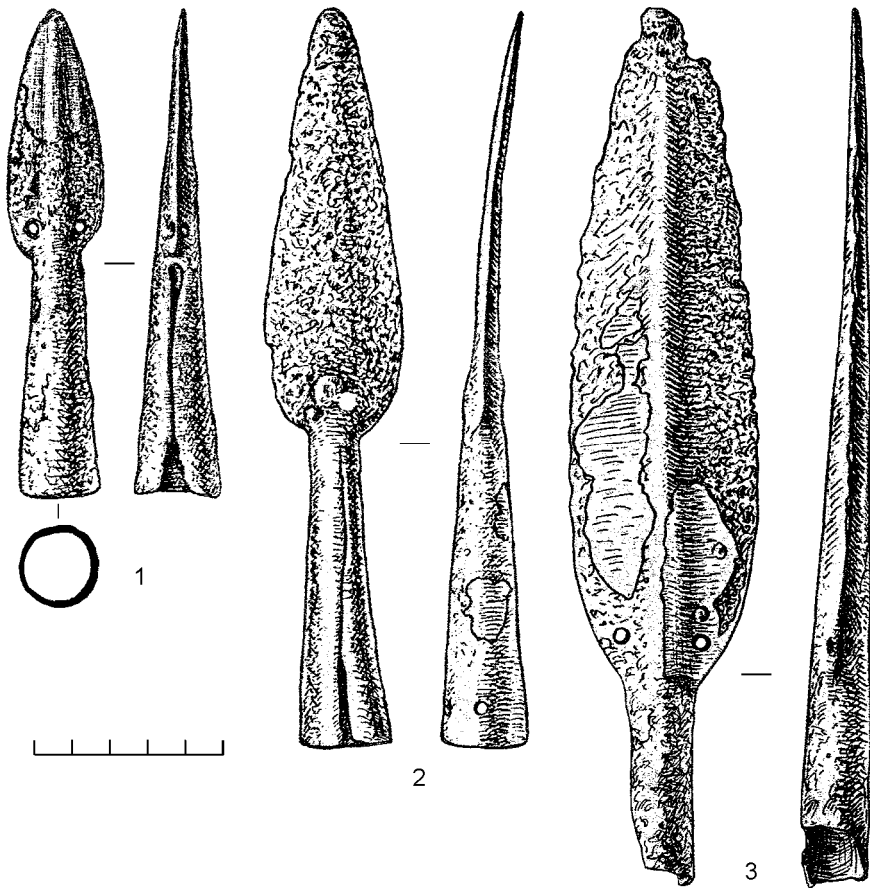

Рис. 2. Культура Шолдэнешть/Șoldănești, могильник Матеуць-Куртая/Mateuți-Curtaea, железные наконечники копий: 1 – погр. 1; 2, 3 – из разрушенных погребений (по Лапушнян 1969)

Fig. 2. Șoldănești culture, Mateuți-Curtaea cemetery, iron spearheads: 1 – burial 1; 2, 3 – from destroyed burials (after Лапушнян 1969)

можно разделить на 2 отдела: лавролистные (отдел I) и остролистные (отдел II). Согласно сечению пера выделяются несколько типов: среди лавролистных копий представлены только экземпляры с центральным ребром жесткости (отдел I, тип I.1), а среди остролистных – с центральным ребром жесткости (отдел II, тип II.1) и без выделенного ребра жесткости (отдел II, тип II.2), который, в свою очередь, делится на вариант с ромбическим (вариант II.2.1) и линзовидным (вариант II.2.2) в сечении пером. Еще одной важной спецификацией является наличие пары отверстий в основании пера у двух экземпляров (отдел I, тип I.1). Основные параметры наконечников сближают их как с изделиями, известными в культурном комплексе Басарабь Подунавья, так и с предскифскими экземплярами из лесостепных районов, прилегающих к Северному Причерноморью.

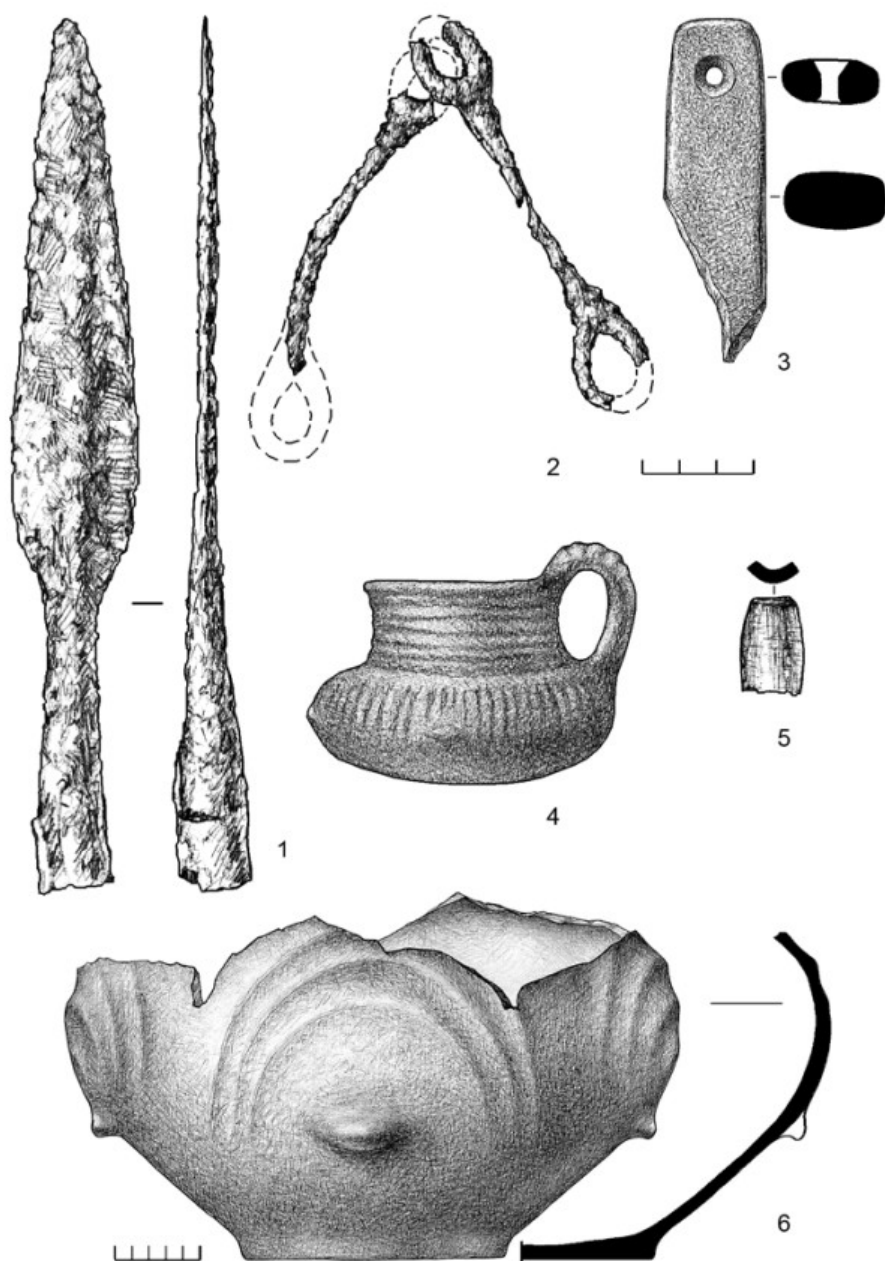

Рис. 3. Культура Шолдэнешть, могильник Селиште I/Seliște I, погр. 3, инвентарь (1, 2 – железо; 3 – камень; 4, 6 – обожженная глина; 5 – кость) (по Лапушнян 1979, с уточнениями автора; 3, 5, 6 – рисунки с натуры, художник И. Н. Лицук)

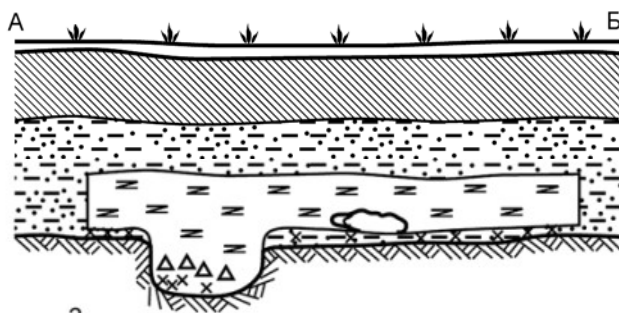
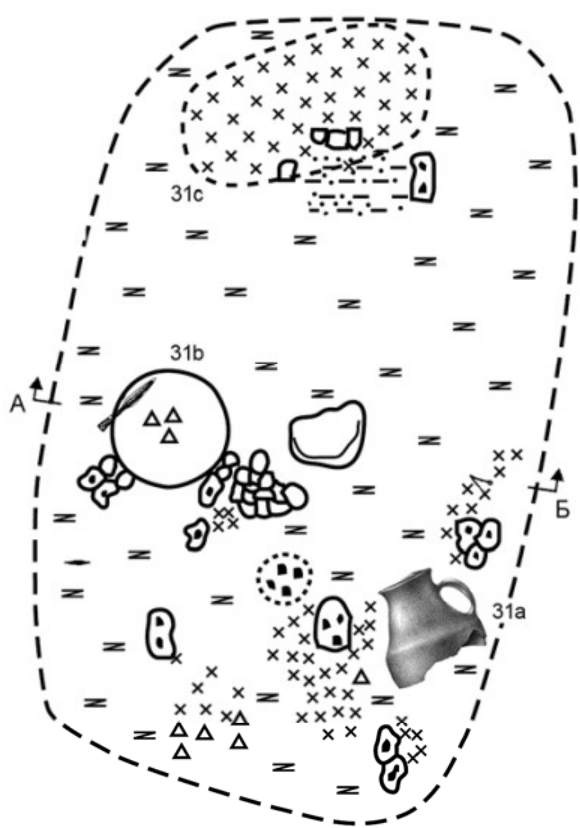
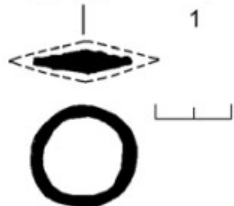
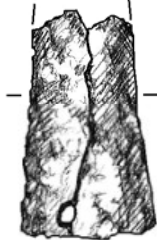
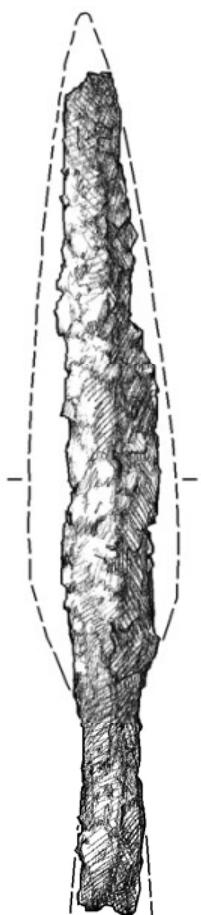
Fig. 3. Șoldănești culture, Seliște I cemetery, inventory of burial 3 (1, 2 – iron; 3 – stone; 4, 6 – fired clay; 5 – bone) (after Лапушнян 1979, with modifications; 3, 5, 6 – drawn from nature by I. N. Litsuk)

Контекст находок наконечников копий в погребениях не оставляет сомнения в том, что эти комплексы относятся к культуре Шолдэнешть. Рассматриваемые наконечники копий фактически являются единственным видом вооружения² в культуре Шолдэнешть и маркируют погребения воинов-копейщиков. Могли ли копейщики быть выходцами из среды ранних кочевников (новочеркасской группы) Северного Причерноморья, инкорпорированных в шолдэнештское общество, остается под вопросом. Однако против этого свидетельствует наличие значительной группы копейщиков и других групп воинов (с однолезвийными мечами, кинжалами и боевыми ножами) у населения культурного комплекса Басарабь в Среднем Подунавье: погребения с оружием, в том числе с копьями, известны в могильниках Басарабь, Балта Верде и Гогошу (Vulpe 1986: 51 ff.; Teržan 1990: 71–72, sl. 16, 17; Зверев 2000: 182 сл.; и др.). Отсюда следует, что шолдэнештские копья могли быть изготовлены мастерами, работающими в русле гальштаттского (карпато-дунайского) производства, если учесть мощные традиции металлообработки, а также развитие оружия ближнего боя в эпоху бронзы в Карпато-Подунавье.

Погребения с копьями культуры Шолдэнешть сопоставимы с воинской субкультурой классического гальштаттского времени Юго-Восточной Европы. Б. Тержан провела анализ могильников в Центральных и Западных Балканах, который показал, что среди воинов выделяются две группы (или класса): меченосцы и копейщики. В свою очередь, «в паннонско-восточноальпийской области промежуточное положение между ними занимали “носители топора”. <...>. Однако в юго-восточноальпийской гальштаттской группе Доленьско в базовый набор захоронения воина непременно входили один топор и несколько копий: погребение с полным укомплектованным вооружением – из предшествовавшего гальштаттского времени – состояло из одного топора и двух копий, за ним следовали захоронения с топором и одним копьём, далее погребения с двумя копьями и наконец – самые скромные – только с одним копьём. (<...>). Меч в этом регионе встречается только как исключение» (Teržan 1995: 83 f.). Эти погребения с ближне- и среднедистанционным оружием (мечи, копья, топоры) показывают, что на начальных этапах классического гальштаттского периода (HaC1) продолжала доминировать тактика ближнего боя, в целом характерная для европейского бронзового века, особенно в его поздний период, что не раз подчеркивалось многими исследователями (в русскоязычной литературе – см. Бочкарев 2012: 18).

Относительно ранних кочевников неоднократно было отмечено, что «копья почти совсем отсутствовали на вооружении киммерийцев» (например, Тереножкин 1976: 146). Это подтверждается и более новыми данными по степным захоронениям (см. Махортых 2005: 101 сл., 255 сл.), при этом в лесостепных комплексах наконечники копий известны (см. Скорый 1999: 38). В этой связи интересно наблюдение В. И. Козенковой о неравномерном присутствии наконечников копий

² Исключение составляют 3 бронзовых наконечника стрел новочеркасского типа (двулопастные, с длинной втулкой и лавролистной или ромбической в сечении облегченной головкой), два из которых были найдены на городище Алчедар/Alcedar (см. Розенфельдт 1955: рис. 1, 5–7; Мелюкова 1958: рис. 28, 16; Тереножкин 1976: 98, 135, рис. 61, 5, 6), а один – на поселении Лукэшеука II/Lucașeuca II (см. Федоров 1960: 240–246, 308–313; табл. 2, 3; 4а; 6).

в памятниках западного варианта кобанской культуры. В частности, их фактически нет в воинских погребениях могильника Клин-Яр 2, в оружии которых заметно влияние культуры кочевников (Козенкова 1995: 43).

С другой стороны, в свете новых данных трудно отрицать северокавказский вклад в появление копий в лесостепных областях, прилегающих к Северному Причерноморью (см. Эрлих 2007: 99). На Кавказе традиция использования копий имеет свою историю еще с эпохи бронзы, но наиболее типичны копия для вооружения пеших воинов и всадников в протомеотской культуре Северо-Западного Кавказа; также они были довольно широко распространены в кобанской культуре Центрального Кавказа (см. Тереножкин 1976: 144 сл.; Козенкова 1982: 17 сл.; 1995: 26 сл.; Скорый 1999: 38 сл.; Эрлих 2007: 97–99; и др.).

В свою очередь, среди северокавказских наконечников копий имеются несколько изделий, которые обнаруживают устойчивые параллели с экземплярами из Средней и Юго-Восточной Европы по наличию отверстий в основании пера (рис. 1). Еще при первой публикации погребения в Бутенках впервые на это обратила внимание Г. Т. Ковпаненко (Ковпаненко 1962: 69–70, рис. 2, 3, 4) и перечислила известные к тому времени изделия с такой характеристикой. С тех пор список находок пополняется, чему способствуют работы русскоязычных специалистов (см. Тереножкин 1976: 143–144; Скорый 1999: 38; Эрлих 2007: 98–99; и др.) и западных коллег (например, Stegmann-Rajtar 1986: 214 f., 447, Taf. 5; Chochorowski 1993: 126 f.; Metzner-Nebelsick 2002: 387; Deicke 2011: 71 ff., 150–151, Abb. 64; 65).

Наконечники копий с отверстиями в основании пера показывают весьма любопытную территорию своего распространения: от Эльбы и Дуная до прилегающих к Северному Причерноморью лесостепных областей, а также Северо-Западного Кавказа (рис. 1). О чем это может свидетельствовать?

У исследователей нет сомнений в том, что при помощи отверстий могли крепиться какие-то подвесы-символы (воинские значки, эмблемы, кисти и пр.) или, например, полотнище знамени. Соответственно, копиям придавалась дополнительная символическая функция – тем самым копия становилась штандартами, которые использовали и пешие, и конные воины. Помещение в могилы копий-штандартов маркировало не просто воина-копейщика, но человека, обладающего повышенным социальным статусом, например, предводителя какого-то воинского объединения (так называемые командирские копия – см. Бочкарев 2004: 406). В таком случае погребение с одним копьём не может относиться к числу «скромных» комплексов (см. Teržan 1995: 83 f.), если наконечник снабжен необычными элементами.

Рис. 4. Культура Шолдэнешть, могильник Селиште I/Seliște I, погр. 31: 1 – железный наконечник копья из погр. 31b, 2 – план и разрез могилы: *a* – дневная поверхность; *b* – чернозем; *v* – прожженный грунт; *z* – суглинок; *d* – керамика; *e* – камни; *жс* – кальцинированные кости; *з* – обожженная обмазка; *u* – материковый слой (по Лапушнян 1973; 1979, с уточнениями автора; 1 – рисунок с натуры, художник И. Н. Лицук)

Fig. 4. Șoldănești culture, Seliște I cemetery, burial 31: 1 – iron spearhead from burial 31b; 2 – plan and cross section of the grave: *a* – present surface; *b* – *chernozem*; *v* – burned soil; *z* – loam; *d* – ceramics; *e* – stones; *жс* – calcined bones; *з* – burnt plaster; *u* – native soil (after Лапушнян 1973; 1979, with modifications; 1 – drawn from nature by I. N. Litsuk)

В свое время А. И. Тереножкин писал, что «этот обычай (воинские значки. – М. К.) не зависел на западе от влияний, идущих с востока, а диктовался какой-то модой или общей древней европейской традицией» (Тереножкин 1976: 144). О наличии общей древнеевропейской традиции, уходящей еще в эпоху бронзы, свидетельствуют материалы Средней и Юго-Восточной Европы, а также данные по Восточной Европе. Речь идет о целой серии сверхдлинных наконечников копий разных культур Средней Европы, известных с позднего бронзового века и получивших дальнейшее распространение вплоть до рубежа эр (см. Klimscha et al. 2012: 353 ff., Abb. 13). Проанализировавшие эти находки исследователи подчеркнули, что сверхдлинные наконечники копий нельзя выделять в какой-то «горизонт», но они, несомненно, представляют собой или экстремально специализированное оружие, или статусное изделие, циркулирующее в элитной среде, представители которой могли находиться в контакте между собой (Ibid.: 359, 362). Аналогичные изделия также известны в позднем бронзовом веке Восточной Европы, где они интерпретируются как навершия или штандарты (Бочкарев, Кузнецов 2011). Можно вспомнить и некоторые ушковы наконечники копий позднего бронзового века Северо-Восточной Евразии, которые «благодаря подвесным регалиям <...> приобретали особый статус и важное символическое значение» (Бочкарев 2004: 405). В. С. Бочкарев привел убедительные примеры исторической перспективы развития наконечников копий с подвесными значками и эмблемами, которые для «раннего средневековья были одним из источников возникновения боевых стягов и штандартов» (Там же: 405, с библиографией). Таким образом, статусные предметы воинских подразделений, в качестве которых могли использоваться наконечники копий с необычными характеристиками (сверхдлинные, богато орнаментированные, с ушками или отверстиями в основании пера) на территории всей Европы существовали в эпоху бронзы и в железном веке.

Находки наконечников копий с отверстиями в основании пера могут являться маркерами дунайских маршрутов и/или передвижений отдельных групп или индивидов – воинов-копейщиков: в обход Карпатского бассейна с юга (вдоль Дуная и далее в Северное Причерноморье) или с севера. Судя по имеющимся данным, чаще выбирался путь в обход Карпат с севера (рис. 1). Передвижения могли осуществляться в обе стороны, что позволяет допустить наличие средне-европейского (западного) импульса в распространении копий-штандартов (с отверстиями в основании пера) на юго-западе Восточной Европы в позднейший предскифский период.

Стоит отметить, что степень вооруженности сообществ культурного комплекса Басарабь была достаточна для того, чтобы контролировать территории своего обитания. В Подунавье влияние ранних кочевников евразийских степей и присутствие отдельных групп или индивидов были весьма ощутимы уже в период существования черноговровской группы, о чем можно судить по «фрако-киммерийскому» комплексу Карпатского бассейна и Средней Европы (см. Sauter 2000: 32 ff.; Metzner-Nebelsick 2002: 32 ff.; 2005; Kemenczei 2005: 1 ff.; Махортых 2003: 6 сл.; Кашуба 2013; и др.). «Прикрытие» своих территорий способствовало тому, что в конце VIII в. до н. э. ареал культурного комплекса Басарабь остался вне зоны действий носителей раннескифского комплекса – даже на восточной периферии в культуре Шолдэнешть отсутствует оружие раннескифских

типов. Примечательно, что первоначальные продвижения носителей раннескифского комплекса в Карпатский бассейн и Среднюю Европу пролегали известными северными дорогами: по лесостепным областям Северного Причерноморья и через северные перевалы Карпат или в обход Карпат с севера.

Результаты

Анализ погребений копейщиков в среде населения культуры Шолдэнешть позволяет сделать следующие заключения: 1) погребения с оружием в среде оседлого населения не всегда являются «чужими»; 2) наконечники копий с необычными характеристиками (сверхдлинные, богато орнаментированные, с ушками или отверстиями в основании пера) могли иметь дополнительную функцию статусных предметов, которые на территории всей Европы были распространены в эпоху бронзы и в железном веке; 3) ареал наконечников копий с отверстиями в основании пера (рис. 1) позволяет рассматривать их в качестве маркеров дунайских передвижений отдельных групп или индивидов – воинов-копейщиков; 4) можно допустить наличие средневропейского (западного) импульса в распространении копий-штандартов (с отверстиями в основании пера) на юго-западе Восточной Европы в позднейший предскифский период.

Приложение

Погребения с оружием культуры Шолдэнешть

Матеуць-Куртая/Mateuți-Curtaea (коммуна Матеуць, р-н Резина/Rezina, Республика Молдова) (рис. 1; 2).

Литература: Лапушнян 1969: 129 сл., рис. I: 1–3; 1979: рис. 2, 1–3; 8, 31; Лапушнян и др. 1974: 15, 25; Тереножкин 1976: 87, 98, рис. 61: 1–3.

Погр. 1: глубина – 0,6 м; простая округлая яма, без надмогильного сооружения; трупосожжение; урна с крышкой-камнем. Размеры могильной ямы не прослеживались.

Инвентарь: урна – чернолощенная корчага (?) с каннелюрами; крышка – плитчатый камень, размерами 25 × 25 × 5 см; наконечник копья.

Описание: на крышке (?) находился наконечник копья (утерян), острием был ориентирован на В (?), изготовлен из железа. Перо лавролистной формы, с неострым окончанием и центральным ребром жесткости, переходящим в длинную коническую втулку. В основании пера пробиты два отверстия. К внутренней стенке втулки прикреплен треугольный в сечении штырь. Размеры: длина – 13 см, длина пера – 6,3 см, ширина пера – 2,6 см, диаметр втулки – 2 см (рис. 2, 1). Отдел I, тип I.1.

Находки на территории могильника (из разрушенных погребений?):

1) массивный наконечник копья, изготовлен из железа (утерян). Перо лавролистной формы и с неострым окончанием имеет центральное ребро жесткости. В основании пера пробиты два отверстия. Втулка слабо выраженной конической формы, обломана. Размеры: сохранившаяся длина – 23 см, длина пера – 17,7 см, ширина пера – 5 см, сохранившийся диаметр втулки – 1,8 см (рис. 2, 3). Отдел I, тип I.1;

2) наконечник копья, изготовлен из железа (утерян). Перо остролистной формы, с неострым окончанием, линзовидное в сечении. Втулка длинная, кони-

ческой формы, в ее основании имеются два отверстия. Размеры: длина – 19 см, длина пера – 11 см, ширина пера – 3,6 см, диаметр втулки – 2,4 см (рис. 2, 2). Отдел II, тип II.2, вариант II.2.2.

Селиште I/Seliște I (коммуна Селиште, р-н Орхей/Orhei, Республика Молдова) (рис. 1; 3; 4).

Литература: Лапушнян 1972; 1973; 1979: 37–50, рис. 2: 4, 8–16, 18, 19; 8, 69; 10–12; 23–27; Лапушнян и др. 1974: 23–24; Мелюкова 1989: 18–20, табл. 5, 2, 5–7, 9–11, 13–17, 20–23, 26, 31, 32, 34, 35.

Погр. 3: глубина – 0,4 м; простая округлая яма, без надмогильного сооружения; трупосожжение; урна с крышкой-черпаком. Размеры могильной ямы не прослеживались.

Инвентарь: урна – нижняя часть кувшина с 4 выступами-упорами, сверху ограниченными 2 широкими полукруглыми каннелюрами (рис. 3, 6); крышка-черпак (утерян) (рис. 3, 4); в урне – половина костяной бусины (рис. 3, 5); рядом с урной – наконечник копья, каменный оселок, поверх них – железные удила (утеряны) (рис. 3, 1–3).

Описание: наконечник копья, изготовлен из железа (утерян). Перо остролистной формы имеет центральное ребро жесткости. Втулка конической формы. Размеры: длина – 23 см, длина пера – 15 см, ширина пера – 3,6 см, диаметр втулки – 2 см (рис. 3, 1). Отдел II, тип II.1.

Погр. 31: глубина – 0,7 м; яма неправильной четырехугольной формы с дополнительными элементами; надмогильное сооружение в виде дерево-глинобитной конструкции; коллективное трупосожжение из трех погребений: урна без крышки (погр. 31а) и 2 безурновых захоронения с крышкой и без нее. Захоронения были совершены на дне ямы, в предматериковом суглинке (рис. 4, 2).

Погр. 31б: глубина – 0,7 м; простая округлая яма (диаметром 0,5 м и глубиной 0,3 м); без надмогильного сооружения; трупосожжение; крышка.

Инвентарь: крышка – миска (утеряна); наконечник копья.

Описание: наконечник копья, изготовлен из железа. Сохранился двумя крупными обломками, позволяющими восстановить форму. Перо остролистной формы, ромбическое в сечении. Втулка длинная, конической формы, в ее основании сохранилось одно отверстие. Размеры: длина – около 32 см, длина пера – около 18 см, ширина пера – 4 см, диаметр втулки – 3,6 см (рис. 4, 1). Отдел II, тип II.2, вариант II.2.1.

Литература

Бочкарев 2004 – *Бочкарев В. С.* О функциональном назначении петель-ушек наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири // Вишняцкий Л. Б. и др. (отв. ред.). Археолог: детектив и мыслитель: Сб. ст., посвящ. 77-летию Льва Самойловича Клейна. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 385–408.

Бочкарев 2012 – *Бочкарев В. С.* О некоторых характерных чертах эпохи бронзы Восточной Европы // Алёкшин В. А. и др. (ред.). Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 2. С. 13–24.

Бочкарев, Кузнецов 2011 – *Бочкарев В. С., Кузнецов П. Ф.* Новая разновидность металлических наконечников копий эпохи бронзы Волго-Уральского региона // Макаров Н. А., Носов Е. Н. (отв. ред.). Труды III (XIX) ВАС (Новгород–Старая Русса, 24–29 октября 2011 г.). СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. Т. 1. С. 210–211.

Бруйко 2005 – *Бруйко И. В.* Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до н. э.). Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2005. 358 с. (Археологические источники Восточной Европы).

Бруйко 2013 – *Бруйко И. В.* Памятники фракийского гальштата // Бруйко И. В., Самойлова Т. Л. (отв. ред.). Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной академии наук Украины). Одесса: Одесский археологический музей НАНУ; «СМИЛ», 2013. С. 353–368.

Гольцева, Кашуба 1995 – *Гольцева Н. В., Кашуба М. Т.* Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья (материалы раскопок 1978–79 гг. и 1989–90 гг.). Тирасполь: МАКО, 1995. 272 с.

Дараган, Кашуба 2008 – *Дараган М., Кашуба М.* Аргументы к ранней дате основания Жаботинского поселения // RA. SN. 2008. Vol. 4, nr. 2. С. 40–73.

Демченко, Левицкий 1990 – *Демченко Т. И., Левицкий О. Г.* К вопросу о шолданештских памятниках на территории Молдавии // Дергачев В. А. (отв. ред.). Археологические исследования молодых ученых Молдавии. Кишинев: Фонд молодежной инициативы; ШТИИЦА, 1990. С. 111–120.

Зверев 2000 – *Зверев Е. Ю.* Относительная хронология некоторых опорных памятников среднего и позднего гальштата в Юго-Западной Румынии // STRATUMPlus. 2000. № 3. С. 171–192.

Кашуба 2000 – *Кашуба М. Т.* Заметки о формировании среднегальштатской культуры Басарабь-Шолдэнешть в Днестро-Прутском междуречье // Там же. С. 140–156.

Кашуба 2008 – *Кашуба М. Т.* О восточных (северопричерноморских) памятниках и импортах культурного комплекса Басарабь, VIII – начало VII вв. до н. э. // Дьячков С. В. (отв. ред.). Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VI Междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рожд. академика В. П. Бузескула (Харьков, 10–11 октября 2008 г.). Харьков: Харьковский НУ; ООО «НТМТ», 2008. С. 29.

Кашуба 2012 – *Кашуба М. Т.* О гальштате и Гальштате в Северном Причерноморье – современное состояние исследований // АВ. 2012. № 18. С. 232–252.

Кашуба 2013 – *Кашуба М. Т.* «Фрако-киммерийский» комплекс Карпатского бассейна и Средней Европы: 100 лет исследований «за» и «против» // Кашуба М. Т., Скаков А. Ю. (отв. ред.). Третья Абхазская междунар. археолог. конф. Посвящена памяти Г. К. Шамба. Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: Материалы конф. (28 ноября–1 декабря 2011 года, г. Сухум). Сухум: ИИМК РАН; Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АН Абхазии; Республиканское управление печати «Дом печати», 2013. С. 146–150.

Кашуба, Левицкий 2012 – *Кашуба М. Т., Левицкий О. Г.* Гальштатский (карпато-дунайский) фактор в культурогенетических процессах финала эпохи бронзы и раннего железного века в Северном Причерноморье // Алёшкин В. А. и др. (ред.). Культура степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 2. С. 304–310.

Ковпаненко 1962 – *Ковпаненко Г. Т.* Погребение VIII – VII вв. до н. э. в бассейне р. Ворсклы // КСИА АН УССР. Киев: Изд-во АН Украинской ССР, 1962. Вып. 12. С. 66–72.

Козенкова 1982 – *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М.: Наука, 1982. 176 с. (САИ. Вып. В2-5).

Козенкова 1995 – *Козенкова В. И.* Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. М.: ИА РАН, 1995. 166 с. (САИ России. Вып. В2-5).

Кулатова 1999 – *Кулатова И. Н.* (Приложение). Некоторые находки киммерийского времени с территории Полтавщины // *Скорый С. А.* Киммерийцы в украинской лесостепи. Киев; Полтава: Издательский центр «Археология», 1999. С. I–VII.

Лапушнян 1969 – *Лапушнян В. Л.* Новые находки раннего железного века у с. Матеуцы // Полевой Л. Л. (отв. ред.). Далекое прошлое Молдавии. Кишинев: РИО АН Молдавской ССР, 1969. С. 128–133.

Лапушнян 1972 – *Лапушнян В. Л.* Раскопки памятников культуры фракийского гальштата в Молдавии // Рафалович И. А. (отв. ред.). АИМ в 1968–1969 гг. Кишинев: ШТИИЦА, 1972. С. 88–104.

Лапушнян 1973 – *Лапушнян В. Л.* Исследование могильника у с. Селиште // Чеботаренко Г. Ф. (отв. ред.). АИМ в 1970–1971 гг. Кишинев: ШТИИЦА, 1973. С. 100–113.

Лапушнян 1979 – *Лапушнян В. Л.* Ранние фракийцы X – начала IV вв. до н. э. в лесостепной Молдавии. Кишинев: ШТИИЦА, 1979. 142 с., ил.

Лапушнян и др. 1974 – *Лапушнян В. Л., Никулциэ И. Т., Романовская М. А.* Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 4: Памятники раннего железного века. Кишинев: ШТИИЦА, 1974. 102 с., рис., табл.

Левицкий 1993 – *Левицкий О. Г.* Бронзовые изделия раннегальштатской культуры с каннелированной керамикой Восточно-Карпатского региона (К вопросу о связях) // RA. 1993. № 1. С. 54–82.

Махортых 2003 – *Махортых С. В.* Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху. Киев: Шлях, 2003. 140 с., ил.

Махортых 2005 – *Махортых С. В.* Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев: Шлях, 2005. 380 с., ил.

Мелюкова 1956 – *Мелюкова А. И.* Памятники VIII в. до н. э. на территории лесостепной Молдавии // Известия МФ АН СССР. Кишинев: Государственное изд-во Молдавии, 1956. № 4 (36). С. 39–47.

Мелюкова 1958 – *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднепровья // Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 5–102 (МИА. № 64).

Мелюкова 1964 – *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. М.: Наука, 1964. 113 с. (САИ. Вып. Д1–4).

Мелюкова 1975 – *Мелюкова А. И.* Итоги и задачи изучения взаимосвязей киммерийских племен с фракийцами в советской науке // Фрако-скифские культурные связи. София: Болгарская АН, 1975. С. 54–68 (Studia Thracica. 1).

Мелюкова 1979 – *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1979. 256 с.

Мелюкова 1984 – *Мелюкова А. И.* Археологические данные о фракийцах на территории СССР в I тыс. до н. э. // Гиндин Л. А. (отв. ред.). Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология: Сб. ст. М.: Наука, 1984. С. 224–234.

Мелюкова 1989 – *Мелюкова А. И.* Предскифский (киммерийский) период в степи и лесостепи Восточной Европы // Мелюкова А. И. (отв. ред.). Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 10–32 (Археология СССР).

Розенфельдт 1955 – *Розенфельдт Р. Л.* Алчедарские курганы // Известия МФ АН СССР. Кишинев: Государственное изд-во Молдавии, 1955. № 5 (25). С. 121–124.

Скорый 1999 – *Скорый С. А.* Киммерийцы в украинской лесостепи. Киев; Полтава: Издательский центр «Археология», 1999. 136 с. + VIII с., ил.

Тереножкин 1976 – *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 224 с.

Федоров 1960 – *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 380 с. (МИА. № 89).

Эрлих 2007 – *Эрлих В. Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.: Наука, 2007. 430 с.

Яровой и др. 2002 – *Яровой Е. В., Кацуба М. Т., Махортых С. В.* Киммерийский курган у пгт. Слободзея // Кетрару Н. А. (отв. ред.). Северное Причерноморье: от энеолита к античности: Сб. науч. ст. Тирасполь: Научно-исследовательская лаборатория «Археология» Педагогического ГУ им. Т. Г. Шевченко, 2002. С. 279–343.

Chochorowski 1993 – *Chochorowski J.* Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej. Kraków: Jagielloński Uniwersytet, 1993. 327 s.

Deicke 2011 – *Deicke A. J. E.* Studien zu reich ausgestatteten Gräbern aus dem urnenfelderzeitlichen Gräberfeld von Künzig (Lkr. Deggendorf, Niederbayern) // Jahrbuch des RGZM. 2011. Bd. 58, Teil 1. S. 1–188.

Gumă 1993 – *Gumă M.* Civilizația primei epoci a fierului în sud-vestul României. București: S. C. Melior trading SRL, 1993. 311 p.: CIX pl. (Biblioteca Thracologica. Vol. 4).

Gumă 1996 – *Gumă M.* The Basarabi type discoveries. A brief review // Garašanin M., Roman P. (Hrsg.). Der Basarabi-Komplex in Mittel- und Südosteuropa: Kolloquium in Drobeta-Turnu Severin (7.–9. November 1996). Bukarest: RIT; S. C. Vavila Edinf SRL, 1996. P. 23–32 (Rumänisch-jugoslawische Kommission für die Erforschung der Region des Eisernen Tores; Archäologische Abteilung. Bd. 1).

Kašuba 2007 – *Kašuba M.* Zur Entstehung der Basarabi-Kultur in Osteuropa // Blečić M. et al. (Hrsg.). Scripta praehistorica varia in honorem Biba Teržan. Ljubljana: Narodni muzej Slovenije, 2007. S. 369–380 (Situla: razprave Narodnega muzeja v Ljubljani = dissertationes Musei nationalis Sloveniae. 44).

Kašuba 2008 – *Kašuba M.* Materiale ale culturii Șoldănești în bazinul Nistrului de Mijlociu – observații preliminare // Tyragetia, s. n. Chișinău, 2008. Vol. 2[17], nr. 1. P. 37–50.

Kašuba 2010 – *Kašuba M.* Primă epocă a fierului (sec. XII–VIII/VII î.Hr.). Începuturile relațiilor de clasă. Cultura Șoldănești (Basarabi-Șoldănești) // Dergaciov V. (red. resp.). Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până în sec. V). Chișinău: Tipografia centrală, 2010. P. 371–380.

Kemenczei 2005 – *Kemenczei T.* Funde ostkarpatenländischen Typs im Karpatenbecken. Stuttgart: Steiner Verlag GmbH, 2005. X+186 S. mit 64 Taf. (PBF. Abt. 20, Bd. 10).

Klimscha et al. 2012 – *Klimscha F., Blaschke W., Thiele E.* Bemerkungen zu Vorkommen, Verbreitung und Bedeutung überdimensionierter Lanzen der europäischen Eisenzeit // Archäologische Korrespondenzblatt. 2012. Bd. 42. S. 351–369.

Levițki 1994a – *Levițki O.* Cultura Hallstatului canelat la răsărit de Carpați. București: IRT; S. C. Melior trading SRL. 255 p. (Biblioteca Thracologica. Vol. 7).

Leviški 1994b – *Leviški O.* Culturile din epoca Hallstattului timpuriu și mijlociu // *Thraco-Dacica*, s. n. București, 1994. T. 15, nr. 1–2. P. 159–214.

Metzner-Nebelsick 2002 – *Metzner-Nebelsick C.* Der «Thrako-Kimmerische» Formenkreis aus der Sicht der Urnenfelder- und Hallstattzeit im südöstlichen Pannonien. Rahden/Westf.: Verlag Leidorf GmbH, 2002. Teile 1–2. 726 S. mit 250 Abb. und 144 Taf. (Vorgeschichtliche Forschungen. Bd. 23).

Metzner-Nebelsick 2005 – *Metzner-Nebelsick C.* Thrako-kimmerischer Formenkreis // Beck H. et al. (Hrsg.). *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2005. Bd. 30. S. 504–508.

Sauter 2000 – *Sauter H.* Studien zum Kimmerierproblem. Bonn: Dr. Habelt Verlag, 2000. 307 S. (Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde. Bd. 72).

Stegmann-Rajtar 1986 – *Stegmann-Rajtar S.* Neuerkenntnisse zum Grab 169 von Brno-Obřany (Mähren) // Jerem E. (Red.). *Hallstatt Kolloquium Veszprém 1984*. Budapest: AI der UAW. S. 211–219, 443–449 (MittAI Beih. 3).

Teržan 1990 – *Teržan B.* Starejša železna doba na Slovenskem Štajerskem / The Early Iron Age in Slovenian Styria. Ljubljana: Narodni muzej, 1990. 459 str., ilustr. (Katalogi in monografije 25).

Teržan 1995 – *Teržan B.* Handel und soziale Oberschichten im früheisenzeitlichen Südosteuropa // Hänsel B. (Hrsg.). *Handel, Tausch und Verkehr im Bronze- und früheisenzeitlichen Südosteuropa*. Berlin; München: Südosteuropa-Gesellschaft, 1995. S. 81–159 (Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Bd. 11).

Vulpe 1986 – *Vulpe A.* Zur Entstehung der geto-dakischen Zivilisations. Die Basarabikultur // *Dacia*. SN. București, 1986. Vol. 30, 1–2. P. 49–90.

Literature

Бочкарев 2004 – *Bochkarev V. S.* O funkcional'nom naznachenii petel'-ushek nakonechnikov kopiy e'pohi pozdney bronzы' Vostochnoy Evropy' i Sibiri (*On the function of loops in Late Bronze Age spearheads from east Europe and Siberia*) // Vishnyatsky L. B. et al. (eds.). *Arheolog: detektiv i my'slitel' (The Archaeologist: Detective and Thinker)*. Volume dedicated to the 77th birthday of Lev Samoilovich Klejn. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2004. P. 385–408 (in Russian).

Бочкарев 2012 – *Bochkarev V. S.* O nekotory'h harakterny'h chertah e'pohi bronzы' Vostochnoy Evropy' (*On some traits characteristic of the Bronze Age of East Europe*) // Alekshin V. A. et al. (eds.). *Kul'tury' stepnoy Evrazii i ih vzaimodeystvie s drevnimi civilizatsiyami (Cultures of the steppe zone of Eurasia and their interaction with ancient civilizations)*: Materials of the International conference dedicated to the 110th birth anniversary of the outstanding Russian archaeologist M. P. Gryaznov. St. Petersburg: IHMC RAS, «Peripheria», 2012. Vol. 2. P. 13–24 (in Russian).

Бочкарев, Кузнецов 2011 – *Bochkarev V. S., Kuznetsov V. P.* Novaya raznovidnost' metallicheskikh nakonechnikov kopiy e'pohi bronzы' Volgo-Ural'skogo regiona (*A new variety of metal spearheads in the Bronze Age of the Volga-Ural region*) // Makarov N. A., Nosov E. N. (eds.). Proceedings of the III (XIX) All-Russia Meeting of Archaeologists (Novgorod–Staraya Russa, October 24–29, 2011). St. Petersburg; Moscow; Veliky Novgorod: IHMC RAS, 2011. Vol. 1. P. 210–211 (in Russian).

Бруяко 2005 – *Bruyako I. V.* Rannie kochevniki v Evrope (X–V vv. do n. e'.) [*Early nomads in Europe (X–V cc BC)*]. Kishinev: High Anthropological School, 2005. 358 p. (in Russian).

Бруяко 2013 – *Bruyako I. V.* Pamyatniki frakiyskogo gal'shtata (*Archaeological sites of the Thracian Hallstatt*) // Bruyako I. V. (ed.). *Drevnie kul'tury' Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (k 95-letiyu Nacional'noy akademii nauk Ukrainy')* [*Ancient cultures of the Northwestern Black Sea region (to the 95th anniversary of the National Academy of Sciences of Ukraine)*]. Odessa: Odessa Archaeological Museum; «SMIL», 2013. P. 353–368 (in Russian).

Гольцева, Кашуба 1995 – *Goltseva N. V., Kashuba M. T.* Glinzheni II. Mnogosloynny'y pamyatnik Srednego Podnestrov'ya (materialy' raskopok 1978–79 gg. i 1989–90 gg.) [*The multilayer site in the Middle Dniester region (materials from the 1978–79 and 1989–90 excavations)*]. Tiraspol: MAKO, 1995. 272 p. (in Russian).

Дараган, Кашуба 2008 – *Daragan M., Kashuba M.* Argumenty' k ranney date osnovaniya Jabotinskogo poseleniya (*Arguments in favor of the early date of the Zhabotin settlement foundation*) // RA. SN. 2008. Vol. 4, nr. 2. P. 40–73 (in Russian)

Демченко, Левитский 1990 – *Demchenko T. I., Levitsky O. G.* K voprosu o sholdaneshtskih pamyatnikah na territorii Moldavii (*To the question of the Șoldănești sites in Moldavia*) // Dergachev V. A. (ed.). *Arheologicheskie issledovaniya molody'h ucheny'h Moldavii (Archaeological studies done by the young scholars of Moldavia)*. Kishinev: Știința, 1990. P. 111–120 (in Russian).

Зверев 2000 – Zverev E. Yu. Otnositel'naya hronologiya nekotorykh opornykh pamyatnikov srednego i pozdnego gal'shtata v YUgo-Zapadnoy Rummyanii (*Relative chronology of some reference Middle and Late Hallstatt sites of Southwestern Romania*) // STRATUMplus. 2000. No. 3. P. 171–192 (in Russian).

Кашуба 2000 – Kashuba M. T. Zametki o formirovaniy srednegal'shtatskoy kul'tury' Basarab'-Sholde nesht' v Dnestro-Prutskom mejdurech'e (Notes on the formation of the Middle Hallstatt culture of Basarabi-Şoldăneşti in the Dniester-Prut interfluvium) // Ibid. P. 140–156 (in Russian).

Кашуба 2008 – Kashuba M. T. O vostochnykh (severoprichernomorskih) pamyatnikakh i importah kul'turnogo kompleksa Basarab', VIII–nachalo VII vv. do n. e'. [On the eastern (North Black Sea region) sites and imports of the Basarabi cultural complex, VIII–early VII cc. BC] // D'yachkov S. V. (ed.). Problems in history and archaeology of Ukraine (*Problemy istorii i arheologii Ukrainy*): Materials of the VI International conference dedicated to the 150th birth anniversary of the academician V. P. Buzeskul (Kharkov, October 10–11, 2008). Kharkov: Kharkov State University; «NTMT», 2008. P. 29 (in Russian).

Кашуба 2012 – Kashuba M. T. On hallstatt and Hallstatt in the North Black Sea region – current state of the art (*O gal'shtatte i Gal'shtatte v Severnom Prichernomor'e – sovremennoe sostoyanie issledovaniy*) // Archaeological news. 2012. no. 18. P. 232–252 (in Russian).

Кашуба 2013 – Kashuba M. T. «Frako-kimmeriyskiy» kompleks Karpatskogo basseyna i Sredney Evropy': 100 let issledovaniy «za» i «protiv» (*«Thracian-Cimmerian» complex of the Carpathian basin and Middle Europe: 100 years of research «pro» u «contra»*) // Kashuba M. T., Skakov A. Yu. (ed.). Tret'ya Abkhazskaya mejdunar. arheolog. konf. Posvyasch'ena pamyati G. K. Shamba. Problemy drevny i srednevekovoy arheologii Kavkaza (*The third Abkhazian International archaeological conference. Dedicated to the memory of G. K. Shamba. Problems of ancient and medieval history of Caucasus*). (28 November–1 December of 2011, Sukhum). Sukhum: IHMC RAS, 2013. P. 146–150 (in Russian).

Кашуба, Левитский 2012 – Kashuba M. T., Levitskiy O. G. Gal'shtattskiy (karpato-dunayskiy) faktor v kul'turogeneticheskikh processah finala e'pohi bronzy' i rannego jelezhnogo veka v Severnom Prichernomor'e [The Hallstatt (Carpathian-Danube) factor in the Final Bronze and Early Iron Age cultural processes in the North Black Sea region] // Alekshin V. A. et al. (eds.). Kul'tury stepnoy Evrazii i ih vzaimodeystvie s drevnimi civilizatsiyami (*Cultures of the steppe zone of Eurasia and their interaction with ancient civilizations*): Materials of the International conference dedicated to the 110th birth anniversary of the outstanding Russian archaeologist M. P. Gryaznov. St. Petersburg: IHMC RAS, «Peripheria», 2012. Vol. 2. P. 304–310 (in Russian).

Ковпаненко 1962 – Kovpanenko G. T. Pogrebenie VIII–VII vv. do n. e'. v basseyne r. Vorskly' (*A burial of the VIII–VII cc. BC in the Vorskla river basin*) // Brief communications of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR. Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, 1962. Vol. 12. P. 66–72 (in Russian).

Козенкова 1982 – Kozenkova V. I. Tipologiya i hronologicheskaya klassifikatsiya predmetov kobanskoj kul'tury'. Vostochnyy variant (*Typology and chronological classification of the Koban culture objects. The eastern variant*). Moscow: Nauka, 1982. 176 p. (Corpus of Archaeological Records. Vol. B2-5) (in Russian).

Козенкова 1995 – Kozenkova V. I. Oruzhie, voinskoe i konskoe snaryajenie plemen kobanskoj kul'tury' (sistematsizatsiya i hronologiya). Zapadnyy variant [*Military munitions and trappings of the Koban culture tribes (systematization and chronology). The western variant*]. Moscow: Institute of Archaeology of RAS, 1995. 166 p. (Corpus of Archaeological Records of Russia. Vol. B2-5) (in Russian).

Кулатова 1999 – Kulatova I. N. (Prilozhenie) (*Appendix*). Nekotorye nahodki kimmeriyskogo vremeni s territorii Poltavsh'iny' (*Some finds of the Cimmerian time from Poltavshchina*) // Skoryi S. A. Kimmeriycy' v ukrainskoj lesostepi (*Cimmerians in the Ukrainian forest-steppe*). Kiev; Poltava: Publishing center «Arkheologia», 1999. P. I–VII (in Russian).

Лапушнян 1969 – Lapushnyan V. L. Novyye nahodki rannego jelezhnogo veka u s. Mateucy' (*New finds of the Early Bronze Age near the village of Mateuți*) // Polevoi L. L. (ed.). Dalekoe proshloe Moldavii (*The remote past of Moldavia*). Kishinev: Academy of Science of the Moldavian SSR, 1969. P. 128–133 (in Russian).

Лапушнян 1972 – Lapushnyan V. L. Raskopki pamyatnikov kul'tury' frakiyskogo gal'shtata v Moldavii (*Excavations of the Thracian Hallstatt culture sites in Moldavia*) // Rafailovich L. A. (ed.). Archaeological explorations in Moldavia in 1968–1969. Kishinev: Ştiinţa, 1972. P. 88–104 (in Russian).

Лапушнян 1973 – Lapushnyan V. L. Issledovanie mogil'nika u s. Selishte (*Excavations of the cemetery near the village of Selişte*) // Chebotarenko G. F. (ed.). Archaeological explorations in Moldavia in 1970–1971. Kishinev: Ştiinţa, 1973. P. 100–113 (in Russian).

Лапушнян 1979 – Lapushnyan V. L. Rannie frakiycy' X–nachala IV vv. do n. e'. v lesostepnoy Moldavii (*Early Thracians of the X–early IV cc. BC in the forest-steppe part of Moldavia*). Kishinev: Ştiinţa, 1979. 142 p. (in Russian).

Лапушнян и др. 1974 – *Lapushnyan V. L., Niculițe I. T., Romanovskaya M. A.* Arheologicheskaya karta Moldavskoy SSR (*Archaeological map of the Moldavian SSR*). Vol. 4: Pamyatniki rannego jelezhnogo veka (*Sites of the Early Iron Age*). Kishinev: Știința, 1974. 102 p. (in Russian).

Левицкий 1993 – *Levitsky O. G.* Bronzovy'e izdeliya rannegal'shtatskoy kul'tury' s kannelirovannoy keramikoy Vostochno-Karpat'skogo regiona (K voprosu o svyazyah) (*Bronze artifacts of the Early Hallstatt culture with channelled pottery in the East-Carpathian region*) // RA. 1993. No. 1. P. 54–82 (in Russian).

Махортых 2003 – *Makhortyh S. V.* Kul'turny'e kontakty' naseleniya Severnogo Prichernomor'ya i Central'noy Evropy' v kimmeriyskuyu e'pohu (*Cultural contacts between the peoples of the North Black Sea region and Central Europe in the Cimmerian epoch*). Kiev: Shlyakh, 2003. 140 p. (in Russian).

Махортых 2005 – *Makhortyh S. V.* Kimmeriycy' Severnogo Prichernomor'ya (*Cimmerians of the North Black Sea region*). Kiev: Shlyakh, 2005. 380 p. (in Russian).

Мелюкова 1956 – *Melyukova A. I.* Pamyatniki VIII v. do n. e'. na territorii lesostepnoy Moldavii (*Sites of the VIII c. BC in the forest-steppe part of Moldavia*) // Transactions of the Moldavian Branch of the Academy of Sciences of the USSR. Kishinev: State Publishing House of Moldavia, 1956. No. 4 (36). P. 39–47 (in Russian).

Мелюкова 1958 – *Melyukova A. I.* Pamyatniki skif'skogo vremeni lesostepnogo Srednego Podnestrov'ya (*Sites of the Scythian time in the forest-steppe of the Middle Dniester region*) // Pamyatniki skifo-sarmatskogo vremeni v Severnom Prichernomor'e. (*Sites of the Scythian-Sarmatian time in the North Black Sea region*). Moscow; Leningrad: Academy of Science of the USSR, 1958. P. 5–102 (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR. No. 64) (in Russian).

Мелюкова 1964 – *Melyukova A. I.* Voorujenie skifov (*Scythian armament*). Moscow: Nauka, 1964. 113 p. (Corpus of Archaeological Records. Vol. Д1-4) (in Russian).

Мелюкова 1975 – *Melyukova A. I.* Itogi i zadachi izucheniya vzaimosvyazey kimmeriyskikh plemen s frakiytsami v sovetskoj nauke (Results and further objectives of the study of the interconnections between the Cimmerian and Thracian tribes in Soviet science) // Frako-skifskie kul'turny'e svyazi (*Thracian-Scythian cultural connections*). Sofia: Bulgarian Academy of Science, 1975. P. 54–68 (Studia Thracica. 1) (in Russian).

Мелюкова 1979 – *Melyukova A. I.* Skifiya i frakiyskiy mir (*Scythia and the Thracian world*). Moscow: Nauka, 1979. 256 p. (in Russian).

Мелюкова 1984 – *Melyukova A. I.* Arheologicheskie dannye o frakiytsah na territorii SSSR v I ty's. do n. e'. (*Archaeological data about Thracians on the territory of the USSR in the I millennium BC*) // Gindin L. A. (ed.). E'tnogenez narodov Balkan i Severnogo Prichernomor'ya. Lingvistika, istoriya, arheologiya (*Ethnogenesis of the balkan and North Black Sea region peoples. Linguistics, history, archaeology*). Moscow: Nauka, 1984. P. 224–234 (in Russian).

Мелюкова 1989 – *Melyukova A. I.* Predskifskiy (kimmeriyskiy) period v stepi i lesostepi Vostochnoy Evropy' (*Pre-Scythian (Cimmerian) period in the steppes and forest-steppes of East Europe*) // Melyukova A. I. (ed.). Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya (*Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time*). Moscow: Nauka, 1989. P. 10–32 (Archaeology of the USSR) (in Russian).

Розенфельдт 1955 – *Rozenfeldt R. L.* Alchedarskie kurgany' (*Alchedar barrows*) // Transactions of the Moldavian Branch of the Academy of Sciences of the USSR. Kishinev: State Publishing House of Moldavia, 1955. No. 5 (25). P. 121–124 (in Russian).

Скорый 1999 – *Skoryi S. A.* Kimmeriycy' v ukrainskoy lesostepi (*Cimmerians in the Ukrainian forest-steppe*). Kiev; Poltava: Publishing center «Arkheologia», 1999. 136 p. (in Russian).

Тереножкин 1976 – *Terenozhkin A. I.* Kimmeriycy' (*Cimmerians*). Kiev: Naukova dumka, 1976. 224 p. (in Russian).

Федоров 1960 – *Fedorov G. B.* Naselenie Prutsko-Dnestrovskogo mejdurech'ya v I ty'syacheletii n. e'. (*People of the Prut-Dniester interfluvium in the I millennium BC*). Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1960. 380 p. (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR. No. 89) (in Russian).

Эрлих 2007 – *Erlich V. R.* Severo-Zapadny'y Kavkaz v nachale jelezhnogo veka: protomeotskaya gruppa pamyatnikov (*Northwestern Caucasus at the beginning of the Iron Age: Proto-Meotic group of sites*). Moscow: Nauka, 2007. 430 p. (in Russian).

Яровой и др. 2002 – *Yarovi E. V., Kashuba M. T., Makhortyh S. V.* Kimmeriyskiy kurgan u pgt. Slobodzey (*Cimmerian barrow near Slobodzey*) // Ketraru N. A. (ed.). Severnoe Prichernomor'e: ot e'neolita k antichnosti (*North Black Sea region: from the Eneolithic to the Antiquity*). Tiraspol: «Arkheologia», 2002. P. 279–343 (in Russian).

Chochorowski 1993 – *Chochorowski J.* Ekspansja kimmerijska na tereny Europy Środkowej. Kraków: Jagielloński Uniwersytet, 1993. 327 s.

Deicke 2011 – *Deicke A. J. E.* Studien zu reich ausgestatteten Gräbern aus dem umenfelderzeitlichen Gräberfeld von Künzig (Lkr. Deggendorf, Niederbayern) // Jahrbuch des RGZM. 2011. Bd. 58, Teil 1. S. 1–188.

Gumă 1993 – *Gumă M.* Civilizația primei epoci a fierului în sud-vestul României. București: S. C. Melior trading SRL, 1993. 311 p.: CIX pl. (Biblioteca Thracologica. Vol. 4).

Gumă 1996 – *Gumă M.* The Basarabi type discoveries. A brief review // Garašanin M., Roman P. (Hrsg.). Der Basarabi-Komplex in Mittel- und Südosteuropa: Kolloquium in Drobeta–Turnu Severin (7.–9. November 1996). Bukarest: RIT; S. C. Vavila Edinf SRL, 1996. P. 23–32 (Rumänisch-jugoslawische Kommission für die Erforschung der Region des Eisernen Tores; Archäologische Abteilung. Bd. 1).

Kašuba 2007 – *Kašuba M.* Zur Entstehung der Basarabi-Kultur in Osteuropa // Blečić M. et al. (Hrsg.). Scripta praehistorica varia in honorem Biba Teržan. Ljubljana: Narodni muzej Slovenije, 2007. S. 369–380 (Situla: razprave Narodnega muzeja v Ljubljani = dissertationes Musei nationalis Sloveniae. 44).

Kašuba 2008 – *Kašuba M.* Materiale ale culturii Șoldănești în bazinul Nistrului de Mijlociu – observații preliminare // Tyragetia, s. n. Chișinău, 2008. Vol. 2[17], nr. 1. P. 37–50.

Kašuba 2010 – *Kašuba M.* Primă epocă a fierului (sec. XII–VIII/VII î.Hr.). Începuturile relațiilor de clasă. Cultura Șoldănești (Basarabi-Șoldănești) // Dergaciov V. (red. resp.). Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până în sec. V). Chișinău: Tipografia centrală, 2010. P. 371–380.

Kemenczei 2005 – *Kemenczei T.* Funde ostkarpatenländischen Typs im Karpatenbecken. Stuttgart: Steiner Verlag GmbH, 2005. X+186 S. mit 64 Taf. (PBF. Abt. 20, Bd. 10).

Klimscha et al. 2012 – *Klimscha F., Blaschke W., Thiele E.* Bemerkungen zu Vorkommen, Verbreitung und Bedeutung überdimensionierter Lanzen der europäischen Eisenzeit // Archäologische Korrespondenzblatt. 2012. Bd. 42. S. 351–369.

Levițki 1994a – *Levițki O.* Cultura Hallstattului canelat la răsărit de Carpați. București: IRT; S. C. Melior trading SRL. 255 p. (Biblioteca Thracologica. Vol. 7).

Levițki 1994b – *Levițki O.* Culturile din epoca Hallstattului timpuriu și mijlociu // Thraco-Dacica, s. n. București, 1994. T. 15, nr. 1–2. P. 159–214.

Metzner-Nebelsick 2002 – *Metzner-Nebelsick C.* Der «Thrako-Kimmerische» Formenkreis aus der Sicht der Urnenfelder- und Hallstattzeit im südöstlichen Pannonien. Rahden/Westf.: Verlag Leidorf GmbH, 2002. Teile 1–2. 726 S. mit 250 Abb. und 144 Taf. (Vorgeschichtliche Forschungen. Bd. 23).

Metzner-Nebelsick 2005 – *Metzner-Nebelsick C.* Thrako-kimmerischer Formenkreis // Beck H. et al. (Hrsg.). Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2005. Bd. 30. S. 504–508.

Sauter 2000 – *Sauter H.* Studien zum Kimmerierproblem. Bonn: Dr. Habelt Verlag, 2000. 307 S. (Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde. Bd. 72).

Stegmann-Rajtar 1986 – *Stegmann-Rajtar S.* Neuerkenntnisse zum Grab 169 von Brno-Obřany (Mähren) // Jerem E. (Red.). Hallstatt Kolloquium Veszprém 1984. Budapest: AI der UAW. S. 211–219, 443–449 (MittAI Beih. 3).

Teržan 1990 – *Teržan B.* Starejša železna doba na Slovenskem Štajerskem / The Early Iron Age in Slovenian Styria. Ljubljana: Narodni muzej, 1990. 459 str., ilustr. (Katalogi in monografije 25).

Teržan 1995 – *Teržan B.* Handel und soziale Oberschichten im früheisenzeitlichen Südosteuropa // Hänsel B. (Hrsg.). Handel, Tausch und Verkehr im Bronze- und früheisenzeitlichen Südosteuropa. Berlin; München: Südosteuropa-Gesellschaft, 1995. S. 81–159 (Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Bd. 11).

Vulpe 1986 – *Vulpe A.* Zur Entstehung der geto-dakischen Zivilisations. Die Basarabikultur // Dacia. SN. București, 1986. Vol. 30, 1–2. P. 49–90.

ȘOLDĂNEȘTI CULTURE BURIALS WITH SPEARS IN THE MIDDLE DNIESTER REGION (NOTE OF WARRIORS' GRAVES IN THE «ZONES OF SEDENTARY SETTLEMENT»)

M. T. Kashuba

The paper deals with the problem of warriors' graves among sedentary people, as exemplified by the burials with spears of the Șoldănești culture in the Middle Dniester region (fig. 1). The descriptions of the burials and iron spearheads are provided. The latter are divided into two groups (laurel-leaf shaped and acute-leaf shaped), which are further subdivided into several types (fig. 2–4). Two spearheads have holes in the

basal part of the blade. The spearheads have analogies both in the Basarabi culture of the Danube and among the pre-Scythian finds from the forest-steppe areas adjacent to the North Black Sea region. The distribution area of the spearheads having holes in the basal part of the blade (fig. 1) allows to consider them as markers of the Danube routes of some groups or individual warriors armed with spears. The holes could have served to attach pendants-symbols (military insignia, emblems, tassels, banners, etc.), whereby the spears were imparted the function of standards. The military objects of status (such as spearheads with unusual traits – very long, richly decorated, with holes in the basal part of the blade) had existed all over Europe since the Bronze Age.

КОЛЛЕКЦИЯ ЧЕРНО- И КРАСНОФИГУРНОЙ КЕРАМИКИ ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ МЕНЕКШЕ ЧАТАЙ В ПРОПОНТИДЕ

Р. В. СТОЯНОВ, А. ЕРИМ-ОЗДОГАН¹

Ключевые слова: *Пропонтида, поселение, раскопки, чернофигурная керамика, краснофигурная керамика, коллекция, роспись, мастер.*

Keywords: *Propontis, Menekshe Chatai settlement, black-figured pottery, red-figured pottery, painting, master.*

Поселение Менекше Чатай (Menekşe Çatağı)² расположено на северо-западном берегу Мраморного моря, в 12 км к северо-востоку от г. Текирдаг (рис. 1). Участок расположен на скалистом плато, плавно понижающемся в сторону моря, разделенном на восточную и западную части неглубокой балкой, образованной руслом ручья. Поселение располагалось между античными городами Бисанфа (Βισάνθη, Βυσάνθη) и Перинф (Πέρινθος) и, по всей видимости,

Рис. 1. Расположение поселения Менекше Чатай
Fig. 1. Location of the Menekshe Chatai settlement

¹ Аналитическая часть публикуемой работы, обмерные чертежи и фотографии, атрибуции и датировки сосудов выполнены Р. В. Стояновым (ИИМК РАН, Санкт-Петербург, Россия). А. Ерим-Оздоган (Университет г. Чанаккале [Çanakkale Onsekiz Mart Üniversitesi], Турция) предоставила фотографии отдельных находок и полевую документацию.

² Menekşe çatağı – фиалковая развилка (тур., устар.).

относилось к хоре одного из них. Памятник был открыт в 1960-х гг. Первые археологические исследования Менекше Чатай были проведены в 1993 г. под руководством М. А. Ишина и А. Ерим-Оздоган, впоследствии продолжавшей раскопки этого памятника с 1995 по 2007 г. в сотрудничестве с Музеем археологии и этнографии г. Такирдаг (подробнее см: Işın 1995; Işın, Özdoğan 1997; 1998; Özdoğan, Işın 1999; 2000; 2002; Özdoğan et al. 2004; Turan 2008).

Рассматриваемая коллекция состоит из 33 обломков столовой керамики и сосудов для масла и косметики. Большинство фрагментов имеют царапины и потертости на поверхности, указывающие на длительное использование. В некоторых случаях сохранность фрагмента не позволяла однозначно определить тип сосуда или датировать его в узких хронологических рамках. Подавляющее большинство обломков принадлежало аттической продукции, имеющей типичные для этого центра характеристики глины и покрытия. Наименования сосудов указываются в соответствии с типологией, используемой для описания сосудов, найденных при раскопках агоры в Афинах (Agora XXIII; XXX).³

Обзор коллекции следует начать с пиксиды, расписанной в чернофигурной технике (рис. 2, 1; 5, 1; кат. 1). Это сосуд со сферическим туловом, выделенным горлом, коротким прямым венцом и вертикальными ручками, расположенными в верхней части тулова. Пиксида относится к коринфскому типу с выгнутыми стенками и вертикальными ручками. Подобные сосуды производились в пределах среднекоринфского – позднекоринфского II периодов (Амух 1988: 449–250). Венец пиксиды из Менекше Чатай заметно уже, а ее ручки расположены ниже, чем у коринфских образцов. По всей видимости, ее крышка была ниже, чем у пиксид, производившихся в Коринфе.

В верхней части сосуда нанесены пояса вертикальных линий и жемчужника. На тулове – зооморфный фриз. Сохранились изображения льва, идущего вправо с высоко поднятым и загнутым хвостом, собаки и бегущего вправо зайца. Под ручками изображена массивная пальметта с цепочкой глазков. Подобные пальметты характерны для аттических сосудов последней четверти VI в.⁴ (например: CVA: Deutschland 56, 10: 70, pl. 48, 10–12; Agora XXIII: pl. 46, 491). Грива и часть брюха льва, шея зайца, сердцевина пальметты закрашены пурпурной краской. Рисунок выполнен в беглой, небрежной манере. Манера рисунка имеет общие черты с росписью аттических пиксид (Vanderpool 1938: 396–398, no. 31; Agora XXIII: nos. 1265–1266; Lynch 2005: 184, fig. 159–160). Однако детали изображения, а также характеристики глины и лакового покрытия не типичны для аттической продукции. Группа близких по форме пиксид конца VI–начала V в. до н. э., вероятно, местного производства, происходит из раскопок Аргилоса в Северной Эгееде (Petron 2012: 140–143). От сосуда из Менекше Чатай они отличаются характеристиками глины, а также манерой и характером росписи, сочетающей растительный и геометрический орнаменты. Наиболее близкими нашей пиксиде являются сосуды, производившиеся Родосе в конце VI в. до н. э. Оттуда происходит серия пиксид, близких к рассматриваемому образцу по форме и элементам декора (CIRh, 3: pl. III, 1–3; vol. 7: 21, fig. 7).

³ В тех случаях, когда наименование сосуда отличается от принятого в отечественной литературе, английский вариант указан в скобках.

⁴ Здесь и далее все даты указаны до н. э.

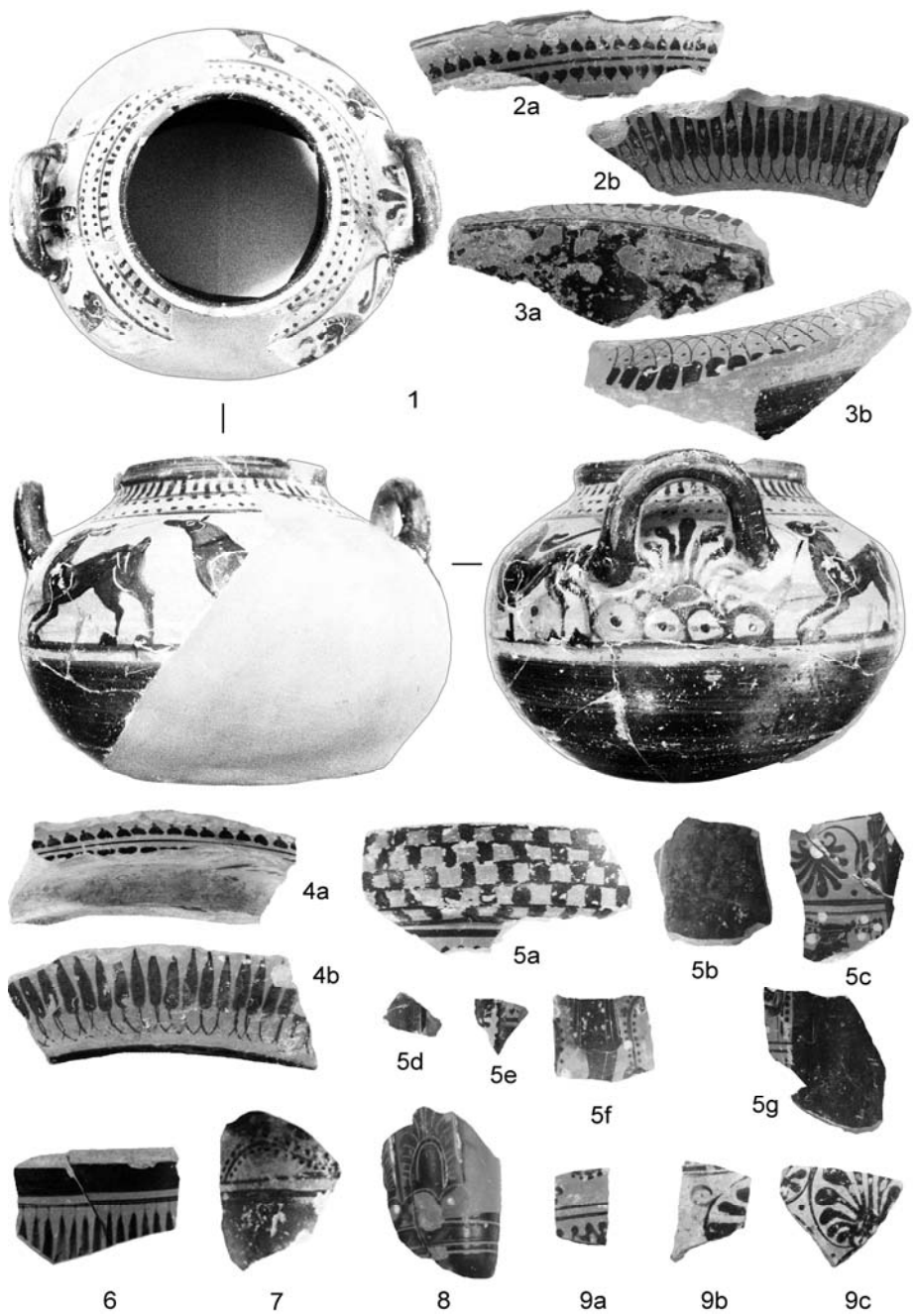

Рис. 2. Менекше Чатай, фрагменты чернофигурных сосудов

Fig. 2. Menekshe Chatai, fragments of black-figured vessels

Обломки чернофигурных чаш принадлежали к киликам типа *Cup Scyphoses* (рис. 3, 1–7; кат. 8–14). По манере росписи все они относятся к аттическому типу и датируются в пределах первой половины V в. (Agora XXX: 59 ff.). Наиболее полно сохранилась чаша, на которой изображена женщина, танцующая между стоящими мужчинами. Сосуд принадлежит к классу K2, датирующемуся в пределах 490–480 гг. (рис. 3, 1a–1d; кат. 8; Ure, Hunt 1927: 68; Agora XXX: 61, nos. 1504–1516; ABV: 570–571).

От чернофигурной ольпы сохранились высокий вертикальный венец, украшенный шахматным орнаментом, и части тулова с изображением декоративного пояса из пальметт, обрамлявшего чернофигурное изображение юноши между виноградными лозами (рис. 2, 5a–5g; кат. 15). Подобная роспись характерна для чернофигурных ольп последней трети VI в. (например: Agora XXIII: nos. 686–687, 692; CVA: Italia 7, 2: pl. 37, 2–46; 38, 2–3; CVA: Russia, 1: 28–29; pl. 29, 1; 30, 1).

К этому же времени, вероятно, относится и обломок стенки верхней части расписного сосуда закрытого типа, украшенный поясом цветов лотоса (рис. 2, б; кат. 16). Подобный декор встречается на различных типах чернофигурных и краснофигурных сосудов конца VI–начала V в. (ср.: Agora XXIII: nos. 391, 736; Agora XXX: nos. 190, 586).

Три обломка принадлежали цилиндрическим чернофигурным лекифам (рис. 2, 7–9; кат. 17–19). Один обломок принадлежал лекифу класса Афины 581 (кат. 17). Подобные сосуды производили на протяжении первых трех четвертей V в. Среди цилиндрических лекифов, найденных при раскопках Афинской агоры, они наиболее многочисленны (ABV: 487 ff.; Kurtz 1975: 147–148). Судя по качеству росписи, рассматриваемый обломок принадлежал к первой группе класса 581, i (подробнее см.: Agora XXIII: 46–47). От второго белофонного лекифа сохранились фрагменты тулова, украшенного горизонтальными пальметтами с небольшими волотовидными завитками в овальной рамке (рис. 2, 9a–9c; кат. 19). Данный тип декора типичен для белофонных лекифов групп DL или Little Leon. Их обычно связывают с продукцией мастерской Диосфоса, функционировавшей в первой четверти V в. (ABV: 586 ff.; Kurtz 1975: 131 ff., pl. 69, 1–4; CVA: Deutschland 15, 1: Taf. 39, 1; CVA: Deutschland 43, 2: Taf. 51, 10–11; CVA: Canada 1: pl. 41, 3–5; CVA: Russia, 1: pl. 44, 3–7). Третий обломок принадлежал краснофонному лекифу, украшенному чернофигурными пальметтами (рис. 2, 8; кат. 18). Подобные лекифы обычно относят к продукции мастерской Белдам, первой половины V в. (Kurtz 1975: 131 ff., 153, pl. 69, 2, 5; CVA: Deutschland 43, 2: Taf. 51, 1–2).

Обзор краснофигурной керамики следует начать с обломка краснофигурного кратера типа *Column-craters* с изображением дионисийского фиаса (рис. 4, 2; 5, 5; кат. 5). Частично сохранились только верхние части фигур Диониса в окружении двух сатиров и менады. Дионис повернул голову и смотрит на сатира, за спиной которого изображена менада с факелом в руке. На ее голове гладкий чепец и венок. Второй сатир изображен справа от Диониса. Фигуры Диониса и сатиров окружены виноградной лозой. Верхняя часть рамки в месте перехода от плечей к горлу оформлена в виде пояса овов. На горле представлен пояс завитков с побегам лотосов. Бороды и пряди волос сатиров и Диониса оканчиваются характерными завитками, нанесенными разбавленным лаком. На голове Диониса изображена лента, а не венки, более распространенный в иконографии

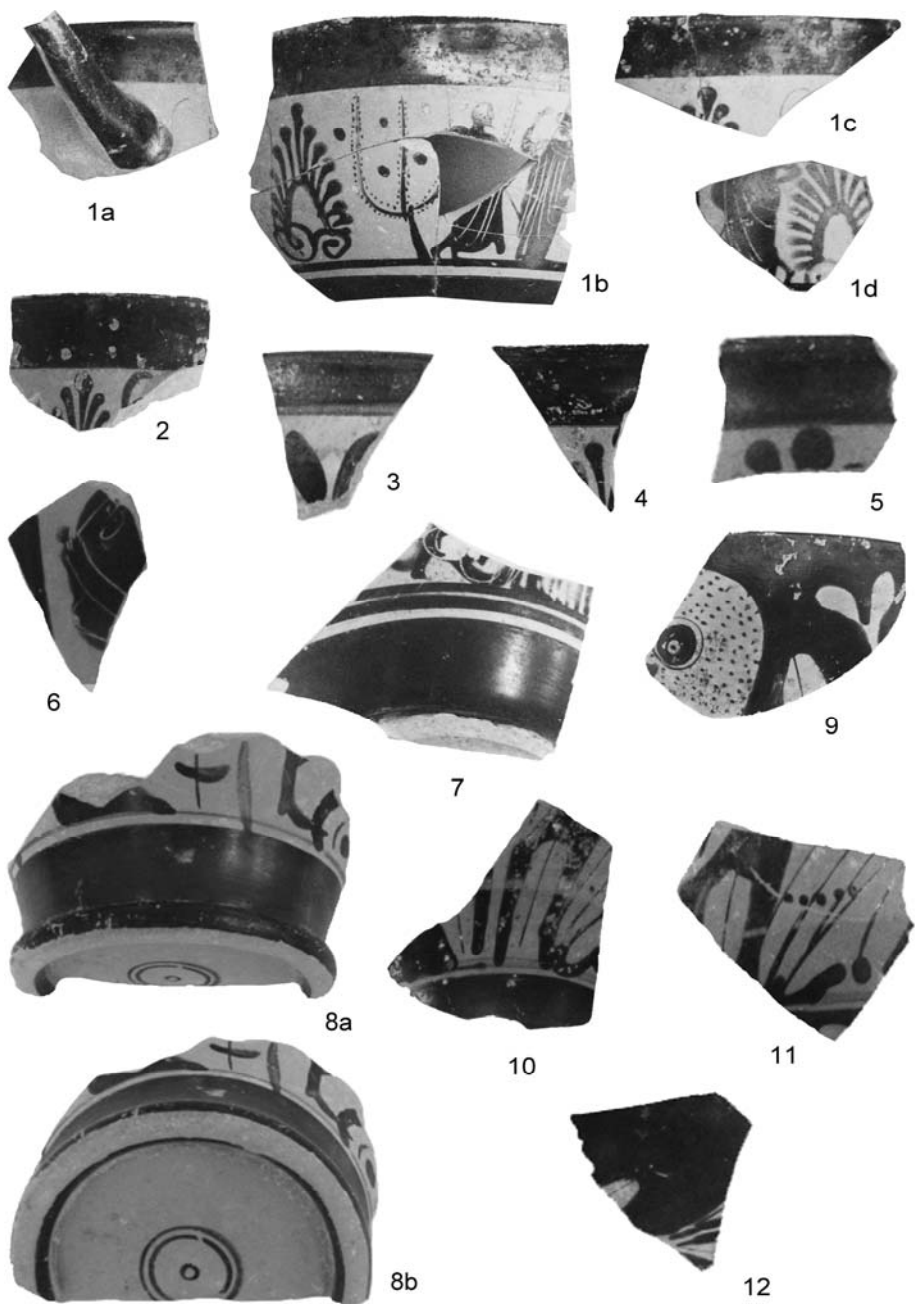

Рис. 3. Менекше Чагай, фрагменты чернофигурных (1–7) и краснофигурных (8–12) сосудов
 Fig. 3. Menekshe Chatai, fragments of black-figured (1–7) and red-figured (8–12) vessels

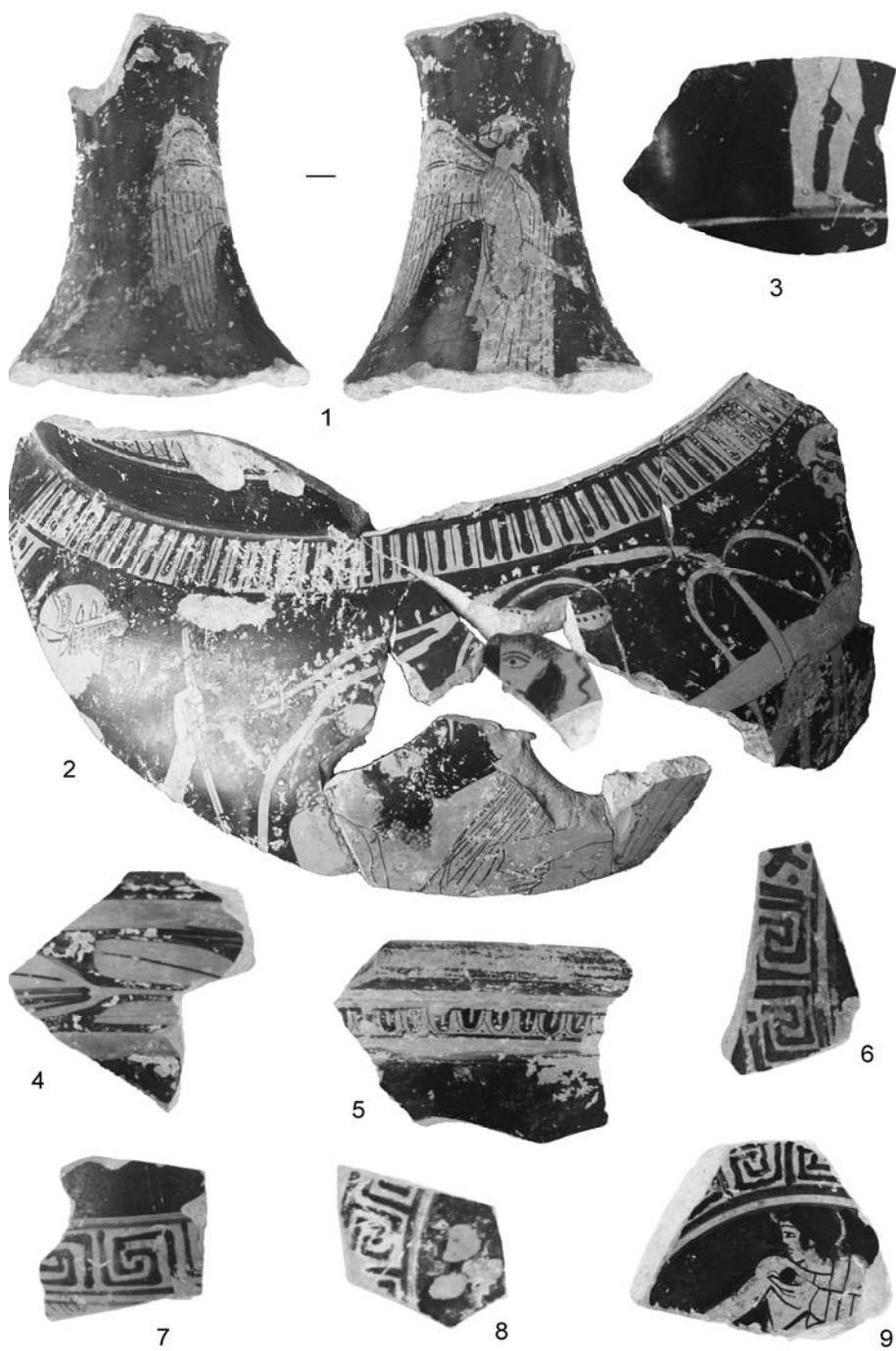

Рис. 4. Менекше Чагай, фрагменты краснофигурных сосудов
Fig. 4. Menekshe Chatai, fragments of red-figured vessels

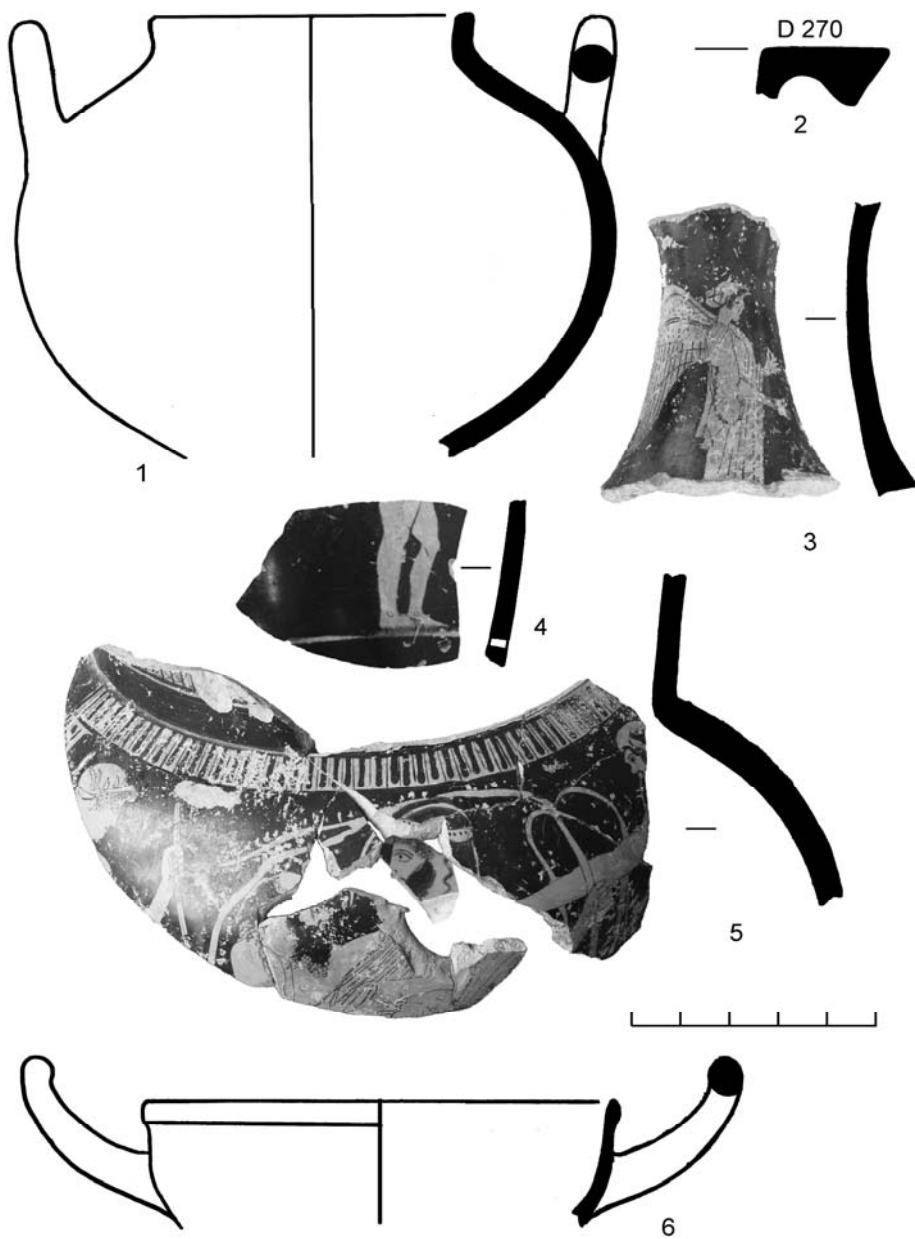

Рис. 5. Менекше Чагай, профили чернофигурных (1–2) и краснофигурных (3–6) сосудов
 Fig. 5. Menekshe Chatai, profiles of black-figured (1–2) and red-figured (3–6) vessels

этого божества. Образ Диониса с прической, перевязанной лентой, встречается на нескольких кратерах первой половины V в. (ARV²: 1121. 10; 531. 39).

Сцена на рассматриваемом кратере может быть реконструирована по многочисленным аналогиям. Вероятно, Дионис предлагает находящемуся от него слева сатиру рог или чашу с вином, на которую тот смотрит, слегка опустив голову. Сатир справа дотрагивается до плеча бога, за его спиной изображена менада с тирсом или факелом в руке,двигающаяся к Дионису. Аналогичную группу мы встречаем, например, на амфоре Мастера Силеуса (ARV²: 249. 1; Moon, *Berge* 1979: 156, no. 90). Наиболее близкую, хотя и не аналогичную к рассматриваемому рисунку композицию, имеют росписи кратеров Мастеров Алкимаха, Флоренция и Каинеуса (ARV²: 531. 39; 543. 44).

Роспись кратера имеет ярко выраженные экспрессивные и индивидуальные черты. Это впечатление обусловлено не только позами фигур, но и манерой изображения глаз с большими глазницами и округлыми зрачками. Особенно сильно это передано в изображении сатиров с большими, как бы вытарашенными глазами. В подобной же манере был изображен «козлиный глаз» сатира на краснофигурной ойнохое мастера Флоренция (Shapiro et al. 1995: 171).

Несмотря на некоторую небрежность в передаче деталей изображений и орнамента, художнику удалось создать живые и динамичные образы. Профиль менады имеет индивидуальные черты: маленький рот со слегка оттопыренной нижней губой, полуовальный штрих у носа, большие, сдвинутые к переносице глазницы делают лицо некрасивым и придают ему несколько капризное выражение. Похожая манера изображения женского и юношеского лиц встречается на вазах таких вазописцев, как Алкимах, мастер Борей и Флоренция (ARV²: 531. 33; 534. 2; 539. 43, 47; 541. 3, 7; 543. 47). Манера росписи, композиция и тема рисунка на обломке кратера из Менекше Чатай характерны для мастера Флоренция, работавшего около 465–455 гг. (Ibid.: 540–545). Особенно показателен в этом отношении тип сатира с развевающимися волосами и большими, имеющими округлые зрачки глазами. В аналогичной манере изображены головы сатиров на кратерах, расписанных этим мастером (Ibid.: 543. 43–44, 49). Аналогичную манеру изображения лица Диониса – в профиль, с глубоко посаженными миндалевидными глазами со зрачками, расположенными в центре глазницы, дугообразными, как бы приподнятыми веками и бровями, ноздрями в виде полуovalов – можно встретить на изображениях мужских персонажей, принадлежащих этому вазописцу (например: Ibid.: 541. 1, 1658; 543. 37).

К кратерам типа Column-craters принадлежали также несколько обломков массивных отогнутых венцов, украшенных по верхней площадке декоративным поясом лотосов, а по выступу – поясом плюща (рис. 2, 2–4; кат. 2–4). Подобный декор был широко распространен в аттической вазописи второй половины VI–начала V в. (например: *Agoga* XXIII: 25, no. 41; *CVA: USA* 19, 2: 86.583, pl. 108, 13–14; *CVA: Italia* 69, 5: Taf. 14, 16). Два других обломка венцов принадлежали кратерам разных типов. Первый, декорированный поясом ионического киматия, принадлежал сосуду типа Bell-krater (рис. 4, 5; кат. 6). Как известно, сосуды этого типа производились начиная с середины V в. вплоть до IV в. (*Agoga* XXX: 31 ff). Другой фрагмент принадлежал сосуду типа Calyx-krater и был украшен декоративным поясом в виде лавровой ветви (рис. 4, 4; кат. 7). Этот элемент декора

характерен для сосудов типа Bell-krater, а на сосудах типа Calyx-krater он появляется около середины V в. (Agora XXX: 29, nos. 272, 280).

Обломок горла ойнохой с изображением Ники (рис. 4, 1; 5, 3; кат 20) относился к классу Agora P 15849, объединяющему ойнохой с вытянутым горлом и широким, массивным венцом, найденные на северном склоне Афинской агоры. Издатель выделял три группы сосудов, относящихся к указанному классу, и предполагал, что все они были произведены в одной мастерской. Ближайшей параллелью нашему экземпляру является обломок горла ойнохой с изображением Афины, относящейся к группе III, датированный около 410 г. (Green 1962: 92–93, nos. 14–15; Agora XXX: pl. 84, 823).

Роспись на всех известных на сегодняшний день сосудах этого класса принадлежала мастеру Шуваловской амфоры и мастеру Йены (Green 1962: 82–83, 90–91; ABV: 1211, 1687). Публикуемый обломок украшен краснофигурным изображением Ники в чепце и хитоне. Обе руки богини согнуты в локтях, кисти слегка приподняты, большие и указательные пальцы соединены. Вероятно, в руках она держала венок или ленту, изображение которых не сохранилось. Ника в такой же позе с венком в руках изображена на кратере из музея Метрополитен (CVA: USA 1: pl. (43) 23.1; ARV²: 1108. 23) и с лентой – на кратере из Британского музея (CVA: Great Britain 8, 6: III.1, C. 3–4, pl. (360) 85, 1A–B; ARV²: 580. 2, 1615). Завитки волос изображены при помощи разбавленного лака. Складки хитона, а также перья крыльев переданы прямой, частой, местами небрежной штриховкой. Маховые перья отделены от остальной части крыла полосой. Верхняя часть крыла орнаментирована точками. В похожей манере изображены Эроты и женские фигуры на сосудах, расписанных мастером Шуваловской амфоры (см. CVA: Deutschland 6, 2: III I, Pl. 77, 4; 80, 3, 5; Lear, Cantarella 2008: 172, fig. 5, 4(A); ARV²: 1209. 58; 1210. 69). Особенности изображения головы Ники также указывают на манеру этого мастера: прямой, в одну линию профиль лба и носа, дугообразные брови, большие миндалевидные глаза, архаизирующая улыбка и массивный, скругленный подбородок. Сюжеты росписи с крылатыми божествами, изображения женских фигур и роспись на горлах сосудов характерны для этого мастера (например: ARV²: 1208. 43–45; CVA: Italia 37, 1: 12–13, pl. (1672) 28, 5–6).

Серия обломков принадлежала краснофигурным скифосам. Роспись нижней части сосуда с сохранившимся изображением ног юноши или сатира выполнена в манере, характерной для вазописцев второй половины V в. (рис. 4, 3; кат. 21; ср. ARV²: 1258, 1401. 6). Несколько фрагментов стенок, украшенных изображениями совы между оливковыми ветвями, относились к достаточно распространенной аттической группе (рис. 3, 9–12; кат. 19, 22, 23). Большинство подобных скифосов датируются в пределах второй–третьей четвертей V в. (Agora XXX: 64). На наиболее полно сохранившемся фрагменте видно изображение части головы совы, оперение которой передано многочисленными точками, а также верх оливковой ветви (кат. 22). В аналогичной манере расписана группа скифосов, представленных в различных коллекциях (CVA: USA 38: 48–49, fig. 42, pl. (1991) 51, 1–2; CVA: Roumanie 1: pl. (033) 33, 3; CVA: Suisse 1, 1: pl. (12) 12, 5; CVA: France 36: pl. (1595) 23, 3–4). К другому типу относится нижняя часть краснофигурного скифоса, принадлежавшая сосуду типа A (Аттического) (рис. 3, 8a–8b; кат. 24). Тип объединяет самую многочисленную среди материалов раскопок Афинской

агоры группу краснофигурных скифосов (Agora XXX: 62–63, no. 1304). Сохранившаяся роспись в виде сердцевины пальметты и, вероятно, нижней части фигуры стоящего юноши позволяет отнести этот сосуд к Группе FB и датировать его в пределах первой половины IV в. (ср. ARV²: 187 ff.; CVA: Great Britain 12: pl. (555) 28, 7A–C).

Несколько обломков принадлежат чашам – наиболее распространенному типу краснофигурных аттических сосудов (рис. 4, 6–8; кат. 25). По материалам Афинской агоры выделяется три типа краснофигурных чаш, производство которых охватывает период от третьей четверти VI до начала IV в. Хотя убедительно установить тип чаш, к которому принадлежали наши фрагменты, невозможно, следует отметить, что присутствующая на всех фрагментах рамка из меандра, окаймляющая тондо, получает распространение с первой четверти V в. (Agora XXX: 67–73). На наиболее полно сохранившемся фрагменте изображен оборачивающийся влево юноша в гиматии (рис. 4, 9; кат. 26). Манера изображения головы юноши – в профиль, с коротким, как бы срезанным носом и глубоко посаженными, большими глазами – характерна для мастера Йельской чаши, работавшего в первой половине V в. (ARV²: 395–397. 27–31, 40).

В заключение обзора коллекции черно- и краснофигурной керамики из раскопок поселения Менекше Чатай следует отметить, что входящие в нее предметы датируются в пределах конца VI–конца V в. Кроме очевидного для указанного периода вывода о преобладании аттического импорта среди расписной столовой керамики и сосудов для масла и косметики следует подчеркнуть типологическую однородность коллекции на протяжении всего периода. В расписной столовой керамике поселения преобладали сосуды для вина и лекифы. Вероятно, расписная керамика использовалась только в специальных случаях, тогда как в повседневной жизни жители поселения пользовались более простой посудой. К сожалению, отсутствие комплексных публикаций керамических находок, происходящих из Северной Пропонтиды, не позволяет проследить закономерности распространения отдельных типов расписной керамики в регионе. Эта задача может быть решена только введением в научный оборот материалов раскопок отдельных памятников и последующим сравнительным анализом всего объема имеющихся материалов.

Каталог

1. Пиксида (рис. 2, 1; 5, 1).

Stamnos-Pyxis. Менç 4.04 41/O F.66. D = 11 см.⁵ Низкий, прямой венец, тулово округлой формы. Глина желтоватая (10YR 7/6), коричневый лак (7,5YR 2,5/1): венец, ручки, фигуры животных, декоративные пояса. Пурпурная краска: сердцевина пальметты, детали изображений животных. Контуры фигур прочерчены. Родос, вторая половина VI в.

2. Кратер (рис. 2, 2a–2b; 5, 2).

Column-krater. Менç 06 41/P 34. D = 30 см. Массивный отогнутый венец с плоской полкой и нависающим прямоугольным краем. Желтая глина (2,5Y 7/6); черный лак (2,5YR 2,5/1): ионийский киматий, пояс плеча, линейный орнамент. Аттика, вторая половина VI–начало V в.

3. Кратер (рис. 2, 3a–3b).

Column-krater. Менç 04 41/O 74. D = 27 см. Массивный отогнутый венец с плоской полкой и нависающим прямоугольным краем. Желтая глина (2,5Y 7/6); черный лак (2,5YR 2,5/1): пояс цветов лотоса, пояс плеча, линейный орнамент. Аттика, вторая половина VI–начало V в.

⁵ Здесь и далее: D – диаметр по внешнему краю венца. Цвета указаны по Munsell 2009.

4. Кратер (рис. 2, *4a–4b*).
Column-krater. Меңç 06 41/O 107. D = 27 см. Возможно, от того же сосуда, что и кат. 3.
5. Кратер (рис. 4, 2; 5, 5).
Column-krater. Меңç 06 152.1. 15 × 7,9 см. Глина красно-желтого цвета (7.5YR 8/6): фигуры, орнаментальные пояса. Черный лак (GL1 2.5/N): детали фигур, фон, пояс лотосов. Мастер Флоренция, около 465–455 гг.
6. Кратер (рис. 4, 5).
Bell-krater. Меңç 04 41/O 38. D = 17,5 см. глина красно-оранжевая (5YR 7/8): ионийский киматий; черный лак (GL2 2.5/5B). Аттика, вторая половина V в.
7. Кратер (рис. 4, 4).
Calyx-krater. Меңç 39 M. 4,1 × 3,7 см. Красно-желтая глина (5YR 7/8): пояс в виде лавровой ветви. Черный лак оливкового оттенка (GL1 2.5/N). Аттика, вторая половина V в.
8. Чаша (рис. 3, *1a–1d*; 5, 6).
Cup-skyrphos. Меңç 03 41/O 83. D = 14 см. Обломок отогнутого края. Красно-желтая глина (5YR 7/6). Черный лак (5YR 2.5/1): ручки, поддон, край, фигуры, декор. Класс K2, 490–480 гг.
9. Чаша (рис. 3, 2).
Cup-skyrphos. Меңç 04 41/O 10. 3,1 × 4,3 см. Обломок отогнутого края. Красно-желтая глина (5YR 7/6). Черный лак (5YR 2.5/1): край, пальметта. Аттический тип, первая половина V в.
10. Чаша (рис. 3, 3).
Cup-skyrphos. Меңç 06 40/O 16. 4,1 × 4,3 см. Обломок отогнутого края. Красно-желтая глина (5YR 7/6). Черный лак (GL1 2.5/10Y): край, пальметта. Аттический тип, первая половина V в.
11. Чаша (рис. 3, 4).
Cup-skyrphos. Меңç 04 42 M 69. 3,8 × 4 см. Обломок отогнутого края. Розовая глина (7.5YR 8/4). Черный лак оливкового оттенка (GL1 2.5/10Y): край, пальметта. Аттический тип, первая половина V в.
12. Чаша (рис. 3, 5).
Cup-skyrphos. Меңç 04 41 N 82. D = 14 см. Обломок отогнутого края. Красно-желтая глина (5YR 7/6). Черный лак оливкового оттенка (GL1 2.5/10Y): край, пальметта. Аттический тип, первая половина V в.
13. Чаша (рис. 3, 6).
Cup-skyrphos. Меңç 04 41 N 82. 2,1 × 3 см. Обломок отогнутого края. Красно-желтая глина (5YR 7/6). Черный лак оливкового оттенка (GL1 2.5/10Y). Аттический тип, первая половина V в.
14. Чаша (рис. 3, 7).
Cup-skyrphos. Меңç 03 41/N 3. 5,6 × 7 см. (5YR 7/6). Нижняя часть тулова и поддон. Черный лак (5YR 2.5/1): линейный орнамент, растительные завитки с точками. Белая краска: точки. Аттический тип, первая половина V в.
15. Ольпа (рис. 2, *5a–5g*).
Меңç 41/O 73. D = 8,5 см. Прямой венец; покатые плечи. Красно-желтая глина (5YR 7/8). Черный лак оливкового оттенка (GL1 2.5/10Y): шахматный орнамент на венце, орнамент в виде пояса пальметт, фигурная роспись. Аттика, последняя треть VI в.
16. Сосуд закрытого типа (рис. 2, 6).
Меңç 05 40/O 8. 5,8 × 8 см. Красно-желтая глина (5YR 7/6). Черный лак оливкового оттенка (GL1 2.5/10Y): пояс цветов лотоса. Аттика, конец VI–начало V в.
17. Лекиф белофонный (рис. 2, 7).
Меңç 06 41 N. 10 × 5,7 см. Обломок тулова. Розовая глина (5YR 7/4); черный лак (5YR 2.5/1); розово-белый фон (5YR 8/2). Класс Афины 581, I, около 500–450 гг.
18. Лекиф (рис. 2, 8).
Меңç 03 41/N 22. 9,2 × 7 см. Обломок тулова. Красно-желтая глина (5YR 6/8). Черный лак (5YR 2.5/1): пальметты, пояса. Белый: точки. Мастерская Белдам, 500–450 гг.
19. Лекиф (рис. 2, *9a–9c*).
Меңç 03 41/N 43. (a) 0,8 × 3 см; (b) 2,5 × 3,8 см; (c) 4,8 × 3,7 см. Фрагменты тулова. Красно-желтая глина (7.5YR 7/6–7/8). Черный лак (7.5YR 2.5/1): пальметты, точки, пояса. Белый: фон. Группа DL или Little Leon. Мастерская Диосфоса, около 500–475 гг.
20. Ойнохоя (рис. 4, 1; 5, 3).
Меңç 06 152/1. H = 12,5 см. Обломок горла. Красно-желтая глина (7.5YR 6/8): изображение Ники. Черный лак оливкового оттенка (GL2 2.5/10G). Класс Agora P 15849. Мастер Шуваловской амфоры, 440–410 гг.
21. Скифос (рис. 4, 3; 5, 4).
F.26 41/0 29.5. 8,3 × 5,7 см. Фрагмент стенки. Красно-желтая глина (5YR 7/6): фигурная роспись, пояс. Черный лак (GL1 2.5/N). В нижней части тулова сквозное отверстие. Аттика, вторая половина V в.

22. Скифос (рис. 3, 9).
 Менç 06 41/O 151. D = 9,7 см. Обломок верхней части тулова с краем. Красно-желтая глина (5YR 7/8). Черный лак (GL1 2.5/N). Группа Совы, 475–425 гг.
23. Скифос (рис. 3, 10–12).
 Обломок тулова: Менç 03 41 N 5 (рис. 3, 10). 7,2 × 5,7 см; Менç 04 41/O 47 (рис. 3, 11). 4,2 × 5,6 см; Менç 04 41/O 117 (рис. 3, 12). 3 × 4,1 см. Красно-желтая глина (5YR 6/8): лавровая ветвь. Черный лак (GL1 2.5/N). Группа скифосов Совы, 475–425 гг.
24. Скифос (рис. 3, 8a–8b).
 Менç 04 41/O 9. D = 6,2 см. Нижняя часть тулова с поддоном. Розовая глина (7.5YR 8/4). Черный лак (GL1 2.5/N): фигурная роспись. Тип А, Группа FB, 400–350 гг.
25. Чаша (рис. 4, 6–8).
 Обломок дна: Менç 04 41 N 68 (рис. 4, 6). 2,5 × 3,8 см; Менç 03 41 N 3 (рис. 4, 7). 2,5 × 2,8 см; Менç 04 41/O 30 (рис. 4, 8). 3 × 1,7 см. Красно-желтая глина (5YR 7/8). Черный лак (GL1 2.5/10GY). Аттика, около 475–400 гг.
26. Чаша (рис. 4, 9).
 Менç 03 41 N 3. 9,3 × 10 см. Обломок дна. Красно-желтая глина (5YR 7/8). Черный лак оливково-го оттенка (GL1 2.5/10GY). Мастер Йельской чаши, 500–450 гг.

Literature

- ABV – *Beazley J. D. Attic Black-Figure Vase-Painters*. Oxford: Clarendon Press, 1956. P. xvi + 851.
- Agora XXIII – *Moore M. B., Pease-Philippides M. Z. P. Attic Black-Figured Pottery*. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1986. P. xvi + 382; 22 figures, 124 plates, 1 plan (The Athenian Agora. Vol. 23).
- Agora XXX – *Moore M. B. Attic Red-Figured and White-Ground Pottery*. Princeton, American School of Classical Studies at Athens, 1997 (The Athenian Agora. Vol. 30).
- Amyx 1988 – *Amyx D. A. Corinthian vase-painting of the archaic period*. Berkeley: University of California Press, 1988. P. xliii + 809, 143 plates (California studies in the history of art. 25).
- ARV² – *Beazley J. D. Attic Red-Figure Vase-Painters*. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1963. 3 vols. P. lvi + 2036.
- CIRh, 3 – *Jacopi G. Clara Rhodos: studi e materiali pubblicati a cura dell’Istituto storico-archeologico di Rodi*. Vol. 3. Scavi nella necropoli di Jalisso: 1924–1928 Giulio Jacopi. Rodi: Istituto storico-archeologico, 1929.
- CVA: Canada 1 – *Hayes J. W. (ed.)*. Canada 1. Royal Ontario Museum. Oxford; New York: Published for the British Academy and the Royal Ontario Museum by Oxford University Press, 1981.
- CVA: Deutschland 6, 2 – *Lullies R. Deutschland 6, 2*. München, Museum Antiker Kleinkunst. München: Beck’sche Verlagsbuchhandlung, 1944.
- CVA: Deutschland 15, 1 – *Simon E. Deutschland. 15, 1*. Mainz, Universität. München: Beck’sche Verlagsbuchhandlung, 1959.
- CVA: Deutschland 43, 2 – *Büsing-Kolbe A. Deutschland 43, 2*. RGZM. München: C. H. Beck, 1977.
- CVA: Deutschland 56, 10 – *Fellmann B. Deutschland 56, 10*. München, Antikensammlungen ehemals Museum Antiker Kleinkunst. München: Beck’sche Verlagsbuchhandlung, 1988.
- CVA: France 36 – *Halm-Tisserant M. France 36. Corpus vasorum antiquorum*. Nantes, Musée Dobrée. Nantes: Musée Dobrée, 2001.
- CVA: Great Britain 8, 6 – *Walters H. B. Great Britain 8, 6*. British Museum (Department of Greek and Roman Antiquities). London: The British Museum, 1931.
- CVA: Great Britain 12 – *Ure P. N., Dunman Ure A. D. Great Britain 12*. University of Reading. London: Published for the British Academy and the University of Reading by G. Cumberlege, Oxford University Press, 1954.
- CVA: Italia 7, 2 – *Bermond Montanari G. Italia 7, 2*. Museo civico di Bologna. Roma: Libreria dello Stato, 1960.
- CVA: Italia 37, 1 – *Ballesteros A., Paolo E. Italia 37, 1*. Ferrara, Museo nazionale. Ferrara: Istituto Poligrafico dello Stato, 1963.
- CVA: Italia 69, 5 – *Valenza Mele N. Italia 69, 5*. Museo Nazionale di Napoli. Raccolta cumana. Roma: L’Erma di Bretschneider, 1995.
- CVA: Roumanie 1 – *Dimitriu S., Alexandrescu P., Dumitrescu V. Roumanie 1*. Institut d’Archéologie, Musée National des Antiquités. Bucarest: Éditions de l’Académie de la République Socialiste de Roumanie, 1965.

CVA: Russia, 1 – *Gran-Aymeric J.* Russia 1. Pushkin State Museum of Fine Arts. Moscow: Pushkin State Museum of Fine Arts, 2005.

CVA: Suisse 1, 1 – *Bruckner A.* Suisse 1, 1. Genève, Musée d'Art et d'Histoire. Berne: Herbert Lang and C-ie AG, 1962.

CVA: USA 1 – *Gallatin A., Hoppin J. C.* United States of America 1. Hoppin and Gallatin Collections. Paris: Librairie Ancienne E. Champion, 1927.

CVA: USA 19, 2 – *True M.* USA 19, 2. Museum of Fine Arts, Boston. Attic black-figured pelike, kraters, dinoi, hydriai, and kylikes. Mainz: Philipp von Zabern, 1978.

CVA: USA 38 – *Matheson S. B.* USA 38. Yale University Art Gallery, New Haven, Connecticut. Mainz: von Zabern, 2011.

Erim-Özdoğan, Işın 2003 – *Erim-Özdoğan A., Işın M. A.* Tekirdağ Menekşe Çatağı, Doğu Çatak Kazısı // KST. 2003. 24/1. S. 377–389.

Green 1962 – *Green J. R.* A new oinochoe series from the Acropolis North Slope // *Hesperia*. 1962. Vol. 31 (1). P. 82–94.

Isaac 1986 – *Isaac B.* The Greek Settlements in Thrace Until the Macedonian Conquest. Leiden: Brill, 1986. 304 p.

Işın 1995 – *Işın M. A.* Menekşe Çatağı 1993 Yılı Kurtarma Kazısı // MKKS. 1995. 5. S. 17–26.

Işın, Özdoğan 1997 – *Işın M. A., Özdoğan A.* Tekirdağ Menekşe Çatağı 1995 Yılı Sonu Bilimsel Raporu // MKKS. 1997. 7. S. 89–98.

Işın, Özdoğan 1998 – *Işın M. A., Özdoğan A.* Tekirdağ Menekşe Çatağı 1996 Yılı Bilimsel Raporu // MKKS. 1998. 8. S. 363–379.

Kanowski 1983 – *Kanowski M. G.* Containers of Classical Greece: A Handbook of Shapes. London; New York: University of Queensland Press, 1983. 207 p.

Kurtz 1975 – *Kurtz D. C.* Athenian white lekythoi. Oxford: Clarendon Press, 1975. P. xxi + 255; 34 figs, 72 plates.

Lear, Cantarella 2008 – *Lear A., Cantarella E.* Images of Ancient Greek Pederasty: Boys Were Their Gods. London; New York: Routledge, 2008. P. xviii + 262.

Lynch 2005 – *Lynch K. M.* Athenian Black-Figured and Black Gloss Pottery // Papadopoulos J. K., McK. Camp J., De Jong P. (eds.). The Art of Antiquity: Piet de Jong and the Athenian Agora. Athens: American School of Classical Studies at Athens, 2005. P. 175–202.

Moon, Berge 1979 – *Moon W., Berge L.* (eds.). Greek Vase Painting in Midwestern Collections. Chicago: The Art Institute of Chicago, 1979. 231 p., 8 plates, 375 figs.

Munsell 2009 – *Munsell Soil Color Charts.* Michigan: Grand Rapids, 2009.

Özdoğan, Işın 1999 – *Özdoğan A., Işın M. A.* Tekirdağ Menekşe Çatağı Kazıları 1997 Yılı Çalışmaları // KST. 1999. 20/1. S. 295–310.

Özdoğan, Işın 2000 – *Özdoğan A., Işın M. A.* Tekirdağ Menekşe Çatağı Kazıları 1998 Yılı Çalışmaları // KST. 2000. 21/1. S. 239–250.

Özdoğan, Işın 2002 – *Özdoğan A., Işın M. A.* Tekirdağ Menekşe Çatağı Kurtarma Kazıları // KST. 2000. 23/1. S. 313–326.

Özdoğan et al. 2004 – *Özdoğan A., Akaç F., Işın M. A.* Tekirdağ Menekşe Çatağı, Doğu Çatak Kazısı // KST. 2004. 25/2. S. 421–434

Perron 2012 – *Perron M.* The influences of East Greek Pottery on North Aegean Vase-Painting A Group of Pyxides and Table Amphorae from Argilos // Tiverios M., Missailidou-Despotidou V. et al. (eds.). Archaic Pottery at the Northern Aegean and its Periphery 700–480 BC. Thessaloniki: Εκδόσεις Ζήτη, P. 139–150.

Shapiro et al. 1995 – *Shapiro H. A., Picón C. A., Scott G. D.* (eds.). Greek Vases in the San Antonio Museum of Art. San Antonio, Texas: San Antonio Museum of Art, 1995. 287 p.

Turan 2008 – *Turan D.* Menekşe Çatağı Hellenistik Dönem Seramiği // Marmara Araştırmaları Sempozyum Bildirileri. İstanbul: Ege Yayınları, 2008. S. 23–40.

Ure, Hunt 1927 – *Ure P. N., Hunt A. D.* Sixth and Fifth Century Pottery from Excavations made at Rhitsona. London: Oxford University Press, 1927. P. viii + 111, XXV plates.

Vanderpool 1938 – *Vanderpool E.* The Rectangular Rock-Cut Shaft // *Hesperia*. 1938. Vol. 7 (3). P. 363–411.

**COLLECTION OF BLACK-FIGURED AND RED-FIGURED
POTTERY FROM THE EXCAVATIONS OF THE MENEKSE
ÇATAĞI SETTLEMENT IN PROPONTIS**

R. V. Stoyanov, A. Erim-Ozdogan

The paper presents the collection of black- and red-figured pottery from the excavations of the Antique settlement of Menekse Çatağı, situated on the northwestern shore of the Marble Sea, 12 north-east of the modern Turkish town of Tekirdağ (fig. 1). The collection consists of 33 fragments of kitchenware and vessels for cosmetics and oil, dated to the second half of the VI–first half of the V c. BC (fig. 2–5). Worthy of special note among the black-figured vessels is a rare pyxis, produced in one of the East Mediterranean centers, probably on Rhodes (fig. 2, 1; 5, 1). The most conspicuous of the red-figured vessels are the neck of an oinochoe belonging to the Agora P 15849 class, bearing an image of Nike produced by the Shuvalov painter (fig. 4, 1; 5, 3), and a crater fragment with a depiction of the Dionysian thiasos (fig. 4, 2; 5, 5).

БРОНЗОВЫЙ КОТЕЛ ИЗ ПЕНДЖИКЕНТА

В. И. РАСПОПОВА

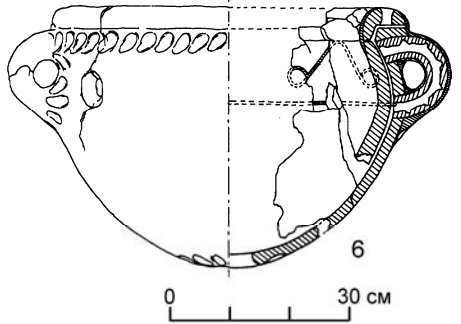
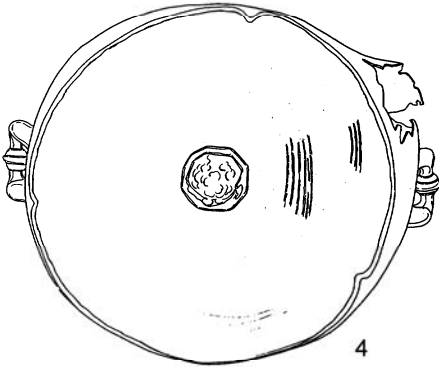
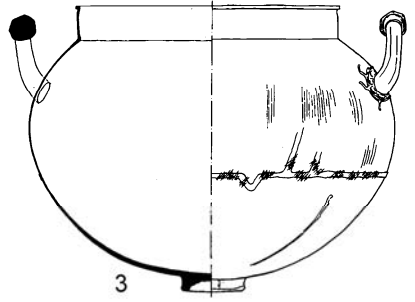
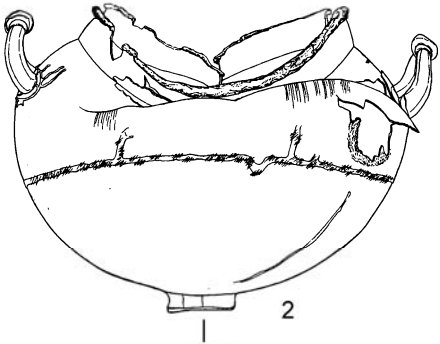
Ключевые слова: *Пенджикент, Гардани Хисор, котел, бронза, литье, VIII в.*
Keywords: *Penjikent, Gardani Khisor, cauldron, bronze casting, VIII c.*

Осенью 1997 г. в районе южного пригорода древнего города Пенджикент, к северу от усадеб, бульдозерист нашел во время земляных работ бронзовый округлодонный котел на невысоком поддоне. Место находки обследовал директор Пенджикентского археологического музея-заповедника АН Таджикистана И. Рахматуллоев, но никаких древних сооружений он здесь не обнаружил.

Котел еще в древности был деформирован и получил пробоины, его металл частично разрушен окислами (рис. 1, 1–5; 2, 1, 2). Наружная поверхность изделия закопчена, причем наиболее интенсивно – его нижняя часть. Внутри котла копоты не было. Покрытые копотью ручки позднее были заполированы. Котел имеет следующие размеры: диаметр – 25 см, наибольшая ширина – 34 см, высота с поддоном – 27 см, высота венчика – 3 см, высота поддона – 1,2 см, диаметр поддона – 6 см. Толщина стенок в местах разрыва металла между венчиком и плечиком достигает 1 мм.

Глиняная форма, в которой был отлит котел, состояла, скорее всего, из нескольких частей (две половины для тулова, формы для изготовления ручек были выполнены отдельно), соединенных вместе. Сосуд был отлит как единый предмет. Ниже середины его тулова видно место соединения двух частей формы. Этот шов зачищен. Вероятно, здесь проходила «веревочка», от которой остался лишь след. Ножка отлита вместе с туловом. Металл в форму заливали со стороны дна, на что указывают необработанная литейная поверхность внутри ножки и направление подтеков металла на тулове сосуда (рис. 1, 4, 5). Лучшее всего сохранились две округлые в сечении красиво изогнутые массивные ручки (рис. 2, 1, 2), которые имеют по два выступа, расположенных один над другим. Вокруг оснований ручек прослеживаются характерные литейные швы. Около одной из ручек видна заплатка. Другая заплатка имеется между венчиком и плечиком. С помощью заплаток могли либо исправлять дефекты литья, либо ремонтировать сосуд. Отмечаются неровности формы, в которой отлит котел. Изделие устойчиво стоит на поддоне, что говорит о высоком профессионализме литейщика, который сумел точно рассчитать центр тяжести котла.

Рис. 1. Пенджикент: 1–5 – бронзовый котел (1 – вид котла с двух сторон, фото; 2 – прорисовка; 3 – прорисовка с элементами реконструкции; 4 – вид снизу, прорисовка; 5 – необработанная литейная поверхность внутри ножки); 6 – форма для отливки котла (объект XXV, пом. 52, печь 2); 7 – изображение котла в живописи (объект XXI, пом. 1, западная стена, нижний ярус)
Fig. 1. Penjikent: 1–5 – bronze cauldron (1 – view from both sides, photograph; 2 – drawing; 3 – drawing with elements of reconstruction; 4 – bottom view, drawing; 5 – unfinished surface inside the leg); 6 – cauldron casting mold (object XXV, room 52, furnace 2); 7 – painted depiction of a cauldron (object XXI, room 1, western wall, lower level)

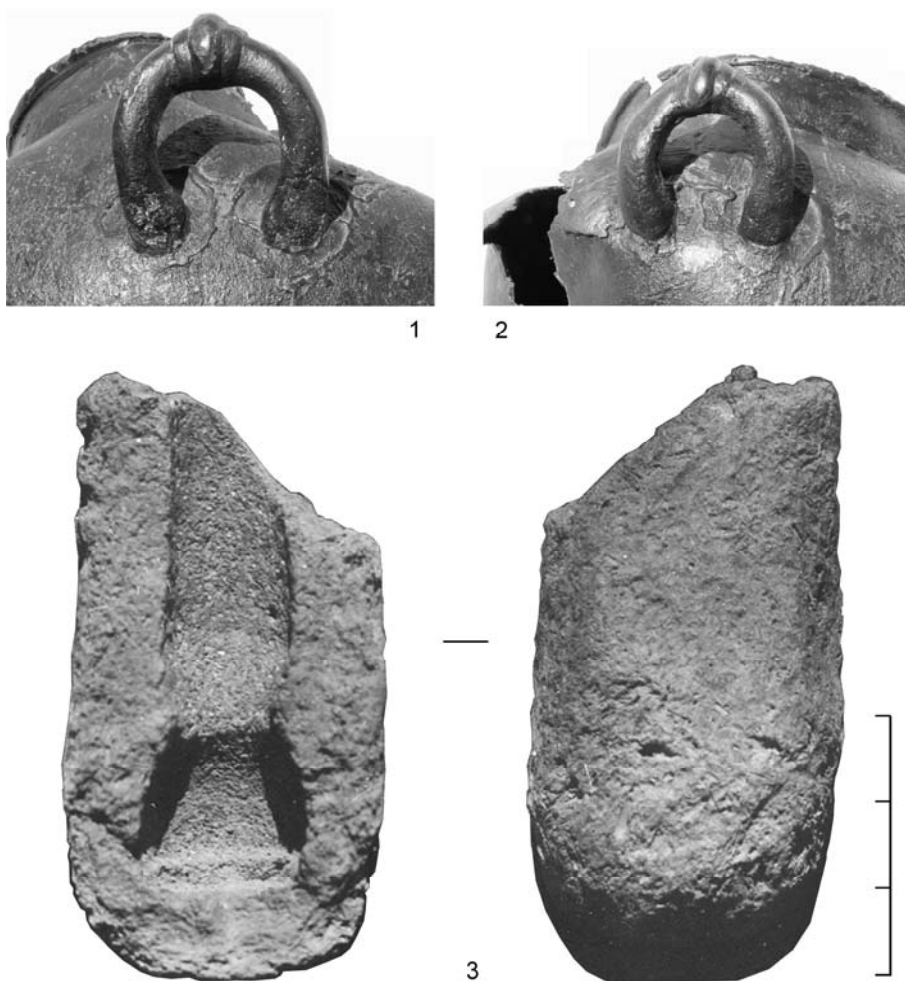

Рис. 2. Пенджикент: 1, 2 – ручки бронзового котла; 3 – фрагмент глиняной формы для отливки ножки сосуда

Fig. 2. Penjikent: 1, 2 – bronze cauldron handles; 3 – fragment of a clay mold for casting vessel legs

Находки котлов из бронзы в раннесредневековых слоях городищ Средней Азии – большая редкость. Мне известны лишь две публикации подобных предметов. Это фрагмент котла из Гардани Хисор в долине Зеравшана (Якубов 1975; 1987) и бронзовый котел, найденный в окрестностях г. Шымкент (Южно-Казахстанская обл.) в могиле VII в. н. э. (Смагулов и др. 2009: рис. 1, 2). Но котел из Казахстана имеет другие пропорции, чем согдийские, и более открытую форму.

Судя по размерам фрагмента котла из Гардани Хисор, диаметр его устья составляет 34,7 см, диаметр корпуса в самом широком месте – 37 см (высота обломка – 12 см). Нижняя часть котла отсутствует. «На плечике котла сохрани-

лась подковообразная ручка. Два конца ручки припаяны к плечикам. В середине верхней части ручка имеет выступ в виде шишки, причем выступ отлит одновременно с ручкой. Ручка в поперечном сечении круглая. Тулово котла украшено переплетенным веревочным орнаментом. Ручка и орнаментальная веревочка припаяны к тулову» (Якубов 1987: 135). Следует отметить, что «веревочка», являвшаяся обычным элементом орнаментации бронзовых котлов, была уже, как показывают материалы Пенджикента, предусмотрена в глиняной форме (рис. 1, б) (Распопова 2012: 570, рис. 2, 5), а не припаявалась позже. Фрагмент котла обнаружен на полу погибшего в результате пожара помещения, которое датируется концом VII–началом VIII в. (Якубов 1975: 202–203; 1987: 135). Котлы из Пенджикента и Гардани Хисор похожи, но не идентичны. Ю. Я. Якубов отметил сходство некоторых керамических котлов из раскопок в Гардани Хисор с бронзовыми изделиями. В Пенджикенте также выявлена серия глиняных лепных котлов различных размеров, копирующих металлическую посуду. Вся наружная поверхность глиняных котлов и их венчик изнутри часто бывают окрашены красным ангобом, который имитирует цвет медной посуды. Такие сосуды имеют декоративные накладные ручки. В отличие от бронзовых котлов, все керамические изделия являются плоскодонными (см., например, Бентович 1964: 288, рис. 29–31). Единичные экземпляры округлодонных станковых котлов в Согде зафиксированы в слоях VI в. (Маршак 2012: рис. 114, 1 – ТБ III, 2 – комплекс IV в Пенджикенте), но их нет в слоях VII–VIII вв.

В Пенджикенте исследованы две мастерские по производству глиняных форм для отливки бронзовых сосудов. Там же обнаружены обломки тиглей для плавки бронзы. Одна из найденных форм предназначалась для отливки округлодонного котла большого размера (диаметр не менее 60 см, высота 42 см, наибольшая ширина 54 см) с двумя ручками (Распопова 2012: рис. 2, 5).¹

Безусловно, назначение глиняных и металлических котлов было разным. В недорогих котлах из глины приготавливали пищу, и в каждом доме их насчитывалось несколько штук. Металлические сосуды – большая редкость. Объемистый медный котел использовали долгие годы и, скорее всего, передавали от соседа соседу. Сколько же мог стоить найденный в Пенджикенте бронзовый котел, вес которого составлял 6,3 кг? Попробуем приблизительно рассчитать стоимость металла, пошедшего на его изготовление. В Пенджикенте бронза была востребована не только ремесленниками, изготавливавшими украшения, уварь и т. д. Из этого металла делали мелкие монеты, которыми расплачивались на базаре. В условиях развитого ремесла и торговли в городе требовалось большое количество разменной монеты. Так как способы изготовления литой монеты были несложны, этим пользовались нечистые на руку люди – фальшивомонетчики. Мастерская одного из них открыта в Пенджикенте (Распопова 1976). Письменные источники донесли до нас наименование мелкой бронзовой монеты – «фань». В архиве документов с горы Муг сохранился обрывок записей расходов по дням: «седьмой (день) – 26 фаней, восьмой – <...> фаней, девятый – 40 фаней, десятый – 30 фаней» и т. д. (Лившиц 2008: 217). Самый большой расход приходится на 15-й день, когда было учтено 130 или 150 фаней. В надписи

¹ Похожий котел изображен в росписи Пенджикента (около 740 г.), иллюстрирующей притчу о царе обезьян (рис. 1, 7; Древности Таджикистана 1985: кат. № 575).

на черепке из Пенджикента упоминаются одновременно драхмы и фани (Лившиц 1962: 183, примеч. 7). Какова была покупательная способность «фая», мы не знаем, так как все цены и расчеты в Согде велись на серебряные деньги – драхмы. Курс мелкой монеты в середине VIII в., судя по арабской надписи на бронзовых монетах без отверстия, был «шестьдесят за дирхем» (Смирнова 1981: 67, 75–76, 78–80, 420, табл. XLVIII, № 1676, 1676а; LXXXV; LXXXVI; XCII, 62; Довутов 1987). На изготовление пенджикентского котла ушло 6,3 кг бронзы. Из этого количества металла можно было отлить 1145 самых тяжелых монет весом в 5,5 г. Поскольку 60 монет составляли дирхем, то из 6,3 кг бронзы можно было получить около 20 дирхемов. Как показал О. Г. Большаков, в VIII в. заработок хорошего ремесленника составлял 10–15 дирхемов в месяц (Беленицкий и др. 1973: 306).

Металлические сосуды редко находят при раскопках, поскольку их высоко ценили и берегли. За 60 лет исследования Пенджикента в слоях с V в. по 60–70-е гг. VIII в. обнаружены лишь серебряный кубок VI–VII вв., который захоронили в храме (VII в.) уже в поломанном состоянии (Маршак, Распопова 2004: 5–6, 47, рис. 106, табл. XXII–XXIV), серебряная с позолотой накладка с изображением Киртимукхи, украшавшая серебряную чашу (Маршак 1971: 105, рис. 33; Распопова 1980: 122, рис. 80, 1) и четыре бронзовых сосуда (не считая чаш, о них см. Распопова 1980: 125, рис. 83; 1999: 34, рис. 39–40). Одним из них является светильник на высокой ножке, составленной из трех бронзовых и двух железных частей, и резервуара в виде неглубокой чаши (Беленицкий 1961б: 88, рис. 12; Распопова 1980: 123, рис. 62, 5); другим – кувшин, форма которого не вполне ясна, так как его венчик обломан (Беленицкий 1961а: 85, рис. 4; Распопова 1980: 123, рис. 80, 9). В древности этот сосуд подвергся ремонту – дно у него отсутствовало, и поэтому кувшин впаляли в плоску. Еще два бронзовых сосуда происходят из кладовой жилища рядового горожанина Пенджикента (первая четверть VIII в.) (Распопова 1980: рис. 81). Не исключено, что они были спрятаны в хуме, так как лежали на его черепках, рядом с его дном. Один из них представлял собой зооморфный сосуд в виде быка, другой – светильник на трех львиных ножках. Фрагмент похожей львиной ножки был найден в Пенджикенте в составе вещей, предназначенных для переплава (Распопова 1999: 35, рис. 40, 11), а кроме того – на городище Афрасиаб (Распопова 1980: 123, рис. 82, 8). Сосуд в виде быка длительное время был в употреблении – конец одного уха животного обломан, в тулове сосуда сбоку имеется дыра, грубо залатанная в древности (Там же: 123, рис. 81). Тулово этого сосуда опиралось на три ножки, из которых две передние изображают ноги копытного животного. Аналогичные ножки от сосудов в Пенджикенте встречены дважды (Там же: 123, рис. 80, 4; 1999: 35, рис. 40, 10). Часть двухсоставной формы из обожженной глины для отливки подобной ножки (рис. 2, 3) происходит из той же мастерской, где была обнаружена форма для котла.

Большие металлические котлы, скорее всего, использовали во время каких-то ритуальных пиров. Недаром в храме I найдены печи, служившие, вероятно, для обжига литейных форм (Беленицкий и др. 1994: 103–105, рис. 4).

Согдийские бронзолитейщики умели отливать не только украшения, детали воинского снаряжения, различную утварь, но и высокохудожественные произведения – огромные статуи. Фрагмент одной из них был обнаружен в храме I Пенджикента в 1947 г. В отчете о работах на этом объекте А. М. Беленицкий

писал: «Наиболее интересная находка из этого металла (бронзы), обнаруженная в проходе из помещения II в айван, представляет массивное ухо животного (олена?), принадлежавшего, несомненно, весьма крупной статуе» (Беленицкий 1950: 103, табл. 51, 2). Деталь огромной статуи, найденной в «окрестностях г. Самарканда около арыка Даргом», хранится в Государственном музее истории Узбекистана в Ташкенте. От статуи сохранилась отлитая из бронзы передняя нога верблюда высотой 107 см при диаметре в бедренной части около 17 см, в колене – 12,5 см, в ступне – 25,5 см. Толщина литья составляет от 10 до 15 см (Ремпель 1977: 95, рис. 17).

Ю. Я. Якубов отметил, что происхождение котла из Гардани Хисор неизвестно, и предположил, что котел мог быть «изготовлен в Пенджикенте, в Самарканде, а может быть в Бутамоне» (Якубов 1975: 203; 1987: 137–138).

Исследование мастерских в Пенджикенте показало, что литейщики владели двумя специальностями, а скорее – тремя. Они должны были быть очень хорошими модельщиками, гончарами, литейщиками, которые умели обрабатывать изделие после литья, а также, видимо, приготавливать бронзу, как это было в Бухаре конца XIX–начала XX в. (Сухарева 1962: 38). Мастера такого уровня, безусловно, не могли быть обеспечены работой в Пенджикенте в течение целого года. Да и вряд ли здесь была стационарная мастерская. Следовательно, встает вопрос о «бродячих ремесленниках». Так что предположение Ю. Я. Якубова о месте изготовления котла из Гардани Хисор справедливо.

В 722 г. Пенджикент был захвачен арабами. Владелец котла стремился уберечь его как ценный металл от приближавшихся к городу вражеских войск и спрятал изделие неподалеку от дома. Так же удалось утаить бронзовые детали зооморфного трона в Южном Таджикистане (Атаханов 1992).

Литература

Атаханов 1992 – Атаханов Т. М. Царский трон правителя Шумана // Мероси ниёгон (Наследие предков). Душанбе: Дониш, 1992. Вып. 1. С. 91–93.

Беленицкий 1950 – Беленицкий А. М. Раскопки здания № 1 на шахристане Пянджикента (1947 г.) // Якубовский А. Ю. (отв. ред.). Тр. Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. Т. I. 1946–1947 гг. М.; Л., 1950. С. 100–105 (МИА. № 15).

Беленицкий 1961а – Беленицкий А. М. Об археологических работах Пенджикентского отряда в 1958 г. // АРТ. 1961. Вып. 6. С. 81–99.

Беленицкий 1961б – Беленицкий А. М. Об археологических работах Пенджикентского отряда ТАЭ в 1959 г. // АРТ. 1961. Вып. 7. С. 73–100.

Беленицкий и др. 1973 – Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973. 388 с.

Беленицкий и др. 1994 – Беленицкий А. М., Маришак Б. И., Распопова В. И. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1985 г. // АРТ. 1994. Вып. 25. С. 100–130.

Бентович 1964 – Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII–VIII вв.) // Беленицкий А. М. (отв. ред.). Тр. ТАЭ. 1954–1959 гг. М.; Л., 1964. С. 265–298 (МИА. № 124).

Довутов 1987 – Довутов Д. О среднеазиатских фельсах VIII в. с надписью «шестьдесят дирхем» // Раджабов С. А. (ред.). Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР. Серия востоковедение, история, филология. Душанбе: Дониш, 1987. № 2 (60). С. 46–49.

Древности Таджикистана 1985 – Древности Таджикистана: Каталог выставки / Зеймаль Е. В. (отв. ред.). Душанбе: Дониш, 1985. 344 с.

Лившиц 1962 – Лившиц В. А. Юридические документы и письма / Чтение, перевод и коммент. В. А. Лившица. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 222 с. (Согдийские документы с горы Муг. Вып. 2).

Лившиц 2008 – *Лившиц В. А.* Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 414 с.

Маршак 1971 – *Маршак Б. И.* Согдийское серебро: Очерки по восточной торевтике. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1971. 193 с.

Маршак 2012 – *Маршак Б. И.* Керамика Согда V–VII веков как историко-культурный памятник (К методике изучения керамических комплексов). СПб.: Изд-во ГЭ, 2012. 383 с.

Маршак, Распопова 2004 – *Маршак Б. И., Распопова В. И.* Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2003 году. СПб.: Изд-во ГЭ, 2004. 205 с. (МПАЭ. Вып. 6).

Распопова 1976 – *Распопова В. И.* Отливка монет в мастерских Пенджикента рубежа VII–VIII веков // КСИА. 1976. Вып. 147. С. 43–47.

Распопова 1980 – *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980. 139 с.

Распопова 1999 – *Распопова В. И.* Металлические изделия из Пенджикента. СПб.: Формика, 1999. 60 с., 43 рис.

Распопова 2012 – *Распопова В. И.* Литейные формы из Пенджикента // Алёхин В. А. и др. (ред.). Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунауч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 2. С. 564–571.

Ремпель 1977 – *Ремпель Л. И.* Фрагмент бронзовой статуи верблюда из Самарканда и крылатый верблюд Варахши (к вопросу о природе согдийского искусства) // Гафуров Б. Г., Литвинский Б. А. (ред.). Средняя Азия в древности и средневековье: История и культура. М.: Наука, 1977. С. 95–102.

Смагулов и др. 2009 – *Смагулов Е. А., Демиденко С. В., Ержигитова А. А.* О происхождении одной династии древнего Чага (регион Средней Сырдарьи) // Transoxiana. 14. Agosto 2009. URL: www.transoxiana.org/14/smagulov-demidenko-ancient_chach-rus.html.

Смирнова 1981 – *Смирнова О. И.* Сводный каталог согдийских монет: Бронза. М.: Наука, 1981. 548 с.

Сухарева 1962 – *Сухарева О. А.* Позднефеодальный город Бухара конца XIX–начала XX века. Ремесленная промышленность. Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1962. 192 с.

Якубов 1975 – *Якубов Ю.* Отчет Зеравшанского археологического отряда за 1971 г. о раскопках дворцового комплекса Гарданихсор в сел. Мадм // АРТ. 1975. Вып. 9. С. 196–209.

Якубов 1987 – *Якубов Ю. Я.* Бронзовые средневековые котлы Таджикистана // Негматов Н. Н., Рапов В. А. (ред.). Материальная культура Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1987. Вып. 4. С. 135–154.

Literature

Атаханов 1992 – *Atakhanov T. M.* Carskiy tron pravatelya Shumana (*Tsar's throne of Shuman the ruler*) // Merosi nie'gon (*Ancestral heritage*). Dushanbe: Donish, 1992. Vol. 1. P. 91–93 (in Russian).

Беленицкий 1950 – *Belenitsky A. M.* Raskopki zdaniya № 1 na shahristane Pyandjikenta (1947 g.) [*Excavations of building no. 1 in the suburb of Penjikent (1947)*] // Yakubovsky A. Yu. (ed.). Trudy' Sogdiysko-Tadjikskoy arheologicheskoy e'kspedicii (*Proceedings of the Sogd-Tajik Archaeological expedition*). Vol. 1. 1946–1947. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1950. P. 100–105 (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR. No. 15) (in Russian).

Беленицкий 1961a – *Belenitsky A. M.* Ob arheologicheskikh rabotah Pendjikentskogo otryada v 1958 g. (*Archaeological works of the Penjikent detachment in 1958*) // Archaeological works in Tajikistan. Dushanbe: Academy of Sciences of the Tajik SSR, 1961. Vol. 6. P. 81–99 (in Russian).

Беленицкий 1961b – *Belenitsky A. M.* Ob arheologicheskikh rabotah Pendjikentskogo otryada TAE' v 1959 g. (*Archaeological works of the Penjikent detachment of the Tajik Archaeological Expedition in 1959*) // Archaeological works in Tajikistan. Dushanbe: Academy of Sciences of the Tajik SSR, 1961. Vol. 7. P. 73–100 (in Russian).

Беленицкий и др. 1973 – *Belenitsky A. M., Bentovich I. B., Bolshakov O. G.* Srednevekovy'y gorod Sredney Azii (*Medieval town of Central Asia*). Leningrad: Nauka, 1973. 388 p. (in Russian).

Беленицкий и др. 1994 – *Belenitsky A. M., Marshak B. I., Raspopova V. I.* Raskopki gorodisch'a drevnego Pendjikenta v 1985 g. (*Excavations of ancient Penjikent in 1985*) // Archaeological works in Tajikistan. Dushanbe: Donish, 1994. Vol. 25. P. 100–130 (in Russian).

Бентович 1964 – *Bentovich I. B.* Keramika verhnego sloya Pendjikenta (VII–VIII vv.) [*Pottery from the upper layer of Penjikent (VII–VIII cc.)*] // Belenitsky A. M. (ed.). Trudy' Tadjikskoy arheologicheskoy e'kspedicii 1954–1959 gg. (*Proceedings of the Tajik Archaeological Expedition. 1954–1959*). Moscow; Leningrad, 1964. P. 265–298 (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR. No. 124) (in Russian).

Довутов 1987 – *Dovutov D. O. O sredneaziatskih fel'sah VIII v. s nadpis'y'u «shest' desyat dirhem» (About Central Asian folles of the VIII c. inscribed «sixty dirhams») // Radzhabov S. A. (ed.). Transactions of Social Science Division of the Academy of Sciences of the Tajik SSR. Series of oriental studies, history, and philology. Dushanbe: Donish, 1987. No. 2 (60). P. 46–49 (in Russian).*

Древности Таджикистана 1985 – *Drevnosti Tadjikistana: Katalog vy'ystavki (Antiquities of Tajikistan: Exhibition catalogue) / Zeimal E. V. (ed.). Dushanbe: Donish, 1985. 344 p. (in Russian).*

Лившиц 1962 – *Livshitz V. A. Juridical documents and letters (Yuridicheskie dokumenty' i pis'ma). Moscow: Oriental literature, 1962. 222 p. (Sogdiyskie dokumenty' s gory' Mug [Sogdian Documents from Mount Mōg]. Vol. 2) (in Russian).*

Лившиц 2008 – *Livshitz V. A. Sogdiyskaya e'pigrafika Sredney Azii i Semirech'ya (Sogdian epigraphy of Central Asia and Semirechye). St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg University, 2008. 414 p. (in Russian).*

Маршак 1971 – *Marshak B. I. Sogdiyskoe srebro: Ocherki po vostochnoy torevtike (Sogdian silver. Essays on the eastern turetics). Moscow: Nauka, The Main Office of Oriental Literature, 1971. 193 p. (in Russian).*

Маршак 2012 – *Marshak B. I. Keramika Sogda V–VII vekov kak istoriko-kul'turny'y pamyatnik (K metodike izucheniya keramicheskikh kompleksov) [Sogd pottery of the V–VII centuries as a historical and cultural monument (To the methodology of studying ceramic assemblages)]. St. Petersburg: State Hermitage, 2012. 383 p. (in Russian).*

Маршак, Распопова – *Marshak B. I., Raspopova V. I. Otchet o raskopkah gorodisch'a drevnego Pendjikenta v 2003 godu (Report of the excavations of ancient Penjikent in 2003). St. Petersburg: State Hermitage, 2004. 205 p. (in Russian).*

Распопова 1976 – *Raspopova V. I. Otlivka monet v masterskikh Pendjikenta rubeja VII–VIII vekov (Coin casting in Penjikent at the turn of the VII–VIII centuries) // Brief Communications of the Institute of Archaeology. 1976. Vol. 147. P. 43–47 (in Russian).*

Распопова 1980 – *Raspopova V. I. Metallicheskie izdeliya rannesrednevekovogo Sogda (Metal articles of Early Medieval Sogd). Leningrad: Nauka, 1980. 139 p. (in Russian).*

Распопова 1999 – *Raspopova V. I. Metallicheskie izdeliya iz Pendjikenta (Metal articles from Penjikent). St. Petersburg: Formika, 1999. 60 p. (in Russian).*

Распопова 2012 – *Пачанова В. И. Liteyny'e formy' iz Pendjikenta (Casting molds from Penjikent) // Aleksin V. A. et al. (eds.). Kul'tury' stepnoy Evrazii i ih vzaimodeystvie s drevnimi civilizაციями (Cultures of the steppe zone of Eurasia and their interaction with ancient civilizations): Materials of the International conference dedicated to the 110th birth anniversary of the outstanding Russian archaeologist M. P. Gryaznov. St. Petersburg: ИИМК РАН, «Peripheria», 2012. Vol. 2. P. 564–571 (in Russian).*

Ремпель 1977 – *Rempel L. I. Fragment bronzovoy statui verbyluda iz Samarkanda i kry'laty'y verbylud Varakhshi (k voprosu o prirode sogdiyskogo iskusstva) [Fragment of a bronze camel statue from Samarkand and the winged camel from Varakhshi (to the question of the nature of Sogdian art)] // Gafurov B. G., Litvinsky B. A. (eds.). Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekov'e: Istoriya i kul'tura (Central Asia in ancient and medieval times: History and Culture). Moscow: Nauka, 1977. P. 95–102 (in Russian).*

Смагулов и др. 2009 – *Smagulov E. A., Demidenko S. V., Erzhigitova A. A. O proishojdenii odnoy dinastii drevnego Chacha (region Sredney Sy'rdar'i) (On the origin of one of the ancient Chach dynasties) // Transoxiana. 14. Agosto 2009. URL: www.transoxiana.org/14/smagulov-demidenko-ancient_chachrus.html (in Russian).*

Смирнова 1981 – *Smirnova O. I. Svodny'y katalog sogdiyskikh monet: Bronza (Master catalogue of Sogdian coins: Bronze). Moscow: Nauka, 1981. 548 p. (in Russian).*

Сухарева 1962 – *Sukhareva O. A. Pozdnefeodal'ny'y gorod Buhara konca XIX–nachala XX veka. Remeslennaya promy'shленnost' (Late feudal town of Bukhara of the late XIX–early century. Handicraft industry). Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbek SSR, 1962. 192 p. (in Russian).*

Якубов 1975 – *Yakubov. Yu. Otchet Zeravshanskogo arheologicheskogo otryada za 1971 g. o raskopkah dvorcovogo kompleksa Gardanihisor v sel. Madm (Zeravshan Archaeological Detachment report about the 1971 excavations of the palace complex of Gardanihisor at the village of Madm) // Archaeological Works in Tajikistan. Dushanbe: Donish, 1975. Vol. 9. P. 196–209 (in Russian).*

Якубов 1987 – *Yakubov. Yu. Ya. Bronzovy'e srednevekovy'e kotly' Tadjikistana (Bronze medieval cauldrons from Tajikistan) // Negmatov N. N., Ranov V. A. (eds.). Material'naya kul'tura Tadjikistana (Material culture of Tajikistan). Dushanbe: Donish, 1987. Vol. 4. P. 135–154 (in Russian).*

BRONZE CAULDRON FROM PENJIKENT

V. I. Raspopova

In autumn of 1997, a bronze cauldron was found by chance in Penjikent, in the southern outskirts of the ancient town. There were no buildings nearby. The cauldron was battered and punctured back in the past (fig. 1, 1–5; 2, 1–2). The finds of bronze and silver vessels in the medieval layers of Central Asian towns are very rare. For instance, 60 years of excavations of the layers dated to the period from the V to the 60^{es}–70^{es} of the VIII century have yielded just one silver beaker (VI–VII cc.) and four bronze vessels (VIII c.). In addition, a clay casting mold for cauldrons was found too (fig. 1, 6). A depiction of such an object is represented in the wall paintings of Penjikent (fig. 1, 7). The weight of the cauldron is 6,3 kg. This amount of bronze was enough to cast more than one thousand coins of the realm, that is approximately 20 dirhams. It is known that a craftsman's monthly wage was 10–15 dirhams. Most likely, the cauldron was buried by its owner before the seizure of Penjikent by the Arabs in 722. It is possible that this cauldron was produced by a wandering craftsman.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЧЕТИ МАШАД-АТА В ТУРКМЕНИСТАНЕ

Д. АБДУЛЛОЕВ

Ключевые слова: Юго-Западный Туркменистан, средневековый город Дехистан, мечеть Машад-Ата, медресе, дарсхане, худжра, айван, арочная ниша, обожженный кирпич.

Keywords: Southwestern Turkmenistan, medieval town of Dekhistan, Mashad-Ata mosque, medrese, darskhane, hujra, ayvan, exedra, baked bricks.

Мечеть Машад-Ата находится в 25 км к востоку от пос. Мадав и в 1,5 км к юго-востоку от руин средневекового города Дехистан, в Балканском велаяте на юго-западе Туркменистана. Впервые это культовое здание было исследовано Г. А. Пугаченковой. Она сделала обмеры памятника и выполнила съемку его общего плана. На основании архитектурного декора и строительной техники исследовательница датировала мечеть Машад-Ата XI–XII вв. (Пугаченкова 1958: 20–25). Позднее эту датировку принял Е. Атагаррыев (Атагаррыев 1986: 35–47). Однако оба исследователя не проводили археологические раскопки сооружения. Лишь весной и осенью 2009 г. автор этих строк осуществил здесь полевые работы при финансовой поддержке Отдела охраны памятников Республики Туркменистан.

Раскоп (20 × 20 м) был разбит к северу от мечети. В результате изысканий на этом участке был открыт предположительно строительный комплекс, состоявший из 17 помещений, которые располагались по периметру квадратного двора (хонавор) (11,7 × 11,7 м) (рис. 1). Для возведения комплекса, в основном, использовали квадратные обожженные и сырцовые (т. е. необожженные) кирпичи (21 × 21 × 5 см), причем полы всех комнат были вымощены обожженным кирпичом, а их стены оштукатурены алебастровым раствором.

Двор был также вымощен обожженными кирпичами шестиугольной формы, причем поверхность этого настила имела значительный уклон в северном направлении. Во дворе обнаружены три канавки шириной 0,44 м и глубиной 8 см. Одна из них, расположенная перпендикулярно другим, протянулась с запада на восток на 9,9 м. Ее дно было выложено обожженными кирпичами. Мощение двух других канавок, расстояние между которыми составляет 3,25 м, не сохранилось. Восточное углубление протянулось на 7,4 м в направлении север–юг, западное прослежено в этом же направлении на 7,1 м (рис. 2). Эти две канавки, проложенные параллельно друг другу, соединены в южной части двора с первой канавкой, а в его северной части – с квадратным (2,2 × 2,2 м) водоемом глубиной 1,7 м. Его стены были сложены из обожженного кирпича, а дно образовано слоем плотной темно-серой глины. Канавки служили для стекания дождевой воды со двора мечети в водоем (хауз) (рис. 3, 1).

К востоку от двора находились помещения 1, 3 и 4. Квадратная комната 1 (5,3 × 5,3 м), судя по ее западной стене, которая на большом участке сохранилась

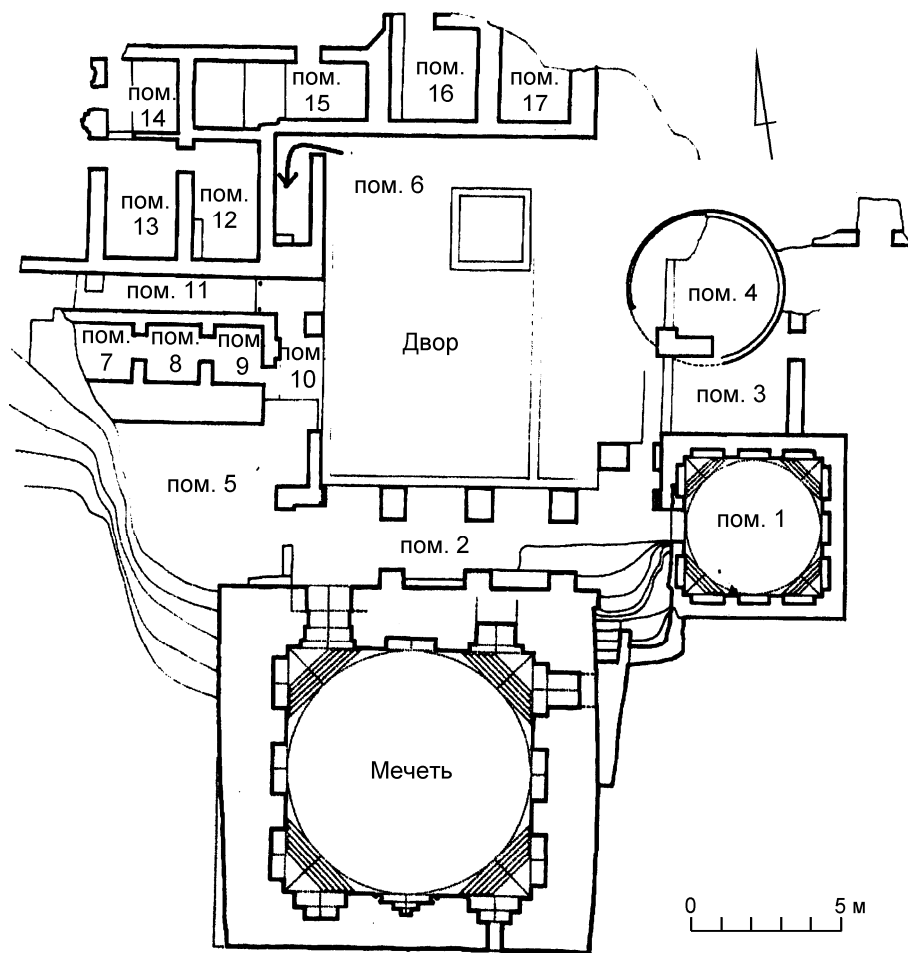

Рис. 1. Машад-Ата, план памятника (выполнен архитектором Р. Мурадовым)
 Fig. 1. Mashad-Ata, plan, drawn by the architect R. Muradov

полностью, была сложена на высоту 0,95 м из обожженного кирпича. Верхние части стен помещения, высота которых составляет 2,15 м, сооружены из сырцовых кирпичей. Поверх них, в свою очередь, уложены два ряда обожженного кирпича. Последние образовывали карниз, который выступал на 5 см от вертикали стены. В северо-западном углу комнаты над карнизом сохранилась часть тропы, сложенной из половинок обожженного кирпича. Судя по наличию тропы, можно предположить, что квадратное помещение имело купольное перекрытие. В комнате сохранились остатки 11 ниш, причем в южной, северной и восточной стенах были устроены по три ниши, а в западной – две. Ширина ниш составляла 1,5 м, а глубина – 0,45 м. В юго-западном углу помещения целиком сохранилась арочная ниша, южный пилон которой на высоту 0,8 м от пола сложен из обожженного кирпича, а вся остальная часть сделана из сырцового.

Рис. 2. Машад-Ата, остатки западной канавки во дворе

Fig. 2. Mashad-Ata, remains of the western ditch within the court-yard

Ширина южного пилона равнялась 0,25 м, северного – 0,5 м. На высоте 1,85 м от пола начинается карниз арочной ниши, который выступает от поверхности ниши на 2,5 см. Арка ниши, обмазанной слоем алебастровой штукатурки толщиной 1 см, сложена из половинок обожженных кирпичей, которые поставлены ребром в один ряд.

К северу от комнаты 1 находится прямоугольное помещение 3 (4,1 × 2,6 м), вытянутое с запада на восток. Его стены, достигающие толщины 0,8 м, сохранились на высоту 0,35–0,5 м от пола, уровень которого на 0,2 м выше уровня двора мечети. Проход шириной 2,5 м, устроенный в западной стене комнаты 3, связывал ее с двором.

Рис. 3. Машад-Ата: 1 – общий вид двора с водоемом; 2 – остатки канализационных труб в пом. 13
 Fig. 3. Mashad-Ata: 1 – general view of the court-yard with the pool; 2 – remains of sewerage tubes in room 13

К северу от помещения 3 располагалась прямоугольная комната 4, также вытянутая с востока на запад. От нее сохранились лишь небольшие участки стен в северо-восточном, северо-западном и юго-западном углах помещения, уровень пола в котором тоже превышал уровень двора мечети на 0,2 м.

В западной стене комнаты 1 сохранился арочный проход шириной 1,05 м. Он вел в помещение 2 (айван-веранда), длина которого с запада на восток

составляет 11,5 м, а ширина с юга на север – 2,7 м. На глубине 0,25–0,35 м от дневной поверхности был обнаружен верхний пол айвана, вымощенный обожженными кирпичами. На глубине 0,45–0,5 м от верхнего пола находился нижний пол комнаты, на котором были выявлены остатки трех пилонов (1,05 × 0,85 м) из обожженного кирпича, сохранившихся на высоту 45 см от нижнего пола. Расстояния между пилонами составляют 1,7 м. Напротив них в северной стене мечети находились три арочных прохода, которые были заложены во время ремонта, после которого был устроен верхний пол айвана. Таким образом, в первом периоде в мечеть попадали из айвана через упомянутые арочные проходы.

В северо-западном углу помещения 2 находился проход шириной 1,2 м, который связывал комнату с помещением 5. Ввиду того, что не все стены последнего сохранились, трудно определить его планировку. Толщина стен в сохранившейся части комнаты 5 достигала 0,85 м. Вдоль западной стены помещения на полу, который понижался с запада на восток, были обнаружены горелые пятна, видимо, от бытовых очагов. В заполнении над полом найден обломок обожженного кирпича с фрагментами арабской надписи (рис. 4), включающей три мужских имени – Асадуллах, ал-Касим и Араб (определение и чтение автора статьи), которые, возможно, принадлежали изготовителям кирпичей. Надписи были сделаны тонким, острым предметом по сырой глине до обжига кирпича.

Прямоугольное помещение 6 (3,15 × 1,5 м), вытянутое с юга на север, располагалось в северо-западном углу двора и было связано с ним проходом шириной 0,65 м, находившимся в северо-восточном углу комнаты.

Помещения 7, 8 (1,7 × 1,7 м), 9 (1,7 × 1,8 м) и 10 (2,5 × 1,05 м) лежат к северу от комнаты 5. Они ориентированы с запада на восток и связаны между собой проходами шириной 0,85 м. Размеры комнаты 7 не удалось установить из-за утраты ее западной стены.

Прямоугольное помещение 11 (7,5 × 1,5 м), вытянутое с запада на восток, находится к северу от комнат 7–10 и к западу от двора. Именно через него с улицы попадали во двор и затем проходили в мечеть. Вместо восточной стены этого помещения устроен проход шириной 1,05 м, который вел во двор мечети. В комнате 11 выявлены три уровня полов, которые понижаются в западном направлении. Уровень верхнего пола зафиксирован в восточной части помещения на площади 1,5 м × 2,25 м. Средний пол обнаружен на глубине 10 см от верхнего в средней части комнаты на площади 1,3–1,4 м × 3,4 м. На глубине 10 см от среднего пола в западной части помещения находится нижний пол на площади 1,5 м × 3,4 м. В западной стене комнаты устроен другой проход шириной 1,05 м, по которому с улицы попадали во двор мечети и в другие помещения, в том числе и в саму мечеть.

На улице перед входом в комнату 11 прослежен участок стены, тянущейся с востока на запад на 2,4 м. Ее толщина составляла 0,5 м, высота – 0,2–0,5 м. Вдоль стены сохранились остатки четырех ступенек из обожженного кирпича, которые ведут в помещение 11. Ширина первой ступеньки достигает 0,5 м, второй – 0,55 м, третьей – 0,5 м. Сохранившаяся длина первой ступеньки составляет 0,4 м, второй – 0,9 м. Высота второй и третьей ступенек насчитывает 20 см. Четвертая ступенька не сохранилась. Возможно, ее высота также равнялась 20 см. Уровень четвертой ступеньки соответствует нижнему уровню пола в западной части комнаты 11, возле выхода на улицу.

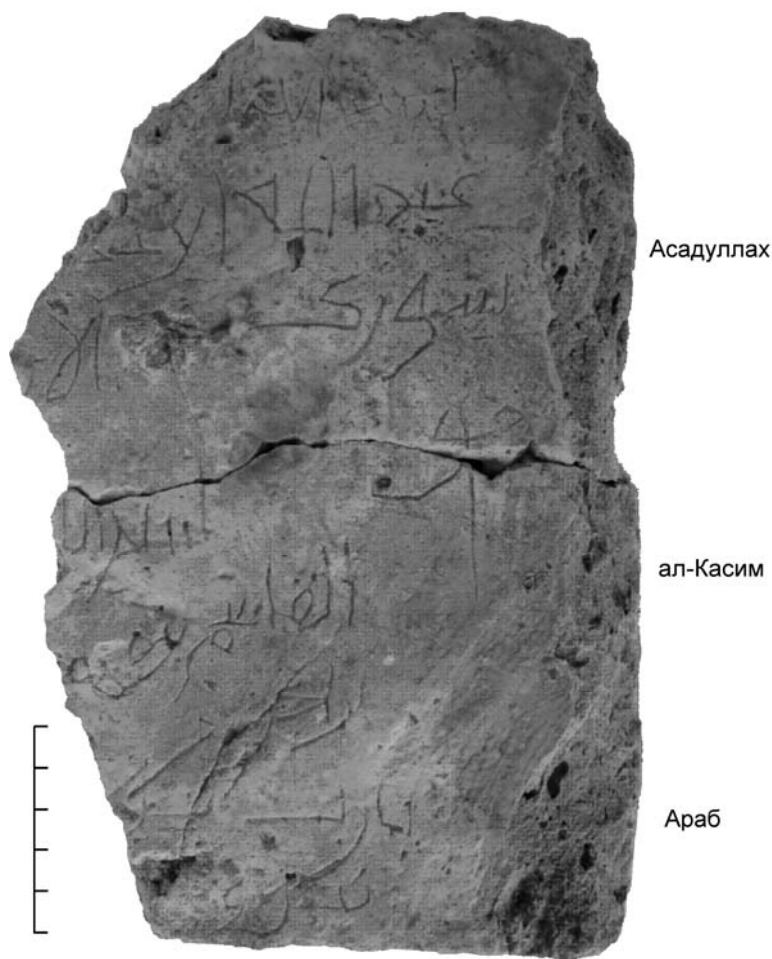

Рис. 4. Машад-Ата, арабские надписи на фрагменте обожженного кирпича
 Fig. 4. Mashad-Ata, Arabic inscriptions on a brick fragment

Особняком стоит располагавшийся к северу от помещения 11 комплекс построек из трех комнат 12–14, которые не были связаны ни с вышеупомянутым помещением, ни с двором мечети.

Прямоугольная комната 12 (4,1 × 2,15 м) вытянута с юга на север. Ее южная, восточная и западная стены возведены из обожженного кирпича. На нижней части южной стены, а также на некоторых участках восточной и западной стен выявлена алебастровая штукатурка, причем на южной и восточной стенах она имела толщину 1 см, а на западной – 0,5 см. Высота сохранившейся части южной стены составляет 0,75 м, восточной – 0,4–0,6 м, северной – 0,6 м, западной – 0,5–0,7 м. Толщина южной, восточной и западной стен достигает 0,55 м, а северной – 0,5 м.

К западной стене помещения 12, у его юго-западного угла была пристроена по линии юг–север скамейка из обожженного кирпича шириной 0,3 м, высотой

0,25 м и длиной 1,2 м. Ее стенки обмазаны алебастровой штукатуркой толщиной 0,5 см. Вымощенный обожженными кирпичами пол комнаты 12 имеет подъем в южном направлении.

В северо-западном углу помещения 12 находился проход шириной 0,6 м, который вел в соседнюю вытянутую с юга на север прямоугольную комнату 13 (4 × 2,6 м), занимавшую центральное место в рассматриваемом комплексе.

Южная, северная и западная стены помещения 13 сложены из обожженного кирпича. Высота южной стены составляла в юго-восточном углу 1,05 м, а в юго-западном углу – 0,4 м, высота северной стены достигала 0,1–0,3 м, западной – 0,2–0,4 м. Толщина южной стены равнялась 0,65 м, северной – 0,5 м, западной – 0,6 м. Восточной стеной комнаты 13 являлась западная стена соседнего помещения 12. На ней местами сохранилась алебастровая штукатурка толщиной 1 см.

Пол комнаты 13, вымощенный обожженными кирпичами, со всех сторон имеет резкий уклон к центру помещения, где находился квадратный слив (12 × 12 см) глубиной 10 см. В центре его дна устроено сквозное круглое отверстие диаметром 5 см. Судя по наличию слива, можно предположить, что эта комната служила местом для омовения, а возможно, и баней. Используемую воду отводили с помощью слива и оборудованной под западной стеной помещения канализационной системой, которая представляла собой четыре большие керамические кружки с диаметром устья 0,15 м и отбитыми доньями (рис. 3, 2). Узкое дно одной кружки вставляли плотно в устье другой без употребления строительного раствора.

К северу от комнаты 13. находилось прямоугольное помещение 14 (3 × 2 м), вытянутое с юга на север. Все стены этой комнаты сложены из обожженного кирпича. От западной стены в юго-западном углу помещения сохранился отрезок протяженностью 0,8 м, от южной – длиной 1,4 м, от восточной – протяженностью 2–2,5 м, от северной – длиной 0,6–0,8 м. Сохранившаяся высота западной стены составляет 0,15 м, южной – 0,1–0,4 м, восточной – 0,2–0,5 м. Толщина западной, восточной и северной стен достигает 0,6 м, южной – 0,5 м. На восточной стене местами сохранилась алебастровая штукатурка толщиной 1 см.

Пол комнаты 14 был вымощен обожженными кирпичами. С улицы в это помещение попадали через проход, который находился в северной стене комнаты. От прохода сохранилась лишь южная щека. Уровень пола возле прохода располагался на 10 см ниже, чем в остальной части помещения.

Комнаты 12–14, связанные проходами, образуют единый комплекс, причем помещение 14, куда попадали с улицы, использовали, видимо, как предбанник. Здесь люди раздевались и проходили в комнату 13, где мылись, а затем в помещение со скамейкой (12), где отдыхали.

Комнаты 15–17 находятся к северу от двора мечети. Стены прямоугольного вытянутого с запада на восток помещения 15 (1,9 × 5,8 м) сохранились на высоту 0,5–0,8 м, их толщина составляет 0,8 м. Пол в западной части комнаты располагался на 22 см выше, чем в восточной. В северной стене помещения обнаружен проход шириной 0,85 м, через который в эту комнату попадали с улицы.

К востоку от помещения 15 находилась прямоугольная комната 16 (3,5 × 2 м), вытянутая с юга на север. Ее стены сохранились на высоту 0,5–0,7 м, а их толщина составляет 0,85 м. Единственный проход шириной 0,8 м, устроенный в северо-западном углу помещения, вел на улицу.

К востоку от комнаты 16 располагалось прямоугольное вытянутое с юга на север помещение 17 (предположительные размеры $3,5 \times 2,5$ м), от которого сохранились западная, южная и частично восточная стены, целиком утрачена северная. Стены сохранились на высоту 0,4–0,5 м, их толщина достигает 0,8 м.

Таким образом, в результате раскопок был обнаружен обширный двор, по периметру которого выявлены остатки 17 помещений. Помещение 1, судя по наличию арочных ниш в стенах, могло служить книгохранилищем и местом обучения. Учебными комнатами (дарсхане) также являлись помещения 3 и 4. Комнату 5, судя по остаткам копоти и красных пятен на ее северной стене и на полу, возможно, использовали как кухню. Помещение 6 служило в качестве кладовой. Комнаты 10 и 11 являлись проходными коридорами. Помещения 12–14 с канализационной системой использовали как место омовения или баню (гармабе). Комнаты 7–9, 15–17 служили кельями (худжрами) для одного или двух студентов.

По данным стратиграфии можно выделить два периода существования памятника. Судя по керамическому материалу, обнаруженному на полах помещений и в айване (пом. 2), ранний период относится к IX–X вв., а поздний – к XI–XII вв.

Рассмотрим вопрос о функциональном назначении раскопанного мною архитектурного комплекса. Одним из центров просвещения в средневековом городе Востока являлось медресе – религиозная мусульманская школа, где обучали грамоте, теологии, философии, музыке, каллиграфии, истории и литературе. Кроме того, обучение было организовано и при мечетях. Как свидетельствуют письменные источники, первые медресе в городах Средней Азии появились в X в. (Бартольд 1964: 30–31; Мирбабаев 1980). В медресе, построенном в XI в. в Самарканде по приказу Тамгач-хана, одного из Караханидов, обучались около 50 студентов. По сведениям письменных источников и по этнографическим данным, комплекс медресе состоял из обширного двора, по периметру которого располагались мечеть, учебные и хозяйственно-бытовые постройки, а также маленькие кельи (худжры) для одного или двух студентов (Бартольд 1964: 125–127; Айни 1970: 56). Судя по археологическим данным, почти аналогичную планировку строительному комплексу, раскопанному при мечети Машад-Ата, имеют остатки медресе XI в. на городище Афрасиаб в Узбекистане (Немцова 1974), медресе XII–XIII вв. на городище Дехистан на юге Туркменистана (Атагарьев 1986: 70–75) и медресе XI–XII вв. Ходжа Машад в Таджикистане (Мукимов, Мамаджанова 1990: 75–77). Такая же планировка легла в основу более поздних средневековых медресе Средней Азии, например, в Самарканде (Тилля-кари, XVI в.; Шир-дор, XVII в.) (Лавров 1950: 102–103) и в Гиссаре (Кухна, XVI–XVII вв.; Бретаницкий 1950: 199–202). Медресе Тилля-кари включало обширный двор, вокруг которого с трех сторон располагались худжры (кельи), а с четвертой – мечеть. Медресе Кухна представляет собой обширный замкнутый двор, три стороны которого окружены рядом небольших изолированных помещений – худжр. По фасадной стороне находились мечеть и учебная комната – дарсхане. Итак, сопоставляя археологические материалы, сведения письменных источников и этнографические данные с планировкой комплекса в Машад-Ата (Юго-Западный Туркменистан), можно предположить, что здесь обнаружено одно из самых ранних медресе в Средней Азии.

Литература

- Айни 1970 – *Айни С. Ёдоштхо*. Душанбе: Ирфон, 1970. 447 с. (на тадж. яз.).
- Атагарриев 1986 – *Атагарриев Е.* Дехистан. Л.: Наука, 1986. 174 с.
- Бартольд 1964 – *Бартольд В. В.* Улугбек и его время // Соч. Т. 2, кн. 2. М.: Наука, 1964. С. 25–178.
- Бретаницкий 1950 – *Бретаницкий Л. С.* Архитектурные памятники Гиссара // А. Ю. Якубовский (отв. ред.). Тр. Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. Т. 1. 1946–1947 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 199–206 (МИА. № 15).
- Лавров 1950 – *Лавров В. Л.* Градостроительная культура Средней Азии. М.: Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1950. 173 с.
- Мирбабаев 1980 – *Мирбабаев А. К.* Из истории учебных заведений эпохи Абуали Ибн Сино // Н. Н. Негматов (отв. ред.). Абуали Ибн Сино и его эпоха. Душанбе: Дониш, 1980. С. 51–57.
- Мукимов, Мамаджанова 1990 – *Мукимов Р. С., Мамаджанова С. М.* Зодчество Таджикистана. Душанбе: Маориф, 1990. 174 с.
- Немцова 1974 – *Немцова Н. Б.* Медресе Тамгач-Богра-хана в Самарканде // Гулямов Я. Г. (отв. ред.). Афрасиаб. Ташкент: ФАН, 1974. Вып. 3. С. 125–140.
- Пугаченкова 1958 – *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана по рабовладения и феодализма. М.: Наука, 1958. 492 с.

Literature

- Айни 1970 – *Aini S. E'doshtho (Yodoshtkho)*. Dushanbe: Ifron, 1970. 447 p. (in Persian).
- Атагарриев 1986 – *Atagaryev E.* Dekhistan. Leningrad: Nauka, 1986. 174 p. (in Russian).
- Бартольд 1964 – *Bartold V. V.* Ulugbek i ego vremena (*Ulugbek and his time*) // *Bartold V. V.* Collection works. Vol. 2, part. 2. Moscow: Nauka, 1964. P. 25–178 (in Russian).
- Бретаницкий 1950 – *Bretanitsky L. S.* Arhitekturny'e pamyatniki Gissara (*Architectural monuments of Hissar*) // *Yakubovsky A. Yu.* (ed.). Trudy' Sogdiysko-Tadjikskoy arheologicheskoy e'kspedicii (*Proceedings of the Sogd-Tajik Archaeological expedition*). Vol. 1. 1946–1947. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1950. P. 199–206 (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR. No. 15) (in Russian).
- Лавров 1950 – *Lavrov V. L.* Gradostroitel'naya kul'tura Sredney Azii (*Town building culture in Central Asia*). Moscow: State Publishing House for Architecture and Building, 1950. 173 p. (in Russian).
- Мирбабаев 1980 – *Mirbabaev A. K.* Iz istorii uchebny'h zavedeniy e'pohi Abuali Ibn Sino (*From the history of educational establishments of the Abu Ali Ibn-Sino time*) // *Negmatov N. N.* (ed.). *Abuali Ibn Sino i ego e'poha (Abu Ali Ibn-Sino and his epoch)*. Dushanbe: Donish, 1980. P. 51–57 (in Russian).
- Мукимов, Мамаджанова 1990 – *Mukimov R. S., Mamadzhanova S. M.* Zodchestvo Tadjikistana (*Architecture of Tajikistan*). Dushanbe: Maorif, 1990. 174 p. (in Russian).
- Немцова 1974 – *Nemtsova N. B.* Medrese Tamgach-Bogra-hana v Samarkande (*Tamgach-Bogra-khana medrese in Samarkand*) // *Gulyamov Ya. G.* (ed). *Afrasiab*. Tashkent: Fan, 1974. Vol. 3. P. 125–140 (in Russian).
- Пугаченкова 1958 – *Pugachenkova G. A.* Puti razvitiya arhitektury' Yujnogo Turkmenistana pory' rabovladieniya i feodalizma (*Ways of development of the architecture of South Turkmenistan in the epochs of slavery and feudalism*). Moscow: Nauka, 1958. 492 p. (in Russian).

ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS OF THE MASHAD-ATA MOSQUE IN TURKMENISTAN

D. Abdulloev

The mosque of Mashad-Ata is situated 25 km of the modern settlement of Madav and 1,5 km north-west of the ruins of medieval Dakhistan, in the Balkan velayat, Southwestern Turkmenistan. In 2009, thanks to the financial support from the Department of Monuments Protection of the Republic of Turkmenistan, the author con-

ducted excavations of the area to the north of the mosque. As a result of this work a complex of 17 rooms was exposed. They were arranged over the perimeter of a square court-yard ($11,7 \times 11,7$ m) (fig. 1), paved with hexagonal baked bricks. Remains of three shallow ditches were found on the floor. The western ditch, which has preserved better than the other two, is 7,4 m long (from south to north), 0,44 m wide, and 8 cm deep (fig. 2). In the northern part of the court the ditches join a square water pool ($2,2 \times 2,2$ m), which is 1,7 m deep. Its walls were laid of baked bricks. The rain water flowed through the ditches down to the pool (fig. 3, 1). To the east of the court-yard there were rooms 1, 3, 4, which served for educational purposes (dastarkhane). Room 1, with its high and deep niches for storing books, might also have served as a library. To the west and north of the yard there were small living rooms 7–9, 15–17 (hujras), intended for single or double residence. A complex of three rooms (12–14) was exposed to the north-west of the palace, and one of them (room 13) was equipped with a sewerage system (fig. 3, 2). The excavation of room 5 yielded a unique find: a fragment of a baked brick with Arabic inscriptions (fig. 4). The mosque existed during two periods: the early one appears to fall on IX–X cc., while the late period on the XI–XII cc.

ХРОНИКА

РАСШИРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА И ОТДЕЛА АРХЕОЛОГИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КАВКАЗА ИИМК РАН, ПОСВЯЩЕННОЕ 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. М. БЕЛЕНИЦКОГО (1904–1993) – КРУПНЕЙШЕГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ В ОБЛАСТИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В. А. АЛЁКШИН

Александр Маркович Беленицкий был тесно связан с главным археологическим учреждением Ленинграда/Санкт-Петербурга в течение 57 лет. За эти годы он внес огромный вклад в исследование средневековых древностей Центральной Азии. Отдавая должное научным заслугам Александра Марковича, Ученый совет ИИМК РАН и Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа провели 26 марта 2014 г. совместное заседание, приуроченное к 110-й годовщине со дня рождения А. М. Беленицкого. С докладом об основных вехах исследовательской деятельности ученого выступил заведующий Отделом археологии Центральной Азии и Кавказа к. и. н. В. А. Алёкшин.

Александр Маркович Беленицкий родился 24 марта 1904 г. в дер. Лобино Велижского уезда Витебской губ. (ныне Усвятский р-н Смоленской обл.), в крестьянской семье.¹ В 1920 г. он переехал в Смоленск. Здесь Александр Маркович два года трудился рабочим на лесопилке. Одновременно он поступил на рабфак при Смоленском университете, который окончил в 1924 г., а затем до 1927 г. учительствовал в различных областях СССР.

С 1927 по 1930 г. Александр Маркович, переехав в Ташкент, учился на Восточном факультете Среднеазиатского государственного университета. После завершения обучения он получил квалификацию, как сказано в документе того времени, педагога-преподавателя языка таджикско-персидского. Из столицы Узбекистана Александр Маркович был направлен на работу в Таджикистан, где по 1934 г. преподавал в различных учебных заведениях Сталинабада и Ленинабада, он также являлся методистом Народного Комиссариата Просвещения Таджикской ССР и составителем первого таджикского букваря.

¹ При написании данной хроники использовано личное дело А. М. Беленицкого, хранящееся в Рукописном Отделе Научного архива ИИМК РАН (НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, д. 466).

А. М. Беленицкий, 1979 г.
A. M. Belenitsky, 1979

В 1934 г. Александр Маркович приехал в Ленинград и поступил в аспирантуру вновь открывшегося исторического факультета ЛГУ, где начал углубленно изучать историю Средней Азии и Ирана. В 1937 г. он завершил аспирантуру по специальности историк-востоковед с предоставлением текста кандидатской диссертации, которую он защитил 15 мая 1938 г. Квалификационная работа Александра Марковича носила название «Сербедары в Иране» и была посвящена антимонгольскому движению в Хорасане в XIV в.

Еще будучи в аспирантуре, Александр Маркович был зачислен в Государственную Академию истории материальной культуры с 1 мая 1936 г. исполняющим обязанности старшего научного сотрудника Института истории феодального общества, по совместительству на половину оклада, а с 3 ноября 1937 г. он становится младшим научным сотрудником Сектора Средней Азии/Сектора Средней и Центральной Азии в Институте истории материальной культуры АН СССР.

1930-е годы трагичны в истории нашего государства. Многие невинные люди пострадали в ходе развернувшихся в стране репрессий, обусловленных борьбой за власть различных течений в правящей Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Зачастую причины ареста были непредсказуемы, например, наличие родственников в зарубежных государствах. В этом отношении

Александр Маркович, дядя которого по материнской линии еще до революции эмигрировали в США и в Австралию и с которыми он не поддерживал связи, не мог чувствовать себя спокойно.

Однако репрессии обошли Александра Марковича стороной. С 1938 по 1941 г. он работает в ИИМК АН СССР, читает курсы лекций по истории Ирана и Средней Азии на филологическом факультете ЛГУ. Ученый владел не только европейскими языками (немецкий, английский и французский), но и восточными (таджикский, персидский и арабский). Благодаря знанию арабского языка Александр Маркович впоследствии перевел с арабского языка книгу Бируни «Минералогия», опубликованную в 1963 г. и переизданную в Санкт-Петербурге в 2011 г.

С началом Великой Отечественной войны Александр Маркович в рядах народного ополчения, а 7 августа 1941 г. возвращается в стены ИИМК. Он пережил самую страшную блокадную зиму 1941/42 г. в осажденном германскими войсками Ленинграде, а затем в конце лета 1942 г. был эвакуирован и оказался вместе с некоторыми другими сотрудниками ИИМК в Ташкенте, где с трудом оправлялся после дистрофии. Несмотря на плохое самочувствие, он приступил к работе в архиве, где разбирал фонд документов бухарских эмиров.

28 июля 1943 г. Александр Маркович был призван в действующую армию и служил в 4-й ударной армии, входившей в состав Калининского, а затем 1-го Прибалтийского фронтов. За выполнение заданий командования лейтенант Беленицкий был награжден в 1944 г. Орденом Красной Звезды, а также медалью. В 1985 г. он награжден Орденом Отечественной войны II степени.

После демобилизации в 1945 г. Александр Маркович возвращается в Ленинградское отделение ИИМК на должность с. н. с. в Сектор Средней и Центральной Азии (с 1951 г. Сектор Средней Азии и Кавказа Ленинградского отделения Института археологии АН СССР). С 1946 г. он участвует в работах Согдийско-Таджикской (впоследствии Таджикской) экспедиции ЛОИИМК, являясь вначале начальником ее Вахшского, а с 1954 г. – Пенджикентского отрядов. В 1948 г. он становится заместителем начальника экспедиции, а в 1954 г. начальником Таджикской (впоследствии Пенджикентской экспедиции). В этой должности он пребывал до 1979 г. В 1947 г. Александр Маркович получил звание доцента ЛГУ.

В 1967 г. Александр Маркович защитил докторскую диссертацию по обобщающему докладу «Древний Пенджикент – раннефеодальный город Средней Азии». Исследованию этого памятника Беленицкий отдал более 30 лет. Благодаря работам возглавляемой им экспедиции Пенджикент стал единственным домусульманским памятником Центральной Азии, изучая который, археологи в соответствии со стратиграфией и найденными артефактами выявили мельчайшие изменения материальной и духовной культуры горожан, пережившей в своем развитии несколько этапов, которые датируются для V–VII вв. с точностью до 50 лет, а для VIII в. – с точностью до 25 лет. Итоги изучения этого города были обобщены в коллективной монографии: А. М. Беленицкий, О. Г. Большаков, И. Б. Бентович «Средневековый город Средней Азии» (Л., 1973).

Благодаря исследованиям Беленицкого мировая археологическая наука узнала о замечательных памятниках изобразительного искусства, архитектуры и материальной культуры согдийского города поры раннего средневековья. Им опубликованы фундаментальные труды «Монументальное искусство Пенджикента» (М., 1973) и «Mittelasiens – Kunst der Sogden» (Leipzig, 1980).

Научные заслуги Александра Марковича были по достоинству оценены отечественной наукой. 29 мая 1975 г. он стал заслуженным деятелем науки Таджикской ССР, а в 1984 г. – лауреатом Государственной премии Таджикской ССР имени Абу-Али-ибн Сина.

Александр Маркович воспитал ряд учеников, ныне работающих в центральноазиатских республиках СНГ, причем самый весомый вклад он внес в подготовку научных кадров Таджикистана. Им написан ряд важных разделов в многотомной «Истории таджикского народа».

С 1979 г. Александр Маркович являлся старшим научным сотрудником-консультантом ЛОИА АН СССР, не порывая связи с научным коллективом, в котором продолжал свои плодотворные археологические изыскания. Александр Маркович скончался 15.6.1993 г. в Санкт-Петербурге на девяностом году жизни.

Изучение согдийской цивилизации в стенах Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН продолжают ныне его коллеги и ученики, которые сделали свои сообщения после выступления В. А. Алёхина. Содержательный доклад о раскопках жилой архитектуры Пенджикента представила д. и. н. В. И. Распопова (доклад опубликован – Распопова 2014). Вопрос о согдийских культурных традициях рассмотрел к. и. н. Д. Абдуллоев в сообщении «Доисламские традиции виноделия в Центральной Азии». В докладе к. и. н. В. А. Завьялова «Обращение к манихейству в работах А. М. Беленицкого» было показано, как исследователь трактовал это религиозное учение, распространенное в Центральной Азии в позднеантичную и раннесредневековую эпохи. В сообщении к. и. н. В. П. Никонорова «О термине ‘sagaris’ как обозначении оружия древних иранцев» была предложена классификация боевых топоров древних иранцев в эпоху Ахеменидов.

После завершения официальной части заседания его участники, включая родных и близких Александра Марковича, поделились воспоминаниями о нем в неформальной обстановке.

Литература и источники

Распопова 2014 – *Распопова В. И.* Здание VII века в Пенджикенте // ЗИИМК. 2014. № 9. С. 141–151. НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, д. 466.

Literature and archive sources

Распопова 2014 – *Raspopova V. I.* Zdanie VII veka v Pendjikente (*A building of the VII century in Penjikent*) // Transactions of IHMC RAS. 2014. No. 9. P. 141–151.
Science Archive of IHMC RAS, Section of manuscripts, fond 35, register 1, file 466.

**РАСШИРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА
И ОТДЕЛА ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИИМК РАН, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ И. Г. ШУРГАЯ
(1934–1982)**

В. А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ, С. В. КАШАЕВ

7 мая 2014 г. в Дубовом зале Института истории материальной культуры РАН состоялось расширенное заседание Ученого совета и Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное памяти Игоря Георгиевича Шургая. Заседание было приурочено к 80-летию со дня его рождения. На заседании присутствовали сотрудники ИИМК РАН, Государственного Русского музея и Государственного Эрмитажа.

Игорь Георгиевич Шургая отдал ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) почти четверть века, с 1958 по 1982 г. Здесь в 1967 г. он успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Керамическое производство Александрии Египетской эпохи эллинизма (III–I вв. до н. э.)».

В течение ряда лет (1971–1975, 1979–1982 гг.) И. Г. Шургая возглавлял Группу античной археологии. Основной сферой его научных интересов были античная культура и археология Северного Причерноморья, история Боспорского царства, Александрия Египетская эпохи эллинизма, а в плане археологических исследований – городище Илурат первых веков нашей эры.¹

На заседании была представлена серия научных докладов и сообщений, посвященных воспоминаниям о И. Г. Шургая и различным аспектам античной археологии.

Открыл заседание зам. директора ИИМК РАН О. И. Богуславский, который приветствовал собравшихся и произнес вступительное слово. Далее заседание вел председатель – заведующий Отделом истории античной культуры д. и. н. В. А. Горончаровский.

Первым выступил В. А. Горончаровский с докладом «Слово об Игоре Георгиевиче Шургая». В докладе излагались факты биографии И. Г. Шургая и личные воспоминания автора, а также была освещена история исследования Илурата, изложены краткие результаты новых работ на памятнике в 2013 г., возобновившихся после тринадцатилетнего перерыва, и перспективы дальнейших исследований.

Затем выступила к. и. н. М. Ю. Вахтина с сообщением «Некрополь Порфмия (по материалам раскопок 2004–2012 гг.)», в котором обобщались результаты первых систематических раскопок на некрополе Порфмия, открытом в 2003 г. За несколько полевых сезонов на некрополе была исследована серия каменных склепов, грунтовых и плитовых могил античного времени.

В своем сообщении «Крымская война и керченские археологи», подготовленном на основании материалов Научного архива ИИМК РАН, д. и. н. Ю. А. Виноградов рассказал о малоизвестных эпизодах жизни и работы российских архео-

¹ Подробнее об И. Г. Шургая см.: Виноградов, Горончаровский 2004; Горончаровский 2004.

И. Г. Шургая, 1972 г.
I. G. Shurgaya, 1972

логов на Керченском п-ове во время Крымской войны 1853–1856 гг. Особенно подробно были освещены деятельность директора Керченского музея древностей А. Е. Люценко, проведенные им в этот период раскопки и работа по эвакуации и спасению музея.

После заседания в неформальной обстановке продолжились воспоминания о И. Г. Шургая и было высказано пожелание опубликовать прозвучавшие в этот день сообщения в одном из выпусков «Записок ИИМК РАН».

Литература

Виноградов, Горончаровский 2004 – Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А. Слово об учителе // АВ. 2004. № 11. С. 391–393.

Горончаровский 2004 – Горончаровский В. А. И. Г. Шургая как исследователь античного Боспора: (К 70-летию со дня рождения) // Мавродинские чтения 2004. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 239–240.

Literature

Виноградов, Горончаровский 2004 – Vinogradov Yu. A., Gogoncharovsky V. A. Slovo ob uchitele (*A word about the teacher*) // Archaeological News. 2004. Nr. 11. P. 391–393 (in Russian).

Горончаровский 2004 – Gogoncharovsky V. A. I. G. Shurgaya kak issledovatel' antichnogo Bospora (К 70-letiyu so dnya rojdeniya) [*Shurgaya as the researcher of Ancient Bosphorus (to the 70th birth anniversary)*] // Mavrodinskije chteniya 2004 (*2004 Mavrodin Readings*). St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2004. P. 239–240 (in Russian).

Список сокращений

- АВ – Археологические вести. СПб.: Дмитрий Буланин.
- АИ – Археологические изыскания. СПб.
- АИМ – Археологические исследования в Молдавии. Кишинев.
- АН – Академия наук.
- АО – Археологические открытия. М.
- АРТ – Археологические работы в Таджикистане. Душанбе: Изд-во АН Таджикской ССР/Дониш.
- ВАС – Всероссийский археологический съезд.
- ВГПИ – Воронежский государственный педагогический институт.
- ВГУ – Воронежский ГУ.
- ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи.
- ГАВО – Государственный архив Воронежской обл.
- ГИМ – Государственный Исторический музей. М.
- ГУ – Государственный университет.
- ДБ – Древности Боспора. М.: ИА РАН.
- ЗИИМК – Записки ИИМК РАН. СПб.: Дмитрий Буланин.
- ЗИН – Зоологический институт РАН.
- ИА – Институт археологии.
- ИИАЭ – Институт истории, археологии и этнографии.
- ИИМК – Институт истории материальной культуры. Л./СПб.
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН. М.; Л.
- КСИА АН СССР – Краткие сообщения Института археологии АН Украинской ССР. Киев.
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
- ЛОИА – Ленинградское отделение ИА АН СССР.
- ЛОИИМК – Ленинградское отделение ИИМК АН СССР.
- МАК – Материалы по археологии Кавказа / Под ред. графини В. Уваровой. М.: Императорское Московское археологическое общество.
- МГУ – Московский ГУ им. М. В. Ломоносова.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР/Наука.
- МПАЭ – Материалы Пенджикентской археологической экспедиции.
- МФ – Молдавский филиал АН СССР. Кишинев.
- НА (НОА) – Научный (научно-отраслевой) архив.
- НАН – Национальная Академия наук.
- НАР – Нахичеванская Автономная Республика.

НИИ	– Научно-исследовательский институт.
НУ	– Национальный университет.
НЦ	– Научный центр.
ПЖЛ	– Повторно-жильный лед.
РАН	– Российская Академия наук.
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд. М.
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.; Л.
СПбГУ	– Санкт-Петербургский ГУ.
СТС	– Сезонно-талый слой.
ТАЭ	– Таджикская археологическая экспедиция.
ТД	– Тезисы докладов.
Тр.	– Труды.
ЦЧР	– Центральное Черноземье России.
ЮТАКЭ	– Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
AI der UAW	– Archäologisches Institut der Ungarischen Akademie der Wissenschaften. Budapest.
BAR. IS	– British archaeological Reports. International Series.
CVA	– Corpus Vasorum Antiquorum.
ИНМС	– Institute for the History of Material Culture. Sankt-Petersburg.
JAS	– Journal of Archaeological Science.
KST	– Kazı Sonuçları Toplantısı. Ankara.
MittAI Beih.	– Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften. Beiheft. Budapest.
MKKS	– Müze Kurtarma Kazıları Semineri. Ankara.
NAR	– Nakhchivan Autonomous Republic.
PBF	– Prähistorische Bronzefunde. München; Stuttgart.
RA	– Revista Arheologică. Chişinău.
RAS	– Russian Academy of Sciences.
RGZM	– Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz.
SN	– Serie nouă.
VSU	– Voronezh State University.

**Список авторов статей, опубликованных
в «Записках ИИМК РАН», № 10**

Абдуллоев Даврон	– Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.
Алёкшин Вадим
Андреевич	– Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.
Ахундов Туфан
Исаак оглу	– Азербайджан, AZ-1143, Баку, пр. Г. Джавида, 115. Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, Отдел энеолита и ранней бронзы.
Бахшалиев Вели
Бахшали оглы	– Азербайджан, Нахичевань, ул. Г. Алиева, 76. НАН Азербайджана. Нахичеванское отделение.
Горончаровский
Владимир Анатольевич	– Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел истории античной культуры.
Захарова Елена
Юрьевна	– Россия, 394006, Воронеж, Университетская площадь, 1. Воронежский государственный университет, исторический факультет, кафедра археологии и истории древнего мира.
Кашаев Сергей
Владимирович	– Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел истории античной культуры.
Кашуба Майя
Тарасовна	– Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.
Кирчо Любовь
Борисовна	– Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.
Павлова Елена
Юрьевна	– Россия, 199397, Санкт-Петербург, ул. Беринга, 38. Арктический и антарктический НИИ, Отдел географии полярных стран.
Питулько Владимир
Викторович	– Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита.
Распопова Валентина
Ивановна	– Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.
Резепкин Алексей
Дмитриевич	– Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.
Степанова Ксения
Николаевна	– Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита.
Стоянов Роман
Владимирович	– Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел истории античной культуры.
Трифонов Виктор
Анатольевич	– Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.
Ерим-Оздоган
Аслы	– Турция, 17100, г. Чанакале. Университет 18 Марта, естественно-гуманитарный факультет, кафедра археологии.

Научное издание

**ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
№ 10**

Редактор *Е. А. Гольдич*
Корректор *Е. А. Гольдич*
Верстка *Н. В. Коробовой*

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию», книга предназначена «для детей старше 16 лет».

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93; 95 3001 — книги,
95 3150 — литература по истории и историческим наукам

Подписано в печать 08.12.2014. Формат 70×100/16.
Гарнитура Newton. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 13,15. Печ. л. 13.
Тираж 300 экз. Заказ 3386.

Первая Академическая типография «Наука»
199034, С.-Петербург, 9-я линия, 12/28

ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
197110, С.-Петербург, ул. Петрозаводская, 9, лит. А, пом. 1Н
Телефон/факс: (812) 230-97-87
sales@dbulanin.ru (отдел реализации)
postbook@dbulanin.ru (книга – почтой)
redaktor@dbulanin.ru (издательский отдел)
<http://www.dbulanin.ru>